

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

Dyble
ru

БЕСѢДЫ И ПОУЧЕНІЯ

НИКАНОРА

ЕПИСКОПА

ХЕРСОНСКАГО И ОДЕССКАГО.

ТОМЪ II.

ОДЕССА.

Типографія Окружн. Штаба Одесск. Воен. Округа.

1885.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

Печатать дозволяется. Одесса, 10 Июня 1884 года. Цензоръ Протоіерей
Алексій Соловьевъ.

Сурж
548

549.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Бесѣда на новый (1883) годъ.	1
Поученіе въ день памяти святыхъ тріехъ святителей и поминовѣнія (по случаю столѣтняго юбилея) въ Божѣ почившаго святителя московскаго Филарета, 30-го Января 1883 года.	21
Поученіе на вечернѣ въ недѣлю сыропустную (прощеный день).	44
Поученіе на 19-е Февраля 1880 г., на день исполнившагося 25-лѣтія со времени восшествія на престолъ благочестивѣйшаго государя императора Александра Николаевича.	63
Бесѣда на 1-е Марта 1883 года, о клятвѣ Богомъ.	85
Поученіе въ день восшествія на Всероссійскій престолъ благочестивѣйшаго самодержавнѣйшаго великаго государя нашего императора Александра Александровича.	110
Поученіе на 9-е Марта, въ день памяти 40-ти Севастійскихъ мучениковъ, въ девятый день по кончинѣ въ Божѣ почившаго благочестивѣйшаго великаго государя императора Александра II.	124
Поученіе въ недѣлю крестопоклонную, въ назначенный день (15-е Марта) погребенія въ Божѣ почившаго благочестивѣйшаго великаго государя императора Александра II.	140
Поученіе въ недѣлю крестопоклонную.	153
Поученіе въ недѣлю же крестопоклонную при погребеніи Александры Ивановны Покровской.	162
Поученіе при поминовѣніи боярина Михаила Васильевича Себрякова.	173
Поученіе на 4-е Апрѣля 1880 года.	179
Поученіе на вечернѣ въ великій пятокъ.	199
Поученіе въ великую субботу.	211
Поученіе въ свѣтлый вторникъ, 3-го Апрѣля 1879 года, на благодарственномъ молебствіи о сохраненіи драгоцѣнной жизни благочестивѣйшаго государя императора Александра II отъ злодѣйскаго покушенія 2-го Апрѣля.	224
Поученіе на третій день святыхъ Пасхи въ церкви казанской духовной академіи надъ гробомъ Александры Васильевны Ивановской, супруги профессора.	227
Поученіе на четвертый день святыхъ Пасхи, Апрѣля 6-го 1865 года, въ день столѣтняго поминовѣнія Михаила Васильевича Ломоносова на мѣстѣ его погребенія въ Александро-Невской лаврѣ.	244
Поученіе въ высокаторжественный день рожденія благочестивѣйшаго императора Александра Николаевича къ воинамъ, отправляющимся въ походъ.	259

Поученіе	на молебствіи въ недѣлю св. женъ мученицъ (1-го Мая 1878 г.), при открытіи губернскаго комитета для сбора пожертвованій на добровольный флотъ, въ домѣ дворянскаго собранія въ г. Уфѣ	274
Поученіе	въ день сошествія св. Духа	285
Поученіе	въ третій день Св. Троицы предъ выборами дворянъ Уфимской губерніи	303
Поученіе	при поминаненіи въ Бозѣ почившихъ Макарія митрополита московскаго (въ сороковой день по кончинѣ) и славнаго витязя полководца Михаила Дмитриевича Скобелева	317
Поученіе	студентамъ казанской духовной академіи въ 1870 году по окончаніи курса ученія	335
Поученіе	въ церкви казанской духовной академіи на молебствіи 15-го Августа 1870 года, предъ началомъ преобразованія этой академіи по новому уставу	348
Поученіе	студентамъ казанской д. академіи при началѣ ученія въ 1879 г.	362
Поученіе	по совершеніи освященія престола въ церкви Благовѣщенскаго завода, гдѣ находится учительская семинарія.	376
Поученіе	по освященіи ново-созданнаго въ г. Уфѣ храма во имя Святителя Николая Чудотворца	387
Поученіе	въ день памяти святыхъ мученицы Софіи и трехъ ея дочерей, Вѣры, Надежды и Любви, въ церкви уфимской мужской гимназіи	399
Поученіе	на молебствіи при открытіи училища землемѣрія въ г. Уфѣ 27-го сентября 1879 года	412
Поученіе	въ недѣлю 22-ю, по случаю побѣды при Торномъ-Дубнякѣ и кончины благовѣрнаго князя Сергія Максимиліановича, на брани животъ свой положившаго	421
Речь,	произнесенная 23-го Ноября 1879 года, на благодарственномъ молебствіи о сохраненіи драгоценной жизни благочестивѣйшаго государя императора Александра II отъ злодѣйскаго покушенія 19-го Ноября	435
Поученіе	на молебствіи при открытіи мѣщанской богадѣльни въ г. Уфѣ, 23-го ноябля 1879 года	439
Поученіе	въ день столѣтняго поминаненія въ Бозѣ почившаго благочестивѣйшаго государя императора Александра I.	445
Поученіе	при погребеніи инспектора уфимской духовной семинаріи Льва Степановича Суходольскаго, 23-го декабря 1882 г.	461
Поученіе	при погребеніи Іосифа Петровича Самохвалова, въ церкви казанской духовной академіи	469
Поученіе	на заупокойной литургіи, надъ гробами святителей Фларета, Арсенія и Филоея, митрополитовъ кievскихъ	474

БЕСѢДА (*)

НА НОВЫЙ (1883) ГОДЪ.

Братіе, блюдитесь, да никтоже васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію, по прел. лю человеческому, по стихіамъ міра, а не по Христу.—Кол. 2, 8.

На новое наступившее лѣто св. апостолъ Павелъ снова повторяетъ намъ свой вѣковѣчный урокъ—беречься, чтобы не прельстилъ насъ кто философіею и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человеческому, по стихіямъ міра, а не по Христу. Это уполномочиваетъ и насъ опять сказать вамъ нѣсколько словъ по части философіи. Это даже обязываетъ насъ очертить для васъ господствующее въ наше время направление философскаго суемудрія, слѣдуя достоподражаемому и обязательному примѣру древнихъ святыхъ отцовъ, которые много и сильно боролись противъ современныхъ имъ философско-еретическихъ ученій, часто весьма мудреныхъ. Стоя на высотѣ предмета и современнаго имъ философскаго мышленія, святые отцы не слишкомъ стѣснялись вопросомъ, поймутъ ли ихъ или не поймутъ. Поймутъ умнѣйшіе, передадутъ менѣе развитымъ, и такимъ образомъ составитъ общее мнѣніе, направляемое ученіемъ церковнымъ, въ про-

(*) Для вѣв-богослужебнаго собесѣдованія.

тивовѣсь общему мнѣнію, которое направляется ученіемъ анти-церковнымъ, анти-христіанскимъ. Вѣдь и насадители современной анти-христіанской науки не любятъ спускаться, въ изложеніи своихъ ученій, до площадной тривіальности. Они говорятъ и пишутъ языкомъ научнымъ и серьезнымъ, напряженнымъ и мудренымъ, часто туманнымъ и нерѣдко нарочно затмеваемымъ, чтобы туманностію иносказательной или недосказанной рѣчи прикрыть самыя радикальныя и гибельныя ученія. А второстепеннаго разряда послѣдователи главныхъ современныхъ лжеучителей разясняютъ ихъ измышленія недоучкамъ, какъ и всѣмъ желающимъ, навязывая даже нежелающимъ; иначе сказать, популяризуютъ современные теоріи, и такимъ образомъ наклоняютъ общее разумѣніе на свою сторону, отклоняя отъ прямой евангельской стези, отъ любомудрія христіанскаго, отъ разумѣнія мудрости божественной, мудрости по Христу.

Чтобъ однакоже не утомить васъ и себя и не извратить бесѣду собственно церковную въ ученую лекцію, я ставлю вашему вниманію и собственному размышленію вопросъ общій: *о причинахъ господствующаго въ последнее время направленія умовъ.*

Этотъ вопросъ поставленъ предметомъ разсмотрѣнія въ цѣлой книгѣ одного сановнаго, знатнаго и богатаго, благонамѣреннаго и благонастроеннаго, много-опытнаго и научно-образованнаго челоуѣка (*Новосельскаго* въ его книгѣ: *Соціальные вопросы въ Россіи*), гдѣ одною изъ главныхъ причинъ современнаго направленія умовъ выставляется такъ называемая эволюціонная теорія, т. е. дарвинизмъ и ученія, изъ него вытекающія, при чемъ дарвиновская теорія постепеннаго развитія больше или меньше отождествляется съ матеріализмомъ и представляется противоположною не только христіанству, но и всякой религіи и морали.

Объ этой книгѣ, объ устанавливаемомъ ею воззрѣніи на данный вопросъ сдѣланъ обстоятельный отзывъ въ одномъ ученомъ журналѣ, который по всѣмъ отраслямъ науки ратуетъ за дарвинову теорію постепеннаго развитія (*Мысль*, 1881, май). Этотъ журналъ и на сей разъ въ означенномъ отзывѣ ратуетъ за ту же теорію, такъ называемую эволюціонную, или теорію эволюціи, и доказываетъ, что эта теорія ничего общаго съ матеріализмомъ не имѣетъ; что она даже враждебна матеріалистическому міровоззрѣнію; что религія и современная наука, которая вся основана на этой теоріи, могутъ идти въ полной гармоніи другъ съ другомъ.

Означенный отзывъ объясняетъ, что, по этой теоріи, природа не могла быть всегда такою, какова она теперь, какъ училъ старый матеріализмъ, а напротивъ природа развивалась; что эта теорія отрицаетъ даже вѣчно — неизмѣнную матерію, которую утверждалъ матеріализмъ новѣйшій; что даже тѣ основные элементы вещества, которые мы знали до сихъ поръ, должны были въ свою очередь развиться изъ болѣе тонкой простой первобытной матеріи, или «первоматеріи»; что на звѣздахъ и солнцѣ существуютъ элементы, уже не существующіе у насъ, стоящіе на низшей, или точнѣе, на младшей степени развитія; что и силы природы, извѣстныя намъ, не могли всѣ явиться одновременно, что и онѣ развились, т. е. явились путемъ эволюціи; что на основаніи ученія объ эволюціи вещества и силы нынѣ отвергается прежняя чисто механическая теорія образованія міра; что если современные элементы матеріи образовались изъ первоматеріи, т. е. изъ вещества однороднаго и слѣдовательно находящагося въ равновѣсіи, — то была первоначальная сила, которая могла вывести его изъ первоначальнаго равновѣсія, и эта сила была непременно посторонняя, чуждая самому веществу; что если развитіе вещества на-

чалось, положимъ, съ того, что частицы бывшей въ равновѣсїи первоматерїи стали падать другъ на друга и этимъ образовали мѣстныя сгущенія и разрѣженія первосилы и первоэнергїи,—откуда развилось все дальнѣйшее строеніе міра,—то эволюція вещества имѣла непремѣнно извѣстный начальный моментъ во времени, который произведенъ вмѣшательствомъ силы, имѣвшей свое сѣдѣлище до начала времени еще въ вѣчности,—силы, которая своимъ вмѣшательствомъ вывела первоматерію изъ первобытнаго равновѣсія, которая не поддается нашему изслѣдованію на основаніи данныхъ опыта; что эта сила и есть не иное что, какъ *непознаваемая Творческая Воля*, чуждая изслѣдованіямъ разума и научнымъ законамъ; что если бы даже допустить, что возникающая жизнь строится на угасающей жизни цѣлыхъ міровъ, которые отживали, разрушались и снова создавались, что періодичность или пульсація есть законъ міра, что энергія міра колеблется какъ маятникъ,—то и тогда возникаетъ вопросъ, кто же далъ первый толчокъ этому міровому маятнику; что, наоборотъ, если допускать, что это колебаніе было всегда, какъ допускали матеріалисты, что оно не имѣетъ начала,—то это возможно иначе, какъ если мы отвергнемъ законъ развитія по отношенію къ этимъ колебаніямъ, а отверженіемъ этого закона мы придемъ къ старому матеріализму и атеизму; что значитъ отрицаніе творящей силы или Бога лежитъ не въ теорїи развитія, но въ ея отрицаніи, такъ какъ эта теорія непремѣнно требуетъ начала творенія, ибо развитіе не можетъ быть безъ начала; такъ какъ если предположить началомъ міра вѣчное неизмѣняющееся движеніе, то тотчасъ возникаетъ вопросъ: почему движеніе, оставаясь въ теченіи безконечности только движеніемъ, не болѣе, т. е. неизмѣняющимся движеніемъ, стало въ извѣстный періодъ развивающимся, т. е. измѣняющимся движеніемъ?

Чтоже касается механичности, или вѣрнѣе, законосообразности развитія міра, то, по рассматриваемому нами отзыву, это понятіе не имѣетъ никакого отношенія къ Божеству. Такъ всякій увѣренъ, что дерево растетъ механически и законосообразно, что и животное вырастаетъ и развивается, т. е. совершаетъ эволюцію, но это, по рассматриваемому отзыву, нисколько не вредитъ религіи; ибо самые законы и свойства вещества, вложенные въ микроскопическій зародышъ и развивающіе затѣмъ сложный высоко-развитой организмъ, съ сохраненіемъ типа, наследственности, инстинктовъ и проч., способны во всякомъ мыслящемъ умѣ возбудить самую несокрушимую религіозность; такъ какъ если наука не видитъ и не указываетъ ежеминутнаго вмѣшательства вѣшной Воли въ процессы творчества, то самымъ указаніемъ геніальной законосообразности этого творчества она убѣждаетъ въ *абсолютно сверхъ—естественномъ творествѣ самыхъ свойствъ вещества и ихъ законовъ*, въ которыхъ, какъ въ зародышѣ, лежалъ весь міръ.

Затѣмъ рассматриваемый нами отзывъ впадаетъ въ тонъ философско-религіозной проповѣди и витійствуетъ такъ: не ошибались ли до сихъ поръ люди, пытающіеся защищать религію, нападая собственно на самый матеріализмъ и боясь, что въ немъ именно заключается источникъ атеизма, и не они ли прежде всего сами виноваты, что это было дѣйствительно такъ? Мы знаемъ множество матеріалистовъ такихъ, какъ наприм. Фарадей, которые были крайне религіозными людьми и самыми горячими христіанами. Когда же люди поймутъ, что Бога слѣдуетъ искать не въ раціоналистическихъ рѣшеніяхъ вопросовъ о томъ, *что такое душа и какова она, или какъ произошелъ міръ*, такъ ли, какъ учатъ матеріалисты, или такъ, какъ учатъ идеалисты? Пусть міръ созданъ такъ или иначе,—что тутъ общаго съ

существованіемъ Бога? Не пора ли поставить вопросъ со-
сѣмъ на иную почву, давно указанную великимъ Кантомъ?
Не пора ли понять, что опроверженія матеріализма и эво-
люціи въ той формѣ, въ какой они дѣлались до Канта,
только вредятъ религіи, и что проповѣдь религіи должна
быть поставлена совсѣмъ на иную почву *внутреннюю*
чувства. Надо указать въ душахъ людей *чувство Бога*;
надо въ нихъ заложить *нравственнаго Бога*: надо имъ дать
внутри себя, въ своемъ нравственномъ мірѣ, почувство-
вать Христа, и тогда рядомъ со всякой теоріей міра ужи-
вется самая высокая религіозность. Разумъ—слуга чувства
всегда и вездѣ. *Создайте Бога внутри людей*. А внутри
людей Онъ создается однимъ: возбужденіемъ стремленій къ
идеалу, возбужденіемъ высшихъ разумно-нравственныхъ по-
требностей. Нужно прежде потребности людей сдѣлать не
матеріальными, а нравственными, и только тогда преобра-
зуются чувства, а за ними и идеи. А между тѣмъ обще-
ство все сверху до низу проникнуто *жизненнымъ мате-*
ріализмомъ. Уничтожьте *матеріализмъ* въ жизни, въ нра-
вахъ и отношеніяхъ людей къ своимъ близкимъ, къ сво-
имъ общественнымъ и государственнымъ обязанностямъ;
дайте просторъ людямъ идеала работать для идеала
любви на легальной практической почвѣ. И только этимъ
путемъ люди могутъ научиться любить, *любить людей, а*
чрезъ нихъ и Бога. А то разберите окружающую жизнь:
вездѣ *борьба*, вездѣ *сила*, вездѣ *матеріальные* интересы.
Для идеаловъ и идеалистовъ нѣтъ мѣста. И вотъ откуда
раждается *впра только въ матерію, силу и мировую борь-*
бу, въ эти *новыя божества* окружающей *языческой среды*,
вмѣсто забытаго *Бога любви и идеала всепрощающаго*
вселюблящаго Христа. При чемъ тутъ теоріи? Теоріи
сами создались на почвѣ чувствъ, а чувства, эти

злостныя, демонскія чувства, создались дѣлами, а не те-
сріями!

Сказали бы мы, что все это—превосходныя слова, глу-
бокомысленныя слова мыслителя знатока, ловкаго специа-
листа, звучныя, быть можетъ, даже благонамѣренныя съ
его точки зрѣнія слова, быть можетъ, даже искреннія по
его убѣжденію слова, но не договоренныя слова, но съ без-
численными умолчаніями слова. И сохрани Боже ихъ по-
слушаться, имъ послѣдовать, ихъ полюбить, ими увлечься.

Долгомъ своего служенія поставляемъ повторить вамъ
на новолѣтіе повторяемое св. апостоломъ предостереженіе:
Братіе! блюдите, остерегайтесь, чтобы кто не увлекъ
васъ философією и пустымъ обольщеніемъ, по преданію че-
ловѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу.

Я доскажу вамъ не досказанное этою господствующею
въ наши дни философією постепеннаго развитія или дарви-
новской эволюціи; она неразрывно связывается въ своемъ
развитіи съ философією стараго, нынѣ подновляемаго мони-
стическаго матеріализма и недавняго гегельянства. Вы сами
увидите, какого Бога, какого Христа, какую любовь, какую
нравственность эта философія проповѣдуетъ.

Въ основѣ ея лежитъ совершенно безосновательное и логи-
чески противорѣчивое предположеніе, что отъ вѣка сущест-
вуетъ единая безконечная матерія, заключающая въ себѣ
всѣ абсолютныя безконечныя свойства, за исключеніемъ
безконечныхъ сознанія и разума, свободы и благодати. А
личный Богъ всегда былъ и теперь оказывается понятіемъ
лишнимъ, ничего не объясняющимъ въ наукѣ, въ теоріи
эволюціи. Закону эволюціи, развитія, измѣняемости подчи-
нена сама абсолютная матерія, что опять и гадательно и
противорѣчиво. Изъ абсолютной матеріи развивается все,
по закону необходимости. Въ какой то извѣчный моментъ

времени образовалась изъ нея первая завязь первоматеріи, изъ которой съ теченіемъ времени мало по малу развивались первичныя силы природы, какъ то: теплота, свѣтъ, электричество, и первичные простѣйшіе элементы вещества. Какъ силы, такъ и простые элементы вещества, въ разныхъ сферахъ мірозданія, на туманныхъ звѣздныхъ пятнахъ, на звѣздахъ, на солнцѣ, землѣ и лунѣ, находятся на разныхъ степеняхъ развитія, въ разныхъ возрастахъ образованія. При помощи міровыхъ силъ, изъ образующихся простѣйшихъ, простыхъ, а затѣмъ и сложныхъ элементовъ вещества на данной степени ихъ развитія, образовались звѣздные и планетные міры, наше солнце, наша земля и т. д. безъ конца, какъ образуются и понынѣ и будутъ вновь слагаться въ безконечное время изъ міровыхъ силъ и развивающагося въ безконечномъ пространствѣ вещества, по необходимому же закону постепеннаго развитія.

Въ данный моментъ времени развивающіеся элементы вещества, согрѣваемые и оживотворяемые вліяніемъ жизненныхъ міровыхъ силъ, какъ яйцо теплотою матери — птицы, или же нагрѣтой до извѣстнаго градуса печки, достигли такой степени зрѣлости, что породили изъ себя зачатки органической жизни.

Несмотря на то, что величайшіе ученые, на основаніи самыхъ точныхъ опытовъ, отвергаютъ возможность самозарожденія органической жизни, смѣлые послѣдователи Дарвина допускаютъ не только возможность, но и дѣйствительность органическаго самозарожденія; допускаютъ, что возможность самозарожденія осуществилась или прежде когда то однажды, или даже постоянно осуществляется и понынѣ въ микроскопическомъ царствѣ, хотя бы напримѣръ

на днѣ морскомъ. А самъ Дарвинъ лицемѣрно допустилъ участіе Бога въ первоначальномъ происхожденіи жизни, въ созданіи первой живой монары, одной, двухъ, трехъ, и не болѣе пяти, однородныхъ или же разнородныхъ; это все равно. Больше ему не понадобилось; только въ этомъ пунктѣ творческое вмѣшательство и допущено имъ во всей его системѣ, а далѣе совершенно исключается. Затѣмъ Дарвинъ все остальное, все живое мірозданіе строить безъ Бога. Первая живая монара, — это — наипростѣйшее микроскопическое существо, — произвела изъ себя вторую, третью и безконечное количество монаръ. Эти монары, живя въ безконечномъ множествѣ въ безконечное время, стали сами собою разнообразиться сперва только вслѣдствіе приспособленія къ разнымъ условіямъ жизни. Къ этому въ теченіи билліоновъ вѣковъ привзошла борьба за существованіе, а, со времени образованія половъ, и половой подборъ. При законѣ наслѣдственности, сохраняющей и передающей всякое свойство родителей дѣтямъ, усовершенствованіе живыхъ существъ происходило единственно только при пособіи этихъ данныхъ: приспособленія къ условіямъ жизни, борьбы за существованіе и полового подбора, но безъ всякой разумной цѣли, безъ всякаго общаго въ природѣ разума и разумнаго плана, по чистой слѣпой случайности, единственно по закону необходимости. Такъ, на прим., глазъ, т. е. сначала первая завязь цвѣтоваго ощущенія и различія посредствомъ кожицы, а далѣе зрительный нервъ и, въ заключеніе, самый глазъ разныхъ степеней развитія образовались посредствомъ совершенно случайныхъ находокъ природы въ продолженіи милліардовъ билліоновъ лѣтъ, а сохранились наслѣдственностью и улучшились борьбою за существованіе и половымъ подборомъ. Подобнымъ же образомъ, все во всей органической природѣ

происходитъ изъ необходимости и случая, изъ случайныхъ находокъ природы, въ продолженіи почти безконечнаго времени, милліоновъ и билліоновъ вѣковъ. Отсюда дарвинизму легко было произвести всѣ отрасли органическаго царства, животно-растеній, растеній, животныхъ, разныхъ классовъ животныхъ, моллюсковъ, членистыхъ, рыбъ, пресмыкающихся, птицъ, четвероногихъ, млекопитающихъ, наконецъ человѣкообразныхъ. А эти послѣдніе, человѣкообразные, улучшивъ способъ своего стоянія и хожденія на заднихъ конечностяхъ, превративъ переднія свои конечности изъ хватающей лапы въ руку, способную брать и осязать, выдвинувъ впередъ свою лобную кость черепа, накопивъ сравнительно большее количество мозга, и замѣнивъ какъ-то и когда-то совершенно случайно свою животную рѣчь, состоявшую изъ воя, нечленораздѣльных звуковъ и междометій, въ членораздѣльную рѣчь, произвели изъ себя, вѣроятно, въ немаломъ количествѣ, и первыхъ, конечно—сперва весьма дикихъ, обезьяно-видныхъ людей, изъ которыхъ къ нашему времени, въ продолженіи многихъ тысячъ вѣковъ, развился улучшенный саксонскій типъ современнаго самого образованнаго человѣка. А какой изъ него, чрезъ какой либо милліардъ лѣтъ, разовьется типъ разумнаго существа, этого теперь предвидѣть нельзя. Но что при благоприятныхъ условіяхъ онъ улучшится, это несомнѣнно.

Разумѣется, по этой теоріи, человѣкъ отличенъ отъ животныхъ, отъ которыхъ происходитъ, какъ отъ своихъ прародичей, только количественно, а никакъ не качественно, только степенью своего развитія, а не по существу. Между человѣкомъ и высшею обезьяною органической и психической разницы меньше, чѣмъ даже между высшею и низшею обезьянами. Душа есть только высшая степень чувствительности, принадлежащей всякому живому веществу; есть

только отправленіе мозга и нервовъ, опредѣляемое въ своей степени степенью большаго или меньшаго развитія этихъ органовъ. Конечно, съ разрушеніемъ органовъ разрушается и отправленіе, т. е. душа. О безсмертіи души человѣческой можно разсуждать столько же, сколько о безсмертіи души обезьяны, лошади, воробья, щуки, мухи и т. д. Воскресенія мертвыхъ наука не знаетъ. Всякое чудо, неопредѣляемое закономъ природы, наука отвергаетъ. Всякое вмѣшательство высшей пріемной силы въ ходъ міробытія дарвинизмъ исключаетъ. Всякую свободу изъ міроразвитія онъ устраняетъ. Онъ знаетъ только законъ необходимости, законъ перемѣны или развитія, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, а при неблагопріятныхъ — законъ угнетенія и регресса, въ неорганическомъ царствѣ законъ развитія по закону химическаго сродства, а въ органическомъ царствѣ по тому же закону химическаго сродства, умноженному на законъ счастливой случайности, сохраняемой наслѣдственностью, подгоняемой приспособленіемъ, борьбою и половымъ подборомъ.

Сзади у природы, по этой теоріи, никакого сознанія, никакого разума не было. Но теперь она, по закону развитія, достигла уже высокой степени сознанія и разума. А умножьте данное достигнутое природою количество разума на законъ развитія и на безконечность вѣчности,—и въ концѣ вѣчности вы получите какъ сознаніе, такъ и разумъ безконечные. Никакой свободы, никакой благодати и любви, никакой нравственности сзади у природы не имѣлось. Природа неразумна, несвободна, безнравственна, жестокосерда до безпощадности, люта до глубокаго равнодушія. Она безсознательно создаетъ, чтобы безучастно разрушать, рождаетъ безъ любви, чтобы пожирать безъ жалости, но и безъ жадности. Зло—это нормальный порядокъ при

роды. Но развиваясь, она производит существа, способныя различать между мотивами и мотивами, способныя сочувствовать однороднымъ существамъ, способныя беречь и любить близкихъ, способныя въ высшихъ уже животныхъ предпочитать для своей дѣятельности лучшіе высшіе мотивы низшимъ и худшимъ, способныя въ семействѣ челоѡкообразныхъ и особенно въ челоѡческомъ родѣ уже опредѣляться правилами нравственности, жертвовать эгоистическими чувствованіями и стремленіями такъ называемымъ альтруистическимъ, предпочитать самолюбію любовь къ другимъ, предпоставлять низшимъ матеріальнымъ интересамъ высшіе духовные, руководиться любовью къ безконечному идеалу добра, любить безкорыстно и самоотверженно безконечное добро для добра, любить не только близкихъ, наприм. дѣтей, не только однородныхъ, наприм. людей, но и все живое въ природѣ, всякое животное, наприм. даже ядовитую змѣю, всякую травку и растеніе, наприм. даже китайское дерево, отравляющее уже своимъ запахомъ, любить всю живую природу, несмотря даже на ея слѣное неразуміе, на ея безумную, беспощадную и бездушную лютость. А умножьте достигнутую нынѣ природою степень нравственной свободы, самоотверженной любви и благости, осуществившихся примѣрно въ богочелоѡчествѣ Христа, на законъ развитія и приближенія къ идеалу любви въ продолженіе вѣчности, и вы получите осуществленіе идеала любви безконечной. А соберите достигнутую, къ настоящему моменту, на всѣхъ мірахъ во всѣхъ живыхъ существахъ сумму сознанія и разума, свободы и любви; умножьте ее на законъ развитія въ грядущую безконечную вѣчность; сложите все это съ суммою нынѣ существующихъ въ абсолютной матеріи безконечныхъ свойствъ самобытности, всемогущества, вездѣсущія и другихъ,—и тогда вы

получите безконечно совершеннаго Бога, Бога не въ прошедшемъ, не въ настоящемъ, а въ безконечно-отстоящемъ будущемъ, Бога не личнаго, а общаго, не цѣльнаго, а собирательнаго, т. е. не получите личнаго Бога никогда, во вѣки вѣковъ. Вотъ какого Бога проповѣдуетъ теорія эволюціи! Вотъ какого славить Христа,—Христа, какъ челоѡка, нѣкогда жившаго и переставшаго жить, но осуществившаго въ себѣ высшій, сколько извѣстно до нынѣ, нравственный идеалъ.

Такимъ образомъ эта теорія оставляетъ насъ теперь не только съ обломками нашихъ чаяній и идей, но и съ разгромомъ даже принциповъ нашего разума, даже безспорныхъ указаній и требованій какъ внутренняго, такъ и внѣшняго опыта. Такъ мы получаемъ по этой теоріи поминальную замѣну Бога абсолютною матеріею. Получаемъ какое-то одностороннее урѣзанное абсолютное, конечное безконечное. Получаемъ въ абсолютной матеріи абсолютно-безконечныя свойства самобытности, всемогущества, вездѣприсутствія, неизмѣняемости, даже безконечнаго, безпредѣльно разлитаго въ пространствѣ чувства. Но не получаемъ ни тѣни сознанія, разума, свободы, любви; напротивъ получаемъ въ этомъ абсолютномъ законъ слѣпоты и неразумія, законъ необходимости и безучастной къ себѣ самому лютоости, законъ внутренняго самотерзанія, самопожирания, самопоглощенія. Въ абсолютномъ вмѣстѣ съ неизмѣнностью получаемъ измѣняемость, законъ саморазвитія, законъ самоулучшенія, даже законъ попятнаго движенія вслѣдствіе препятствій, которыя поставяетъ себѣ само же, конечно, абсолютное; потому-то Дарвинъ, на основаніи опыта, и не допускаетъ безконечнаго самоулучшенія природы. Получаемъ въ этомъ абсолютномъ во первыхъ гадательныя, а во вторыхъ и непримиримыя противорѣчія, что изъ совершен-

ной безсознательности развивается въ немъ сознательность, и разовьется сознание безконечное; изъ совершеннаго неразумія развивается разумъ и разовьется разумъ безконечный; изъ бездушнѣйшѣй лютости развивается благость природы и разовьется благость безконечная, безконечная любовь, безконечный Богъ, который есть любовь; что это абсолютное не цѣльно, а раздвоено наполовину, изъ коихъ одна закончена и неизмѣнна, а другая сперва даже не существовала, а затѣмъ возникаетъ и восполняется развитіемъ; что, такимъ образомъ, цѣлая половина безконечнаго абсолютнаго, абсолютной всетворяющей матеріи, развивается не изъ нея самой, а изъ безусловнаго нуля, изъ безусловнаго небытія, изъ безусловнаго отрицанія.

По теоріи развитія, былъ начальный моментъ развитія; но непонятно, почему оно не безначально, когда матерія и безначальна и подчинена закону необходимаго развитія искони? Получаемъ по этой теоріи фактъ самозарожденія, или состоявшійся когда-то встарь, или осуществляющійся даже теперь, тогда какъ самые точные научные опыты подтверждаютъ невозможность самозарожденія. Получаемъ по этой теоріи все развитіе органическаго міра изъ нужды и случая, тогда какъ уже очень давно сознано человѣчествомъ, что изъ случая никакъ нельзя произвести міроваго цѣлесообразнаго распорядка. Получаемъ очевидное противорѣчіе и въ томъ, что изъ отсутствія цѣлесообразности въ примитивной природѣ происходитъ очевидная цѣлесообразность во всемъ органическомъ мірѣ, цѣлесообразность въ стремленіи, въ чувствѣ и смыслѣ живыхъ существъ. Получаемъ и далѣе несообразность на несообразности. Наприм. получаемъ необходимость умножать билліоны на милліарды вѣковъ, чтобы произвести, случайными скачками природы, все разнообразіе органическаго міра изъ одной монеры, чтобы про-

извести зрительный нервъ и наконецъ глазъ человѣка или орла. Получаемъ мягкотѣлаго моллюска, котораго природа нимало не улучшила въ продолженіи билліоновъ вѣковъ, и того же моллюска, превращеннаго случайными скачками природы въ человѣка. Пусть половина самыхъ сильныхъ умовъ доказываетъ опытами невозможность плодотворнаго продолженія рода посредствомъ помѣсей даже между ближайшими видами, какъ и невозможность случайнаго происхожденія человѣка изъ монеры безспорнымъ фактомъ отсутствія переходныхъ степеней; но для теоріи нужна возможность, и она допускается. Пусть безконечное разстояніе между разумнымъ человѣкомъ и неразумнымъ животнымъ доказывается фактомъ, что даже обезьяна, въ продолженіи безконечнаго ряда вѣковъ не выучилась ни зажечь огонь, ни тѣмъ менѣе устроить въ своемъ логовищѣ какой либо очагъ, не выучилась ни сама собой, ни даже чрезъ подражаніе человѣку; теорія не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на безчисленную серію подобныхъ фактовъ превосходства человѣка предъ животными и твердитъ свое, что душа человѣка качественно тождественна съ душою скотовъ. Пусть опытъ говоритъ, что даже у высшихъ животныхъ, хотя и есть членораздѣльные звуки голоса, но нѣтъ словъ; а это потому, что животныя не знаютъ названій предметовъ, а тѣмъ болѣе не знаютъ названій дѣйствій предметовъ, ихъ качествъ и отношеній; а это потому, что у животныхъ нѣтъ ни общихъ ни отвлеченныхъ понятій; почему въ сознаніи животныхъ не можетъ быть ни существительныхъ, ни глаголовъ, ни тѣмъ менѣе—другихъ частей рѣчи, кромѣ междометій, а имѣется только конкретное представленіе предметовъ съ ихъ непосредственными отношеніями; почему также не имѣется у животныхъ ни исторической памяти, ни преданій, ни нравственныхъ правилъ,—

для теории эволюции это неважно. Она смѣло выводитъ и нравственность и особенно социологию человѣческую изъ нравственности и общественной животныхъ. Не указывайте этимъ философамъ на обще-человѣческій фактъ, что нравственность животнымъ не вмѣняется, тогда какъ человеку вмѣняется,—для этой философии это неважно. По ея учению, въ существѣ дѣла и человеку нравственность невмѣняема, и его гнететъ со всѣхъ сторонъ абсолютный законъ необходимости, царящій въ природѣ. Но въ тоже время нравственность и вмѣняется человеку, такъ какъ для него, по закону развитія, обязательнъ нравственный идеалъ.

Не указывайте этимъ философамъ на противорѣчіе, что по теории эволюции въ основѣ улучшенія всѣхъ живыхъ существъ лежитъ законъ борьбы и подбора, и что завоевываетъ себѣ не только счастье жизни, не только улучшение породы, но и право на жизнь и на продолженіе рода именно только побѣдитель въ жизненной борьбѣ, побѣдитель или силою, или хитростью, или случайнымъ счастьемъ; а въ тоже время теорія требуетъ, чтобы люди жили «для идеальныхъ стремленій, не для собственнаго я, а для блага общаго, не ради корысти, а съ полнымъ поправленіемъ своихъ личныхъ интересовъ». Эти теоретики наивно расчотливо требуютъ, чтобы мы всѣ посторонились для нихъ на жизненной аренѣ и «дали просторъ людямъ идеала»,—т. е. имъ самимъ,—«работать для идеала любви на легальной практической почвѣ», а мы сами, какъ смиренныя овцы, чтобы легли и дали имъ не только стричь насъ, но и рѣзать, для ихъ удовольствія. Не любятъ они нашего вопроса, что же вы дадите намъ за это? Награду въ небесахъ? Никакъ. Въ будущей жизни? Никакъ. Дадите блаженное безсмертіе? Никакого личнаго безсмертія. Но это странно. Кто же васъ тогда послушается? Даже апостолы,

совершеннѣйшіе безкорыстнѣйшіе люди, и тѣ спрашивали Христа: *се мы оставихомъ вся и въ слѣдъ Тебе идехомъ,—что убо будетъ намъ?* И даже самъ Христосъ, олицетвореніе самоотверженія и высшей идеальной любви, и Онъ указалъ имъ на царствіе небесное. А наши философы что же обѣщаютъ намъ? На небѣ ровно ничего; имъ хорошо извѣстно, что и самаго неба нѣтъ, и на небѣ никого, никого тамъ не было, нѣтъ и никогда не будетъ... Имъ хорошо извѣстно, что и Бога нѣтъ, нѣтъ въ дѣйствительности, нѣтъ въ природѣ, нѣтъ внѣ васъ, для вашего внѣшняго чувства. Но въ замѣнъ этого,—убѣждаютъ они насъ,—*создайте Бога внутри себя*, утвердите Бога внутри себя въ вашемъ внутреннемъ чувствѣ, Бога нравственнаго, суженнаго, вмѣсто дѣйствительнаго всецѣлаго Бога. Поставьте, говорятъ, вопросъ о бытіи Бога дѣйствительнаго совсѣмъ на иную почву, давно указанную великимъ Кантомъ. А Кантъ училъ, что о бытіи Бога, о бытіи человѣческаго духа, о премірномъ существованіи, о безсмертіи мы обыкновенными способами познанія ничего знать не можемъ. А вслѣдъ за Кантомъ, его послѣдователи, Фихте, Шеллингъ, Гегель, Шопенгауэръ, Фохтъ, Бюхнеръ, нынѣшніе монисты и эволюционисты стали отважно обходиться совсѣмъ безъ личнаго Бога; стали рекомендовать нравственность безъ личнаго безсмертія; стали исключать всякое участіе премірнаго бытія въ бытіи матеріальномъ, всякое чудо, всякія явленія духовъ, равно какъ и нисшествіе Сына Божія на землю въ лицѣ Богочеловѣка Христа. Ничего подобнаго, по ихъ учению, мы не знаемъ и знать не можемъ. Даже больше, мы знаемъ, что ничего подобнаго и быть не можетъ.

Не обращаютъ они вниманія на дѣйствительный фактъ, что мы это знать можемъ; можемъ не только по внутрен-

нему чувству, но и по опыту, и знаем по свидетельству исторіи. Знаемъ безчисленное множество чудесъ и знаменій, предзнаменованій и предчувствій; знаемъ явленія духовъ и отшедшихъ душъ не только въ христіанской церкви, но и въ древнемъ языческомъ и въ современномъ полу-христіанскомъ, или даже антихристіанскомъ мірѣ, знаемъ въ обширной области спиритизма, въ которой не все же обманъ воображенія, игра нервовъ, намѣренная ложь, когда спириты клянутся вѣчнымъ своимъ спасеніемъ въ истинѣ своихъ увѣреній. Знаемъ наконецъ несомнѣнно изъ жизни Іисуса Христа, который говорилъ: *аще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ моимъ вѣруйте* (Іоан. 10, 34); который въ себѣ самомъ явилъ міру несомнѣнный фактъ воскресенія изъ мертвыхъ, фактъ, засвидѣтельствованный многими сотнями личныхъ непосредственныхъ свидѣтелей (1 Корин. 15, 1—10). А вѣруя чуднымъ божественнымъ дѣламъ и событіямъ жизни Христа, мы должны вѣровать и самому Христу, какъ Богу, и словамъ Его, какъ глаголамъ Бога Слова.

То пустая мечта—думать утвердить религіозность и нравственность человѣческую на практическомъ стремленіи къ идеалу, зная, что нѣтъ ни Бога, ни безсмертія. Свидѣтель этому еще древній пророкъ псалмопѣвецъ; уже въ его время *безумцы говорили въ сердце своемъ: нѣсть Богъ, и растлѣвались въ начинаніяхъ своихъ* (Псал. 13). То безнадѣжная мечта утвердить религіозность и нравственность даже на Кантовомъ положеніи, что мы не можемъ знать, есть ли Богъ, есть ли безсмертіе. Доказательство этому—13 лѣтній петербургскій отрокъ Григорьевъ, который рассудилъ такъ: кто можетъ это доказать, что есть Богъ, и убилъ отца роднаго, какъ разсуждаютъ и поступаютъ нынѣ и тысячи другихъ, даже въ низшихъ сферахъ. И тамъ

уже нынѣ читаютъ, какъ читалъ отрокъ Григорьевъ—отцеубійца, вольнодумныя газеты, мерзкіе романы и повѣсти. Случалось мнѣ не разъ, при обзрѣніи епархіи, спрашивать въ разныхъ пунктахъ, нѣтъ ли чего почитать. И вдругъ отыщутъ у какого либо писаря и подадутъ такую газетную пустошь, такую прелюбодѣйную богопротивную мерзость, что приходилось только вздрогнуть: ахъ Боже мой! И это—азбука литературнаго образованія, по которой начинается учиться уму разуму нашъ малограмотный, но искони богобоязненный народъ! Конечно, противъ наплыва этой заразы именно мы, духовные пастыри, обязаны бы взять свои мѣры, распространеніемъ полезнаго душепитательнаго чтенія. Но непробудная спячка большинства—это роковой законъ, указанный еще въ притчѣ Спасителя: *спящимъ челоѣкомъ (духовнымъ) прииде врагъ и всѣя плевелы посреда пшеницы...* А сонливые пока только и знаютъ, что взываютъ: *Господи! хоцеша ли убо, да шедше исплевемъ я.* На что и получаютъ превразумительный отъ Провидѣнія отвѣтъ: *ни, да не когда восторжцюще плевелы, восторжцете купно съ ними и пшеницу. Оставьте расти обое купно до жатвы...* А опасно, какъ бы при продолжающейся спячкѣ челоѣковъ, оберегающихъ ниву Божію, и при коварномъ бодрствованіи враговъ, какъ бы даже простой народъ не сталъ на препрославленную Кантову точку зрѣнія, будто нельзя доказать, есть ли Богъ. Между тѣмъ извѣстно, что лишь только западно-европейцы стали на Кантову точку зрѣнія, будто мы не можемъ познать ничего о Богѣ и безсмертномъ духѣ обыкновенными способами познанія, какъ религія и пошатнулась научно во всемъ христіанскомъ мірѣ, да сталъ невѣроятенъ и самъ Христосъ, какъ Богочелоѣкъ, какъ истинный единородный Сынъ Божій, несмотря на всю историческую непреложность Еванге-

лія. А Кантова точка зрѣнія, къ сожалѣнію и къ стыду, общая точка зрѣнія ученыхъ, даже такихъ ученыхъ, которымъ никакъ не слѣдовало бы останавливаться на ней. Не слѣдовало бы потому, что она противна воззрѣнію всѣхъ богопросвѣщенныхъ боговидцевъ и между ними апостола Павла, который говорилъ: *сей Богъ, сотворивый міръ и вся, яже въ немъ, создалъ отъ единыя крове весь языкъ человѣкъ, жити по всему лицу земному, възискати Господа, да поне осяжутъ Его и обрящутъ, яко недалеко отъ единого коегождо насъ суща* (Дѣян. 17, 24—27). Или: *разумное Божіе* (то что можно и должно человѣку знать о Богѣ) *явь есть въ нихъ: Богъ бо явилъ есть имъ. Невидимая бо Его, отъ созданія міра творенми помышляема, видима суть, какъ то присносущная сила Его и божество* (Рим. 1, 19—20). Значить, по взгляду великаго апостола, вопреки общему современному взгляду даже благонамѣреннѣйшихъ мыслителей, Бога можно даже осязати; невидимыя въ себѣ свойства Божіи, присносущная сила и божество, въ твореніи видимы, и вообще о Богѣ, Его бытіи и свойствахъ можно приобрѣтати познаніе даже чувственнымъ путемъ.

Чего на новый годъ всѣмъ и желаемъ и отъ увлеченія ложною философіею, по внушенію святаго апостола, всѣхъ предостерегаемъ. Предостерегаемъ, какъ отъ заразы, какъ отъ гибели, какъ отъ гнили современнаго общества. Аминь.
1883 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день памяти святыхъ тріехъ святителей и поминаенія (по случаю столѣтняго юбилея) въ Бозѣ почившаго святителя московскаго Филарета, 30-го января 1883 года.

И скончавъ все искушеніе діаволъ отыде отъ Него до времени. И возвратися Іисусъ въ сильъ духовный въ Галилею: и въсть изыде по всей странѣ о Немъ. И той учаше на сонмищахъ ихъ, славимъ всѣмъ. Лук. 4, 13—15.

По случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія въ Бозѣ почившаго великаго святителя московскаго Филарета, заблаговременно подготовляемое поминаеніе его въ престольныхъ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ совершено въ девятый день сего мѣсяца, о чемъ мы, въ нашей далекой окраинѣ, узнали, конечно, уже нѣсколько дней спустя послѣ событія. Почему и перенесли наше молитвенное поминаеніе приснопамятнаго святителя на сей день святыхъ тріехъ святителей, великихъ архіереевъ, Василия Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Перенесли не безъ тайной благоговѣйной мысли соединить молитвенное поминаеніе нашего недавно въ Бозѣ почившаго великаго учителя и святителя съ прославленіемъ памяти богопрославленнымъ

трієхъ учителей и святителей вселенскихъ, чтобъ усилить нашу о немъ грѣшную молитву многомогнмъ ихъ предстательствомъ о причтеніи его къ богославленному лику ихъ и воздать ему достойное его досточестной памяти самымъ этимъ сближеніемъ.

Да. *Память праведнаго съ похвалами.* Хвалить его и позволительно и благопотребно. Многіе сказали и написали о немъ многое. Но и мы принесемъ ему нашу дань благоговѣнія, своему собственному сердцу въ уладу, своей и вашимъ душамъ во спасеніе. Пусть и онъ скажетъ за насъ слово предъ милосердіемъ небеснымъ, какъ мы теперь говоримъ слово о немъ предъ почтительнымъ вниманіемъ нашей мѣстной церкви, а въ совокупности съ другими и предъ памятью потомства.

Святитель Филаретъ представляетъ собою такое гигантское нравственное явленіе, что мы можемъ смотрѣть на этотъ колоссъ и говорить о немъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, но все же безъ надежды снять и запечатлѣть въ нашемъ сознаніи всѣ его черты. *Никтоже вѣсть, яже въ члѣвѣцѣ, точію духа чловека, живущій въ немъ.* Конечно, онъ самъ, въ своихъ изданныхъ, издаваемыхъ и пока еще ожидающихъ изданія твореніяхъ говорить о себѣ безмѣрно лучше насъ. Тѣмъ не менѣе на насъ современникахъ, видѣвшихъ славу дивной жизни его и праведной кончины, лежитъ долгъ отмѣтить хотя крупнѣйшія черты, какими отразился этотъ истинно великій и чловекъ и святитель въ сознаніи современниковъ, въ нашей собственной памяти; иначе эти черты стороннихъ о немъ современныхъ свидѣтельствъ потерялись бы для памяти потомства безвозвратно.

Въ необычайно быстромъ восшествіи святителя Филарета, по степенямъ іерархической лѣстницы, съ одной вы-

сокой на высшую и высшую степень, и наконецъ, на самую вершину іерархическаго достоинства, тупая близорукость готова видѣть не болѣе, какъ рѣдкую въ жизни удачу. Конечно, ошибаясь сама, она силится ввести въ грубую ошибку и всѣхъ. Истина же заключается въ томъ, что это необычайно быстрое возвышеніе было не случайнымъ даромъ счастья, а воздаяніемъ высокой заслуги; было плодомъ обще-признаннаго высокоцѣннаго, сколько напряженнаго, столько жъ и благопотребнаго умственнаго подвига; было движеніемъ чувства и предчувствія сердца царева, движимаго рукою Божіею, какъ и царевыхъ сотрудниковъ, которые направляли тогда судьбу церкви Божіей, сами направляясь Божіимъ провидѣніемъ; было предрѣшеніемъ Промысла, который въ сравнительно молодомъ митрополитѣ Филаретѣ, какъ нѣкогда въ сравнительно юномъ апостолѣ Павлѣ, уготовалъ себѣ и предугазалъ людямъ орудіе избранное. А если мы въ святителѣ Филаретѣ должны видѣть избранника Божія; если св. апостолъ Павелъ внушаетъ и всѣмъ христіанамъ, а не только особымъ избранныкамъ Промысла, быть подражателями Богу, подражателями Христу (Еф. 5, 1; 1 Кор. 11, 1); если, по неложному обѣтованію самаго Христа Спасителя, истинно *върующій въ Него дѣла, яже Онъ самъ творилъ, и той сотворитъ, и даже больша сихъ сотворитъ* (Іоан. 14, 12): то все это уполномочиваетъ насъ на дерзновеніе примѣрить высоту жизненнаго подвига святителя Филарета къ высшей мѣрѣ нравственной чистоты, какую указалъ самъ Христосъ, своимъ собственнымъ примѣромъ на горѣ искушенія.

Тонкими мыслителями психологами замѣчено, что если бы мы не имѣли никакихъ другихъ доказательствъ исторической достовѣрности и богодухновенности евангелія, никакихъ другихъ доказательствъ божественности Господа

Иисуса Христа, то для возвышенной мысли и чистаго испытаннаго сердца было бы достаточно и тѣхъ немногихъ, но глубокихъ доказательствъ этой истины, какія представляетъ одна евангельская исторія искушенія Христа отъ діавола предъ исшествіемъ на проповѣдь евангелія. По слову апостола (Іак. 1, 14), *кійждо, каждый человекъ, искушается отъ своей похоти, влекомъ и прельщаемъ; таже похоть зачещи рождаетъ грѣхъ* и повергаетъ грѣшника, какъ раба, къ подножію ногъ діавола искушителя. А эта похоть, искушающая каждого человекъ, въ своемъ развѣтвленіи тройственна: это—*похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская*. Вотъ уже и эти черты нравственнаго восхожденія и ниспаденія человекъ были неавственны въ сознаніи до—христіанскаго язычества. Онѣ разъяснены только христіанствомъ. Но въ приложеніи къ Іисусу Христу, къ евангельской исторіи Его искушенія на горѣ соблазна, онѣ являются возвышенными до божественности; онѣ тамъ дивны до чудесности, до неслыханности, до невозможности, до немыслимости ничего подобнаго въ языческомъ сознаніи, въ языческой нравственной практикѣ. Такъ для искушенія Христа діаволъ выдвигаетъ, какъ свое искони извѣданное орудіе, ту же тройственную похоть: похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейскую. Но въ какой несравнимой возвышенности, въ какой утонченности, въ какой сатанинской изощренности?! Спрашивается, какою похотію плоти искушалъ онъ даже лучшихъ язычниковъ, даже Сенеку, даже стоиковъ? Самою деbeleю, иногда даже самою позорною, самою скотскою, да и той ниже. Какою похотію очесъ искушалъ онъ даже Сократа, даже Діогена? Также самою деbeleю похотію хотя и изящества, но изящества чувственно пластическаго, поклоненіемъ разнообразной чувственной красотѣ; а далѣе чувственно-страстнымъ

влеченіемъ, завистью и ревностью, ненасытною жадностью къ стяжанію, жадно завистливымъ окомъ на весь міръ, а по меньшей мѣрѣ, презрительнымъ самоотрицаніемъ яко-бы отъ всѣхъ благъ міра, но съ тѣмъ, чтобъ самъ Александръ Македонскій посторонился предъ нашимъ презорствомъ и не смѣлъ отнять у насъ нашу собственность, которую мы сами признали своею неотъемлемою принадлежностію: лучъ солнца, нашу бочку, чистую воду и зѣванье на насъ толпы, готовой ко всякимъ услугамъ по нашему мановенію. Какою гордынею діаволъ искушалъ естественнаго человекъ язычника? Также самою низменною, часто мелочною и забавною, а нерѣдко и чудовищною гордынею Навуходоносора и Ксеркса, казнившего море, даже гордынею Александра Македонскаго или Калигулы, думавшихъ быть богами; искушалъ вообще всяческою жаждою человѣческой славы, преклоненія толпы, превозношенія надъ другими.

Но съ такими грубыми орудіями соблазна діаволу приступить къ Іисусу Христу,—гдѣ же?! Это чудовищно даже представить! И вотъ уже въ одной этой чертѣ очевидна та небесная высота, на какую Христово евангеліе поставило совѣсть человѣческую. Діаволъ искушитель былъ слишкомъ дальновиденъ, слишкомъ опытенъ, чтобы соблазнять и здѣсь низменною похотію плоти. Онъ видѣлъ, что Іисусъ Христосъ всеконечно отрѣкаетъ ее вотъ уже 30 лѣтъ. Соблазнять ли похотію очесъ? Жаждою мелкой корысти? Но діаволъ видѣлъ, что Господь отвергалъ для себя даже всякую, самую скудную собственность. Соблазнять ли наконецъ мелочною грубою гордынею? Но очевидно, что Іисусъ Христосъ, сокровище мудрости и всякихъ совершенствъ, скрывалъ себя въ безмѣрно скромной долѣ плотникова сына. Тѣмъ не менѣе самъ діаволъ ничего иного не могъ изобрѣсти и здѣсь, ничего иного употребить орудіемъ сво-

его отчаяннаго нападенія, какъ ту же тройственную похоть. За то здѣсь онъ взялъ ее въ самой высокой мѣрѣ, въ самой изощренной тонкости. Ему памятно было, что и самъ онъ, нѣкогда чистый духъ, споткнулся на утонченной похоти гордыни. Со времени искушенія Христа въ пустынь Іорданской стало извѣстно, что и самые высокіе подвижники, если спотыкаются, то опять же на гордыню: гордыня—самая тонкая одухотворенная похоть; гордыня—самая послѣдняя опасность на скользкомъ переходѣ къ совершенной святости. Потому-то искушитель и здѣсь, въ искушеніи Христа, прибѣгъ къ гордынѣ. Къ каждой похоти здѣсь приурочиваетъ онъ именно гордыню. Да и самую гордыню, проводя по лѣстницѣ тройственной похоти, онъ утончаетъ и изощряетъ до послѣдней возможной степени. Онъ видѣлъ, что Христосъ безгрѣшенъ, праведенъ и святъ; предвидѣлъ, что Онъ выступитъ на проповѣдь, для привлеченія себѣ послѣдователей; предугадывалъ, хотя и не зналъ, что Онъ едиnorodный Сынъ Божій. Всѣ эти свѣдѣнія Онъ пускаетъ въ дѣло и вотъ приступаетъ къ самой попыткѣ соблазна. Первую похоть, похоть плоти, выставляетъ онъ въ совершенно безгрѣшной формѣ, въ формѣ желанія подкрѣпить отошалае отъ поста тѣло пищею. Но къ этому присоединяетъ исключительную неслаханную форму и гордыни: «Ты алчешь. Видишь вотъ эти камни. Аще сынъ еси Божій,—чего Тебѣ стоять?—рцы, да каменіе сіе хлѣбами будутъ, и самъ сытъ будешь, и другихъ насытишь. Видишь эти исполинскія горы,—рцы, да превратятся онѣ въ хлѣбы. И посмотри, какъ за Тобою двинутся толпы голоднаго чело-вѣчества. Это будетъ привлекательнѣе твоей проповѣди». Но на этотъ искушительный помысль отвѣтствуетъ помысль богочеловѣческій: *не о хлѣбъ единомъ живъ будетъ чело-вѣкъ, но о всякомъ глаголю, исходящемъ изъ устъ Бо-*

жѣхъ. Похоть очесъ искушитель выдвигаетъ хотя и не въ безгрѣшной, но за то въ гигантской, въ подавляюще-увлекательной формѣ: въ формѣ гордыни, стремящейся видѣть весь міръ, если и не въ рукахъ своихъ, то у ногъ своихъ: «хочешь проповѣдью о Богѣ покорять себѣ весь міръ. Вотъ весь міръ предъ очами твоими во мгновеніи ока. Все будетъ твое, конечно, съ условіемъ, аще падъ поклонишися мнѣ. Я не всемогущъ, но весьма могучъ. Всѣ въ мірѣ—мои угодники. Угодишь мнѣ, всѣ будутъ угождать Тебѣ. Сдѣлай мнѣ угожденіе малое, а далѣе и падши поклонишися». Но помыслу соблазна снова противопоставляется помысль богочеловѣческій: *Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши.* Оказывалось въ искушаемомъ воздержаніе совсѣмъ почти безплотное, нестяжательность, нелюбовь къ міру и любовь къ Богу чисто ангельскія. Наконецъ послѣднее средство! Искушить тончайшею духовною гордынею—сознаніемъ своей заслуги предъ Богомъ, своихъ правъ, за нашу службу Богу, на служеніе силъ небесныхъ и самаго Бога нашей праведности. И вотъ искушительный помысль внушаетъ: *«аще сынъ еси Божій, верзися отсюда—съ крыла церковнаго—долу: писано бо есть, яко ангеломъ своимъ заповѣсть о Тебѣ сохранимъ Тя; и на рукахъ возмутъ Тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою.* А слѣдствіе будетъ тоже—удивленные толпы пойдутъ за Тобою, какъ за богохранимымъ праведникомъ». Но помыслу искушительному данъ конечный отпоръ помысломъ богочеловѣческимъ: *не искушиши Господа Бога твоего. И скончаеъ все искушеніе, диаволъ отиде отъ Него. И возвратися Іисусъ въ силу духовный въ Галилею.*

Въ языческомъ мірѣ, вообще внѣ христіанства такая нравственная высота чистѣйшаго духовнаго искушенія и всецѣлаго отпора ему была не только неслыханна, неви-

данна, но и немислима. Если бы на дѣлѣ не было подобнаго опыта, то и измыслить его, какъ сочинить и всю евангельскую исторію, было бы невозможно, какъ давно уже замѣчено мыслителями. А въ христіанствѣ, со времени искушенія Христа на горѣ соблазна, мы видимъ цѣлый рядъ подобныхъ духовныхъ опытовъ. Имъ исполнены житія нашихъ святыхъ. При величайшихъ подвигахъ умерщвленія плоти, отреченія отъ міра и всякой прелесть его и всея гордыни его, на пути восхожденія къ святости небесной лежала еще длинная лѣствица соблазновъ душевныхъ, соблазновъ въ искусительныхъ помыслахъ привлекать міръ къ ногамъ своимъ самою крайностью подвига и самоотреченія, лѣствица соблазновъ въ чувствѣ самоуслажденія собственною святостью, въ помыслѣ видѣть свѣтъ оаворскій въ бренномъ тѣлѣ, мнить возноситься съ тѣломъ на небо на огненной колесницѣ, быть носиму на крылахъ духовъ безплотныхъ, и свѣтлыхъ и нечистыхъ, что все бывало въ дѣйствительности, но бывало и въ бѣсовскомъ наважденіи, въ сатанинскомъ искусительномъ помыслѣ, который святые Божіи отрѣвали отъ себя знаменіемъ креста и памятью искушенія самого Христа на горѣ соблазна.

Сію то вотъ мѣру нравственнаго восхожденія дерзаемъ приложить и къ святителю Филарету, какъ высокому избраннику Божію, какъ истинному ревнителю истинной святости. Эту лѣствицу искушеній прошелъ и онъ въ своей дивной жизни, и прошелъ по самымъ высокимъ ступенямъ.

Въ отношеніи къ нему даже неудобно называть низкія дѣла плотскія, *яже суть*, — по апостолу Павлу, — *нечистота* всякаго вида, *рвенія, разжесія, соблазны, пїанства, безчинны кличи и подобная сима* (Гал. 5, 19—21). А сколько нашей братіи сваливается даже на этихъ низшихъ ступеняхъ соблазновъ прямо въ бездну погибели и позора! Взы-

скавъ Господа отъ юности своей и возложивъ на себя яремъ монашества въ молодости, онъ не озирался вспять на оставленную красоту міра сего, по подобію жены Лотовой, по слову апостола: *никтоже, взявшись за рало и зря вспять, управленъ есть въ царствіе Божіе*. Онъ являетъ намъ достоподражаемый примѣръ во всемъ. Такъ вотъ укоряютъ ученыхъ монаховъ за то, что они берутъ на себя монашеское иго по необдуманности, по увлеченію, по внушенію и настоянію другихъ. Но вотъ святитель Филаретъ три года испытываетъ себя, предъ принятіемъ иночества. За то и взявъ на себя иго Христово, несетъ его, какъ добрый воинъ Христовъ, всегда имѣя предъ собою цѣль горняго призванія. Въ самомъ отрочествѣ и юности, которыя теперь освѣщены предъ нами его письмами, уже предъявленъ въ немъ приготовляющійся избранникъ Божій. Такъ онъ въ каждомъ словѣ и дѣлѣ, въ мысли и чувствѣ сдержанъ, осмотрителенъ, разуменъ, властенъ надъ собою, господинъ самого себя и своихъ порывовъ. Говорятъ: искусственъ, неестественъ. Да. *Царствіе Божіе нудится*, и только тотъ, кто нудитъ себя, пріобрѣтаетъ его. А кто себя не нудитъ подъ иго Христово, кто плыветъ по теченію склонностей природы и мірскаго духа, тотъ вырабатываетъ въ себѣ, да, разумѣется, естественнаго человѣка, но низменнаго, но грѣшнаго и ветхаго человѣка. Кто съ міромъ идетъ по утопанной гладкой и широкой дорогѣ, тотъ попадаетъ въ пагубу, тотъ скатывается въ бездну нравственной приземистости, а затѣмъ въ бездну и пагубы вслѣдъ за многими. Но Филаретъ нудилъ себя, побивалъ въ себѣ естественныя, плотскія склонности съ дѣтства и юности. За то въ мужествѣ онъ воспиталъ въ себѣ ту мужескую твердость, которая поработила въ немъ разуму всѣ плотскія страсти и наградила его сдержанностью рѣдко дающимся въ нѣмъ и подвига и

осмотрительности, — незазорностью даже окружавшей его молвы, молвы о чистотѣ въ немъ не только поступковъ, но и словъ, и взглядовъ, и помысловъ, и всѣхъ отношеній его къ престестямъ міра сего. Онъ держалъ въ уздѣ не только низшія, но и высшія безгрѣшныя свои плотскія склонности, каковы даже позывы поддержанія себя пищею и питіемъ. Всѣмъ извѣстна его рѣдкая воздержность, которая во плоти являла его чуть небезплотнымъ, которая и наружности его, особенно подъ старость, придавала типичный образъ постника, подвижника и праведника, — типичный образъ, какой мы привыкли видѣть на иконахъ. А съ другой стороны его примѣрная разумно-осмотрительная мѣрность во всемъ оберегала его и отъ крайности аскетизма, которая неосмотрительныхъ или порывистыхъ часто безвременно разстраиваетъ до непоправимости и даже убиваетъ, убиваетъ здоровье не только тѣла, но и души, да и самую жизнь. Его же воздержность не помѣшала, а на оборотъ помогла ему сохранить, при видимой тѣлесной немощи, неприступную безболѣзненность до глубокой, чуть не 90-лѣтней старости. По виду его казалось, какъ тутъ въ этомъ изможденномъ тѣлѣ держится духъ; но этотъ великомощный духъ, въ этомъ одухотворенномъ, здоровомъ, правильно живущемъ тѣлѣ, выносилъ громаду труда, труда всяческаго, особенно же труда умственного, который въ свою очередь неосмотрительныхъ, немѣренныхъ умственныхъ труженниковъ не только подавляетъ, не только разстраиваетъ и ослабляетъ, но спятъ же и убиваетъ. А Филарета его умственный трудъ, который другими всецѣло никогда и не будетъ исчерпанъ, трудъ писанія, трудъ изученія, трудъ размышленія о предметахъ самыхъ возвышенныхъ, тонкихъ и запутанныхъ, трудъ молитвы, собесѣдованія съ Богомъ, трудъ вопрошенія исторіи и грядущихъ судебъ міра, — этотъ трудъ питалъ и укрѣп-

лялъ его такъ, что даже у гробовой доски этотъ созрѣвшій для неба старецъ еще поражалъ и крѣпостью, и свѣтлостью, и глубиною мысли крѣпкого ратоборца мысли. Примѣръ для насъ во всемъ, онъ явилъ въ себѣ образецъ для всѣхъ насъ и въ питаніи другихъ. Сердца и помыслы другихъ привлекалъ онъ пищею духовною, которую обильно предлагалъ и въ писаніяхъ своихъ и въ словѣ, дома и въ церкви, въ бесѣдахъ съ глазу на глазъ и въ общественныхъ собраніяхъ, но не обильными трапезами, хотя и имѣлъ къ тому обильные способы. Извѣстно, что когда онъ дѣлалъ какому либо достоинству исключительно высокую честь посидѣть у него за столомъ, то питая своею высокою бесѣдою предлагалъ обычно для скуднаго питанія тѣла свою крайне умѣренную трапезу. Впрочемъ, соблюдая святоотеческіе обычаи, въ великія христіанскія торжества, онъ любилъ предлагать братіи и веліе утѣшеніе, самъ впрочемъ и здѣсь насыщая скорѣе свое сердце, чѣмъ чрево, больше удовольствіемъ видѣть праздничное веселіе братіи, чѣмъ собственное увеселеніе явствами и питіями. А когда онъ изволилъ посѣщать дома и трапезы другихъ, то являлъ въ себѣ совершеннѣйшее, какое мы на своемъ вѣку видѣли и знаемъ въ прошедшемъ, отраженіе Христа, посѣщающаго трапезы то мнившего себя знатнымъ Симона фарисея, то Закхея мытаря, то Марѳы и Маріи и друга своего Лазаря, какъ и другихъ подобныхъ. По мѣрѣ удобства удовлетворить высшимъ требованіямъ сана, онъ не отказывался отъ приглашеній доброхотовъ, звавшихъ его къ себѣ, неся съ собою всюду утѣшеніе и назиданіе, благословеніе и молитву на домъ, пока немощь плоти не измѣнила; но конечно, былъ слишкомъ далекъ отъ неблагоговѣнаго привѣтанія у другихъ, отъ развлеченія, отъ саморазсѣянія. Филаретъ и разсѣянiе эти два понятія и не свяжешь. Никто въ наши дни

лучше его не отразилъ въ себѣ Христа, который и гостепріимной заботливой Марѣ сказалъ: *Марѣо Марѣо! печешися о мнозѣ... Едино же есть на потребу..* Его гостепріимные приемы у себя и выѣзды къ другимъ носили на себѣ одну печать, имѣли одну господственную цѣль—*соутѣшиться* не столько общими трапезами, сколько *общеевпрою*. Да, какъ Господь предъ страданіемъ сказалъ о себѣ: *грядетъ сего міра князь, но во Мнѣ не имать ничесоже*,—такъ и святитель Филаретъ, подъ конецъ своего вѣка, могъ въ нѣкоторой степени сказать о себѣ: и къ моей немощной плоти приступалъ князь міра сего, но своего нашелъ въ ней немного.

Вторая похоть очесъ, въ срединѣ его возраста и возрастанія въ славу, какъ извѣстно, сдѣлала было къ нему сильное приращеніе, но и та не низшею, а высшею духовнѣйшею своею стороною, не та похоть очесъ, которая состоитъ въ сочувствіи чувственно-пластическимъ красотамъ и прелестямъ міра сего; не та похоть очесъ, которая состоитъ въ грубой жадности къ собиранію благъ и сокровищъ міра сего, въ грубомъ корыстолюбіи; но похоть очесъ, переходящая въ высшую духовную гордыню, похоть, заключающаяся въ желаніи видѣть весь міръ у ногъ своихъ, похоть самого высокаго и широкаго властолюбія. Но и здѣсь мы видимъ въ немъ духовнаго ратоборца высшаго порядка, ратоборца, котораго самъ Богъ своими путями ведетъ къ высшему духовному совершенству. Подобно Христу на горѣ искушенія, и онъ, стоя на горѣ высокой, видѣлъ въ часъ времени вся царствія вселенныя. И ему искушительный помысль подсказывалъ: «тебѣ дамъ если не вся царствія міра сего, если и не всю сію власть, то все же весьма высокую власть и славу въ нихъ. Ты убо еще поклонишися предо мною, предъ духомъ міра, будутъ тебѣ

вся. Только преклонись, только угоди, только измѣни хотя немного своимъ высшимъ убѣжденіямъ и началамъ своего горняго призванія.» Но онъ остался непреклоненъ и ведень бысть Духомъ Божиимъ въ свой древле-престольный градъ искать другой высшей духовнѣйшей власти, власти надъ душами, умами и сердцами, искать другой высшей духовнѣйшей славы, каковую и улучилъ, которую воздавали ему архіереи, всѣ безъ исключенія, и вельможи, часто припадая къ нему до праха земнаго; которую воздавали князья и даже цари, свои русскіе и даже чужестранные ино-вѣрные. Иныя высокопоставленные особы принимали и святительское благословеніе его не иначе, какъ колѣнопреклоненныя, или даже преклоненныя долу. Укоряютъ, что онъ и любилъ земныя поклоненія изъ гордыни? Нѣтъ, терпѣлъ, попускалъ, да можно сказать, даже любилъ ихъ, но любилъ изъ противоположнаго чувства, изъ чувства деликатности (какъ сказать преклонившемуся боярину: подымись?), изъ трогательнаго сочувствія чувству умиленія, изъ охранительнаго чувства преданости старымъ святымъ обычаямъ. А то вотъ посмотрите, куда мы заходимъ съ новыми вѣяньями и въ этомъ? Благолѣпно ли, когда иной юный церковникъ дѣлаетъ честь архіерею, только слегка потряхивая кудрями своихъ волосъ или едва прикасаясь къ воскрылію головного покроя? Говорили и говорятъ новые учителя — одни, что онъ былъ челоукоугодникъ, до измѣны своему призванію, какъ и вся русская православная іерархія будто бы такъ обмірщилась, что совсѣмъ будто бы измѣнила своему высшему призванію служенія правдѣ, малодушно положивъ печать на уста свои, при видѣ всяческихъ неправдъ міра сего. Но мы приглашаемъ этихъ самозванныхъ учителей сбличителей церкви подумать о томъ, почему это самъ Господь Іисусъ Христосъ и ближайшіе уче-

ники Его, святые апостолы, не порывались въ палаты сильныхъ міра сего, вельможъ и правителей, начиная съ Понтія Пилата, обличать ихъ за ошибки ихъ управленія, какъ и за немощи ихъ личнаго поведенія? Мы знаемъ, что св. апостолъ Павелъ проникалъ до двора Кесарева, но только съ словомъ евангельской проповѣди, а не обличенія. А сколько тогда было въ мірѣ политическихъ, да и всяческихъ неправдъ?! А было ль это въ благопроповѣдникахъ малодушіе, или на оборотъ исполненіе высшаго долга служенія божественной истинѣ до уреченнаго для каждаго изъ нихъ времени?... Другіе же самозванцы обличители укоряютъ святителя Филарета въ томъ, что онъ и самъ не оказывалъ инициативы и туго подавался на желательныя въ церкви реформы. Но высшему іерарху церкви, растущему на богонасажденномъ древѣ церкви и пускающему отъ себя новые побѣги, рваться къ реформамъ въ церкви не значило ли отрываться отъ ея корня? Да и то сказать, тѣ реформы, которымъ не сочувствовалъ святитель прозорливецъ, принесутъ ли пользу обществу? А церкви Божіей явно пользы не принесли. Укоряли его въ надменіи къ низшимъ и даже жестокосердіи. Но чувство глубочайшаго благоговѣнія къ нему веѣхъ подвѣдомыхъ ему, начиная съ высшихъ, къ которымъ онъ являлъ видъ иногда якобы надменной суровости, говоритъ о противномъ. Конечно, довѣренный ему небеснымъ Пастыреначальникомъ судъ надъ домомъ Божіимъ онъ не хотѣлъ ослабить, не желая явить въ себѣ пристаивающаго лѣниваго и невѣрнаго. Изреченный имъ тому или другому лицу судъ нерѣдко бывалъ судомъ не жестокосердаго, а прозорливца, и слово его, примѣрно такое сжатое: «я выкинулъ тебя изъ моего сердца», или: «я дожилъ до несчастья видѣть того то и въ немъ то — то», это сжатое слово оказывалось иногда приговоромъ закли-

нающаго пророка Елисея, приговоромъ смертнымъ, или хуже и того. Третьи легкомысленные обличители думали по смерти его найти у него громадныя богатства. И ошиблись. Десница его раздала при жизни все его достояніе, такъ что не увѣдала и шуйца; такъ что не доглядѣло сего и подзирающее око ихъ самихъ, всевидящихъ обличителей, проникающихъ даже въ чужіе помыслы, даже въ небывалыя движенія сердца. И *сола неправда себѣ*; а правда возсіяла, яко солнце.

Такъ неустанно принуждая себя нести иго Христова, неустанно борясь съ собою, неустанно внимая себѣ и ввѣренному ему отъ Бога духовному стаду, неустанно упражняясь въ бодрственномъ богомысліи и въ возвышающихъ трудахъ своего высокаго званія, онъ къ старости лѣтъ поборолъ въ себѣ всякіе страстные порывы, какъ несомнѣнно поборолъ въ себѣ всеконечно гнѣвливые порывы своего пылкаго отъ природы темперамента, и незазорностію дѣяній и помысловъ достигъ такой нравственной высоты, такой духовной силы, что обнаружилъ въ себѣ даръ и прозорливости и чудотворенія. При жизни его всѣ мы слышали объ этомъ; а по смерти узнали навѣрное отъ людей, достойныхъ всякой вѣры, которые и видѣли и испытали это на себѣ. Конечно, онъ не поддавался и тому искушенію, чтобъ самому трубить объ этой своей слишкомъ необычной славѣ. Не знаемъ, нашептывалъ ли ему искусительный помыслъ движенія высшей духовной гордыни: *верзися отсюда съ крыла церковнаго долу: писано бо есть, яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ: и на рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою?* Навѣрное не знаемъ, но видимъ, что онъ поборолъ въ себѣ и этотъ искусительный помыслъ, какъ и другіе. Видимъ, что онъ терпѣливо перенесъ тяжкія обстоятельства жизни, когда

помысль естественно могъ подсказывать ему: «верзися съ высоты церковной долу; другіе тебя не понимаютъ, не цѣнятъ, отрѣваютъ»; — когда въ глубокую старость его немощь плоти подсказывала мощному духу его: *кто дастъ мнѣ крыль, яко голубинь, да полечу и почи, бѣгая въ пустыню*, чтобы водвориться тамъ въ ожиданіи мирныя кончины живота. Нѣтъ, мы видимъ, онъ не поддался и этому искушенію, оставшись нести бремя высокаго служенія до послѣдняго издыханія. Видимъ даже, что онъ, съ самою заботливою осмотрительностію, приспособлялся къ обстоятельствамъ, оберегая себя и своихъ отъ всякихъ враждебныхъ столкновений; въ чемъ нещадные обличители готовы видѣть даже маподушіе. Близорукіе! Отчего бы имъ не увидѣть здѣсь исполненіе заповѣди Христовой: *будите цѣли, яко голуби, и мудри, яко змѣи; яже гонятъ вы во градѣ, бѣгайте въ другій*, какъ святые апостолы и дѣйствительно бѣгали и избѣгали безвременныхъ напастей, *не высокоумдрствующе, но смиренными ведущеся?*

Такимъ то образомъ, неустанно бодрствуя надъ самимъ собою, восходя отъ силы въ силу, онъ явилъ въ себѣ истинно великаго богоданнаго благовѣстника, пастыря и учителя, къ совершенію святыхъ, въ дѣло священнаго служенія, для созиданія тѣла Христова, достигши самъ въ мужа совершеннаго, въ мѣру полного возраста Христова, особенно же къ старости. Въ продолженіи болѣе чѣмъ полувѣковаго служенія церкви въ высшихъ іерархическихъ степеняхъ, онъ всѣмъ былъ вся, да всяко нѣкія спасетъ. Къ нему притекали вѣрные, маловѣрные и невѣрные со всѣхъ концовъ Россіи и даже изъ другихъ странъ, всякій за своею нуждою: кто только взглянуть на его честный ликъ, кто только принасть къ его святительскимъ стопамъ, кто получить благословеніе, кто видѣть его священнодѣйствіе, кто

послушать его бесѣду въ церкви, кто за тайнымъ духовнымъ назиданіемъ, кто даже за исцѣленіемъ и души и тѣла, кто за разрѣшеніемъ недоумѣнія, кто за совѣтомъ во всяческихъ дѣлахъ и церковныхъ и государственныхъ и ученыхъ, и всѣ, сколько мы знали, выходили отъ него не только удовлетворенные по мѣрѣ разнообразныхъ своихъ ожиданій и пріемлемости, но и пораженные, и восхищенные, и просвѣтленные. Такъ и наше смиреніе имѣло истинно высокое счастье не только видѣть его въ священнодѣйствіи, не только принять его святое благословеніе не разъ и не два, но и насладиться его трехчасовою истинно просвѣтительною бесѣдою лицомъ къ лицу, съ глазу на глазъ. Мудрецъ, мыслитель, государственный человѣкъ, святитель коснулся глубокимъ, мощнымъ, острымъ какъ заостренная сталь своимъ словомъ, широты предметовъ отъ Петербурга до Рима и отъ Лондона до Камчатки, коснулся соотношенія вѣроисповѣданій, отношенія вопросовъ государственныхъ къ церковнымъ, коснулся богословія и философіи и текущей литературы, какъ свѣтской, такъ и особенно духовной, коснулся множества лицъ прошедшаго и тогдашняго царствованій, многихъ очертилъ своимъ, сколько нещаднымъ, столько жъ и творческимъ рѣзцомъ художника ваятеля, и произвелъ на меня неизгладимое впечатлѣніе геніальности, такъ что я не только всѣ предметы этой геніальной бесѣды, но даже буквально многія выраженія помню ясно и отчетливо, до сего дня чрезъ 25 лѣтъ; — такъ что и тогда эта бесѣда загля въ мое мозгу многое и до сихъ поръ служить свѣточемъ, освѣтившимъ многое въ жизни. Всѣ, сколько намъ извѣстно, даже изъ частной его бесѣды выносили впечатлѣніе, что онъ твердо усвоилъ себѣ заповѣдь апостола Павла Титу (2, 7) во всемъ подавать въ себѣ образецъ, образецъ добрыхъ дѣлъ, словъ и

помысловъ; подавать въ учительствѣ, въ бесѣдѣ, чистоту степенность, неповрежденность, слово здоровое, незазорное, чтобы даже противникъ былъ посрамленъ, не имѣя ничего сказать о насъ худаго. Слово гнило никогда не только изъ его собственныхъ устъ не исходило, но не исходило и изъ другихъ устъ въ его присутствіи; иначе противникъ или неосмотрительный въ ту же минуту бывалъ остановленъ или даже посрамленъ, чему мы знаемъ выдающіеся примѣры. А на иныхъ, т. е. на всѣхъ, кто способенъ былъ понимать еще и эту тонкость, своимъ обращеніемъ онъ производилъ еще впечатлѣніе не только высоко благовоспитаннаго чело-вѣка, но впечатлѣніе и самаго чистокровнаго боярина, самаго прирожденнаго великаго господина, который, безукоризнен-ностію высокаго тона, въ совокупности съ своею святитель-скою безупречною сановитостію, превосходилъ самыхъ ве-ликихъ господъ своего барственного времени и поколѣнія, поколѣнія, которое теперь выражается и исчезаетъ, унося съ собой изящныя благородныя преданія высокородныхъ отцовъ и дѣдовъ.

А по возвышенности, глубинѣ, тонкости, всеобъемлющей широтѣ его писаній, не знаю съ кѣмъ и сравнить его. Ко-нечно, приходится сравнивать его съ самими высокими изъ церковныхъ дѣятелей. По широтѣ предметовъ, какихъ его перо касалось, онъ почти безпримѣренъ; сравнивать же его въ этомъ отношеніи позволительно развѣ съ Афанасіемъ и Василиемъ великими и блаженнымъ Августиномъ. По духо-ности-же, по глубинѣ, по тонкости мысли собственно про-повѣдническихъ его твореній, дерзаемъ сопоставить его съ тремя вселенскими святителями. Но принимая во вниманіе, что святой Григорій Богословъ, поддаваясь нѣкоторому изли-шеству современной витіеватости, замѣтно отпечатлѣлъ на своихъ твореніяхъ духъ современнаго ему витійства; а св.

Златоустъ часто увлекался естественною течучестью изуст-ной, предварительно неписанной рѣчи, которая потому не-чужда нѣкоторыхъ плеаназмовъ и т. п.,—дерзаемъ сравнить нашего высокаго витію, по безпримѣрно законченной обду-манности не только каждой рѣчи, но и cadaго рѣченія въ ней, съ Василиемъ великимъ, находя однакоже и между ними, въ характерѣ ихъ витійства, ту тонкую разность, что если у Василія великаго его ораторскія творенія, какъ и всѣ писанія, и глубоки, какъ бездна, и въ то же время ясны, какъ прозрачный кристалль, то у нашего без-примѣрнаго витію его проповѣдническія рѣчи и глубоки какъ бездна и какъ бездна же примрачны, такъ какъ онъ на всякій священно-церковный предметъ, по существу своему священно-таинственный, умѣлъ наложить сродную ему печать именно священно-таинственности. Въ этомъ отгѣн-кѣ онъ или несравнимъ или же сближается особенно съ святымъ Григоріемъ Богословомъ. Этою чертою глубочайшей священнотаинственности въ своихъ твореніяхъ онъ болѣе другихъ напоминаетъ боговидѣнія, на горахъ Синаѣ и Хоривѣ, Моисея и Іліи, которые узрѣли тихій крот-кій свѣтъ Божества внутри якобы непроницаемаго страшнаго мрака. Прикинь. благочестивый читатель, чрезъ пугающій тебя мракъ Филаретовой рѣчи, въ глубь его созерца-нія, и узришь въ ея сокровенности мощно горящій, свѣтящій и согрѣвающій твою холодность и мрачность огонь боговѣдѣнія. Только не отрицайся отъ боговѣдѣнія и возможнаго для тебя боговидѣнія, какъ Израиль у Синаѣ; не разлѣнивайся умст-венно, не разсѣвайся, вчитайся въ рѣчь великаго богопро-вѣдника: нужно себя настроить на высокій строй его великаго ума и глубокаго сердца, нужно привыкнуть къ его безпри-мѣрно возвышенной рѣчи, чтобы въ пугающемъ мракѣ ея, по разсѣяніи тумана собственно твоихъ умственныхъ очей,

узрѣть свѣтъ великій, крѣпкій и животворный. Почти безпримѣренъ онъ, между всѣми историческими людьми, и въ томъ, что вся жизнь его, отъ ранняго отрочества до глубокой старости, освѣщена его же собственными посланіями, неисчислимыми въ своемъ количествѣ, чѣмъ онъ напоминаетъ развѣ наиболѣе прославленнаго изъ нашихъ поэтовъ. Но для памяти послѣдняго лучше было бы, если бы большая часть его писемъ осталась подъ спудомъ забвенія, тогда какъ весь рядъ безчисленныхъ посланій нашего святителя выдвигаетъ его на недостижимую высоту великаго мыслителя, безукоризненнаго мудреца, истиннаго учителя вселенныя, напоминая собою по возвышенному мѣткому стилю въ язычествѣ развѣ Цицерона, а въ христіанствѣ по стилю и духу того же Василия великаго.

И трудно..., нѣтъ не трудно сказать, когда великій нашъ святитель сталъ выше, сталъ святитель и учитель не только россійскія, но и вселенскія церкви, до смерти или по смерти. Когда скончалъ онъ все искушеніе земной своей жизни и отошелъ въ горнія обители отечества небеснаго, духъ его въ его писаніяхъ, въ памяти его подвиговъ и всего священнолѣпнаго лика его, возвратился опять на землю *въ силѣ духа сеньи и въ стѣхъ изыде о немъ по всей землѣ, нынѣ болѣе, шире и глубже, чѣмъ при жизни его. И той учитъ насъ на сонмищахъ нашихъ, славимъ въспми, отъ Москвы до Іерусалима.* Посмотрите, какъ теперь всѣ спѣшатъ вырыть изъ мрака каждую строку, вышедшую изъ подъ остраго пера великаго святителя, и находятъ всегда дѣйствительно перлъ безцѣнный. Посмотрите, какъ назидательная память и слава его проникла отъ дворцовъ и до хижинъ широкой русской земли. Конечно, всякій посѣтитель Троице-сергіевой лавры поклонился гробу его. Мы собственными очами видѣли святолѣпный ликъ его подъ образами въ про-

стыхъ хижинахъ нашей далекой окраины, и въ божницѣ вмѣстѣ со св. образами даже у свѣтскихъ, даже военныхъ, даже повидимому негорячихъ къ вѣрѣ и церкви людей.

Странно однакоже, что свѣтскія ученія учрежденія совершенно устранились почтить въ столѣтній юбилей память великаго святителя, величайшаго для всѣхъ временъ мыслителя, который вознесъ русскую мысль и русское слово на высоту, на какой онъ до него не стояли, да и послѣ него стоять не будутъ, который въ своихъ твореніяхъ создалъ себѣ памятникъ дѣйствительно не только нерукотворенный и вѣчный, но и святой и безупречный. Съ своей стороны мы духовные такое живое участіе приняли въ столѣтнемъ поминовеніи Ломоносова, Карамзина, даже Пушкина. А что такое они сравнительно съ Филаретомъ?! Ломоносовъ своею прозою сдѣлалъ только пробу русской учености, а стихами пробу русскаго стихотворства. Все это забылось, а для потомства и совсѣмъ забудется; останется одно только славное имя перваго труженика русскаго слова, русской мысли и науки. Карамзинъ дѣйствительно оставилъ капитальный, вѣрный духу древности и народа, памятникъ исторіи; но мысль его, сравнительно съ мыслью Филарета, витала въ низменныхъ сферахъ. Пушкинъ, по изяществу языка и жизненности поэзіи, переживетъ вѣка; но по содержанию, по духу и направленію, онъ собственными руками въ своихъ твореніяхъ, особенно же первыхъ годовъ творчества, создалъ себѣ вѣчный, правда, но и нелестный памятникъ того, что по необузданной страстности и огромному легкомыслію, часто даже только ради краснаго словца, онъ силился, сколько было въ его силахъ, разрушить религіозный, нравственный и государственный строй своего времени въ своемъ отечествѣ. Въ эту же самую пору свѣтскіе горячо принялись готовить юбилейное празднованіе Жу-

ковскаго, — помоги Боже доброму дѣлу! — Жуковскаго, прекраснаго человѣка и мыслителя, но писателя, но поэта, котораго сами же они относятъ ко второму разряду, никакъ не равняя съ Пушкинымъ. А какъ сопоставить его съ истинно первокласснымъ, всеобъемлющимъ умомъ Филарета! Взять уже хотя одну ту, очень цѣнную свѣтскими разность, что Пушкинъ и Жуковский не твердо знали даже русское правописание и учились писать, учась русской грамматикѣ; а Филаретъ вѣдь былъ языковѣдъ и филологъ! Онъ зналъ, не только что гдѣ пишется, но и почему такъ пишется; да и вообще былъ огромная сокровищница всяческаго знанія, что и свѣтской интеллигенціи очень хорошо извѣстно. Что же значить, что свѣтскіе ученые такъ отчуждились отъ Филарета, писателя, мыслителя, оратора самого первостепеннаго, который при жизни былъ имъ и не чужой, былъ наипочтѣйшій членъ всѣхъ высшихъ ученыхъ обществъ?! А то значить, что онъ училъ и учитъ, какъ учитель богомудрый, мудрости божественной. Потому онъ и чужой для современной интеллигенціи, которая вся повольно обращается въ язычество.

За то, какъ погасло дневное свѣтило, зажужжали жалкія черныя насѣкомыя, которыя, днемъ не вынося солнечнаго свѣта, прячутъ свою черноту во мракѣ нечистотъ, а лѣтаютъ и затигиваютъ свою досадную пѣсню только ночью, ища сродную себѣ стихію въ томъ же мракѣ нечистотъ; неблагодарные и неразумные, забывая, что лѣтаютъ и жужжатъ, согрѣваясь теплотою закатившагося свѣтила, блестя или лоснясь и днемъ отблескомъ его же свѣта; напоминая Хама, или сына Хамова Ханаана, о которомъ праотецъ Ной изрекъ: *проклятъ Ханаанъ отрокъ! Рабъ будетъ братіямъ своимъ! служа темнымъ орудіемъ того мрачнаго духа, иже нарицается діаволъ, переметчикъ, ренегатъ и сатана про-*

тивникъ, лъстѣй вселенную всю, клеветникъ братіи нашея, оклеветаяй насъ предъ Богомъ нашимъ день и ночь (Апок. 12, 9—10).

Братіе! уже читали и сію минуту снова будемъ повторять молитву: Боже духовъ и всякія плоти, смерть поправый и діавола упразднивый! Самъ, Господи, упокой душу усопшаго раба твоего и всякое согрѣшеніе, содѣянное имъ, прости. Яко нѣсть человѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ. Ты бо единъ кромѣ грѣха, правда твоя — правда во вѣки и слово твое истина.

Святителю отче Филарете! Мы грѣшные молимся за тебя здѣсь. Моли Бога о насъ тамъ. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ

на вечернѣ въ недѣлю сыропустную (прощенный день).

Поприще добродѣтелей отверзся. Хотящій страдальчествовати внидите, препоясавшися добрымъ поста подвигомъ. Законно бо страдальчествоующіи праведно вѣнчаются. И воспримше всеоружіе креста, врагу сопротивимся, яко стѣну нерушимую имуще въру, и яко щитъ молитву, и шлемъ милостыню, вмѣсто же меча постъ, иже отсѣкаетъ отъ сердца всю злобу. Твори сѣ истинный приметъ вѣнецъ отъ Христа Бога. Стихира утра.

Поприще добродѣтелей открыто, — возглашаетъ нынѣ церковь. Открыто съ нынѣшняго дня поприще духовныхъ подвиговъ, поприще состязанія, поприще борьбы, поприще духовной брани. Стоитъ съ одной стороны воинство Христова, — то чада воинствующей земной Христовой церкви; а противъ нихъ стоитъ исконный врагъ Христовъ, иже есть діаволь и сатана, лѣстий вселенную всю. Хотящіе подвизаться выходите, препоясавшись добрымъ подвигомъ поста. Выходите, памятуя, что подвизаться подвигомъ добрымъ, умерщвленіемъ страстей, отраженіемъ прираженій врага искушителя, значить страдальчествовать, какъ и всякая борь-

ба, требующая труда и подвига, тяжкаго напряженія силъ и изнуренія, есть страданіе. Выходите всѣ, памятуя, что праведно увѣнчиваются, получаютъ вѣнецъ достойнаго мздовоздаянія только тѣ, которые подвизаются законно, надлежащимъ богоустановленнымъ образомъ. Выступимъ всѣ противъ врага, воспримше всеоружіе креста, ставъ за нерушимою стѣною вѣры, оградивъ сердце вмѣсто щита молитвою, прикрывъ главу, какъ шлемомъ, милостынею, вооруживъ руку вмѣсто меча постомъ, который посѣчетъ всю нападающую на насъ злобу лукаваго, отсѣкая ее вопервыхъ отъ нашего собственного сердца. Только тотъ, кто творить сѣ, приметъ истинный вѣнецъ отъ Христа Бога.

Что сей родъ сатанинской силы и діавольскаго лукавства ничимъ же изъ человѣка исходитъ и отъ человѣка отходитъ, токмо молитвою и постомъ; что постъ на всякое время полезенъ есть изволяющимъ и соблюдающимъ его, — ниже бо искушеніе демонское дерзаетъ на постящагося, и хранители жизни нашей ангели люботруднѣйше пребываютъ съ нами, очистившись постомъ; что постъ есть крѣпость души и тѣла, въ этомъ со времени постническаго жительства Христова на землѣ никто изъ Христовыхъ послѣдователей даже до днесь не сомнѣвался. Но въ послѣдокъ дней сихъ народилось, увы! многое множество христіанъ глаголемыхъ, множество мнимыхъ, а нерѣдко и самозванныхъ печальниковъ народного здравія и благоденствія, которые громко вопіютъ, что посты разрушаютъ народное здравіе, ослабляютъ народную силу, даже убиваютъ жизнь, по крайней мѣрѣ даютъ большой процентъ смертности, особенно же между дѣтьми простаго народа; почему посты вообще будто бы вредны, а для дѣтей до семи лѣтъ будто бы даже и необязательны. Твердятъ они это на основаніи будто бы науки, на основаніи сравнительной анатоміи, фізіологіи, гигиены и медико-поли-

цейской статистики. Насъ же служителей церкви, хранителей свято отеческихъ преданій, заступниковъ священно-церковнаго народнаго обычая, какъ свидѣтелей будто бы заинтересованныхъ и очень уже некомпетентныхъ въ рѣшеніи научнаго вопроса о народномъ здоровіи, эти научники и слушать не хотятъ. Смиренно предъ ихъ отважною самонадѣянностью преклоняемъ нашу голову и, не говоря имъ пока ничего съ нашей гордо отстраняемой ими точки зрѣнія, раскрываемъ предъ ними одну совершенно научную статью: *питаніе человека въ его настоящемъ и будущемъ* (Бекетова, Вѣстн. Европы, 1878 г. августъ) и предлагаемъ ихъ, какъ и вашему вниманію, выводы этой ученой статьи. Вы увидите, что въ ней самыми научными доводами доказывается не иное что, какъ необходимость и благотворность нашего русскаго, православно-христіанскаго поста. Выслушайте.

«Какая пища всего болѣе способствуетъ правильному развитію и усовершенствованію человѣческой природы?»

«Наука доказала, что между животною и растительною пищею рѣзкаго различія въ химическомъ составѣ не существуетъ. Всякая пища содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ только четыре простыхъ тѣла (а именно углеродъ, водородъ, азотъ и кислородъ). Эти четыре главныхъ тѣла находятся въ видѣ четырехъ потребляемыхъ въ пищу соединений (воды, бѣлковъ, жировъ и углеводовъ). Существенная разница между растительною и животною пищею заключается въ относительномъ количествѣ бѣлковъ къ прочимъ составнымъ частямъ. Было принято, что лучшая пища для человека есть пища смѣшанная, состоящая изъ мяса ($\frac{3}{4}$ фунта) и хлѣба ($2\frac{1}{2}$ фунта въ сутки). Выводы этихъ опытовъ однакоже весьма разнятся, если производятся надъ разными людьми, въ разныхъ условіяхъ жизни.

«Несомнѣнно, что организмъ каждаго человека приспособленъ къ той пищѣ, которую онъ употребляетъ во всю свою жизнь и которую употребляли его отцы, дѣды и пра-дѣды. Русскій пахарь питается почти исключительно ржанымъ хлѣбомъ; а степной кочевникъ—мясомъ. Тотъ, кто сказалъ бы, какъ то многіе утверждаютъ, что человекъ есть существо всеядное, рисковалъ бы жестоко ошибиться. Зажиточный европеецъ до того приспособился къ смѣшанной животно-растительной пищѣ, что внезапная перемѣна этой пищи на чисто-животную или чисто-растительную была бы для него вредна.

«Но спрашивается, къ какой пищѣ приспособленъ организмъ человека самою природою? Обращая вниманіе на сравнительное строеніе пищеварительныхъ органовъ человека (его 32 зуба, между ними его 4 короткіе коренные зубы и средней сравнительной длины пищеварительный каналъ, который въ шесть разъ длиною своею превосходитъ тѣло), находятъ, что человекъ предназначенъ природою къ пищѣ, менѣе легковаримой, чѣмъ мясо, но болѣе удобоваримой, чѣмъ трава. По сравненію пищеварительныхъ органовъ человека съ тѣми же органами ближайшихъ къ человеку животныхъ, находятъ въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, точнѣйшее сходство человека съ высшими обезьянами, у которыхъ число и устройство зубовъ тоже и длина пищеварительнаго канала таже, и которыя питаются исключительно растительною, сочною или мучнистою пищею: плодами, древесными почками, даже цвѣтами, но вовсе лишены инстинктовъ нападенія на другихъ животныхъ съ цѣлю пожирания. Отсюда зоологи давно вывели заключеніе, что человекъ приспособленъ природою къ пищѣ растительной, но только къ мягкой или полумягкой. Употребленіе огня дало намъ возможность питаться и та-

кими растительными произведеніями, которыя безъ этого мало имѣли бы значенія, наприм. картофелемъ, зернами и т. п. Если же человекъ приспособленъ природою къ растительной пищѣ, то врядь ли мясо можно считать столь необходимою примѣсью къ пищѣ человека, какъ то считают многіе.

«Это и доказывается статистикою. Вычислено, что въ Европѣ вмѣсто требуемаго количества мяса ($\frac{3}{4}$ фунтовъ) приходится въ день только около $\frac{1}{10}$ этого количества на человека въ сутки. Да и то во всѣхъ странахъ міра большая часть мяса потребляется населеніемъ городовъ. Вычислено, что если бы во всей Европѣ зарѣзать всѣхъ имѣющихся теперь домашнихъ съѣдобныхъ животныхъ и раздѣлить поровну между всѣми жителями Европы, то каждому досталось бы требуемое количество мяса (около $\frac{3}{4}$ фунта) ежедневно на одинъ только годъ. Несомнѣнно, что въ самыхъ населенныхъ странахъ Азіи, въ Индіи, въ Китаѣ, въ Японіи, скотоводство совершенно ничтожно въ сравненіи съ европейскимъ; въ Китаѣ, въ Японіи вовсе почти не существуетъ, а въ Индіи многимъ милліонамъ индусовъ употребленіе мяса даже запрещено религіей. Слѣдовательно въ этихъ странахъ не можетъ быть и рѣчи о мясѣ, какъ народной пищѣ.

«Итакъ само человечество разрѣшаетъ вопросъ о своемъ питаніи совершенно иначе, чѣмъ нѣкоторые будто бы ученые: *огромное большинство людей питается не мясною, и не смѣшанною животно-растительною пищею, а чисто растительною.*

«Можно ли ждать измѣненія этого правила въ будущемъ? Никакъ. Въ Европѣ выяснилось то печальное обстоятельство, что изъ 16 европейскихъ государствъ въ десяти оказалось весьма замѣтное уменьшеніе числа домаш-

нихъ животныхъ (экспекторація). Это особенно замѣтно въ наиболѣе промышленныхъ государствахъ. Приходятъ къ общему заключенію, что чѣмъ больше населенность страны людьми, тѣмъ меньше населенность домашними животными. И главная причина такого соотношенія заключается именно въ степени распространенія земледѣлія и промышленности. Тоже неминуемо предвидится и въ будущемъ: съ распространеніемъ земледѣлія, промышленности и вообще цивилизаціи, при соотвѣтствующемъ увеличеніи народонаселенія, будетъ уменьшаться число домашнихъ животныхъ. Съ увеличеніемъ народонаселенія, когда замѣтно возвысится цѣнность растительныхъ произведеній, обширность пастушескихъ странъ и участковъ будетъ замѣтно уменьшаться. А придетъ время, когда человечеству не достанетъ мѣста для произведенія даже того ничтожнаго количества мясной пищи, какое производится въ настоящую эпоху. При вопросѣ о будущемъ питаніи человека важно и соотношение цѣнности хлѣба и мяса. Растенія и животныя вырабатываютъ органическое вещество изъ почвы, воды и воздуха. Растеніе черпаетъ сырой матеріалъ, имъ перерабатываемый, изъ первыхъ источниковъ; животное же получаетъ себѣ въ работу матеріалъ, однажды уже переработанный (растеніемъ). Такъ какъ произведеніе, дважды переработанное, всегда дороже произведенія, переработаннаго одинъ разъ, то въ земледѣльческихъ странахъ мясо всегда будетъ дороже хлѣба. Это и подтверждается сравнительнымъ возвышеніемъ цѣны. Эта неравномѣрность въ будущемъ станетъ еще значительнѣе, такъ какъ земли все дальше и дальше распахиваются, а относительное число скота въ Европѣ уменьшается.

«Всѣ эти соображенія заставляютъ признать за несомнѣнную истину, что въ будущемъ животная часть человѣ-

ческой пищи не только уменьшится противъ настоящаго, но даже и вовсе исчезнетъ. Человѣкъ самыми обстоятельствами влечется къ растительной пищѣ.

«Слѣдуетъ ли изъ этого, что и человѣческія племена будутъ ухудшаться? Ни подъ какимъ видомъ.

«Существуетъ въ Европѣ общество, поставившее себѣ задачею, не только питаться исключительно растительною пищею, но и распространять то убѣжденіе, что эта пища есть единственно естественная и согласная съ природою человѣка. Члены этого общества называютъ себя вегетаріанцами и, очевидно, вѣрно оцѣнили дѣло. Доказано, что между растительною и животною пищею не существуетъ основнаго различія. Многія растительныя вещества содержатъ бѣлковины больше, чѣмъ мясо и яичный бѣлокъ: а бѣлковина—самая нужная часть пищи (въ этомъ отношеніи отличаются особенно стручковые растенія, чечевица, горохъ, бобы). Доказано опытами, что одинаковая примѣсь то мяса, то стручковыхъ плодовъ (гороха и т. п.), къ одинаковому количеству хлѣба, служить къ полному достиженію цѣлей питанія, что выражается сохраненіемъ постоянства вѣса и поддержаніемъ силъ на одномъ неизмѣнномъ уровнѣ.

«Будетъ ли растительная пища въ состояніи способствовать дальнѣйшему развитію человѣчества? Къ приближенно-вѣрному отвѣту на этотъ вопросъ мы придемъ, если сравнимъ, въ отношеніи образа жизни, народы, смѣнявшіе другъ друга въ теченіи вѣговъ и тысячелѣтій. Считаютъ доказаннымъ, что первобытный до историческій человѣкъ зналъ уже употребленіе огня и питался всевозможными животными, обильно населявшими дремучіе лѣса, горныя ущелья, рѣки и озера. Домашнихъ животныхъ при немъ не было, о земледѣліи не было и помину. Присоединялъ ли онъ къ своей пищѣ какія нибудь растенія, неизвѣстно, такъ какъ ника-

кихъ слѣдовъ этого не осталось. Въ дальнѣйшей степени развитія, наприм. у озерныхъ обитателей свайныхъ построекъ Швейцаріи, найдены остатки изъ каменныхъ орудій, изъ костей животныхъ, которыя и теперь живутъ въ Европѣ; многія изъ этихъ костей принадлежатъ животнымъ уже прирученнымъ: воламъ, козамъ, овцамъ, собакамъ, лошади; вмѣстѣ съ ними попадаются и зерна пшеницы, ячменя, ячменные колосья, плоды, даже обугленный печенный хлѣбъ. За такъ называемымъ каменнымъ вѣкомъ послѣдовалъ вѣкъ бронзовыхъ издѣлій. Въ эту эпоху земледѣльческая жизнь была уже болѣе развита; очевидно, начали уже развиваться и ремесла, такъ какъ найдены тутъ остатки пряжи льняныхъ тканей. Таковы крупнѣйшія черты постепеннаго развитія европейскаго человѣка въ доисторическія времена. При этомъ, безъ сомнѣнія, дѣйствуетъ не свойство пищи, а сама земледѣльческая промышленность, которая требуетъ большаго напряженія ума, и обезпечиваетъ человѣка въ заботахъ о вседневномъ пропитаніи несравненно лучше и полнѣе, чѣмъ звѣроловство и скотоводство. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ право сказать, что мясная пища и сопряженный съ нею образъ жизни не имѣли ни малѣйшаго вліянія на преспѣваніе доисторическаго человѣка. Если бы люди не открыли возможности питаться плодами искусственно возвращенныхъ растений, то они вѣроятно бродили бы и до сихъ поръ, подобно американскимъ дикарямъ или кочующимъ ордамъ центральной Азіи. Къ этому слѣдуетъ еще присовокупить, что въ средѣ двухъ главнѣйшихъ и самыхъ многочисленныхъ человѣческихъ породъ, кавказской и монгольской, наименѣе умственно-развитыми являются тѣ народы, которые всего болѣе придерживаются мясной пищи. Въ страны ледовитаго прибрежья, не поддающіеся земледѣлію, населены рыболовными народами, стоящими на самой низкой степени развитія.

Близко подходят къ нимъ по развитію племени, занимающіяся звѣриною ловлею въ сѣверныхъ холодныхъ странахъ обоихъ материковъ. Степи и пустыни повсюду прокармливаютъ мясомъ и молокомъ сравнительно рѣдкое, кочующее или пастушеское население, состоящее изъ дикарей или варваровъ. Даже отрасли цивилизованныхъ націй мѣстами стали возвращаться къ варварству, подъ вліяніемъ пастушеской жизни, каковы нѣкоторыя отрасли Европейцевъ въ южной Америкѣ. Словомъ, мы и теперь замѣчаемъ въ средѣ мясоядныхъ племенъ тотъ же застой, ту же дикость и варварство, въ которые долго погружены были племена до историческихъ временъ. Для преспѣянія человѣчества необходимо полное по возможности замиреніе земли и исчезновеніе мясоядныхъ дикарей. Ибо, съ точки зрѣнія естествоиспытателя, сама исторія, въ крупнѣйшихъ чертахъ своихъ, есть нечто иное, какъ борьба мясоядныхъ варваровъ съ земледѣльческими хлѣбоядными народами. Она состоитъ именно въ постепенномъ совершенствованіи земледѣльческихъ племенъ, при вытѣсненіи пастушескихъ, пребывающихъ на степени дикаго невѣжества. Величайшія историческія катастрофы опредѣлены огромными переселеніями мясоядныхъ варваровъ. Величайшія эпохи преуспѣянія и развитія совпадаютъ съ переходами этихъ варваровъ отъ исключительно мясной пищи къ растительной и къ земледѣлію. Весь этотъ хаосъ, такъ долго царствующій во внутренности Азіи, не есть ли слѣдствіе дикости мясоядныхъ племенъ, не успѣвшихъ или не сумѣвшихъ пока сѣсть на растительную пищу, среди трудныхъ условій занимаемыхъ ими странъ?

«Итакъ широкій взглядъ на развитіе человѣчества, отъ отдаленныхъ временъ каменнаго вѣка до нашихъ дней, показываетъ, что родъ людской всѣми силами стремится къ превращенію поверхности своей земли въ пахатныя поля и

сады. Задержкою въ этомъ стремленіи служатъ именно мясоядные народы, которые и являются основною причиною борьбы въ средѣ человѣчества. Послѣ этого мы вправѣ заключить, что преобладаніе мяса въ пищѣ, а тѣмъ болѣе исключительно мясная пища свойственны лишь дикому и варварскому человѣку. Самая древняя цивилизація дальняго востока возникла среди народовъ, питавшихся преимущественно или даже исключительно растеніями (среди фитофаговъ). Какъ ни низка намъ кажется цивилизація Китая, но и она, во всякомъ случаѣ, далеко выше той степени развитія, на которой остановились степныя орды, подвластныя той же китайской имперіи. Еще выше стояла образованность древней Индіи, развивавшаяся среди племенъ, отказавшихся отъ всякой животной пищи. Самые греки, философія, наука и искусство которыхъ послужили основою европейской образованности, отличались, въ лучшія времена своей исторіи, величайшею умѣренностью, питаясь преимущественно растеніями. За это они даже получили прозвища малоѣдовъ и листоѣдовъ (микротрапези и фюллотрогес).

«Изъ приведенныхъ соображеній нельзя заключать прямо, что растительная пища лучше всякой другой способствуетъ умственному развитію человѣка; однакоже несомнѣнно, что пища чисто мясная опредѣляетъ образъ жизни, несовмѣстимый съ преспѣяніемъ человѣчества. Что же касается до смѣшанной животно-растительной пищи, то на основаніи перечисленныхъ фактовъ можно только утверждать, что не она подвинула родъ человѣческій на путь цивилизаціи. Ибо виновники самыхъ высокихъ религіозныхъ и нравственныхъ идей, самой возвышенной философіи и науки, нерѣдко черпали свои физическія силы только изъ царства растеній.

«Предразсудокъ о безусловной необходимости смѣшанной животно-растительной пищи зародился исторически, вслѣд-

ствіе долговременной привычки зажиточныхъ классовъ европейскаго населенія. Такъ какъ въ извѣстныхъ слояхъ европейскаго общества смѣшанная животное-растительная пища передавалась изъ рода въ родъ въ продолженіи многихъ вѣковъ, то понятно, что самый организмъ европейца приспособился къ этого рода пищѣ. Но этотъ предразсудокъ исчезнетъ самъ собою, вмѣстѣ съ неизбежнымъ упадкомъ скотоводства и расширеніемъ земледѣлія, вмѣстѣ съ неотвратимымъ исчезновеніемъ пустынныхъ лѣсовъ и превращеніемъ луговъ въ пахатныя поля, что замѣчается вездѣ въ образованныхъ странахъ (уже захватывая даже нашу уфимскій край, напр. въ мензелинскомъ уѣздѣ). Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что вѣкъ высшаго развитія челоѣчества совпадетъ въ такими временами, когда челоѣкъ будетъ черпать свои физическія силы почти исключительно изъ царства растеній. Любовь не только къ одному челоѣчеству, но и ко всему живому, даже ко всему, что входитъ въ составъ вселенной, вотъ высшая черта нравственно-развитаго челоѣка. А это качество, качество высшей гуманности, очевидно, не вяжется съ убійствомъ хотя бы и безсловестнаго животнаго. Въ Европѣ давно существуютъ общества покровительства животныхъ; но искусственно созданная потребность нѣкоторой части челоѣчества къ мясной пищѣ считается достаточной причиной для отнятія жизни у этихъ заботливо охраняемыхъ существъ. Мы всѣ до того привыкли ѣсть или видѣть, какъ другіе ѣдятъ мясо, что намъ при этомъ не приходится и на мысль объ убійствѣ тѣхъ животныхъ, куски которыхъ лежатъ предъ нами на блюдѣ. Тамъ гдѣ-то за городомъ есть бойня, отвратительное, смрадное и кровавое мѣсто, гдѣ рѣжутъ, дерутъ, рубятъ и цѣдятъ кровь изъ жилъ. Но кто же туда заглядываетъ! Кто желалъ бы, чтобы все общество состояло изъ мясниковъ!

Тамъ гдѣ-то на полѣ бранномъ валяются тысячи мертвыхъ и полумертвыхъ челоѣческихъ тѣлъ, растерзанныхъ и всячески измощенныхъ. Но что же дѣлать? Война необходимое зло, имѣющее и свою хорошую сторону: она освѣжаетъ общественную атмосферу, подобно грозѣ. Думается, что два эти явленія находятся въ несравненно болѣе тѣсной связи, чѣмъ то думаютъ обыкновенно. То и другое говоритъ еще о великой грубости чувствъ. Поэтому нечего жалѣть о будущемъ неизбежномъ исчезновеніи, по крайнѣй мѣрѣ, о значительномъ уменьшеніи той животной примѣси къ челоѣческой пищѣ, которая весьма много способствуетъ грубости нравовъ».

Таково-то содержаніе ученой статьи, которою мы выражаемъ ученымъ ненавистникамъ святыхъ постовъ православной церкви. По выраженію статьи, «преобладаніе мяса въ пищѣ, а тѣмъ болѣе исключительно мясная пища свойственны лишь дикому и варварскому челоѣку». А мы прибавимъ отъ себя, что отстаиванье необходимости постоянного кругло-годнаго мясоястія не только для себя, но и для всего православно-русскаго народа, свойственно, если не дикарямъ и варварамъ, то людямъ невѣжественнымъ. *Глаголющія быти мудри обзюродьша.* Воображаютъ себя мудрецами, учеными, а учености, а мудрости въ нихъ столько, сколько въ извѣстныхъ ученыхъ челоѣкообразныхъ, которыя безъ размышленія и отчетливаго сознанія способны только подражать чужеродному, чтобы откинуть съ пренебреженіемъ свое, свое родное, народное, отце-преданное, вѣками утвержденное, древней вселенскою церковію освященное.

Говорятъ, будто святые посты вредятъ народному здравію, особенно же губительны для дѣтей, поражая въ нихъ пораженіе желудка (такъ называемые катарры). Но это

пораженіе во первыхъ измышлено, по меньшей мѣрѣ, преувеличено. Никогда мнѣ слышать не приходилось о катаррахъ желудковъ у простыхъ людей; напротивъ, кто изъ образованныхъ мясоедовъ не жалуется на эти катарры? А въ простомъ народѣ, особенно у дѣтей, пораженіе желудковъ происходитъ отъ тысячи причинъ, въ основѣ которыхъ лежатъ бѣдность и невѣжество простаго народа, совершенное отсутствіе въ немъ знанія такъ называемой гигиены, науки о сохраненіи здравія, да и крайняя скудость способовъ соблюдать правила этой науки въ простонародномъ сельскомъ быту. Послѣдите за простонароднымъ ребенкомъ,—какъ еще Богъ сохранилъ его? Родился онъ гдѣ либо въ полѣ, весной или осенью; положенъ вмѣсто колыбели подъ кустъ. У него нянька какая либо его же двухлѣтняя сестра. Для него и въ избѣ нѣтъ теплаго и чистаго угла. Въ самой колыбели у него нищета и нечистота. Растутъ дѣти или въ грязи улицъ и дворовъ лѣтомъ, или въ курныхъ и холодныхъ, гнилыхъ и вонючихъ избахъ зимою, часто вмѣстѣ со скотомъ. Зимою и лѣтомъ ползаютъ и бѣгаютъ чуть не нагія. Въ холода прячутся на горячей печи, оттуда сползаютъ на землю и сейчасъ же на дворъ. Пьютъ воду, какую Богъ послалъ, часто гнилую, часто ледяную. Грызутъ всякую овощную сырость, благо-Богъ посылаетъ. Часто терпятъ большую скудость въ какомъ бы то ни было питаніи. Я самъ росъ съ дѣтьми, которыя по полугодю хлѣба не видали, да и какой это былъ хлѣбъ, когда они его видали и ѣдали! Въ здѣшнемъ краѣ, въ иномъ даже простонародномъ домѣ, и домашнія животныя не вдругъ бы за него хватились. Вотъ куда слѣдуетъ устремить свою заботу нашимъ якобы ученымъ печальникамъ народнаго здравія: народъ нужно учить о здоровому и полезному. А то плохое дѣло, плохое ручатель-

ство за преспѣваніе народа, колебать нравственно-религіозныя основы народной жизни!

Подумали бы эти печальники народнаго здравія, что желая колебать исконное учрежденіе святыхъ постовъ, они колеблютъ крѣпость народнаго духа. Крѣпость духа человека и народа познается во дни искушеній. Подумайте, сколько русскій человекъ вынесъ на своихъ плечахъ военныхъ погромовъ, на пространствѣ своей тысячелѣтней исторіи? Какъ выносилъ бывалъ всегда православный христіанобивый русскій воинъ? Посмотрите, менѣ ли храбро бился русскій воинъ при равно-апостольномъ Владимірѣ и великомъ Ярославѣ, при святомъ Александрѣ Невскомъ и царѣ Іоаннѣ IV Грозномъ, чѣмъ при Петрѣ I и Александрѣ II? А вѣдь въ тѣ древнія времена русскіе воины, чтобы не разрѣшать постовъ и на брани, брали съ собою въ запасъ только хлѣбъ да толокно, да тому подобное. Да гдѣ на войнѣ и прихотничать? Да и не годится тамъ нѣжиться и роскошествовать, когда смерть глядитъ каждому въ глаза. Подумайте, чѣмъ и теперь на войнѣ бываетъ сытъ простой русскій воинъ. Почитайте, вспомните, чѣмъ онъ сытъ бывалъ даже въ самую недавнюю восточную войну. Откуда же эта терпѣливость нравственная, откуда эта выносливость физическая? Оттуда, что православный русскій человекъ отъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ получилъ заветъ и навыкъ довольствоваться малымъ, соблюдать постъ, покоряться Богу и церкви, не щадить живота за вѣру и за Царя. А будутъ ли лучше биться со врагомъ новыя поколѣнія русскихъ воиновъ, въ родѣ тѣхъ юношей, которымъ даже внѣ строя внушается надѣвать шапки въ крепныхъ ходахъ въ виду святыхъ, въ прекрасные теплые дни, чтобы они не простудили своихъ головъ, или же позавтракать даже предъ обѣдею въ день говѣнья, чтобы не

ослабѣли... Инославные вѣдь и причащаются по-завтракавши, у нихъ это позволено. Такъ и русскимъ челоукообразнымъ не перенять ли, не разрѣшить ли себѣ и этотъ постъ? Это самоугожденіе, это баловство всякой плотской прихоти спускаетъ свое разрушительное дѣйствіе подъ самые корни народной жизни. Подумали бы эти мнимо-ученые ненавистники святыхъ постовъ, что воздержность народа, что простота въ пищѣ и питіи, что простая черта насыщенія хлѣбомъ, да зернами, да бобами, служатъ символическимъ знакомъ крѣпости душъ и тѣлесъ не только въ нашемъ народѣ, но служили тѣмъ же и въ древнихъ историческихъ народахъ. Пока спартанцы довольствовались своими скудными похлебками на своихъ общественныхъ трапезахъ, до тѣхъ поръ они были спартанцы, носители славнаго несокрушимаго спартанскаго духа. Пока и въ Римѣ роскошь въ пищѣ, въ питіи, какъ и въ одеждѣ и во всемъ, преслѣдовалась съ успѣхомъ, какъ государственное преступленіе, тогда Римъ, желѣзною крѣпостію своего духа, быстро покорилъ всю вселенную. Но съ тѣхъ поръ, какъ дотолѣ непобѣдимые кареагеняне растлились въ нѣгѣ и роскоши италіанской Капуи; а римляне растлились въ нѣгѣ и роскоши ограбивъ богатства Кареагена и всего свѣта; съ тѣхъ поръ какъ нѣкогда доблестная при Леонидахъ и Мильтіадахъ Эллада потонула въ распущенности своихъ влестителей римлянъ; съ тѣхъ поръ, какъ родъ людской услышалъ о чудовищной роскоши и обжорствѣ на пиршествахъ Лукулла, Тримальхіона и другихъ, гдѣ римляне ѣли безумно, тутъ же извергали пищу искусственно производимою рвотою и снова принимались ѣсть, безумно и безобразно, *сласть мнѣе всеневное насыщеніе*, — куда то дѣвалась вмѣстѣ съ тѣмъ и вся крѣпость древняго образованнаго челоучества? Не жалѣйте же, что нашъ рус-

скій народъ соблюдаетъ святые посты. Пока онъ ихъ соблюдаетъ, мы несокрушимы. И храни Богъ, если по изнѣженности чрева, по безразличной холодности къ древне-отеческимъ завѣтамъ, по ненависти и пренебреженію къ уставамъ церкви, русскій христолюбивый людъ станетъ походить на своихъ мнимо-ученыхъ руководителей.

Подумали бы и о томъ, что, сисясь отнять у народа святые посты, эти печальники народнаго благоденствія, не думая, не созная, хотятъ отнять у народа живѣйшую утѣху душъ. По истинѣ я и самъ не знаю, гдѣ душевныя радости, гдѣ идеалы у нашего образованнаго класса? Сказать бы, въ театрахъ, въ клубахъ, въ пиршествахъ, въ увеселеніяхъ? Но видишь, слышишь и читаешь всюду, что все это всѣмъ имъ жестоко надоѣло и прискучило. Всѣ радости куда то изъ ихъ круга улетѣли, идеалы испарились. Не уподобляйте же себѣ народъ. Дико слышать, что у нѣкоторыхъ страстная недѣля не многимъ отличается отъ масляной; что въ великую пятницу, сѣдая хорошій рыбный обѣдъ, они воображаютъ себя исполняющими уставъ церкви, по крайней мѣрѣ угождающими народному обычаю; что въ первый день святыхъ Пасхи, разговляясь въ три часа утра, послѣ ранняго пасхальнаго богослуженія, это они дѣлаютъ не иное что, какъ ужинаютъ по своему ежедневному обычаю. У нихъ радостей поста, страстной недѣли, свѣтлаго дня Христова нѣтъ почти ни слѣда. Пусть же они не отнимаютъ этихъ радостей у народа. У народа онѣ остались, эти самыя свѣтлыя и чистыя радости: радости поститься въ св. постъ и усиленно молиться; радости бить велико-постные поклоны и ждать утѣшенія страстныхъ и свѣтлыхъ пасхальныхъ дней; радости кланяться страстемъ Христовымъ и пѣть *Христосъ воскресъ* съ отошалами отъ поста тѣлами и очищенными чувствами; наконецъ чистыя

же радости разговѣться послѣ не легкаго, а иногда и тяжкаго поста въ свѣтлое утро свѣтлаго Христова дня освѣщенными яствами и затѣмъ ликовать во всю свѣтлую седмицу, растворяя чисто духовное веселіе и благословеннымъ разрѣшеніемъ церкви на вся, на утѣшеніе веле... Можемъ сказать по опыту не испытавшимъ, что живѣе этой радости у нашего Христолюбиваго народа нѣтъ. Зачѣмъ же ее отнять? Она вѣдь вѣковая, она тысячелѣтняя радость, да и чиста она и свята; она крѣпитъ и душу и тѣло; крѣпитъ душу и тѣло и тѣшитъ радостью благословеннаго свѣтло-пасхальнаго разрѣшенія на вся, потому что ему предшествуетъ живѣйшая радость святаго поста.

Это знаютъ по опыту всѣ постящіеся. Это знали еще древніе израильтяне. И было къ пророку Захаріи слово Господа Саваога: *постъ четвертаго мѣсяца, и постъ пятаго, и постъ седмаго, и постъ десятаго содѣлается для дома Іудина радостію и веселымъ торжествомъ; только любите истину и миръ. Такъ говоритъ Господь Саваога: еще будутъ приходить народы и жители многихъ городовъ; и пойдутъ жители одного города къ жителямъ другаго и скажутъ: поидемъ молиться лицу Господа, и взыщемъ Господа Саваога. И каждый скажетъ: пойду и я. И будутъ приходить многія племена и сильныя народы, чтобы взыскать Господа Саваога въ Іерусалимъ и помолиться лицу Господа. Такъ говоритъ Господь Саваога: будутъ въ тѣ дни, возмутся десять человѣкъ изъ всѣхъ разноязычныхъ народовъ, возмутся за полу Іудея, и будутъ говорить: мы поидемъ съ тобою, ибо мы слышали, что съ вами Богъ (Зах. 8, 18—23). Видите, что пророчество древняго израильскаго пророка исполнилось. Вотъ уже почти двѣ тысячи лѣтъ идутъ въ Іерусалимъ многія племена и сильныя народы, чтобы взыскать Господа Саваога*

и помолиться тамъ лицу родившагося тамъ и постившагося, страдавшаго и воскресшаго Господа Іисуса Христа. И вышло, что постъ четвертаго и пятаго (считая по древнему новолѣтію съ сентября) мѣсяцевъ, нашъ рождественскій, и особенно седмаго мѣсяца, нашъ великій постъ, и постъ десятаго мѣсяца, нашъ петровъ, содѣлались для дома Іудина въ Іерусалимѣ радостію и веселымъ торжествомъ.

Эти посты, особенно же рождественскій и великій, составляютъ радость и великое торжество повсюду въ Христовой церкви. Для моей души нѣтъ ничего отраднѣе воспоминаній, какъ въ разныхъ концахъ святой Руси, какіе я видѣлъ, весь городъ торжественно въ духовномъ веселіи двигался на эти вотъ вечерни нынѣшняго прощеннаго воскресенья, на ефимоны первой недѣли великаго поста и Андреево или Маріино великое стоянье, на такъ называемыя пассіи и съ ваіями въ недѣлю Ваіи, на страсти Христовы и съ нихъ домой за полночь съ тысячами возженныхъ по улицамъ и площадямъ страстныхъ свѣчей, изъ церкви въ церковь въ великій пятокъ и въ пасхальную ночь для поклоненія плащаницѣ. Этихъ радостей выше на землѣ нѣтъ ничего. Помню, что со стѣнъ храмовъ въ эти дни лился дождь отъ духоты и тѣсноты; свѣчи въ церквахъ сами собою тухли отъ недостатка воздуха. Куда все это уходитъ? Разрѣшилъ мнящійся интеллигентный человѣкъ себѣ на вся, да хлопочетъ и о томъ, чтобы и мы разрѣшили себѣ на вся. У него пусто на душѣ; ему завидно, что у насъ пока еще не пусто, и онъ хлопочетъ, чтобы и у насъ было также пусто, какъ и у него. Лучше же приди и ты, не постящійся, въ церковь въ эти дни. Погляди, какъ постящіеся усиленно молятся и кланяются. Покланяйся и ты, не стыдись, молясь покаянною молитвою св. Ефрема Сирина: *Господи Владыко живота моего! Духъ унынія не даждь*

ми. И этот злой духъ отпрянетъ и отъ тебя, навѣрное. Навѣрное и у тебя на душѣ станетъ легче.

Братіе! Вѣрныя Богу и церкви ея чада! Послушаемся гласа церкви: время явилася благое, въ божественное веселіе души облакающее всякое лицо: приидите, весело сіе примемъ постомъ и молитвою предочищающеся. Время веселое поста! Тѣмъ же чистоты, и любви чистыя, молитвы свѣтозарныя, и всякія иныя добродѣтели насытившеся богато, свѣтло возопиѣмъ: Христе Боже, возрастивый сладость жизни, всѣхъ чистымъ сердцемъ Тебѣ поклонитися сподоби насъ, очищеніе намъ даруй и велию милости. Аминь.

1883 г.

ПОУЧЕНІЕ

на 19-е фѣвраля 1880 г., на день исполнившагося 25-лѣтія со времени восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя **ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА**.

Пришедше раби господина рѣша ему: Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на сѣль твою? Откуда убо имать плевелы? Онъ же рече имъ: врагъ чловѣкъ сіе сотвори. Раби же рѣша ему: хоцещи ли убо, да шедше исплелемъ я? Онъ же рече имъ: ни: да не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно съ ними и пшеницу. Оставьте расти обою купно до жатвы.—Матѣ 13, 27—30.

Се! изыде великій божественный Сѣятель, Богочловѣкъ Христосъ Исусъ сѣяти сѣмя свое на землю, божественное слово свое на ниву чловѣческихъ душъ, въ нѣдра чловѣческихъ обществъ. Этою нивою спервоначала были отжившій свою государственную жизнь еврейскій народъ и политически—отживающая римская вселенная; затѣмъ, по ея раздвоеніи, части ея восточная и западная, которыя пошли въ своемъ историческомъ развитіи двумя раздѣльными пу-

тиями; а далѣе съ одной стороны новѣйшія западно-европейскія общества, развивавшіяся подъ вліяніемъ культурныхъ началъ западно-римской имперіи и западно-католической церкви, а съ другой стороны наше отечество, воспитавшееся на началахъ, положенныхъ въ основу нашей культурной жизни вліяніемъ восточныхъ греческихъ имперіи и церкви.

Изъ посѣяннаго на этой нивѣ Господомъ Іисусомъ Христомъ сѣмени выросли всѣ стержни духовно-человѣческой и общественной жизни христіанскаго человѣчества. Выросли именно цѣльное христіанское міросозерцаніе, нравственный складъ, церковный и общественно-юридическій строй и наконецъ принципъ божественнаго происхожденія высшей общественной монархической власти. Нельзя сказать конечно, чтобы во всѣ эти жизненные основы ново-складывающагося христіанскаго міра не вошли элементы и прежней до-христіанской исторической жизни народовъ. Напротивъ какъ вещественное растительное сѣмя, для развитія растенія по роду своему, тянетъ обыкновенно соки изъ почвы, на которую оно всѣяно, — такъ и сѣмя слова Христова, въ живое растеніе обще-народной и обще-человѣческой христіанской жизни, втягивало соки изъ почвы человѣческихъ душъ, связанныхъ въ общины, воспитанныя предшествующею исторіею и культурою. Эти соки почерпались изъ основъ прежнихъ до-христіанскихъ вѣрованій и знаній, изъ основъ сложившихся нравовъ и обычаевъ, изъ основъ установившагося не только юридическаго, но и религіознаго быта, наконецъ изъ утвердившихся воззрѣній на источникъ общественной власти. Эти соки, однакоже, воспринимались въ живую организцію христіанства не въ первобытномъ своемъ видѣ. Напротивъ въ жизненномъ процессѣ развитія божественнаго сѣмени въ древо жизни христіанскаго міра, все старое до-христіанское, все какъ здоровое естественное-

человѣческое, нажитое прежнею исторіею и культурою, такъ и болѣзненное, уродливое, разрозненное, разлагающееся, даже гнилое, все это перерабатывалось и перерождалось, очищалось и освящалось, утончалось и возвышалось, и въ этомъ уже перерожденномъ видѣ спланивалось въ цѣльное жизненное единство. Вслѣдствіе этого новое христіанское сѣмя породило изъ себя дѣйствительно новую жизнь человѣческихъ обществъ, именно: новую цѣльную крѣпко связанную, въ основѣ божественно-непогрѣшимую систему міровоззрѣнія, — новый богооткровенный законъ нравственности, постепенно вливавшійся въ нравственный устой обществъ, — новую богооснованную церковь и іерархію съ ея канонами, священными чинопослѣдованіями и уставами, — новый, оживотворенный идею Божественной правды, кодексъ законовъ общественныхъ и государственныхъ, и новый, съ одной стороны очищенный, а съ другой возвышенный принципъ верховной власти. Обновленіе принципа верховной власти заключалось въ томъ, что императоръ христіанской римской имперіи сталъ богопоставленнымъ епископомъ внѣшней стороны церкви, какъ общества христіанскаго, сталъ первороднымъ сыномъ церкви, ея покровителемъ и защитникомъ, блюстителемъ ея правъ и законовъ, оградой безопасности и безпрепятственности ея жительства и дѣятельности, въ то же время источникомъ и государственной власти, источникомъ всѣхъ правъ и законовъ гражданскихъ, верховнодержавнымъ повелителемъ народовъ Божіею милостію, богоизбраннымъ и превознесеннымъ помазанникомъ Божіимъ; тогда какъ тотъ же императоръ — язычникъ, глава языческой имперіи, былъ съ одной стороны только вождемъ войска и при его насильственномъ посредствѣ поработителемъ отчества, узурпаторомъ его верховныхъ правъ, а съ другой стороны былъ самоузаконеннымъ самозваннымъ богомъ,

предметомъ принудительнаго обожанія и божескаго поклоненія для своихъ народовъ. Да и короли новыхъ европейскихъ народовъ, до принятія христіанства, были только воинскими вождями родныхъ себѣ, наплывныхъ въ данной землѣ дружинъ и поработителями коренныхъ, издавна осѣдлыхъ въ странѣ народовъ. Вотъ плодъ божественнаго Христова сѣмени, которое на нивѣ человѣческой природы и исторіи развивалось въ произрастание ново-сложившихся христіанскихъ обществъ, оживотворяя, сгущая и освящая ихъ своею божественною, живительною, духоносною силою въ продолженіи тысячелѣтій даже до сего дня.

Но когда небесный Сѣятель сѣялъ свое божественное сѣмя, въ то же время не дремалъ, какъ и всегда не дремлетъ, и исконный врагъ Бога и людей. Когда люди ослабѣвали въ бодрости душевной, онъ въ немощи человѣческой природы всѣвалъ свое плевельное сорное сѣмя. Это грѣхи и разнообразныя заблужденія. Извѣстно, что заблужденія ума вліяютъ на уклоненія воли отъ божественной правды; а заблужденія воли, обратно, вліяютъ на уклоненія ума отъ божественной истины. Когда подъ вліяніемъ государственнаго единовластительства христіанскихъ императоровъ, греко-римскій христіанскій міръ умиротворился было отъ древнихъ ересей и расколовъ, воздымаемое благопріятно слагающимися обстоятельствами возношеніе духа антихристіанской гордыни въ древнемъ Римѣ произвело то, что римскій первосвященникъ превознесся превыше всего великаго и святаго въ мірѣ, такъ что возсѣлъ въ храмъ Бога живаго буквально на божественномъ престолѣ, усвоивъ себѣ разные божественные атрибуты и поверхъ сего божественное свойство непогрѣшимости, приѣмля не только отъ своихъ старѣйшихъ братій кардиналовъ, патріарховъ, архіереевъ, но и отъ богопоставленныхъ повелителей народовъ, госуда-

рей и князей, какъ и всего христіанскаго міра, Божеское поклоненіе. Ключъ разумѣнія божественной истины римскіе первосвященники взяли исключительно въ свои руки, сами не входили въ храмъ истины и другимъ входить рѣшительно возбраняли. Это было великою ересью, великимъ насиліемъ надъ совѣстію людскою, которое и произвело свою реакцію. Эта великая латино-римская ересь, отпаденіе западно-христіанскаго міра отъ единства вселенской церкви, вслѣдствіе уклоненія римскихъ перво-священниковъ отъ вселенской истины, вызвала тамъ же, въ нѣдрахъ западнаго католичества, два новыхъ, великихъ міровыхъ взрыва ересей и расколовъ, одинъ великій взрывъ реформаціи въ католической Германіи, а другой еще большій взрывъ въ католической же Франціи, взрывъ революціи. Первою ересью реформаціи исторгнуто у римскаго насилія и предоставлено всякому христіанину право свободнаго толкованія Слова Божія, независимо отъ церковнаго авторитета, съ отверженіемъ всего церковнаго преданія. А второю ересью, ересью революціи, отвергнуто и писанное Слово Божіе, какъ Слово Божіе, ниспровергнуты всѣ основы христіанства, всѣ основы вѣроученія и нравственности и общественнаго христіанскаго строя; а монархическій принципъ попоранъ и обезглавленъ. По взрывѣ реформаціи, не смотря на свободу толкованія Слова Божія, независимую отъ авторитета церкви и древняго преданія, еще долго держались даже въ протестантскомъ мірѣ протестантская такъ называемая ортодоксія, т. е. обязательная вѣра въ ветхій и новый заветъ, а европейская наука вся еще была въ полномъ подчиненіи у христіанской догматики. Но не задолго до революціи, наука пошла уже сперва независимо отъ Библии, потомъ въ сторону, а скоро и прямо противъ Библии. А съ революціи Богъ уже совершенно изгоняется изъ церкви,

какъ общества человѣческаго, и вмѣсто Бога небеснаго во храмѣ, на престолѣ Божіемъ, возсѣлъ, какъ Богъ, выдавая себя за Бога, человѣческій разумъ, олицетворенный въ лицѣ позорной женщины. Но и революція въ своемъ развитіи порождаетъ новую ересь, новое отпаденіе ума человѣческаго отъ истины. Къ нашимъ послѣднимъ днямъ отрицается уже божественность самаго разума, и разумъ уже низводится съ престола Божія. Разумъ самъ себя превращаетъ не болѣе, какъ въ гармоническую игру позорныхъ шариковъ, въ отзвукъ разсыпающагося вещества. А всего человѣка собственный же разумъ превращаетъ изъ духовнаго царя природы въ эемернаго грабителя природы, въ родъ какаго либо муравья, или кровопійцы комара, въ кроваваго животное, въ свирѣпаго болѣе вооруженнаго всеистребляющаго звѣря, по закону борьбы за существованіе. Кто знаетъ вспомните. Въ поразительно-величественной, въ христіанскомъ смыслѣ, кончинѣ «христіаннѣйшаго», какъ ихъ называли, короля Людовика XIV, западное христіанство само себя приготавлило къ смерти и отпѣвало. Съ тѣхъ поръ всѣ проявленія религіозности быстро исчезаютъ изъ всѣхъ проявленій жизни западно-европейскаго общества. Религіозныя церемоніи, такъ многочисленныя прежде въ западной церкви, прячутся въ храмы, не смѣя показываться наружу. Храмы оскудѣваютъ молящимися. Христіанская поэзія, христіанскія повѣрья, христіанскіе обычаи, даже по сельскимъ весямъ, тухнуть и потухли. Университеты освободились отъ господства богословія, которое потеряло почти всѣхъ своихъ адептовъ. Изъ-за народныхъ училищъ, изъ-за вліянія на нихъ религіи и духовенства идетъ такъ называемая культурная борьба. Училища, по домогательству самихъ правительствъ, становятся болѣе и болѣе безъисповѣдными. Появился новый, неслы-

ханный родъ людей, безъисповѣдниковъ, которые не только признають, но и официально провозглашаютъ себя не принадлежащими ни къ какой религіи и церкви. Свобода, которую на своемъ знамени написала было революція, значить для нея только право ея господства надъ всѣмъ противоположнымъ, право даже истребленія всего анти-революціоннаго. Оттого христіанство на западѣ тѣснятъ и гонятъ по всѣмъ пунктамъ. Не такъ давно парижскій архіепіскопъ даже не разстрѣлянь, а застрѣленъ просто, какъ застрѣливаютъ неудобную домашнюю животину. Вытѣсняются даже общечеловѣческія начала свободы совѣсти, семейственности, собственности. Отрицательная философія быстро и рѣшительно переходитъ въ отрицательную практику, объявляя борьбу за существованіе всякому противоположному міросозерцанію. Общества коммунистовъ, социалистовъ, интернаціоналовъ громко провозглашаютъ уже свое право на грабежъ, разрушеніе, убійство, царубійство... Провозглашаютъ и осуществляютъ.

Поворотитъ ли западно-европейскій міръ когда либо назадъ къ прежнему міросозерцанію? Въ подробностяхъ, въ характерѣ, въ энергіи отрицанія, можетъ быть; въ существѣ отрицанія, въ его коренномъ значеніи, едва ли. Борьба такъ называемой науки противъ вѣры, замѣтите, начинается съ слѣдующаго пункта. Галилей съ Коперникомъ дерзнули низвести землю изъ достоинства центра мірозданія и божественнаго домостроительства въ значеніе песчинки, не болѣе; а видимому міру, который для міровоззрѣнія предыдущихъ вѣковъ замыкался птоломеевою системою вращающагося около земли звѣзднаго круга, дерзнули указать предѣлы въ безпредѣльности. Тогда отважные умы раздвинули до безпредѣльности предѣлы видимаго міра въ пространствѣ. А въ послѣдніе два вѣка умственная отвага

раздвигаетъ пределы міра въ безконечность уже и во времени. Отсюда произошла перестановка исконныхъ обще-человѣческихъ, особенно же христіанскихъ воззрѣній на все самое завѣтное: на причину и цѣль міра, на происхожденіе зла и смерти, на происхожденіе и древность человѣка, на свободу и нравственность, на искупленіе и боговоплощеніе, на богооткровеніе и исторію божественнаго домостроительства, на христіанскій строй и духъ современныхъ цивилизованныхъ обществъ, на божественный корень власти государственной и церковной, на семью и на собственность, на цѣль земной жизни и земное правосудіе, на безсмертіе и воздаяніе за гробомъ. Уразумѣть ли, захочетъ ли уразумѣть умъ человѣческій, съ какого пункта здѣсь начинается онъ заблуждаться, это вопросъ будущихъ вѣковъ, который единицами человѣчества можетъ рѣшаться по усмотрѣнію и вкусу каждаго, но для массы человѣчества, для критическаго ума теперь пока неразрѣшимъ.

Во всякомъ случаѣ плевельное сѣмя, всѣянное врагомъ Божиимъ на нивѣ Божіей, принесло на Западѣ христіанской Европы свой не сторичный, а неисчислимый плодъ.

Первыми великими сѣятелями святаго сѣмени слова Христова на широкой нивѣ русской земли были святыя равноапостольныя княгиня Ольга и внукъ ея вел. князь Владиміръ. Перенесенное изъ христіанской византійской имперіи, въ древнемъ видѣ апостольскаго православія, это сѣмя стало животворнымъ началомъ всего культурнаго развитія народной русской жизни. Быстро привившись, оно приросло къ русскому духу такъ крѣпко, что предки наши, лучшіе изъ нихъ, побѣдивъ въ себѣ старое двоевѣріе, смѣшеніе новыхъ вѣрованій христіанскихъ съ старыми суевѣріями языческими, вѣровали въ свое православіе съ такою беззавѣтною простотою, что папистамъ, желавшимъ

осѣтитъ ихъ латинскою прелестью и уловить спорами о вѣрѣ, новгородскій святитель далъ характерный отвѣтъ: «ступайте къ грекамъ, отъ которыхъ приняли мы свою Вѣру, да съ ними и спорьте, коль хотите». Эта же незыблемая вѣра Христова, проникая народный духъ, воспитала въ немъ незыблемую беззавѣтную вѣру и въ царя, какъ въ образъ небснаго Царя царей,—незыблемую до того, что Русь святая въ своемъ смиреніи и терпѣніи, съ беззавѣтною покорностью вынесла тяжкую грозу пятидесятилѣтняго царствованія Іоанна Васильевича Грознаго. Но какъ великая русская земля отстала въ своемъ народномъ развитіи отъ остальнаго христіанскаго міра, то, чтобы спасти ее отъ чуждаго порабощенія, Промыслъ Божій послалъ ей новаго великаго сѣятеля въ лицѣ императора Петра I великаго. Мощною рукою бралъ онъ плоды христіанской цивилизаціи, развившейся въ христіанской Европѣ, и пересаживалъ ихъ на русскую почву. Благоговѣйный поклонъ предъ его великою любовью къ Россіи, его необычайнымъ геніемъ, его исполинскимъ неустаннымъ трудомъ, мозолистымъ трудомъ не только всеобъятнаго ума, но и царственныхъ Его рукъ: онъ спасъ Россію отъ будущаго разгрома, поставивъ ее, по воинскому и гражданскому развитію, въ уровень съ другими государствами. Но эти самыя посягательства на его жизнь, слышанныя при прежнихъ царяхъ, этотъ все-народный самосхранительный ропотъ на духъ реформы показывали, что мощный несокрушимый геній Петра поворачиваетъ старо-русскую жизнь на колею, по которой она ходить не привыкла и особенно такъ скоро. И вотъ знаменіе. Съ той поры и до послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины великой многіе изъ боярскаго интеллигентнаго круга болѣе и болѣе отчуждались отъ русской жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчуждались и отъ русской православной

христіанской вѣры. По кончинѣ императрицы Екатерины великой, совпавшей съ ужасами революціи, послѣдовали три царствованія, въ своемъ господствующемъ характерѣ, строго охранительныя.

Но вотъ въ великій день 19-го февраля 1855 г. на русскую землю изыде новый величайшій сѣятель сѣяти сѣмене своего, Благодѣйствѣйшій Государь нашъ Императоръ Александръ Николаевичъ. Такъ ясно я помню въ Петербургѣ свѣтлое утро этого разсвѣтающаго изъ-за грозныхъ тучъ великаго дня. Что-то Богъ пошлетъ? Грозныя обстоятельства, облежавшія тогда отечество,—то были самый разгаръ оказывавшейся непосильною намъ тогда, восточной крымской войны,—эта сдвинувшаяся наконецъ гроза дала могущественный толчокъ направленію новаго царствованія, показавъ, что Россіи, для спасенія своего обще-народнаго положенія, необходимы внутреннія усовершенствованія, необходимо снятіе вѣковыхъ путъ, мѣшавшихъ народному развитію, необходимъ новый пересадокъ плодовъ христіанской цивилизаціи, какіе породила она къ нашему времени въ опередившей насъ Европѣ. И вотъ изъ-за мрачныхъ тучъ, послѣ великаго кроваваго дождя, выглянуло новое красное солнце Россіи. Взошелъ на престолъ Государь, изъ всѣхъ прежнихъ нашихъ Государей, наиболѣе тщательно и правильно, основательно и разносторонне образованный, Государь тихій, кротко улыбающійся, мирно и мѣрно свѣтящій и грѣющій, именно какъ утреннее солнце. И вспомните, какъ послѣ грозы закипѣла жизнь. Припомните, кто можетъ помнить, какъ Онъ началъ мощною, не порывистою, но непреклонно твердою рукою, необычайно мѣрнымъ, вѣрнымъ и свѣтлымъ умомъ, именно какъ сѣятель на нивѣ, въ новое утро русской жизни, въ утро новаго тысячелѣтія русской исторіи, сыпать сѣмена своихъ благотвореній по все-

му лицу русской земли. Помните, что Богъ даровалъ Ему необычайные несравненные успѣхи и въ расширеніи самой нивы Россіи, нивы, на которой теперь насаждается русское вліяніе,—успѣхи, по которымъ можетъ съ Нимъ сравниться, но не превзойти, развѣ только царь Иванъ IV Васильевичъ Грозный, покоритель Казани, Астрахани и Сибири. Припомните покореніе Кавказа, завоеваніе трижды облитого русскою кровью Карса съ Батумомъ; покореніе Кокана и Бухары, Самарканда и Ташкента, Туркестана и Хивы, свободное подчиненіе Кульджи и взятіе обширнѣйшихъ земель у Китаю. Вспомните, что духовное вліяніе наше проникаетъ и въ Японію и на сѣверъ Америки. Вспомните окончательное государственное присоединеніе Польши. Вспомните покореніе всей Турціи до Царя-града. Нужны были государственная мудрость, твердость духа и любовь къ народу, чтобъ захотѣть и сѣумѣть остановиться, сдѣлавъ слишкомъ много. Вспомните возвращеніе устьевъ Дуная, чрезъ которыя, въ продолженіе тысячелѣтій, утекло въ океанъ вѣчности такъ много славянской и русской крови. Вспомните величайшее дѣло освобожденія крестьянъ, дарованіе человѣческихъ и гражданскихъ правъ многихъ милліонамъ русскихъ и гражданскихъ правъ многихъ милліонамъ русскихъ подданныхъ, уничтоженіе вопіявшихъ на небо злоупотребленій душевладѣнія. Вспомните преобразование войска, уничтоженіе жестокостей въ его образованіи, уравниеніе всесловной воинской повинности,—единственное условіе при которомъ Россія можетъ не страшиться всесвѣтнаго гула вражды закованной въ желѣзо Европы противъ нашей силы и исторической обособленности. Вспомните дарованіе чуть не безусловной свободы слова и печати съ правомъ обсужденія внѣшне-политическихъ и всѣхъ внутреннихъ государственныхъ дѣлъ. Вспомните учрежденіе гласнаго судопроизводства, по формамъ упрощеннымъ, ускорен-

нымъ, извѣдавшимъ на опытѣ образованнѣйшихъ народовъ, приближеннымъ по идеѣ къ идеалу чловѣческаго правосудія. Вспомните основное преобразование высшей школы для высшаго образованія, — преобразование, которое заставляетъ быть дѣйствительно образованнымъ всякаго, кто только хочетъ носить имя образованнаго и пользоваться правами, издавна предоставленными образованію. Вспомните основаніе въ Россіи новаго, практически наиболѣзнейшаго для народныхъ массъ образованія реальнаго. Вспомните распространеніе народныхъ училищъ по всѣмъ весамъ русской земли. Вспомните преобразование и духовнаго образованія, съ одной стороны расширеніе его программъ, а съ другой устраненіе предметовъ ему несродныхъ и только обременявшихъ его. Вспомните введеніе всѣхъ дѣтей духовенства въ разрядъ обыкновенныхъ гражданъ, съ значительными правами по самому происхожденію. Вспомните устраненіе почти всѣхъ мѣръ, затруднявшихъ свободу совѣсти для единокровныхъ братій нашихъ, глаголемыхъ старообрядцевъ. Да и не достанетъ ми времени повѣстующу о всѣхъ благихъ дѣлахъ и начинаніяхъ величайшаго изъ царствованій: о совершенномъ почти устраненіи тѣлестныхъ и смягченіи всѣхъ прочихъ наказаній, о небываломъ развитіи торговли и торговыхъ предпріятій, объ организаціи русскаго земства и городского положеніи, о присоединеніи холмскихъ уніатовъ, о поднятіи православія въ западномъ и юго-западномъ краяхъ, о построеніи тамъ множества православныхъ храмовъ, какъ и въ остъ—зейскомъ краѣ, — о варшавскомъ и сибирскомъ университетахъ, объ опоясаніи всей Россіи желѣзными путями и телеграфами, о желѣзномъ и вольномъ флотахъ, о предположенныхъ сибирскомъ и средне-азиатскомъ желѣзныхъ путяхъ, о поворотѣ великой рѣки Аму-Дарьи въ старое русло, о громадныхъ сооруженіяхъ

мостовъ, соборовъ Исаіевскаго и московскаго Христа Спасителя и другихъ именитыхъ зданій, — о неисчислимыхъ благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденіяхъ, которыя получили свое бытіе въ царствованіе и будутъ носить царственное имя Александра II Освободителя. Все это было бы похоже на сказку, еслибъ не стало исполнинскою былью во очію нашу.

Вотъ истинно благотворное и святое сѣмя, которое, на громадной русской землѣ, въ исполинскихъ размѣрахъ, въ 25-лѣтіе величайшаго изъ царствованій, неустанно сѣялъ и продолжаетъ сѣять величайшій изъ когда либо посланныхъ Богомъ на землю сѣятелей, Всероссійскій Императоръ Александръ II Освободитель.

Но и врагъ всякаго добра не дремалъ, пока мы спали и спимъ. Онъ всѣялъ и всѣваетъ свои плевелы во всякое чистое сѣянье, вливаетъ свой губительный ядъ во всякое благое начинаніе. Нѣтъ возможности вѣдаться въ подробности. Скажемъ о сущности, чѣмъ отличается въ духѣ народа духъ настоящаго царствованія отъ предыдущаго. Мнѣ это ясно помнится и видится, потому что я самъ росъ и жилъ вмѣстѣ съ ростомъ русскаго духа, съ развитіемъ образованія въ два послѣднія смежныя царствованія. Въ предшествовавшее царствованіе не было свободы слова, свободы печати, свободы образованія, свободы ввоза книгъ, свободы путешествій за границу. Теперь все это даровано. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Россію разомъ ворвалось все, что въ Западной Европѣ чловѣческій умъ выработалъ анти-христіанскаго, анти-государственнаго, общественно—разрушительнаго. Русская печать теперь сказала все, что въ этомъ духѣ сказано на Западѣ, и сказала много такого, чѣмъ оставила позади себя не только старую Европу, но и старый языческій міръ. Въ русскомъ словѣ поругана не

только вѣра, но поруганы и всякая добродѣтель, всякое благородство, всякое приличіе, всякій изящный вкусъ, всякій общественный и семейный долгъ. Провозглашено разрушеніе всего святаго, всего отце-преданнаго, всякаго существующаго порядка, не только церковнаго, но и государственнаго и семейнаго. Въ чемъ тутъ существенная разница между эпохою и эпохою?

Немощи человѣческія и грѣхи воли существовали всегда, въ предыдущее царствованіе также, какъ и прежде; но въ послѣднимъ годамъ крѣпко погрѣшилъ и русскій умъ, погрѣшилъ уже не расколомъ, даже не ересью, а полнымъ и всестороннимъ разрушительнымъ отрицаніемъ. Въ прежнія царствованія нѣкоторое, впрочемъ крайне боязли-
вое вольномысліе водилось только въ высшихъ дворянскихъ и ученыхъ сферахъ. Теперь же оно, въ широкихъ размѣрахъ, открыто и необязанно идетъ до низшихъ слоевъ. Доказывалось прежде, что можно быть вольнодумцемъ, легкимъ философомъ атеистомъ, но въ то же время и прекраснѣйшимъ человѣкомъ. Факты доказали теперь всю неестественность этого положенія для массъ, доказали въ старомъ язычествѣ и въ старой Европѣ, доказываютъ и у насъ. Религія—узда безнравственности, мать гражданскаго порядка, корень всякой обще-человѣческой добродѣтели. Для искаженія историческаго хода достаточно, если вольномысліе утвердилось даже только въ высшихъ правящихъ сферахъ, которыя всегда и вездѣ до сихъ поръ дѣлали исторію народа. Чего же должно ждать, когда зараза дерзкаго отрицанія разольется, какъ и разливается, и до низшихъ народныхъ слоевъ? А факты показываютъ поврежденіе умовъ во всѣхъ краяхъ.

Назову только тѣ факты обнаруженій антихристіанскаго духа, которыхъ самъ былъ болѣе или менѣе непосредствен-

нымъ свидѣтелемъ. Предваряю, что о здѣшнемъ краѣ не скажу ни одной частности. Профессоръ читалъ публично о томъ, что Бога люди выдумали за 500 лѣтъ до Р. Х., и это будто бы вѣрно, какъ математика. Профессоръ читалъ публично, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны. Дарвинизмъ сталъ катихизисомъ высшаго разумія. Профессоръ, обязанный вѣрить, употребляетъ усилія къ отклоненію подозрѣнія, что онъ во что либо вѣрить, чтобы нравиться своимъ слушателямъ. Не платятъ ли иногда законоучителямъ жалованье за то, чтобы они не читали своихъ богословскихъ лекцій? Мнѣ лично на испытаніи по закону Божию въ двухъ заведеніяхъ сказано, что этотъ предметъ здѣсь не уважается. Начальникъ заведенія распорядился, какъ говорили, дать въ великую субботу завтракъ своимъ питомцамъ, которые готовились въ этотъ день за литургіею къ причастію святыхъ таинъ, чтобы питомцы не ослабѣли, юноши отъ 17 до 25 лѣтъ, будущіе воины, когда воинамъ на войнѣ приходится голодать и сражаться. Начальство распорядилось, чтобы пѣвчіе изъ свѣтскихъ дѣтей и юношей, при крестныхъ ходахъ, въ виду святыхъ, всенародно надѣвали шапки, не смотря ни на какую самую благоприятную погоду, чтобы не простудились, тогда какъ Россія тысячу лѣтъ ходила при крестныхъ ходахъ съ обнаженными головами и не простуживалась. Генералъ предъ проѣзжимъ архіереемъ вызвалъ солдатъ—пѣвцовъ пропѣть молитву *Отче нашъ*, и когда архіерей, желая побесѣдовать о божественномъ, спросилъ, что значитъ—*Отче нашъ*, пѣвцы отвѣтили—*Отчи наши*, а генералъ публично предъ сконфуженнымъ архіереемъ извинялъ это безпросвѣтное невѣжество тѣмъ, что „да мы плохіе богословы“, а тѣ же солдаты тутъ же творили преудивительныя и ненужныя упражненія, въ родѣ опусканія человѣка на ру-

кахъ съ высокаго вертикальнаго шеста, въ горизонтальномъ положеніи всего корпуса. Вотъ оно—то *тѣлесное обученіе*, которое по апостолу *вмалѣ полезно*; а благочестиваго обученія, которое *на все полезно*, ни слѣда. Вѣдь отъ богословствованія самого слабаго до *Отца наши* вмѣсто *Отца наш* разстояніе непереходимой бездны... При открытіи новыхъ судовъ, когда сенаторъ говорилъ крайне незначительную рѣчь, царила наиполнѣйшая тишина; но когда началась служба Божія, сановнѣйшая дама, сряду за спиною священнодѣйствующаго архіерея, шумѣла до невыносимости и особенно невыносимо, когда читался апостолъ,—нравственная основа современной христіанской юрисдикціи; а судейскіе чины при этомъ, всѣ люди русскіе, вовсе не крестились ни одинъ, но только показывали тѣнь поклона, когда архіерей благославляя преклонялся. При открытіи одного мирового суда найдено излишнимъ всенародно призвать благословеніе Господне на великое для края дѣло, потому что это еще не полное начало новаго суда; а при открытіи суда окружнаго, вѣроятно, будетъ найдено также излишнимъ, потому что это уже не начало, а только продолженіе. Да и зачѣмъ для новыхъ судовъ благословеніе Господне? Достаточно ума и образованія; а отъ давнихъ злоупотребленій новые суды достаточно гарантированы своимъ устройствомъ. Оттого въ нихъ и царитъ теорія, что преступникъ только больной членъ общества, виноватаго въ его болѣзни,—что его лечить, а не казнить надобно; а духъ христіанской правды, а голосъ народной совѣсти, что грѣхъ вызываетъ праведное возмездіе, для облегченія и очищенія души,—этотъ духъ, этотъ всенародный голосъ отгоняется далеко, далеко отъ порога судейскихъ камеръ. Оттого-то русская простота и изумлена фактами, что присяжные оправдали женщину, которая изрѣзала пьянаго мужа въ куски и спрятала въ воду въ по-

гребъ; оправдали цѣлую деревню, которая сожгла женщину, какъ колдунью,—они де не знали, что дѣлають худо; оправдали мальчиковъ 11 и 10 лѣтъ, которые, сознавая, что дѣлають худо, отрѣзали голову третьему 9-ти лѣтнему,—они де невинныя дѣти; оправдали почти всѣхъ, кто стрѣляли, рѣзали, душили изъ половой любви, изъ ревности, изъ-за невѣрности; оправдали Вѣру Засуличъ, при рукоплесканіяхъ всего собора чиновнѣйшихъ образованнѣйшихъ лицъ въ столицѣ. Не ясно ли, что мы подрубаемъ сукъ дерева, на которомъ сидимъ? Сановнѣйшая дама, являясь два, три раза въ году въ соборъ, молодая и крѣпкая, садилась съ двумя тремя также молодыми дамами на креслахъ, окружая себя молодыми людьми, и громко разговаривала, дѣлая такимъ образомъ въ церкви веселую гостинную. Сдѣлать балъ или открыть гулянье наканунѣ великаго праздника, Троицы, Рождества, Крещенія, даже съ легкимъ кощунствомъ, вѣдь грѣхомъ не считается. Одинъ блюститель порядка особенно не любилъ церковныхъ проповѣдниковъ и, какъ только выходилъ проповѣдникъ для произнесенія проповѣди, блюститель порядка оборачивалъ къ нему спину и за просто по домашнему разговаривалъ съ ближайшими предстоящими. По селамъ живутъ, разъѣзжаютъ и ходятъ повидимому совершенно благонамѣренныя, даже чиновныя люди, которые словомъ и примѣромъ проповѣдуютъ противъ вѣры и церковности. Высшія сословія, съ незначительными по числу отпадными исключеніями, посѣщаютъ Божіи службы только по высокочественнымъ днямъ по приказу; средній чиновничій классъ вовсе почти не посѣщаетъ Божіихъ храмовъ; даже въ войскахъ, даже въ нижнихъ чинахъ, начинается становиться замѣтнымъ то же самое. А я помню время, когда все лучшее въ городахъ, не говоря о среднемъ и низшемъ классахъ, чужшее по положенію и по уму присутство-

вало во храмахъ во всякій праздничный день, присутствовало и на всеночномъ богослуженіи. Я самъ видѣлъ, какъ на первой недѣлѣ вел. поста свѣчи тухли въ церквахъ отъ многолюдства; а много-ль теперь посѣщаютъ великій покаянный канонъ? *Помилуй мя Боже, помилуй мя.* Странно, обратите вниманіе, что лѣвая женская половина теперь становится рѣже молящимися, чѣмъ правая; а еще не такъ давно было и искони бѣ наоборотъ. Это оттого, что 25 лѣтъ тому назадъ не было и слуху о нигилистахъ; а теперь гдѣ ихъ нѣтъ, дѣвицъ отрицательницъ, женщинъ безъ религіи? Видѣлъ я собственными очами, какъ дамы и дѣвицы, конечно и мужчины, учили безграмотныхъ мальчиковъ, во время обѣдни, въ воскресные дни, въ старыхъ скоро закрытыхъ, воскресныхъ школахъ, учили міротворенію по геологическимъ картинамъ. Простому народу въ балаганахъ на площадяхъ показываются туманныя картины геологическаго міротворенія; показывался орангъ-утангъ съ объясненіемъ, что это первоначальный человѣкъ. На театральной эстрадѣ ставились священнѣйшія изображенія, напр. положенія Христа во гробъ; вразумленіе народа отъ его печальниковъ-просвѣтителей не замедлило бы, что это святая мистерія, не болѣе. Въ балаганѣ показывался узникъ Христосъ Спаситель и около Него на стражѣ русскіе солдаты съ ружьями. Въ балаганѣ же выставлялись, и очень долго, инструменты разнообразныхъ пытокъ, съ обстоятельнымъ толкованіемъ народу, что такъ инквизиторы мучили непокорныхъ еретиковъ. Въ балаганѣ же выставлялись фигуры, въ человѣческой ростъ, Пугачева и его единомышленниковъ крамольниковъ. Трудно сказать, какая изъ этихъ выставокъ коварнѣе и зловреднѣе. Стѣсненіе юношества въ выборѣ книгъ въ учебныхъ заведеніяхъ не имѣетъ ни силы, ни цѣли, потому что всякій юноша, во время отпусковъ

изъ заведенія, можетъ читать всякую книгу. Одного учителя ученики спросили, какія книги слѣдуетъ имъ читать, и получили отвѣтъ: „читайте запрещенныя“; а учитель былъ изъ порядочныхъ. Духовная литература, заключающая въ себѣ нерѣдко солиднѣйшія произведенія ума, кромѣ духовныхъ же лицъ почти никѣмъ не читается и не требуется. Своимъ даже не пылкимъ, а холоднымъ пренебреженіемъ къ вѣрѣ и церкви, сельскіе учителя въ 10—20 лѣтъ перенесутъ холодность къ тому же въ народныя массы. Немного нужно ума, достаточно даже дѣтскаго разумѣнія, чтобы понять урокъ и даже не урокъ, а намекъ о томъ, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны, что Бога люди выдумали за 500 лѣтъ до Р. Х., или чтобы уразумѣть коварный смыслъ Ренана и т. п. Не касаюсь предмета общеизвѣстнаго, быстрого упадка нравственности во всѣхъ людяхъ, во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни,—упадка, въ которомъ особенно важно паденіе нравственнаго принципа, именно то, что преобладающій современный духъ перестаетъ считать для себя обязательнымъ многое такое, что въ прежнее время признавалось обязательнымъ, неприкосновеннымъ, священнымъ. Не ясно ли, что святая Русь больна, что она не въ мѣру своего черепа выпила одуряющаго чужаго яду? Не ясно ли, что мы бредимъ, переживаемъ тяжкій болѣзненный кризисъ? Не ясно ли, что по всей широтѣ русской земли накаплиются цѣлые слои разрушительнаго электричества? Удивительно ли, что изъ него рождаются искры молній и перуновъ 2 апрѣля, 19 ноября, 5 февраля,—искры, которыя производятъ болѣзненное содроганіе въ сердцахъ, въ мозгахъ, во всѣхъ члѣпахъ всѣхъ прикосновенныхъ, какъ искры и въ электрическихъ батареяхъ? Судите сами, похоже-ль это?

Отчего эти всепотрясающія искры бьютъ именно туда,

куда бьютъ? Электрическія искры всегда бьютъ именно въ вершины. Но это только сравненіе, только аналогія. А вотъ отвѣтъ богооткровенной истины, отвѣтъ св. апостола Павла, какъ разъ на поставленный вопросъ. — *Молимъ васъ, братіе, — поучаетъ св. апостолъ, — не спышите колебаться умою, будто уже наступаетъ (послѣдній) день Христова. День тотъ не придетъ, пока не придетъ прежде отступленіе, и не откроется (антихристъ) человекъ грѣха, сынъ погибели, противникъ, презносящійся выше всего, называемаго Богомъ или святынею, такъ что сядетъ онъ во храмъ Божіе, какъ богъ, выдавая себя за бога. Вы знаете, что нынѣ не допускаетъ открыться ему. Тайна беззаконія уже дѣется, только не совершится до тѣхъ поръ, пока не будетъ взятъ отъ среды удерживающій теперь. И тогда откроется беззаконникъ антихристъ, котораго Господъ Іисусъ убьетъ духомъ устъ своихъ и истребитъ явленіемъ пришествія своего.* — Итакъ тайна беззаконія дѣется, но окончательно не откроется, пока не будетъ взятъ отъ среды удерживающій теперь. Кто же этотъ удерживающій? Это и есть христіанскій монархъ. Таково толкованіе древнихъ отцовъ и учителей церкви, которые жили за много вѣковъ прежде насъ, которые не видѣли и не вѣдали нашихъ обстоятельствъ. Монархическое начало возвеличило и утвердило церковь и вѣру Христову; въ свою очередь вѣра и церковь освящаютъ и укрѣпляютъ въ вѣрѣ народа начало власти Самодержца, приемиющаго свое верховное право отъ Царя царей, Божіею милостію. Христіанство срослось съ единодержавіемъ, и единодержавіе, по откровенію, есть то удерживающее, то охранительное орудіе Промысла, которое препятствуетъ до уреченнаго времени окончательно воцариться въ мірѣ духу антихриста. Посмотрите вотъ, во Франціи на мѣстѣ старой монархіи настала

республика, настало и гоненіе на церковь. Монархія узелъ историческаго порядка христіанскихъ обществъ. Оттого духъ антихристіанскій и бьетъ въ этотъ узелъ. Если-бъ онъ рассыпался, разсыплется многое. Отъ чего избави насъ Боже.

Прекратится ль это настроеніе современнаго духа, духа вѣка и міра, не вѣдаемъ. Острота кризиса пройдетъ; но болѣзнь повидимому превратится въ хроническую.

Что дѣлать? Чѣмъ и какъ лечить? Въ притчѣ Богъ говоритъ ангеламъ: *оставите расти обое, и пшеницу и плевелы, купно до жатвы. И во время жатвы реку жителямъ: соберите первѣе плевелы и свяжите ихъ во снопы, яко сожещи я, а пшеницу соберите въ житницу мою.* Но и долготерпѣніе Божіе нерѣдко поражаетъ еще здѣсь на землѣ беззаконія, вопіющія на небо. Государственные власти обязаны исполнять свой долгъ, — спасать отечество отъ враговъ отечества. Впрочемъ высшимъ государственнымъ властямъ мы не призваны давать совѣты. А вамъ давать совѣты призваны. Всѣ, особенно вы, старшіе слуги царя, воспримте душою. Грѣхи и слабости были всегда, но отступленіе отъ Бога и церкви только что начинается. А оно — корень зла. Уважьте-же вѣру Христову, уважьте церковь. Повѣрьте, сослужите этимъ первѣйшую службу царю. Отшли многие отъ старорусской христіанской жизни. Какъ вы хотите, чтобъ народъ былъ консервативенъ, когда сверху подаются ему примѣры холодности, небреженія, стриганія? Такъ называемая образованность наша заключается въ полубразованности, въ недомысліи, въ легкомысліи. Отрекаемся отъ завѣтнѣйшихъ основъ души и духовности, мало размышляя и вовсе не изучая. То, что называется наукою, не поворотитъ назадъ въ близкомъ будущемъ. Наука, даже университетская, будетъ разрушать, пока будетъ легкая и односторонняя. Нуж-

но учиться погловно всей Россіи, учиться основательно и всесторонне, широко и глубоко, чтобы возможно безопаснѣе пережить остроту переживаемаго теперь кризиса. Даже одинъ человѣкъ вѣрующій, даже широко образованный, когда врываються въ его душу данныя, выработанныя наукою современнаго невѣрія, долженъ пережить тяжкую душевную болѣзнь, пока не исцѣлѣетъ душою. А тѣмъ болѣе жестокую духовную болѣзнь долженъ пережить цѣлый народъ, въ которомъ такъ много малыхъ сихъ, соблазняемыхъ и соблазняющихся,—народъ, который тысячу лѣтъ хранилъ дѣтскую вѣру въ Бога и Христа Его, въ Христа небеснаго и Христа Божія—царя земнаго; а теперь ему со всѣхъ сторонъ начинаютъ твердить, что ничего этого нѣтъ.

Отцы и братія и чада! Темныя тучи около насъ кругомъ. Надъ нами гремятъ громы. Издали въ нашу сторону гудятъ громы. Что то принесетъ слѣдующій 26-й годъ великаго царствованія? Помолимся. Помолимся о томъ, чтобы Царь небесный, управляя подчиненныя Царю нашему правительства на путь истины и правды, и содержа вся врученныя державѣ Его люди въ нелицемѣрной, вѣрности, сотворилъ Его отцемъ, веселящимся о чадѣхъ. Аминь.

Бесѣда на 1-е марта 1883 года, о клятвѣ Богомъ (*).

Приидите, вѣрніи, дѣлаемъ во свѣтъ дѣла Божія; яко во дни благообразно да ходимъ; всякое неправедное списаніе отъ себе отзимемъ, не полагаяще претыканія ближнему въ соблазнъ. Стихира дневная.

Когда пройдетъ по небу жестокая гроза, то она всегда предвѣщаетъ въ состояніи погоды, въ условіяхъ растительности и т. д., какую либо переменѣ къ лучшему или худшему. Когда пронесется въ природѣ какая либо грозная катастрофа, на примѣръ засуха, зараза, землетрясеніе, то чѣмъ страшнѣе пронесшаяся катастрофа, тѣмъ чувствительнѣе бываютъ ея послѣдствія, конечно во первыхъ печальныя и грозныя, а затѣмъ иногда и добрыя въ какомъ либо отношеніи. Въ нравственно-общественномъ, въ государственно-церковномъ мірѣ замѣчается подобное же. Чѣмъ шире и глубже переворотъ, тѣмъ шире и глубже бываютъ его послѣдствія. Мученическая кончина благочестивѣйшаго великаго государя Императора Александра II была страшнымъ роковымъ ударомъ давно собиравшейся и видимо-грозно надвигавшейся грозы. Теперь въ наши дни, столь близкіе къ грозному событію, еще не приспѣло время всесторонней его оцѣнки во всѣхъ его послѣдствіяхъ. Разразившись на грани тысячелѣтія русской исторіи, оно отразится своимъ вліяніемъ на

(*) Для вѣдѣ—богослужебнаго собесѣдованія.

грядущемъ тысячелѣтіи. Но нѣкоторыя послѣдствія этого переворота явно обозначились уже и теперь. Послѣ грозы всякая трава спѣшитъ расти, съ доброю и худая; всякіе кусты спѣшатъ цвѣсти и наливаются сѣменами, не однѣ розы, но и бурьянъ, всякія тернія и волчцы.

Такъ именно по поводу грознаго событія мученической кончины Царя-Освободителя возникло, — странно сказать, — новое неслыханное ни въ церкви Божіей ни въ нашемъ народѣ лжеученіе о томъ, что не должно въ присягѣ какъ на вѣрность Царю, такъ и въ судейской и во всякой другой, «клясться всемогущимъ Богомъ». Зачала и породила это лжеученіе немощная совѣсть простоты, обывшей не покоряться водительство церкви Божіей. Провозгласила его въ слухъ всего свѣта и защищаетъ, — сказали бы мы, — равность Божія не по разуму, если бы защитники этого ученія не считали себя далеко мудрѣе, преданнѣе истинѣ, вѣрнѣе духу русскаго православія, чѣмъ вся въ совокупности взятая православно-россійская учащая церковь. А такъ какъ они уже долго упорствуютъ вколачивать клинъ за клиномъ въ ту трещину, которою русскій расколъ откололся отъ православной церкви, то приходится сказать, что они согрѣшаютъ волею, по пріятію разума истины. Да и тутъ приходится прибавить: по пріятію, но не по усвоенію разума истины, такъ какъ изъ лжеумствованія ихъ открывается явно, что они *хулятъ иже не разумѣютъ* (2 Пет. 2, 12).

Немощная совѣсть говоритъ: «соблазняетъ самая формула клятвы: *клянусь всемогущимъ Богомъ*. Когда священникъ произноситъ эти слова, у присягающаго является чувство страха и тяжелаго недоумѣнія». А совѣсть, защищающая неправду по пріятію разума истины, преувеличивая фальшивое чувство другихъ, говоритъ уже «о мукахъ, ко-

горя приходится претерпѣвать совѣсти религіознаго человека, когда его обязываютъ по формѣ «*клясться всемогущимъ Богомъ*», прибавляя, будто «словомъ Божіимъ такая клятва прямо и положительно запрещена христіанамъ»; утверждая, что «касающіяся этого слова священнаго писанія извѣстны каждому, не исключая теперь даже людей малограмотныхъ»; что «въ евангеліи написано такъ, что *не клянитесь ни небомъ ни землею* и проч.; *буди же вамъ ей ей и ни ни*»; что «казуистическія толкованія, сочиненныя съ цѣлію заставить людей понимать клятву Богомъ *въ иныхъ смыслахъ*, такъ (будто бы) несостоятельны и жалки, что никого не въ состояніи разувѣрить въ истинномъ смыслѣ сказаннаго. Стоитъ же вѣдь не вычеркнуто въ 4 й» (въ третьей, и этого не знаетъ обличитель церкви!) «вечерней молитвѣ ко пресвятому Духу: отпусти ми и прости, *аще именемъ твоимъ кляхся*. Это издается Святѣйшимъ Синодомъ», — прибавляетъ обличитель церкви, — «стало бытъ, Синодъ признаетъ клятву именемъ Божіимъ за грѣхъ». При этомъ обличитель церкви выпускаетъ изъ виду малость, такъ называемую связь рѣчи. Въ означенной молитвѣ ко Св. Духу молящійся говоритъ: *прости ми вся, яже согрѣшихъ отъ юности и отъ науки злы, и яже суть отъ наглства и унынія: аще именемъ твоимъ кляхся*; т. е. прости, если я отъ юношескаго легкомыслія, или отъ дурнаго навыка, или же отъ наглости именемъ твоимъ клялся. «Какъ обойтись съ этимъ человѣку»? спрашиваетъ обличитель церкви и увѣряетъ: «повѣрьте, что мученіе при произнесеніи присяги переносятъ всѣ признающіе и чтущіе живаго Бога». Увѣряетъ дажѣ, что одни произносятъ слова присяги: *клянусь всемогущимъ Богомъ*, «противу совѣсти», нѣкоторые не произносятъ вовсе, нѣкоторые прибавляютъ отъ себя такъ: «*клянусь предъ всемогущимъ Богомъ*», всѣ же

«чувствуютъ страхъ, когда это смущающее всѣхъ слово: *всемоушимъ Богомъ*, смѣло и рѣчисто произносить только одинъ приводящій къ присягѣ священникъ, что конечно уже нимало не служить къ подъему авторитета духовенства». Главный же руководитель защитникъ новаго лжеученія, прибавляя отъ себя, что «наша формула присяги рѣзко противорѣчить прямому положительному запрету евангелія клясться не только именемъ Божиимъ, но и небомъ и землею», говорить, будто только «съ Петра великаго введена въ Россію шведская, по видимому, формула присяги: *общаюсь и клянусь всемоушимъ Богомъ*»; увѣряетъ, что «всѣмъ за событіемъ 1 марта являлись къ нему, своему защитнику, старообрядцы безпоповцы съ указаніемъ, какимъ образомъ можно было бы измѣнить формулу присяги такъ, чтобы она годилась для всѣхъ русскихъ, новаго и стараго обряда безразлично, не насилуя ничьей совѣсти; именно чтобы слова: «общаюсь и клянусь всемоушимъ Богомъ», замѣнить словами: «общаюсь и клянусь *предъ* всемоушимъ Богомъ», — значить, вставить одинъ только предлогъ — «*предъ*», и заключаетъ обращеніемъ къ власти имущимъ съ предложеніемъ отъ себя: «не пора ли наконецъ отрѣчься отъ *шведскаго* образца присяги, ради русской народной совѣсти, и въ видахъ тѣснѣйшаго и плодотворнѣйшаго скрѣпленія ея союза съ русскимъ государствомъ? Не пора ли, соотвѣтственнымъ измѣненіемъ начального текста присяги, уважить заповѣдь Господню, сердечное желаніе русскаго народа и наконецъ даже требованіе здраваго смысла»? Да тутъ же кстати и возбуждаетъ недобрыя чувства въ сердцахъ русскаго народа сообщеніемъ, что «желаніе православныхъ подданныхъ нашего государства есть уже совершившійся фактъ для католиковъ привислянскаго края»; такъ какъ тамъ «таже формула присяги для католиковъ избавлена отъ помянутаго

неудобства русскаго текста тѣмъ простымъ оборотомъ, что слова, служащія дополненіемъ къ слову *клянусь*, поставлены не въ творительномъ падежѣ, а въ дательномъ: «*всемоущему Господу Богу*». Выходить, что и поляки и раскольникъ, а тѣмъ болѣе они сами, учителя и обличители учащей православной російской церкви, лучше этой церкви. Бѣдные мы!

Между тѣмъ знающему дѣло приходится только всплеснуть руками и воскликнуть, только гласомъ не радованія, а печали: до чего то осуетились современные русскіе умы, даже лучшіе изъ этихъ умовъ, пустившись самозванно учить и обличать учащую церковь, какъ не свѣдующую въ своемъ дѣлѣ и невѣрную своему призванію, *сами прегордую пустоту въщающе, прельщающе души неутвержденны, свободу имъ общающе, послѣдовавшие, по видимому, пути Валаама Восорова, во еже отторгати ученики въ слѣдъ себе* (2 Пет. гл. 2; Дѣян. 20, 30).

Во всемъ томъ, что наговорено ими о неправильности принятой въ православномъ русскомъ царствѣ присяги, имѣетъ нѣкоторое значеніе только указаніе, будто Господь Іисусъ Христосъ запретилъ клятву именемъ Божиимъ, и будто наша російская формула присяги: *общаюсь и клянусь всемоушимъ Богомъ*, есть формула именно шведская.

Успокойтесь и успокойте, кого вы смутили. Нѣтъ, это — не шведская формула, а богооткровенная, священная и божественная. Всемоушимъ Богомъ клялся самъ Богъ, клялись и заклинали патриархи, клялись пророки и апостолы, клялся (можно сказать) и былъ заклиняемъ самъ Господь Іисусъ, клялись ангелы небесные. Довольно достойно подражаемыхъ примѣровъ. О святыхъ отцахъ церкви не говоримъ.

Но чтобы не измѣнить строжайшей точности въ нашемъ отвѣтѣ новоявленному лжеученію, мы должны дозволить себѣ въ нашей бесѣдѣ нѣсколько филологическія и разъяснить,

что значить *клятва*, сопоставивъ священныя славянскія изреченія о клятвѣ Богомъ съ таковыми же эллинскими реченіями.

Славянское слово: *клятва* совмѣщаетъ въ себѣ значеніе греческихъ словъ отъ трехъ корней: отъ перваго корня—*ара* (*) (молитва клятва), *катара* (проклятіе), *катара-омэ* (проклиная); отъ втораго корня—*орос* (граница, опредѣленіе), *оркос* (граница, клятва, присяга), *оркіон* (клятвенная жертва, клятвенный договоръ), *оркизо* (заклинаю, беру съ кого либо клятву); наконецъ отъ третьяго корня—*ама*, *ому* (вмѣстѣ) и *омнюми* (единомыслию, соглашаюсь, вхожу въ договоръ, клянусь). Изъ нихъ слово *оркизо* заклиная, на вопросъ—кого? требуетъ такъ называемаго винительнаго падежа, наприм. *заклинаю Тя Богомъ живымъ* (Мат 26, 63); а *омнюми* клянусь, на вопросъ кому? сочиняется съ дательнымъ падежемъ: *якоже клятся Богъ отцемъ нашимъ Аврааму* и пр. (Втор. 30, 20). Но на вопросъ: кѣмъ или чѣмъ клятися? оба греческія слова, какъ *оркизо*, такъ и *омнюми*, сочиняются съ именами и мѣстоименіями, большею частію, при посредствѣ двухъ предлоговъ: *ката* (въ значеніи именно нашего предлога—*на*) и *ен* (*во* или *на*). При этомъ нужно помнить, что означенныя греческія слова получили свое значеніе отъ словоупотребленія у греческаго народа и уже въ принятомъ у грековъ своемъ значеніи перешли въ священное писаніе сперва ветхозавѣтное, а затѣмъ и новозавѣтное. А греки при клятвахъ клали свои руки на святыню, на жертву, какъ израильтяне возлагали также свои руки на жертву, почему *клятися на (ката) святыню* или *во (ен) святыню* значило, выражаясь по нашему по русски, *клятися святынею*; а клятися *на (ката)*

(*) Греческія слова набраны русскимъ шрифтомъ, за неимѣніемъ въ типографіи греческаго шрифта.

Богъ или *во (ен) Богъ* значило *клятися Богомъ*. Такъ сопоставлены эти греческія слова въ священномъ писаніи во многихъ мѣстахъ, какъ въ ветхозавѣтномъ переводѣ семидесяти, такъ и въ ново-завѣтномъ греческомъ подлинникѣ. При чемъ въ греческой библии имена и мѣстоименія, на вопросъ: кѣмъ или чѣмъ клятися? нигдѣ не полагаются въ творительномъ падежѣ, впрочемъ, по той естественной причинѣ, что творительнаго падежа въ греческомъ языкѣ совсѣмъ не полагается; вмѣсто же творительнаго полагается въ греческомъ языкѣ дательный, такъ называемый орудіальный. Такъ и въ нѣкоторыхъ священныхъ текстахъ, на вопросъ—кѣмъ или чѣмъ клятися? полагается вмѣсто творительнаго падежа дательный, орудіальный (Зах. 5, 4; Исаи 19, 18; Іерем. 5, 7; 12, 16); а въ нѣкоторыхъ вмѣсто нашего творительнаго полагается даже винительный падежъ, по идиотизму греческаго языка, который требуетъ винительнаго падежа по вопросу: какимъ способомъ (*тина тропон*) (Быт. 21, 23; 24, 3; Втор. 32, 40; Ис. 64, 16; Іерем. 11, 5; 12, 16; 44, 26; Псал. 131, 11; Дьян. 19, 13). Какъ выше уже замѣчено, наше одно-коренное слово—*кляти*, *клятва*, совмѣщаетъ въ себѣ значеніе трехъ разно-коренныхъ греческихъ словъ. Какъ слова—*молити*, *молитва*, происходятъ отъ корня древнеславянскаго слова: *мили*, *милий* (латинскаго *mollis*, греческаго—*малакос*, кроткій, тихій, нѣжный, мягкій), какъ и читается въ совершительной молитвѣ на божественной литургіи св. Златоуста: *и просимъ и молимъ и мило ся дѣемъ, молимъ—умягчаемъ, укрощаемъ, умилюемъ Бога, мило ся дѣемъ—сами укрощаемся, смиряемся и припадаемъ*,—такъ и слова: *клятися*, *клятва*, конечно гадательно, по сравненію корней сходственныхъ арійскихъ словъ, слѣдуетъ производить отъ корневаго слова: *кляти*, *клену*, что по первооснов-

ному смыслу значить: *инуть*, *сгибать* (откуда—*колыно*, *клонить*, *клина*; откуда далѣе—*колоть*, *клати*, *закалати*, то же что *жрети*, *жертва*; далѣе—*класти*, *укладывать*, *укладъ*—*договоръ*) и *связывать* (откуда—*кльть*, *ключь*, откуда *прокльтый* по древне-славянскому словоупотребленію и т. д.). Такимъ образомъ *клятися* значить *сгибаться* (то же, что *припадать*, *молиться*) и *связываться*. Оттуда *клятва*—то же, что *молитва*—*жертва* (греческое *сра*), далѣе—*проклятіе*, *жертва*—*кара* (греческое—*ара* и *катара*, а также—*оркіон*), наконецъ *клятва*—какъ *связь*, *договоръ*, *укладъ*, *завѣтъ*, *зарокъ* (соотвѣтственно греческимъ *оркизо* и *омниюми*).

Когда внимемъ за тѣмъ и въ словоупотребленіе слова—*клятва* въ священномъ писаніи, то усмотримъ, что, исходя изъ одного изъясненнаго корня, какъ источника, это слово когда-то въ незапамятную славянскую старину раздѣлилось на три русла тройственного знаменованія, соотвѣтственно тремъ вышеназваннымъ греческимъ словамъ, совмѣстивъ въ себѣ значеніе каждаго изъ нихъ; почему и обратно, отъ позднѣйшаго тройственного словоупотребленія, оно можетъ быть возведено къ единому своему источнику или корню не только въ звукосложеніи, но и въ смыслѣ. Такъ первая клятва изречена Богомъ на змія искушителя (Быт. 3, 14), на землю (Быт. 3, 17) и на человѣка законопреступника (Быт. 8, 21; 12, 3; Втор. 17, 27). Затѣмъ и люди стали изрекать клятву какъ на другихъ (Быт. 9, 21), такъ и на себя самихъ (Быт. 21, 23—31). Наконецъ и самъ Богъ клянется (Быт. 22, 16). На основаніи слова Божія, можно допустить, что и самъ Богъ, въ нѣкоторомъ исключительномъ смыслѣ, изрекаетъ клятву на себя самого, постепенно снисходя, по предопредѣленію отъ вѣка, въ лицѣ Упостаснаго Слова до вочеловѣченія, ума-

ляя себя въ домостроительствѣ нашего спасенія, приспособляя и даже приравнивая себя къ человѣку, становясь въ завѣтъ между Богомъ и человѣкомъ одною изъ двухъ сторонъ, пріемлющихъ взаимныя обязательства завѣта и клянущихся въ нерушимой ему вѣрности, а по вочеловѣченіи въ уреченное время и дѣйствительно *содѣлавшись за насъ клятвою* (Гал. 3, 17). Конечно, въ священномъ греческомъ языкѣ два или три слова, означающія разнозначущую клятву, съ одной стороны клятву договорную, а съ другой клятву проклятія, точнѣе и проще выражаютъ таинственный смыслъ разновидности клятвы. За то русское, освященное исконнымъ многовѣковымъ священнымъ употребленіемъ, однокоренное слово *клятва* помогаетъ глубже спуститься къ самымъ основаніямъ священно-таинственнаго знаменованія его, какъ клятвы въ завѣтъ Бога съ человѣкомъ.

Такъ въ этомъ завѣтѣ имѣются двѣ вступающія въ него стороны, одна Богъ, другая человѣкъ, и связь между ними—посредникъ завѣта, Сынъ Божій вочеловѣчившійся. Какъ посредникъ завѣта, Онъ въ своемъ лицѣ совмѣщаетъ и Бога, изрекающаго клятву на грѣхъ, и Богочеловѣка, какъ изрекающаго и пріемлющаго на себя самого клятву за грѣхъ, такъ и освобождающаго отъ клятвы и связующаго человѣчество съ Богомъ. Онъ является въ завѣтѣ искупительною жертвою въ тройственномъ смыслѣ клятвы: какъ жертва, пріемлющая на себя и очищающая клятву за грѣхъ міра (греческая *катара*), и какъ святыхъ святѣйшая жертва, которою клянутся вступающіе въ завѣтъ, возлагая на нее (по древне-греческому образному выраженію) свои десницы общенія (греческое *оркос*, *оркіон*), которою вслѣдствіе сего связываются и взаимно обязуются (отъ греческаго—*омниюми*), въ своемъ завѣтѣ, Богъ и человѣкъ.

Ибо, по слову апостола (2 Кор. 1, 17—22), *въ Сынъ Божіемъ, Іисусъ Христъ, всѣ обѣтованія Божіи въ Немъ да и въ Немъ аминь. И въ Немъ, во Христъ, Богъ утверждаетъ и запечатлѣваетъ насъ, даруя залогъ духа въ сердца наши.*

Что же послѣ этого значитъ, когда Богъ въ лицѣ Упостаснаго Слова *клянется*? Это значитъ, что Онъ *связываетъ* себя, что Онъ *обязуется* взять на себя всю клятву за грѣхъ міра, исполнить тройственное искупительное служеніе: просвѣтить человѣка истиною, заплатить правдѣ Божіей за грѣхъ его и ввести его въ царство Божіе, затѣмъ по всепокрывающей любви своей ниспослать всѣ свои благословенія вѣрѣ и покаянію, но по неумытлой правдѣ и воздать должною карою за грѣхъ невѣрія и нераскаянности. Въ этомъ смыслѣ изречены въ божественномъ откровеніи всѣ клятвы увѣренія отъ лица самаго Бога; а ихъ не мало.

Что значитъ, когда Богъ *клянется* беззаконника, будь это змій искушитель или человѣкъ искушенный и падшій, или даже земля, носящая на себѣ грѣхи людскіе? *Проклятъ діаволъ*,—это значитъ, что онъ *связанъ, связанъ* узами вѣчными, пленицами мрака, *чтобы подѣ мракомъ блюстися на судъ великаго дня* (2 Петр. 2, 4; Іуды ст. 6; Апок. 20, 1—3). Что значитъ, когда Богъ *проклинаетъ* землю за дѣла человѣческія? Значитъ также, что она *связана*, что она *заключена и затворена*, да не дастъ стѣмене своего, и древа сельныя да не дадутъ плода своего, да вознегодуетъ земля, *внегда* *человѣку осквернити ю, и да потребитъ души, творящія гнусности* (Лев. 18, 28—29; 25, 21—22; Втор. 11, 17—26—28; Быт. 8, 21; 3, 17). Что значитъ, когда Богъ *полагаетъ клятву* на человѣка? По предопредѣленію отъ вѣка

Богъ положилъ предъ лицемъ человѣка благо и зло, жизнь и смерть, благословеніе и клятву: *благословеніе, аще послушаетъ* *человѣкъ заповѣдей Господа Бога своего* (Втор. 11, 26—28; 30, 1. 15. 19), чтобы человѣкъ свободно избралъ благословеніе Божіе, жизнь и благо, и уклонился отъ зла и смерти и клятвы. Какъ діавола своимъ проклятіемъ Богъ *связалъ*, чтобы діаволъ не имѣлъ свободы дѣятельности и блага жизни, такъ и человѣка грѣшника своею клятвою Богъ *связуетъ*, по смыслу словъ Христа Спасителя: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси.*

Что значитъ, когда человѣкъ *клянется*? Значитъ, что онъ условно, если не пребудетъ въ словесѣхъ завѣта, какъ и всякаго своего утвержденія, *накликаетъ* на себя клятву, какою Богъ связуетъ всякаго человѣка беззаконника; что *человѣкъ* самъ себя *связываетъ* проклятіемъ Божіимъ, по мысли церкви, такъ выразительно изъясняемой въ разрѣшительной надъ всякимъ усопшимъ молитвѣ: *«отъ всѣхъ, елика яко человекъ согрѣши, аще подѣ клятвою или отлученіемъ церковнымъ бысть, или аще клятву отца своего или матери своей наведе на ся, или своему проклятію подпаде, или клятву преступи, или иными нѣкими грѣхи связася, и отъ тѣхъ всѣхъ вины и юзы да разрѣшитъ его Господь Іисусъ Христосъ, божественною своею благодатію, даромъ же и властію, данною святымъ Его апостоламъ, во еже вязати и рѣшати грѣхи человекѣвъ».*

Когда *клянется* Богъ, *къмъ* Онъ *клянется*, *связуется, обязуется*? Какъ высочайшій и безусловно-свободный, *ни-къмъ* больше, какъ *самимъ же Богомъ*, какъ *самимъ собою*, выражаясь по славяно-русски, или, по священно-эллинскому изреченію, *клянется въ (сѣ) себѣ самомъ*, такъ сказать внутри своего троическаго единства, или же *клянется на (ката) себѣ самомъ*, какъ бы возлагая свою

десницу на искупительную жертву Сына своего вочеловѣчившагося, какъ посредника завѣта Бога съ человѣкомъ. Что дѣлаетъ человѣкъ, когда клянется или призываетъ на себя клятву, изрекаемую Богомъ на всякое беззаконіе? Онъ связываетъ себя въ истинѣ и правотѣ, онъ клянется Богомъ, или, по образному древне-эллинскому представлению, клянется на Богъ, какъ бы возложивъ руку свою на божественную святыню, или же клянется въ Богъ. Правда, греческій предлогъ *en*, въ словосочетаніи съ нѣкоторыми глаголами (напр. говорить, доказывать, обвинять и т. п.), употребляется иногда въ значеніи и предлога *предъ*, въ присутствіи; но замѣчательно, что онъ въ славянскомъ текстѣ священнаго писанія, въ словосочетаніи съ словомъ *клятися*, нигдѣ не переведенъ предлогомъ *предъ*, а замѣненъ вездѣ творительными падежами, какъ и въ самомъ изреченіи Христа Спасителя: *Азъ же глаголю вамъ не клятися всяко: ни небомъ, ни землею*,—гдѣ въ греческомъ подлинникѣ поставлены предлоги—*en* (*ни въ небѣ, ни въ землѣ* и пр.).

Что клятвы безусловно не воспрещены и клятися Богомъ безусловно не воспрещено, это мы видимъ изъ цѣлаго ряда клятвъ, во увѣреніе истины, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ.

Богъ есть истина и всякое свидѣтельство Его истинно. *Обѣтованія Божіи ей и аминь. Дарованія и званіе Божіе нераскаянна* (Рим. 11, 29). Какъ неизмѣнная истина, Богъ всегда самъ себѣ вѣренъ пребываетъ, отрещися бо себе не можетъ (2 Тим. 2, 13). Тѣмъ не менѣе самъ Богъ клянется истиною, или въ истинѣ (Псал. 131, 11), особенно же клянется при заключеніи завѣтовъ. Такъ еще въ предвѣчномъ совѣтѣ, въ троическомъ единствѣ Божества, заключая завѣтъ со вторымъ Лицемъ святыя Троицы

относительно искупленія человѣка, приѣмля отъ Сына Божія обѣтъ исполнить тройственное, и во первыхъ первосвященническое служеніе искупленія, и понести на себѣ клятву за грѣхъ міра, клялся Господь единокровному своему Сыну: *Ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Псал. 109, 4; Евр. 5, 6—7; 7, 18—22; 10, 5—10; Гал. 3, 10—14), и не раскаялся въ своей клятвѣ. Въ земномъ домостроительствѣ нашего спасенія Богъ клянется, можно сказать, при заключеніи каждаго изъ завѣтовъ съ людьми. Такъ, по слову Господню у пророка Исаи, Господь поклялся, при заключеніи завѣта съ Ноемъ, *что воды Ноя не придутъ болѣе на землю* (Ис. 54, 9; Быт. 9, 8—17). Такъ заключая завѣтъ съ Авраамомъ, Богъ благоволилъ совершить символическій обрядъ присяги, прошедши между разсѣченными животными (Быт. 15, 1—18; Іерем. 34, 18—19); а когда Авраамъ вознесъ Исаака на жертвенникъ всесоженія, Богъ поклялся Аврааму самимъ собою, глаголя: *Мною самъмъ кляхся* (Быт. 22, 16), гдѣ по гречески сказано: *на (ката) Мнѣ самомъ кляхся*, что по однимъ древлепечатнымъ и древлеписменнымъ славянскимъ свящ. книгамъ переведено невѣрно подлинному смыслу: *по Мнѣ самомъ кляхся*, а по другимъ вѣрно: *Мною самъмъ кляхся*. Когда послѣ поклоненія израильтянъ золотому тельцу у горы Синай, Моисей умолялъ Бога не губить людей своихъ, то говорилъ въ молитвѣ: *помяни, Господи, царю боговъ, Авраама и Исаака и Іакова, рабы твоя, имже клялся еси собою* (Втор. 9, 26—27). Подтверждая клятвою завѣтъ, заключенный съ Израилемъ чрезъ посредника Моисея, съ пролитіемъ клявенной жертвенной крови (Исх. 24, 8; Евр. 9, 14—22),—такъ какъ, по слову апостола Павла, *идеже завѣтъ, смерти нужно есть вноситься за-вѣщающаго и безъ кровопролія не бываетъ прощенія грѣ-*

ховъ,—Богъ клянется десницею своею, глаголя: *воздвигну на небо руку мою и кленуся десницею моею* (Сыномъ Божиимъ, сущимъ одесную Бога) *и реку: живу Азъ во вѣки* (Втор. 32, 39—40). И еще прежде того Господь клянется Моисею: *живу Азъ и присно живетъ имя мое: яко вси мужіе, видѣвши славу мою и знаменія, яже сотворихъ во Египтъ и въ пустыни сей и искушаша Мя десятое* (въ десятый разъ) *и не послушаша гласа моего, истинно не узрятъ земли, еюже клялся отцемъ твоимъ* (Числ. 14, 20—23). Съ тѣхъ поръ эта клятвенная формула: *воздвигну руку мою и кленуся десницею моею: живу Азъ*, употребляется въ священномъ писаніи какъ самимъ Богомъ, такъ и святыми Божиими (*живез Господь!*) многократно, на всемъ пространствѣ ветхаго заветъ. Заветъ съ Давидомъ, Господь клянется *Давиду рабу своему святостию своею, или Святымъ своимъ* (Сыномъ Божиимъ), по гречески *во (ен) Святѣмъ своимъ* (Псал. 88, 4, 36); *клянется Господь Давиду Истиною* (Сыномъ Божиимъ, иже есть истина) *и не отвержется ея* (Псал. 131, 11). У пророка Исаи Господь клянется десницею своею и крѣпостию мышцы своей; по гречески—*на (ката) десницѣ своей и на (ката) крѣпости мышцы своей* (Ис. 62, 8). У пророка іереміи Господь клянется именемъ своимъ (Сыномъ же Божиимъ: *имя мое на Немъ*) *великимъ* (Іер. 44, 26); *Господь силъ, Господь Саваоѳъ клянется мышцею своею, съ еврейскаго самимъ собою* (Іер. 51, 14). У пророка Іезекиіи многократно повторяется, что Богъ, вѣщая: *живу Азъ и подымаю руку свою, покланялся отцамъ израильскаго народа* (Іер. гл. 20; 33, 27; 34, 8; 35, 6, 11; 36, 7; 47, 14). У пророка Амоса Господь клялся самимъ собою, по гречески *на (ката) себѣ самомъ; клянется славою, по гречески—на (ката) славу Израіля* (Амоса 6, 8; 8, 7). У пророка Софоніи Господь

клянется клятвеннымъ изрѣченіемъ: *живу Азъ* (Соф. 11, 9), какъ многократно и у пророковъ Іереміи, Исаи и другихъ. А вообще о томъ, что Богъ клялся, клялся отцамъ нашимъ, повторяется многократно почти у всѣхъ вѣтхо-заветныхъ писателей (Михея 7, 20; Іерем. 11, 5; 32, 22; Варуха 2, 34 и др.; Быт. 50, 24 и т. д.).

Что въ ветхомъ заветѣ Богъ не воспрещалъ клятву, что даже заветъ клятву въ нужныхъ обстоятельствахъ, что осуждалъ клятву только ложную и напрасную, что святые Божіе клялись и заклинали, клялись и заклинали именемъ Господнимъ, подтвержденіе этому можно видѣть у всѣхъ священныхъ писателей ветхаго заветъ. Такъ царь Авимелехъ, заветъ заветъ съ Авраамомъ у кладязя клятвеннаго, говоритъ Аврааму: *клянися ми Богомъ*, по гречески—*Богъ* (въ винительномъ падежѣ безъ предлога). *И рече Авраамъ: азъ клянуся. И клястася оба* (Быт. 21, 23—31). Онъ же, патріархъ Авраамъ, заклиняетъ раба своего *Господомъ Богомъ небесе и Богомъ земли*, по гречески—*Богъ* (въ винительномъ падежѣ безъ предлога), и беретъ съ раба клятву или присягу не брать невѣсту Исааку отъ дочерей хананейскихъ (Быт. 24, 3—9). Съ тѣхъ поръ этотъ обычай закланія, взиманія клятвы съ другаго, сохранился въ ветхо-заветной церкви до времени земной жизни Христа Спасителя; упоминается еще въ Дѣянїяхъ святыхъ апостоловъ въ видѣ заклинанія (Дѣян. 19, 13). Тотже Авимелехъ убѣждаетъ и патріарха Исаака заключить заветъ: *буди клятва между мною и между тобою и заветъ между сѣ тобою заветъ. И клянется каждый ближнему* (Быт. 26, 28—31). При прощаньи съ зятемъ своимъ патріархомъ Іаковомъ, тестъ его Лаванъ говоритъ ему: *гряди, заветъ между азъ и ты, и будетъ во свидѣтельство между мною и тобою. Рече же ему Іаковъ: се, нѣтъ же сѣ нами*

есть: *виждь, Богъ свидѣтель между мною и тобою.* Рече же Лаванъ: *да видитъ Богъ между мною и тобою.* Богъ Авраамовъ и Богъ Назаровъ да судитъ между нами. И кляся Иаковъ страхомъ отца своего Исаака. И пожре Иаковъ жертву на гору (Быт. 31, 44—54). Когда пришло время Иакову Израилю умереть, призвалъ онъ сына своего Иосифа и сказалъ ему: *если я нашелъ благоволѣніе въ очахъ твоихъ, положи руку твою подъ стѣно мое, и клянись, что ты окажешь мнѣ милость и правду, не положиши меня въ Египтъ, дабы мнѣ лечь съ отцами моими, вынесешь меня изъ Египта и похорониши меня въ ихъ гробницѣ.* Иосифъ сказалъ: *сдѣлаю по слову твоему.* И сказалъ Иаковъ: *клянись мнѣ.* И клялся ему Иосифъ (Быт. 47, 23—31). А когда Иаковъ скончался, Иосифъ докладываетъ Фараону, что отецъ его заклиналъ его похоронить отца въ землѣ ханаанской. И фараонъ говоритъ Иосифу: *пойди и похорони отца твоего, какъ онъ заклиналъ тебя* (Быт. 48, 5—6). Отсюда видно, что въ священной древности клятва понималась все равно, какъ и заклѣтіе, и обратно заклѣтіе все равно что клятва. Патріархъ Иосифъ заклиналъ сыновъ израилевыхъ совознести съ собою кости его, когда Богъ посѣтитъ и изведетъ ихъ изъ земли Египетскія (Быт. 50, 24). Заклячая между собою завѣтъ, Давидъ и Ионафанъ оба клянутся именемъ Господа, говоря: *живъ Господь Богъ израилевъ и жива душа твоя! Господь да будетъ между мною и тобою и между стѣнею моимъ и стѣнею твоимъ, то да будетъ на вѣки* (1 Цар. 20, 3. 12. 16—17 и 42). Также и Саулу Давидъ клянется Господомъ не искоренять потомства Саулова (1 Цар. 24, 22—23). Черезъ пророка Моисея самъ Богъ заповѣдуетъ Израильтянамъ клятву въ нѣкоторыхъ благословныхъ винахъ: *клятва да будетъ Божія между ними* (Исх. 22, 11). Запрещаетъ Богъ только лож-

ную клятву, и запрещаетъ весьма знаменательно и выразительно: *не украдите, не солжете, ниже да оклеветаетъ кійждо ближняго. И не клянитесь именемъ моимъ* (такъ и по гречески, *именемъ моимъ* — дательнымъ падежемъ вмѣсто творительнаго) *въ неправдѣ, и да не оскверните имени святаго Бога вашего: Азъ Господь Богъ вашъ* (Лев. 19, 11—12), чѣмъ не воспрещается клятва именемъ Господнимъ, а только внушается, что ложная неправедная клятва оскверняетъ святое имя Бога нашего. Затѣмъ у ветхозавѣтныхъ пророковъ мы чтаемъ множество изрѣченій, изъ которыхъ видно, что Богъ осуждаетъ только ложную клятву именемъ Божиимъ, истинную же клятву не только не воспрещаетъ, а даже одобряетъ и выставляетъ ее истиннымъ признакомъ своей истинной церкви.

Такихъ свидѣтельствъ очень много; представимъ изъ нихъ самыя выразительныя. Такъ у пророка Исаи самъ Господь предрекаетъ, что по обновленіи истинной церкви на землѣ люди будутъ клястися именемъ Господа Саваога (такъ и по гречески, *именемъ*, — дательнымъ падежемъ вмѣсто творительнаго) (Ис. 19, 18); что *Господь Богъ назоветъ тогда рабовъ своихъ инымъ именемъ* (именемъ Христа, обѣтованнаго Искупителя), *которымъ кто будетъ благословлять себя на землю, будетъ благословляться Богомъ истины; а кто будетъ клястися на землю, будетъ клястися Богомъ истины* (Ис. 65, 16), такъ какъ это иное имя (Христа) будетъ имя самаго Бога истины. У пророка Іереміи, осуждая іудеевъ, что *хотя они и говорятъ: живъ Господь, но клянутся ложно; что они, оставивъ Бога истиннаго, клянутся тѣми, которые не боги* (Іер. 5, 2. 7; 7, 9), Господь предрекаетъ о сосѣдяхъ наслѣдія своего Израиля; *если они научатся путямъ народа моего, чтобы клястися именемъ моимъ: «живъ Господь!» какъ они нау-*

чили народъ мой клятися Вааламъ, то водворятся среди народа моего (Иер. 12, 16), откуда явно видѣть можно, что Господь взираетъ на клятву именемъ Господнимъ не съ упрекомъ, какъ на грѣхъ, а съ благожеланіемъ, чтобъ и народы, не знающіе истиннаго Бога, научились клятися Его именемъ. У пророка Іезекіиля Богъ осуждаетъ царя израилева, который нарушилъ клятву, данную царю вавилонскому, и въ тоже время самъ Богъ многократно клянется: *живу Я, говоритъ Господь Богъ: въ мѣстопребываніи царя вавилонскаго, который обязалъ его, царя израилева, клятвою и которому данную клятву онъ презрѣлъ, и нарушилъ союзъ свой съ нимъ, онъ умретъ у него въ Вавилонѣ. Онъ презрѣлъ клятву, чтобъ нарушить союзъ, данъ туку свою и вотъ сдѣлалъ все это. Посему такъ говоритъ Господь Богъ: живу Я! Клятву мою (клятву Мною), которую онъ презрѣлъ, и союзъ мой (скрѣпленный Мною), который онъ нарушилъ, Я обращаю на его голову. Я Господь! сказалъ и сдѣлаю* (Іез. 17, 16—18—19—24). У пророка Іезекіиля многократно вспоминается, какъ Господь, *поднявъ руку свою, клялся отцамъ народа израильскаго* (гл. 20). Черезъ пророка Захарію Богъ внушаетъ дому іудину: *говорите истину другъ другу. Никто изъ васъ да не мыслитъ въ сердцѣ своемъ зла противъ ближняго своего и ложной клятвы не любите; ибо все это Я ненавижу, говоритъ Господь* (Зах. 8, 16—17), изрекая прещеніе на домъ клянущагося именемъ Господнимъ ложно (Зах. 5, 4). У пророка Софоніи изрекается прещеніе на тѣхъ, *которые на кровляхъ покланяются, которые кланутся Господомъ и кланутся царемъ своимъ* (Софоніи 1, 5), гдѣ осуждается неправильная, унижительная для Бога клятва, клятва Богомъ и наравнѣ съ Богомъ клятва царемъ, но не вообще клятва именемъ Господнимъ, такъ какъ тутъ же самъ

Господь клянется собою, произнося клятвенную формулу: *живу Я, говоритъ Господь Саваоотъ, Богъ израилевъ* (Соф. 2, 9).

Изъ всего этого открывается до очевидности, что и въ новомъ завѣтѣ Господь Іисусъ Христосъ никакъ не могъ осудить клятву, когда въ ветхомъ завѣтѣ многократно клялись не только святые Божіи, но клялся и самъ Богъ. Извѣстною же своею рѣчью у евангелиста Маттея: *слышате, яко речено бысть древнимъ: не во лжу клянешся, воздаси же Господу клятвы твоя. Азъ же глаголю вамъ не клятися всяко: ни небомъ, яко престолъ есть Божій... Буди же слово ваше: ей, ей, ни, ни, лишше же сею отъ непріязни есть* (Мат. 5, 33—37),—рѣчью, которую разъяснилъ самъ же Господь Іисусъ Христосъ въ обличительной рѣчи своей противъ фарисеевъ у того же евангелиста Маттея: *горе вамъ, возжди слѣпѣи, глаголющии иже аще кленется церковію, ничегоже есть; а иже кленется златомъ церковнымъ, долженъ (повиненъ) есть... Иже бо кленется алтаремъ, кленется имъ и сущимъ верху его. И иже кленется церковію, кленется ею и живущимъ въ ней. И кленыйся небесамъ, кленется престоломъ Божиимъ и сядущимъ на немъ* (Мат. 23, 16—22),—этими рѣчами Господь осуждаетъ во первыхъ ложныя клятвы, во вторыхъ новоизмышленныя фарисеями клятвы; такъ какъ Іудеи, подъ руководствомъ фарисеевъ, избѣгая клятвы именемъ Божіимъ, приняли за обычай клятися разными предметами, напр. небомъ, землею, Іерусалимомъ, храмомъ, и этихъ клятвъ не считали для себя непреложно-обязательными, т. е. позволяли себѣ клятися ими во лжу, думая, будто не нарушаютъ буквѣ закопа^(*). Но и тутъ они дѣлали, произвольно и неосновательно, раз-

(*) Это дѣлаютъ и нынѣ современные нѣмъ евреи. У нихъ есть множество назуистическихъ условій, при которыхъ они считаютъ свою присягу не обязательною для себя (смот. Алексѣева Очерки домашней и общественной жизни евреевъ. Новгородъ, 1882 г. о присягѣ, стр. 161—167).

ныя степени въ значеніи своихъ клятвъ. Кто клянется храмомъ, это, по ихъ лукавому и грубому умствованію, ничего; а кто клянется золотомъ, золотыми украшеніями храма, сосудами и другими священными принадлежностями, тотъ повиненъ. Кто клянется жертвенникомъ, то ничего; если же кто поклянется даромъ, который на немъ, то повиненъ. Эти то фарисейскія клятвы Господь и осуждаетъ. Безспорно, Онъ осуждаетъ и всякую напрасную клятву, согласно древней заповѣди Божіей: *не приѣмля имени Господа Бога твоего всуе*. Даже больше того. Какъ вообще въ нагорной своей бесѣдѣ Христосъ Спаситель предлагаетъ, такъ называемые евангельскіе совѣты относительно высшаго христіанскаго нравственнаго совершенства, такъ и въ этой части нагорной бесѣды о клятвахъ Господь предлагаетъ евангельскій же совѣтъ высшаго совершенства по частному вопросу, объ употребленіи клятвы между учениками Христовыми. По смыслу словъ Христовыхъ то особенно преступно, когда человѣкъ клянется во лжу; то также богопротивно, когда человѣкъ клятвенно даетъ обѣтъ, а послѣ не исполняетъ; беззаконно и то, когда человѣкъ клянется не именемъ Божіимъ, а разными болѣе или менѣе священными предметами, въ коварной мысли сдѣлать для себя свою клятву менѣе обязательною и отвѣтственною; предосудительно и то, когда человѣкъ клянется именемъ Господнимъ и не во лжу, но напрасно безъ нужды, *приѣмля имя Господне всуе*; а вышею степенью нравственнаго совершенства было бы, если бъ христіане никогда не клялись никакъ, если бъ они были такъ правдивы, что имъ во всякихъ взаимныхъ увѣреніяхъ было бы достаточно одного ей, ей, ни, ни. Это подтверждается и ученіемъ св. апостола Іакова о томъ же предметѣ, о клятвѣ. *Прежде всего братія мои*,—заповѣдуетъ онъ (Іак. 5,

12),—*не кленитесь ни небомъ, ни землею, и никакою другою клятвою; но да будетъ у васъ да, да, и нѣтъ, нѣтъ*,—дабы вамъ не подпасть осужденію. Т. е. не клянитесь никакою клятвою, по нехристіанской привычкѣ, часто и безъ нужды, чтобы, поклявшись и забывъ клятву, или ставъ въ искушеніе измѣнить клятвѣ, вы не нарушили ее и не подпали чрезъ клятвопреступленіе осужденію предъ Богомъ. Тѣмъ не менѣе всѣмъ этимъ ни Господь Іисусъ Христосъ ни апостолы его не устраняютъ клятвы именемъ Господнимъ въ нужныхъ и важныхъ обстоятельствахъ.

Такъ самъ Господь Іисусъ многократно, въ подтвержденіе своихъ словъ, ссылаясь на свидѣтельство Бога Отца. Одинъ разъ употребилъ, въ молитвенномъ обращеніи къ Богу Отцу, клятвенную формулу: *ей, Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою* (Лук. 10, 21), и самъ утвердилъ законность клятвы именемъ Божіимъ на судѣ, когда на слово первосвященника: *заклинаю Тебя Богомъ живымъ*, отвѣтилъ: *ты сказалъ*, такъ какъ у евреевъ обыкновенно судъ произносилъ клятвенную формулу, а обвиняемый усвоялъ ее себѣ словами: *аминь, да будетъ, такъ, ты сказалъ* (Мат. 26, 63—64). Св. апостолъ Павелъ неоднократно призываетъ Бога во свидѣтельство истины своихъ словъ, что составляетъ очевидно ту же клятву именемъ Божіимъ (Рим. 1, 9; 9, 1; 2 Кор. 1, 23; 2, 17; Гал. 1, 20; Фил. 1, 8; 1 Сол. 2, 5; Евр. 6, 16), напримѣръ: *свидѣтель ми есть Богъ, яко безпрестанно память о васъ творю* и т. п. Св. апостолъ Павелъ не только безъ предосужденія говоритъ, что *люди клянутся высшимъ* (Богомъ всевышнимъ), и клятва во удостовѣреніе оканчиваетъ *всякій споръ ихъ*; не только показываетъ, что поступая такъ, прибѣгая къ клятвѣ Богомъ всевышнимъ, они руководствуются примѣромъ самаго Бога; но, и обратно, разъ-

ясняетъ, что и самъ Богъ соблаговолилъ, въ нужныхъ обстоятельствахъ, прибѣгнуть, по благословному обычаю человѣческому, къ клятвѣ же, а только клялся самимъ собою, поелику не могъ выѣсть высшимъ себя клятися. *Богъ, давая обѣтованіе Аврааму*, — поучаетъ св. апостолъ (Евр. 6, 13—17), — *поелику не могъ никакъ высимъ* (по гречески *на-ката-вышемъ*) *клятися, клялся самимъ собою* (по гречески *на-ката-себѣ*). Люди клянутся *высимъ* (по гречески *на-ката-вышемъ*) и клятся во удостовѣреніе оканчиваетъ всякій споръ ихъ. Посему и Богъ, желая преимущественно показать наследникамъ обѣтованія непреложность своей воли, употребилъ въ посредство клятву. Объ этой же клятвѣ Божіей и въ евангеліи, конечно безъ предосужденія, напротивъ съ молитвеннымъ благоговѣніемъ, упоминается, что Богъ *помянулъ заветъ святыи свои, клятву, еюже клялся ко Аврааму отцу нашему* (Лук. 1, 72—73). Наконецъ тайновидѣцъ Іоаннъ видѣлъ въ апокалипсисѣ (10, 5—6) ангела, *иже воздвигше руку свою на небо и клялся живущимъ во вѣки вѣковъ, иже созда небо, и яже на немъ, и землю, и яже на ней*.

Если въ нѣкоторыхъ старопечатныхъ и старописьменныхъ нашихъ церковныхъ книгахъ выраженіе бытописателя Моисея (Быт. 22, 16—17), повторенное св. апостоломъ Павломъ, о Богѣ: *Мною самъ* (по гречески *на Мнѣ самомъ*) *клялся* (Евр. 6, 13), переведено, невѣрно смыслу и несогласно древне-греческому словоупотребленію: *по Мнѣ самомъ клялся*; за то здѣсь въ апокалипсисѣ (10, 5—6) изреченіе объ ангелѣ, что онъ, воздвигши руку свою на небо, *клялся* (по гречески) *въ-ен-живущемъ во вѣки вѣковъ*, переведено вездѣ въ нашихъ славянскихъ старопечатныхъ и старописьменныхъ: *клялся живущимъ во вѣки вѣковъ*, какъ и евангельскія изреченія: *Азъ же глаголю*

вамъ не клятися всяко: ни небомъ (Мат. 5, 34—36) и пр.; *иже клянется церковію, ниче соже есть* (Мат. 23, 6—22) и пр., гдѣ въ рѣчахъ Христа Спасителя употреблены греческіе предлоги—*ен* (во),—всѣ эти изреченія переведены по славянски вездѣ творительными падежами: *небомъ, землю, церковію, алтаремъ, престоломъ Божиимъ и спящимъ на немъ*. Также точно переведено изреченіе еврейскаго первосвященника: *заклинаю Тя Богомъ живымъ*, хотя въ греческомъ подлинникѣ употребленъ здѣсь предлогъ *ката* (на): *заклинаю Тя на Бога живомъ*. Такъ переведенъ здѣсь предлогъ *на* (*ката*) во всѣхъ старописьменныхъ и старопечатныхъ славянскихъ евангеліяхъ, начиная съ Остромирова евангелія, творительнымъ падежемъ: *заклинаю Тя Богомъ живымъ*. Поэтому и въ изреченіи Моисея, повторенномъ апостоломъ Павломъ: *Богъ клялся на себѣ самомъ* (по гречески), правильнѣе было перевести: *клялся собою самимъ*, а не: *по себѣ самомъ*, какъ переведено, совсѣмъ неправильно и неосмысленно, въ нѣкоторыхъ старопечатныхъ и старописьменныхъ книгахъ.

Впрочемъ въ Апостолѣ, изданномъ въ Москвѣ, въ лѣто 7150, при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и святѣйшемъ патріархѣ Іосифѣ, читаемъ (Л. 246): *Аврааму обѣтовая Богъ, понеже ни единымъ имяше большимъ клятися, клялся собою. Человѣцы бо большимъ кленутся* и т. д. Слѣд. и по нашимъ старопечатнымъ, какъ и старописьменнымъ церковнымъ книгамъ оказывается, что *клятися Богомъ*, въ благопотребныхъ обстоятельствахъ, благословно, что освящено и примѣромъ и заповѣдями самаго Бога, Христа Спасителя нашего, патріарховъ и пророковъ, святыхъ апостоловъ и ангеловъ небесныхъ.

Предоставляемъ теперь новоявленнымъ учителямъ и обличителямъ православной церкви, особенно же ихъ руково-

дителю, самимъ обсудить, благословно ли они поступаютъ, съ одной стороны самодумно, а съ другой невѣжественно обличая церковь и смущая совѣсть христолюбиваго русскаго народа, въ глубинѣ ея отношеній къ церковно-государственной присягѣ. Пусть посудятъ они, благовидно ли и то, что они выставляютъ въ подражаніе православной русской церкви даже польско-латинскій костелъ, такъ какъ по ихъ суду и тотъ больше православно-русской церкви вѣренъ истинѣ Божіей, по крайней мѣрѣ, въ вопросѣ о присягѣ. Къ прискорбію своему и стыду, начало польско-латинской присяги они перевели невѣрно: *обличаю и клянусь всемогущему Богу*, тогда какъ по польски употреблено выраженіе: *«прирекаю (изрекаю) и присягаю всемогущему Богу»*.

Не мнози учителя бывайте, братіе моя, — увѣщаетъ насъ св. апостолъ Іаковъ (3, 1—2), — *въдыще, яко большее осужденіе приимемъ: мною бо сорышаемъ и погрьшаемъ вси. Аще кто въ словѣ не сорышаетъ, сей совершенъ мужъ. Тѣмже, братія моя возлюбленная, да будетъ всякъ человекъ скоръ услышати и косенъ глаголати. Сею ради въ кротости приимите всажденное Богомъ и церковію слово, могущее спасти души ваши (Іак. 1, 19—21). Приидите, върнии, — приглашаетъ насъ въ эти святые великопостные дни святая церковь, — *приидите, върнии, дѣлаи въ свѣтъ дѣла Божія; яко во дни благообразно да ходимъ; всякое неправедное списаніе отъ себе отгнемъ, не полагаяще претыканія ближнему въ соблазнъ*.*

При освященіи церквей между многими превосходными читается одна многознаменательная молитва, которая начинается такъ: *Господи Боже нашъ, иже и сію славу о Тебѣ пострадавшимъ святымъ мученикомъ даровавый, еже спятися по всей земли мощемъ ихъ, во святыхъ храмахъ твоихъ, и плоды исцеленій прозябати, возмездіе по-*

дая и въ семъ пострадавшимъ за святое имя твое... Памятуя и поминая мученическую кончину кроткаго Авеля земли руссійскія, благочестивѣйшаго царя нашего императора Александра II, воздохнемъ къ Богу мздовоздателю, чтобы невинная кровь царя — страдальца, всѣянная въ русскую землю сѣменемъ святымъ, произрастила на ней плоды исцѣленія русскихъ душъ, умовъ и сердець, возмездіе и въ семъ низводя отъ небснаго Подвигоположника великому подвижнику своего царственного долга, пострадавшему во имя Божіе. Аминь.

1883 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день восшествія на Всероссійскій престолъ Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя нашего Императора **АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА**.

Вознесохъ избраннаго отъ людей моихъ.

Что значитъ восшествіе на престолъ? Что такое царскій престолъ?

Звуковой корень этого слова—sto, въ родовой родной намъ группѣ арійскихъ языковъ, изъ которой произошелъ и нашъ славяно-русскій языкъ, означаетъ то, что не только само крѣпко и стойко держится на чемъ либо другомъ, но и служить крѣпкою стойкою поддержкою для другаго. Отсюда, изъ этого корня развѣтвились въ нашемъ языкѣ съ такимъ значеніемъ слова: стою, ставлю, уставляю, уставъ, строю, строй, ступаю, стопа, столбъ, стуль, столъ и т. д. Столъ то, на чемъ ставится что либо почтенное, и частнѣе—ставится пища для людей.

Въ первобытномъ, полудикомъ, полусѣдломъ состояніи наши предки, подъ открытымъ ли небомъ, въ легкихъ ли шалашахъ, въ тѣсныхъ ли землянкахъ, садились, на чемъ стояли, на чемъ и ложились, прямо на землѣ, постилая подъ бока развѣ древесныя вѣтви, сѣно, солому, лубокъ, кожу звѣря, или скотины, подставляя подъ сѣдалище раз-

въ колоду или срубленные сучья, да и пищу ставили также на землѣ, подстраивая для этого развѣ какой либо пенъ или подставленную чѣмъ либо доску и т. п.

Выростая отъ земли, вмѣстѣ съ самимъ человѣкомъ, также выроставшимъ отъ земли, эти первобытныя устройства для лежанья, сидѣнья, принятія пищи, почетныхъ ручныхъ занятій, перерождались въ первобытныхъ славянскихъ хижинахъ въ прикрѣпленныя къ стѣнамъ скамьи или лавки, въ подвижныя столыцы или стульцы и столы, какъ можно видѣть въ избахъ русскихъ простецовъ и до сего дня. При чемъ отдѣльный для сидѣнья одного человѣка стулъ былъ снарядомъ позднѣйшаго и не русско-славянскаго происхожденія. При такомъ изначальномъ устройствѣ славянскихъ избъ, прикрѣпленныя къ стѣнамъ лавки, сходясь въ переднемъ углу, образовали въ старо-русской хатѣ почетный уголь; въ этомъ же углу ставили и столъ, а передъ нимъ и столецъ. Въ этомъ же углу, по крещеніи Руси, принято ставить и святыя образа; конечно и у славянъ язычниковъ въ переднемъ углу ставился домашній богъ, покровитель дома, почему этотъ уголь принялъ въ глазахъ потомка древнихъ славянъ, крещенаго православно-русскаго человѣка, даже священное значеніе. Посадить кого либо на скамью въ передній уголь—значило оказать человѣку высшую честь и любовь съ привѣтомъ; значило не только доброжелательно поставить человѣка подъ особый покровъ домашней святыни, но и явить ему нѣкоторое чувство благоговѣнія, какъ лицу въ нѣкоторомъ смыслѣ священному для дома, обративъ къ прочимъ предсѣдѣющимъ или предстоящимъ его честный ликъ на ряду священныхъ ликовъ, глядящихъ на всѣхъ со святыхъ иконъ. Посадить же кого либо на столъ, на мѣсто уже само по себѣ священное, на которомъ всегда возлегалъ и предлагается хлѣбъ, святой даръ Божій, такого и обычая

у нашихъ предковъ никогда не было. А сѣсть кому либо на столъ самому было бы святотатствомъ и кощунствомъ, оскорбленіемъ домашней святыни, дома и изначальнаго обычая.

На всемъ пространствѣ тысячелѣтней русской исторіи единственное исключеніе изъ этого всеобщаго отце-преданнаго непреложнаго обычая сдѣлано, дѣлалось и дѣлается исключительно только для князя, для великаго князя, для царя, для императора русскаго земли. Призавъ къ себѣ русскаго князя, для устройства великой и обильной, но не упорядоченной славяно-русской земли наши предки славяне посадили его у себя, въ знакъ исключительнаго его достоинства и превосходства надъ всѣми, не за столъ, а на самый столъ. Какъ у перваго князя Рюрика были его братья, князья меньшіе, которые также посажены были на столы княженія въ разныхъ городахъ; то старшій князь, сѣвшій на столъ княженія въ старомъ, тогда пока еще Новѣ-городѣ, сталъ великій князь, а столъ его—велико-княжескій столъ, тогда какъ меньшіе князья, братья Рюрика, остались въ народномъ сознаніи и говорѣ князьями, а столы ихъ княжескими столами.

Такъ это и устоялось и осталось, какъ въ сознаніи, такъ и говорѣ славяно-русскаго народа на вѣка. Княжескіе столы стояли во многихъ городахъ древней Руси. А велико-княжескій столъ стоялъ сперва въ Новѣ-городѣ, затѣмъ въ Кіевѣ, а оттуда черезъ Владиміръ переступилъ и устоялся въ Москвѣ. Тамъ когда великій князь московскій выросъ изъ старшаго въ родѣ, между единоплеменными однородными князьями, въ ихъ владѣхъ и царя всея Руси, тогда и велико-княжескій московскій столъ выросъ въ превосходящее исключительное достоинство царскаго престола, который стоялъ уже не только выше всѣхъ прочихъ кня-

жескихъ и прежнихъ великокняжескихъ столовъ, но и на нихъ и надъ ними. А когда московскій царь сталъ владыкою не только единоплеменныхъ однородныхъ русскихъ князей, но и царей и царствъ инородныхъ, каковы были царства: казанское, астраханское, ногайскія, сибирскія, тогда царское достоинство, въ сознаніи даже старыхъ русскихъ людей и самихъ царей, каковъ былъ Іоаннъ Грозный, возрастало уже до равенства съ высшею степенью земнаго величія, съ наслѣдованнымъ отъ греко-римской древности званіемъ императорства, каковое и принято властителями русской земли вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ они увидѣли себя повелителями не только древнихъ русскихъ княженій и вольныхъ земель съ вольными городами, не только всѣхъ обломковъ грознаго нѣкогда царства Чингис-хановъ, Батыевъ, Узбековъ, Мамаевъ до Крыма включительно, но и царственнаго товтоискаго ордена, и великаго княжества шведско-финляндскаго, и царства грузинскаго, и польскаго королевства, и наконецъ многихъ земель нѣкогда столь страшныхъ для всей Европы турецкихъ султановъ. Тогда на всѣхъ этими княжескими и великокняжескими столами, надъ всѣми престолами этихъ царей, хановъ, султановъ и королей возвысился, на нихъ утвердился, сталъ и стоитъ самое высокаго въ мірѣ и во всемирной исторіи знаменованія престолъ всероссійскихъ императоровъ.

Это внѣшняя сторона; а вотъ какъ сложилась и внутреннѣйшая духовная сторона всероссійскаго императорскаго престола.

Ясно, что первоначальный государственно-русскій уставъ сажать князей на столъ былъ только продолженіемъ, хотя и исключительно-преимущественнымъ продолженіемъ чисто народнаго исконнаго все-славянскаго и все-россійскаго обычая сажать почетное старѣйшее лицо въ передній священный

уголъ, а по крещеніи Руси и подъ святыя образа. Такъ и устроились древнія княжескія, велико-княжескія и царскія сѣдалища,—въ переднемъ углу, подъ святыми образами, какъ это и до сихъ поръ можно видѣть въ древнихъ царскихъ палатахъ въ московскомъ кремлѣ. И если обычное въ переднемъ углу подъ образами сидѣнье первенствующаго въ дома лица, какъ то хозяина дома, отца семейства, отца духовнаго, всякаго старѣйшаго, всякаго почетнаго гостя означаетъ признаніе домомъ или власти этого первенствующаго лица надъ собою, или по крайнѣй мѣрѣ преимущества чести, означаетъ порученіе этого лица домомъ покрову домашней святости; то конечно посаженіе властелина земли на столѣ во святомъ углу подъ образами значило, какъ и значитъ, въ исключительно преимущественной степени, признаніе подвластными надъ собою верховной власти предсѣдѣющаго, и порученіе его покрову Бога Вседержителя и всѣхъ святыхъ. Причемъ, по вѣрѣ святой Руси, властодержецъ ея не только держится на подвластныхъ, но покрываемый Божіею милостію и держитъ ихъ подъ собою.

Принимайте, какъ слагалось исторически это внутреннее отношеніе властодержца къ подданнымъ; какъ выросъ внутренний духовный престолъ нашихъ царей, выросъ въ вѣрѣ подвластныхъ, въ клятвахъ и обѣтахъ, въ преданіяхъ старины, въ завѣтахъ отцовъ, въ надеждахъ поколѣній, въ молитвахъ и благословеніяхъ многихъ вѣковъ, наконецъ въ неисчислимыхъ жертвахъ всякаго рода, до пролитія собственной крови, до вольнаго самопожертвованія многихъ милліоновъ жизней. Такъ основатели русскаго государства, наши предки славяне, посадивъ на велико-княжескомъ столѣ родоначальника русскихъ князей Рюрика, сказали ему: теперь княжи и владѣй надъ нами, такъ какъ земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; и призвавъ покровъ неба на новаго вели-

каго князя, положили подъ ноги его велико-княжескаго стола, въ его утвержденіе, клятву свою и потомковъ своихъ на вѣрность ему, Рюрику, и княжескому роду его на вѣка. По крещеніи Руси, при посаженіи уже христіанскихъ князей на княжескій столъ, эта клятва, въ сущности одна и таже всегда, скрѣплялась уже цѣлованіемъ креста Христова съ призываніемъ во свидѣтели единого истиннаго Бога христіанскаго. Эта клятва на вѣрноподданническую вѣрность была повтореніемъ клятвы отцовъ и скрѣпленіемъ ея современниками на вѣрность не только ихъ самихъ, но и потомства ихъ, не только Богомъ данному властодержцу, но и державному роду его. Когда царь Іоаннъ III посадилъ уже на царскій престолъ своего державнаго сына и вѣнчалъ его не только велико-княжескимъ вѣнцомъ Мономаха, но и царскимъ вѣнцомъ древнихъ греческихъ царей, и помазалъ его на царство руками святителей; тогда вся Русь повергла къ подножію царскаго престола, въ его утвержденіе на вѣка, свою клятву за себя и потомковъ на вѣрность богопомазанному царю Василию Іоанновичу и державному роду его, въ нисходящемъ потомствѣ, на вѣка. Когда этотъ царственный родъ, вѣлѣніемъ Божіимъ, пресѣкся,—тогда, по указанію перста Божія, по гласу народа—гласу Божію, вся Русь посадила на престолъ самодержавныхъ царей всероссійскихъ бого-избраннаго, богопомазаннаго и бого-вѣнчаннаго царя Михаила Феодоровича Романова, повергнувъ къ подножію его престола клятву за себя и своихъ потомковъ на вѣчную вѣрность ему и нисходящему отъ него царственному роду Романовыхъ.

Теперь сочтите, сколько въ подножіе царскаго-императорскаго всероссійскаго престола легло клятвъ на вѣчную вѣрность? Клятвъ современниковъ не только за себя, но и за все свое потомство на вѣрность единому богоизбранному роду? Сколько милліоновъ устъ и сердецъ во все вѣка на-

шей исторіи призывали Бога-сердцевѣдца въ свидѣтели вѣрности и искренности этой клятвы? Сколько подъ этимъ престоломъ, въ его утверждение, легло костей его вѣрноподданныхъ, которые умирали, благословляя родную землю и ея верховнаго владыку? Считайте, сколько вѣрныхъ слугъ русскихъ князей, царей и императоровъ закрывали глаза, выпускали предсмертный вздохъ съ послѣднимъ словомъ на устахъ, словомъ отеческаго завѣта остающимся чадамъ о вѣрности и преданности царствующему дому? Считайте, сколько на пространствѣ вѣковъ прошено и испрошено у Царя царей Его благословеній царствующему царю предстоятелямъ церкви Божіей, святителями, іерархами, праведными подвижниками, всѣми священнодѣйствующими, сколько молитвъ вознесено къ престолу Божію всѣми вѣрующими вѣрноподданными, въ утверждение царскаго престола, о сохраненіи царствующаго рода, о мирѣ, о благоденствіи и вѣрнопреданности благочестивымъ царямъ благовѣрнаго народа, о покореніи подъ ноги царскаго престола всякаго врага и супостата? Считайте, сколько силою русскаго духа, силою русской вѣры и молитвы, силою русской вѣрности, преданности и самоотверженія, положено въ подножіе ногъ царскаго престола всякихъ враговъ и супостатовъ? Считайте наконецъ, кто можетъ, сколько жизней вольною волей легко въ подножіе этого престола; какая подъ нимъ выросла гора изувѣченныхъ, истерзанныхъ чудовищемъ войны труповъ; какими потоками самоотверженно пролитой крови полита и связана вся эта гора? Сколько изъ нея вознеслось къ небу воплей муки, стонów терзаній, тихой предсмертной молитвы за отчизну и за царя, которому въ жертву жалостно принесена самая жизнь? Считайте, сколько въ основу крѣпости единого царскаго престола, на пространствѣ вѣковъ, положено завѣтовъ самихъ властодержцевъ державнымъ чадамъ и брать-

ямъ, преемникамъ державы и скипетра; сколько изъ собственныхъ сердецъ князей, царей, императоровъ вознеслось къ Богу молитвъ и обѣтовъ за державу и преемниковъ, особенно на смертныхъ одрахъ? Сколько благословеній изречено царственными отцами надъ главами царственныхъ сыновъ наслѣдниковъ? Сколько заботъ, терзаній, мукъ несказанныхъ, понятныхъ не иному кому, а именно только самимъ царямъ, мукъ и сокрытыхъ отъ стороннихъ глазъ, вѣдомыхъ единому Сердцевѣдцу, вынесли они сами цари наши, въ поддержаніе престола и царства? Сколько вольныхъ невольныхъ жертвъ принесено ими самими? Сколько въ исторіи, сколько въ жизни каждаго изъ нихъ было моментовъ, когда даже самая жизнь ихъ висѣла на волоскѣ? Сколько отсюда неизвѣданныхъ другими, выносимыхъ царями смертныхъ опасностей, сколько страховъ, сколько бессонныхъ ночей, всегда подъ дамокловымъ мечемъ, сколько мучительнѣйшихъ минутъ, дней и даже годовъ жизни хуже смерти? Сколько и смертей рановременныхъ отъ этихъ нечеловѣческихъ, а собственно царственныхъ мукъ, печалей, тревогъ? Вспомнимъ Петра I, вспомнимъ Александра I; да и всѣ они, особенно изъ дома Романовыхъ, умерли рано. А были и особо ускоренныя смерти. А наконецъ царскій престолъ полить не однажды и царственною кровію. И въ завершеніе полить и святою кровію царя-мученика Александра II. И на этотъ престолъ, политый еще теплою кровію отца, Вседержитель Богъ, Царь царей, посаждаетъ наслѣдника сына, нынѣ нашего царя Александра III.

Чувствуете ли вы, что престолъ Александра III страшенъ? Чувствуете ли вы, что онъ высокъ? О! какая ужасающая высота! Чувствуете ли, что онъ святъ, что онъ въ особомъ исключительномъ родѣ есть святое святыхъ, что онъ — отображеніе на землѣ престола Бога Вседержителя

на небесахъ? Онъ зиждется на вѣковѣчныхъ клятвахъ, на молитвахъ, на благословеніяхъ самихъ царей, святыхъ святителей, іерарховъ, многихъ сонмовъ угодниковъ Божіихъ, заступниковъ русскаго земли, и премногихъ милліоновъ богобоязненныхъ христіанскихъ благочестивыхъ душъ. Онъ высится на костяхъ всѣхъ вѣрнопопданныхъ, клятвою закрѣпившихъ за нимъ на вѣки вѣрнопреданность своихъ душъ; высится на костяхъ, на крови положившихъ за него свой животъ; на царственныхъ томленіяхъ, на самопожертвованіи, на безвременныхъ кончинахъ, даже на безвинно пролитой крови самихъ царей. Это страшная высота, да?! Но и престолъ Бога Вседержителя почиваетъ не только на херувимахъ и серафимахъ, архангелахъ и ангелахъ и всякихъ небесныхъ силахъ, но и на душахъ всѣхъ праведниковъ, Богу въ жизни сохранившихъ вѣрность; особенно же почиваетъ на душахъ, избѣнныхъ за Слово Божіе и за свидѣтельство вѣрности Богу, какое имѣли они на землѣ предъ невѣрными,—на душахъ, которыя вѣчно вопіють къ престолу Божію гласомъ великимъ: *доколь, Владыко святыи и истинный, не судиши и не мстиши крови нашей отъ живущихъ на земли, не сохранившихъ вѣры и вѣрности Тебѣ Царю царствующихъ* (Ап. 6, 9—10)? Наконецъ, для ближайшаго подобія престолъ и Бога Вседержителя полить безцѣнною кровію Единороднаго Сына Божія, Царя царемъ и Господа господемъ, котораго убили іудеи злодѣи думая: *наше будетъ достояніе Его, и ошиблись злодѣи...*

Но высокій и страшный, по подобію небеснаго престола Царя царствующихъ, престолъ нашего земнаго царя, по тому же высочайшему подобію, и благодворенъ и необходимъ въ великой русской державѣ. Посаженный на прародительскомъ престолѣ, теперь уже не въ переднемъ свя-

томъ углу дома, а въ передовомъ священномъ прибѣжищѣ всего благочестиваго русскаго царства, священнѣйшемъ изъ русскихъ храмовъ, стоящемъ на мощахъ святыхъ, столбовъ русскаго земли, украшенномъ завѣтнѣйшими святынями всего христіанства, Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, осѣненный покровомъ милости Божіей, заступничествомъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ, повитый молитвами и благословеніями всей православной христіанской церкви, утверждающійся на клятвахъ предъ Богомъ сердцеѣдцемъ на вѣрнопреданность всего русскаго необъятнаго царства, Богомъ избранный, Богомъ вѣнчанный и Богомъ превознесенный царь русскій есть отображеніе на русской землѣ Божія провидѣнія, носитель на землѣ высшей мудрости и правды, основа мира и порядка, стержень скрѣпы и движенія всего государственнаго состава; и царственный родъ Его, которому въ лицѣ наслѣдника Его мы присягаемъ на вѣчную вѣрность, есть стержень и сердцеина всего государственнаго развитія, успокоительная надежда настоящаго, якорь спасенія будущаго Россіи.

Видите ли, что всероссійскій императорскій престолъ есть не только созданіе, но и священнѣйшій завѣтъ всего тысячелѣтняго прошлаго Россіи? Чувствуете ли, сколько анти христіанскаго, сколько противонароднаго, сколько зловѣщаго и проклятаго заключаютъ въ себѣ недавно обнаружившіеся замыслы,—увы! русскихъ выроdkовъ замыслы на жизненность престола, на жизнь царя, на долгоденствіе и благоденствіе прамата царственнаго рода? На нихъ, на этихъ крамольниковъ, вѣтвепреступниковъ, измѣнниковъ не только своей собственной святотатственной клятвѣ, но и завѣту всѣхъ предковъ, на нихъ падетъ анаѣема и клятва отцовъ и дѣдовъ и пращуровъ до основателей русскаго царства. Чувствуете ли, какъ тревожно, какъ опасно, какъ

гибельно отваживаться на реформы въ основномъ строѣ государства? Посмотрите на Францію. Она также изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ, присягала на вѣрность древнему роду своихъ христіанскихъ королей. Но Франція отсѣкла голову своему родному королю. И Боже! сколько милліоновъ головъ съ того недавняго времени Франція порубила у себя! Посѣчено все лучшее молодое поколѣніе. Франція уже теряетъ способность вознаграждать смертную убыль населенія новыми рожденіями. Надъ самымъ политическимъ бытіемъ ея повѣшенъ дамокловъ мечъ, готовый не сегодня, завтра обрушиться на ея голову. А если бы нынѣшніе французы могли послушать, подобно евангельскому богачу, загробнаго голоса отшедшихъ въ иной міръ своихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, что бы тѣ сказали имъ? Безъ сомнѣнія то же, только въ безмѣрно сильнѣйшей степени то же, что нынѣшніе французскіе отцы, живые пока отцы, хотятъ сказать своимъ живымъ дѣтямъ и насчетъ дѣтей.

Боюсь, что наши русскіе, увь! часто въ послѣднее время—верхоглядъ, проглядываютъ между строками въ газетахъ наипоразительнѣйшую вещь. Извѣстно, что какъ разъ Франція сокрушила тронъ природныхъ королей, сокрушила христіанскіе алтари, то съ тѣхъ поръ она и вошла во вкусъ этихъ крушеній. Созидала престолы не разъ и ниспровергала. Возстановляла религію не разъ и снова отрекалась отъ вѣры отцовъ. Теперь будто-бы воцарила у себя республику на долго ли, сомнительно; но то несомнѣнно, что во Франціи настало при республикѣ гоненіе на христіанство, гоненіе холодное, обдуманное, но глубокое, но радикальное. Извѣстно, что на дняхъ одинъ министръ народнаго просвѣщенія атеизировалъ французскія училища;— при этомъ въ первый разъ создалось и это новое слово, прежде

неслыханное—атеизація. Извѣстно, что другой министръ секуляризовалъ или лаицизировалъ училища. Это слово лаицировать раздалось впервые же въ устахъ человѣческихъ. Это значитъ, что преподаваніе Закона Божія въ училищахъ, какъ предметъ правительственной программы, изгоняется. Предписано было начальству учебныхъ заведеній спрашивать родителей, желаютъ-ли они, чтобы дѣти ихъ получали въ училищахъ религіозное образованіе. Эта мѣра принята подъ предлогомъ не насилловать свободы совѣсти. Что же вышло? Результатъ извѣстенъ только въ парижскомъ учебномъ округѣ. Изъ всѣхъ учебныхъ округовъ Франціи это самый многочисленный; населеніе его наиболѣе проникнуто вольнодумствомъ. Въ него входятъ девять департаментовъ—нашихъ губерній; въ учебныхъ заведеніяхъ его воспитывается около половины всего учащагося юношества страны. И во всемъ этомъ округѣ всѣхъ отцовъ семействъ, которые заявили желаніе, чтобы дѣти ихъ не обучались Закону Божію, нашлось только *восемь*. Право, у насъ на святой Руси, даже въ нашей Уфѣ, кажется, нашлось бы сравнительно больше такихъ отцовъ: попробуй только предложить... Нашлось бы изъ моды. Кто-жъ эти отцы? Кто радикальные вольнодумцы? Это—биржевики, чиновники, депутаты, сенаторы, министры... Вотъ откуда во Франціи вольнодумство,—а у насъ такъ или не такъ?... Изъ народа-ль всякое, религіозно-политическое вольнодумство?... «Вольнодумство»! восклицаетъ, передавая это извѣстіе, одна французская газета. «Можно быть вольнодумцемъ (чтобы угодить вольнодумному правительству), когда дѣло идетъ объ избраніи въ палату, о полученіи мѣста, ордена, денежной выгоды. Но всякій перестаетъ быть вольнодумцемъ, когда дѣло идетъ о душѣ своего дитяти, или просто о родительскомъ авторитетѣ и сыновней почтительности, источникъ коихъ въ религіи, безъ которой нѣтъ ни обще-

ства, ни семьи. Да, французскіе отцы хотятъ быть религіозны за дѣтей, не за себя. Для себя они отвергаютъ религію, подчиняясь закону, сущему въ удахъ нашихъ; а для дѣтей руководятся закономъ ума, закономъ совѣсти, закономъ духовнымъ. Поправятъ ли французы у себя такую странную, такую безпримѣрную религіозностью, семью, общество, государство? Сомнительно (*). Но вѣрно то, что ихъ отцы изъ за гроба шлють живымъ тяжкій укоръ за то, что они сокрушили у себя религію и государство, сокрушили наслѣдственную монархію, на вѣрность которой столько вѣковъ присягали, и теперь казнятся за вѣроломство.

Слава Богу, святая Русь еще не сокрушала у себя ни того, ни другаго, ни вѣры, ни присяги на вѣрность царю и царствующему дому. Но увы! На Руси начинается и то и другое. Безбожники, святотатцы, крамольники не только неоднократно покушались, но и успѣли обогреть стогны царствующаго града честною кровію царя—мученика... Поражая сердцевину великаго, многосоставнаго русскаго царства, воображаютъ эти ничтожества, что именно они, эти ничтожества, сдержатъ эту громаду величайшаго въ мірѣ государства въ единствѣ и цѣлости; что къ нимъ пристанутъ всѣ эти массы христолюбиваго и царелюбиваго народа; что отъ нихъ не отвалится сдерживаемыя до сихъ поръ единствомъ крѣпкаго русскаго духа эти громады иновѣр-

(*) Позднѣйшее извѣстіе—телеграмма: «Парижъ, 11 марта. Сенатъ при обсужденіи законопроекта объ обязательномъ начальномъ образованіи отклонилъ 167 голосами противъ 123 предложеніе Жюль Симона, коимъ учителямъ предписывается внушать дѣтямъ обязанности относительно Бога и отечества. Это предложеніе, до послѣднихъ сенаторскихъ выборовъ, было одобрено и сенатомъ и отклонено палатой». Теперь, значитъ, отвергнуто и палатой и сенатомъ! И что отвергнуто? обязанность учителей внушать дѣтямъ обязанности относительно Бога и отечества! Выходитъ, что отцы желаютъ, чтобы дѣти ихъ были религіозны, но отцы отечества не желаютъ.

ныхъ инородцевъ, которые теперь спокойно и даже искренно присягаютъ на вѣрность и по своему вѣрують великому бѣлому русскому царю.

Поймите всѣ, что не одна только настоящая современная, всероссійская православная Христова церковь, но и вся отшедшая въ горній міръ десятивѣковая православная Христова церковь всея Руси, утверждаясь на основѣ вѣры, надежды и молитвы святой вселенской апостольской церкви и на камнѣ Христѣ, единѣмы усты и единымъ сердцемъ, изрекаетъ измѣнникамъ—крамольникамъ противъ православнаго царя анаѹему. *Помышляющимъ, яко православные Государи возводятся на престолы не по особливому о нихъ Божію благоволенію, и при помазаніи дарованія Святаго Духа, къ прохожденію великаго сего званія, въ нихъ не изливаются: и тако дерзающимъ противъ ихъ на бунтъ и измѣну, анаѹема, анаѹема, анаѹема! Аминь.*

1882 г.

ПОУЧЕНІЕ

на 9-е марта, въ день памяти 40-ти Севастійскихъ мучениковъ, въ девятый день по кончинѣ въ Бозѣ почившаго Благочестивѣйшаго Великаго Государя Императора АЛЕКСАНДРА II.

Кровь вашего терпѣнія, мученицы, Господу молится о насъ непрестанно; тѣмже и нынѣ помолитесь воздержатися намъ отъ страстей безчестія. — Стихира.

Въ горестный, тревожный и мрачный день 2-го марта, когда на первой заупокойной и необычной по велико-постному чину литургіи св. Златоуста протодіакону пришлось возгласить уже не многая лѣта, а вѣчную память Благочестивѣйшему Великому Государю Императору АЛЕКСАНДРУ II; когда среди мрака горести и тревоги за настоящее и будущее душа искала какого-либо просвѣта, чтобы усмотрѣть для себя что либо твердое и опереться и хоть сколько либо успокоиться, хоть сколько либо собраться съ мыслями, лично для насъ свѣтъ, просвѣщающій всякаго чловѣка грядущаго въ міръ, возсіялъ оттуда, откуда для ищущихъ его, этого животворнаго свѣта, сіяетъ онъ всегда, именно изъ евангелія, частіе изъ-за упокойнаго евангелія, которое читалось въ этотъ самый день и часъ первой

заупокойной литургіи по почившемъ въ Бозѣ Императорѣ, АЛЕКСАНДРѢ II.

Это евангеліе начиналось такъ: *рече Господь ко пришедшимъ къ Нему Иудеомъ: Отецъ мой досель дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю. И сего ради паче искажу Его Иудее убить, яко Отца своего глаголаше Бога* (Іоан. 5, 17—18). Такъ, подумалось, подобное же нѣчто могъ сказать и почившій въ Бозѣ Императоръ: *небесный Отецъ мой досель дѣлаетъ, и Я дѣлаю. И сего ради, — мы съ своей стороны можемъ прибавить о Немъ, — сего ради паче искажу Его злодѣе убить, яко Отца своего глаголаше Бога.* Это мы поймемъ, когда спросимъ себя, что именно почившій Государь дѣлалъ, и за что именно злодѣи искали Его убить и убили?

Видите, прежде основанія Русскаго царства, на всемъ этомъ пространствѣ отъ устьевъ Дуная до устьевъ Вислы, отъ истоковъ Невы до низовьевъ Волги, жили многочисленныя и разрозненныя славянскія племена. Не говоримъ о славянскихъ племенахъ, жившихъ и живущихъ за Дунаемъ, за Вислою, Одеромъ, даже по Эльбѣ, которые теперь или поработены или даже претворены въ вѣковомъ поработѣнн въ иныя народности. Собственно-русскія славянскія племена жили цѣлые вѣка и не одно тысячелѣтіе безъ царя и князя. Каждый жилъ своимъ умомъ и волею. Много, много что по болѣе центральнымъ мѣстамъ, напр. въ Кіевѣ, Новѣгородѣ, бывали вѣчевыя совѣщанія. Слѣдствіемъ этой вольницы было извѣстное въ исторіи великое шатаніе умовъ и нестроеніе. Никакого наряда въ славяно-русской землѣ не выходило. Къ счастью, славяне сознали это и пошли призвать себѣ князей. «Земля наша велика и обильна», — сказали они, — «а порядка въ ней нѣтъ; придите княжить и владѣть нами». Это значило, что славяне отреклись каждый отъ своей воли, отреклись отъ своихъ вѣ-

чевыхъ пререканій, и отдавить господству ума и воли князей Рюрикова Дома. Замѣтьте. Это зиждительная идея русскаго государства. Она развивалась во всю тысячелѣтнюю нашу исторію.

Первые князья наши, призванные свободно въ старѣйшемъ центрѣ славянства, въ старомъ Новѣ-городѣ, пошли оттуда въ окраины поработать уже непокорныхъ словомъ и повелѣніемъ, прутьемъ и палкою, огнемъ и мечемъ. Такъ они прошли до Кіева, до Херсона, до Болгаріи, до Волыни и Полоцка, до Архангельска и Перми, до Владимира и Москвы и Нижняго, такъ прошли и до Урала и Алтая и до Камчатки. Сопротивленія себѣ, особенно въ первые вѣка по основаніи русскаго государства, особенно въ ближайшихъ къ центрамъ русскаго славянства мѣстностяхъ наши первые князья почти не встрѣчали. Таковъ былъ склонъ исторіи, таковъ духъ въ тогдашнихъ славяно-русскихъ племенахъ. Вольною волею они отдавались въ господство Рюрикова княжескаго рода, чтобы образовать изъ себя мощное государство, чтобы сложиться и вырасти въ крѣпкій русскій народъ.

Въ дальнѣйшее время, въ удѣльный періодъ, усобицы уже не племени противъ племени, а князей противъ князей, которые перестали знать и признавать старѣйшаго между собою, чуть было опять не разметали Русь по вѣтру, только что начинавшую собираться, шириться и крѣпнуть. Но Промыслъ Божій наслалъ на насъ нашихъ истинныхъ благодѣтелей — татаръ, наслалъ страшную тяготу, татарскій погромъ, который, придавивъ насъ, не позволилъ распасться отъ собственной розни. А въ тоже время, сдавленные рабствомъ, связанные по рукамъ и ногамъ, какъ живое тѣло, мы росли, крѣпли и мужали, и выросли въ сказочнаго богатыря.

Зараждается собирающій центръ русской земли, Москва и въ ней власть велико-княжеская. Эта власть, истинное ей спасибо, не была скупа на стягивающія мѣры, противъ извѣчной розни стараго славянства, которое искони пронижено было болѣе центро-бѣжною, чѣмъ центро-стремительною силою, которое, не столько не любя, сколько не привыкши покоряться, не отставъ еще отъ до-историческихъ своихъ привычекъ шатунвъ-номадовъ, любя не старья, насиженные, выѣденныя и опустошенныя, а новыя, привольныя и всемъ готовымъ обильныя мѣста, стремилось забиться куда либо подальше въ вольный боръ, разсыпаться и исчезнуть. Мудрая и твердая московская государственность стягивала славяно-русскую шатость крѣпкою рукою, гдѣ средствами привлеченія, а гдѣ и расчитанно-вѣрнаго загона. Духъ нашей исторіи, первоначальная ея идея: *земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, придите же княжить и владѣть нами*, — эта первоначальная идея не только оправдывала, а дѣлала животворящими для цѣльности слагающагося государственнаго тѣла самыя не мягкія историческія мѣры, даже до такъ называемаго послѣдняго аргумента мудрыхъ и крѣпкихъ народныхъ властителей, до плети и кнута, до крови и казни, до огня и желѣза. Ужъ на что былъ грозенъ царь Иванъ IV? Ужъ на что былъ не скупъ на кровь и головы своихъ не только своевольныхъ, но и рабски, или даже беззавѣтно покорныхъ подданныхъ? Однакоже всѣ, чувствуя на своихъ хребтахъ крѣпкую руку самодержца, надъ своими головами крѣпкую мысль царя — печальника русской земли, покорствовали безмолвствуя, и клали головы свои на плаху, жалуясь развѣ только Богу въ глубинѣ души, а иногда, да и часто не дѣлая и того, а скорѣе молясь Богу азъ русскую землю и русскаго царя. И этотъ грозный царь,

не смотря на все свои немощи, даже именно въ своихъ царскаго богатырскаго пошиба недостаткахъ, сталъ легендою, сталъ русскою поэзіею, сталъ любимымъ героемъ народной пѣсни, сталъ присказкою обще-народной похвалы, сталъ легендарный сказочный Иванъ Ивановичъ, русскій царь царевичъ. Въ концу пятидесятилѣтняго царствованія этого поэтического въ своихъ доблестяхъ и немощахъ грознаго царя его царство стало, по крайней мѣрѣ, вдвое крѣпче, и въ десятеро шире, чѣмъ было, когда онъ вступалъ на прародительскій престолъ. Въ томъ же направленіи, чтобъ искоренить и послѣдніе остатки старой славяно-русской слабости, мудрый царь Борисъ Годуновъ закрѣпостилъ шатающееся по землѣ славянство не только землѣ, но и лицамъ, боярамъ, господамъ. Нужда государственная указывала ту же систему дальнѣйшаго закрѣпленія и при послѣдующихъ мудрѣйшихъ Самодержцахъ, при Петрѣ I и даже при Екатеринѣ II. А прикрѣпленіе требовало и крѣпкихъ государственно-народныхъ мѣръ, завѣщанныхъ и древними и средними вѣками нашей исторіи. Почти все старыя грозныя мѣры укрѣпленія государства, за немногими исключеніями и смягченіями, были въ довольно силѣ не только при великомъ Преобразователѣ Россіи, который сразу снесъ голову возникшей было крамолѣ, не только при ближайшихъ Его преемникахъ, которые съумѣли держать царское имя грозно и честно по старинѣ, но и при философъ-гусударынѣ мудрой Екатеринѣ, и даже при Александрѣ Благословенномъ, и даже до кончины идеальнаго Самодержца Императора Николая I. Между тѣмъ Россія выросла въ безпримѣрнаго исполина, для внутреннихъ враговъ, конечно, еще болѣе грознаго, чѣмъ для внѣшнихъ.

Рядомъ съ этимъ внѣшнимъ ростомъ, съ внѣшнимъ крѣпкимъ стягиваніемъ и органическимъ сплоченіемъ разрозненныхъ славянскихъ и уже многихъ инородческихъ племенъ

въ цѣльность единого государственнаго тѣла, шло другое внутреннее вліяніе, которое вырабатывало единый духъ единого русскаго народа, это вліяніе христіанства, вліяніе православной Христовой церкви. При единствѣ развивающагося народнаго русскаго языка, при единствѣ языка церковно-богослужебнаго, при единствѣ церковно-каноническихъ и богослужебныхъ уставовъ, которые легли въ основу не только жизненнаго народнаго уклада, но въ основу и государственно-церковно-народнаго законодательства, православная церковь, въ духѣ и смыслѣ евангельскаго ученія, указывала всемъ своимъ русскимъ чадамъ на небѣ единого Бога Отца всѣхъ, Царя царствующихъ и Господа господствующихъ; указывала всемъ и каждому на землѣ брата по духу и тѣлу въ каждомъ единоплеменномъ единовѣрцѣ, а во всѣхъ въ совокупности русскихъ православныхъ христіанахъ единую семью, единое Божіе наслѣдіе и царство, едину Христову церковь; а въ князьяхъ указывала богопоставленныхъ властителей, поборниковъ земли и русскаго люда; а въ самодержавномъ царѣ указывала помазанника Божія, образъ на землѣ Царя царей, первенца сына Христовой церкви, ея защитника и покровителя, единого на землѣ Божіею милостію властодержца и судію и мздовоздаятеля; а въ родѣ царскомъ указывала родъ богоизбранный, изъ котораго вырастаетъ богонасажденный стержень, сердцевина опоры, твердыня всего богохранимаго царства, всего христіолюбиваго народа. Церковь и вѣра сберегли въ народѣ беззавѣтную преданность даже грозному царю Ивану IV Васильевичу, среди многихъ учиненныхъ имъ крайностей. Какъ же иначе? Помазанникъ Божій, богопоставленный царь. *Сердце царево въ руцѣ Божіей. Не прикасайтесь помазаннымъ моимъ*, глаголетъ Господь Царь царствующихъ. И все предъ этимъ голосомъ церкви безмолвовало, все падало

долу: снеси хоть голову, твоя царская воля, Божія воля святая... Церковь сохранила и утвердила царскій престолъ и по пресѣченіи царственнаго Рюрикова рода, когда воскресла было старинная русско-славянская шатость умовъ. Къ содѣйствію церкви государственная сила прибѣгала всегда и въ послѣдующія времена, особенно въ годину искушеній, даже до нашихъ дней; прибѣгали и Петръ I, и Екатерина II, и Александръ I, и Николай I, и Александръ II, уже не только на нашихъ глазахъ, но и на глазахъ юнѣйшаго поколѣнія. Понятно, почему государство, ограждая себя, ограждало и церковь. Понятно, почему государство и церковь, наученныя горькими опытами исторіи, боялись старинной славянской, теперь уже русской, шатости умовъ; почему власть держала крѣпко въ уздѣ такъ называемую свободу слова и мысли, даже до кончины крѣпкодушнаго императора Николая I.

Между тѣмъ въ наши дни, кто уже не скажетъ, что русское царство не только выросло, но и окрѣпло? Кто не скажетъ, что русскій народъ возмужалъ и утвердился въ сознаніи началъ, которыя дали ему государственное бытіе, дали ростъ и мужество, крѣпость и мощное міровое положеніе среди другихъ народовъ? Кто не скажетъ, что русскій народъ привыкъ любить своего царя, не только монарха, но и самодержца, когда самодержавіе, какъ мощное кормило, вывело Русь среди безконечныхъ и колоссальныхъ вѣковыхъ бурь? Кто не скажетъ, что русскій народъ утвердился въ любви къ своей православной вѣрѣ и церкви, — что онъ — христолюбивъ, — что онъ, по крайней мѣрѣ, безконечно далекъ отъ невѣрія и богоотступства, отъ отрицанія и антихристіанства? Кто не скажетъ, что въ 1000 лѣтъ своего историческаго роста онъ заслужилъ, чтобы снять съ него оковы крѣпостнаго рабства, чтобы устранить отъ

него начальственный и судейскій произволъ, чтобы смягчить и даже въ большинствѣ исключить суровыя, унижительныя, живоотно-тѣлесныя наказанія, чтобы снять узду съ нашей возмужавшей мысли, съ нашего зрѣлаго, просвѣщеннаго, мудраго слова?

Запросы эти сказывались уже въ предыдущія царствованія, начиная съ царствованія философа монархини, мудрой Екатерины II. И вотъ промыслъ Божій послалъ своего избранника, послалъ на землю орудіе своихъ великихъ милостей Россіи, послалъ царственную отрасль царственному роду, когда этотъ родъ готовъ былъ снова, конечно, къ несчастію Россіи, прекратиться, послалъ царственнаго отрока, воспринятаго при рожденіи святыми объятіями святителя Алексія, который, принявъ нѣкогда въ свои объятія другаго державнаго отрока, Дмитрія Донскаго, спасъ Россію отъ гибели; послалъ Россіи Государя, болѣе всѣхъ прежнихъ вѣнценосцевъ широко и основательно образованнаго, воспитаннаго лучшими гуманными наставниками, въ родѣ благотиваго поэта Жуковскаго, на началахъ самой кроткой, христіанской гуманности. И призванный Промысломъ, въ годину тяжкаго испытанія царства, на прародительскій царскій престолъ, кротчайшій, гуманный, просвѣщеннѣйшій, христіаннѣйшій Государь Императоръ Александръ II началъ свое царственное, свое гуманное, свое христіанское дѣланіе. Благія дѣянія Его у всѣхъ на виду, а у насъ уже стариковъ, видѣвшихъ два полныя царствованія, они всѣ до единого и прошли предъ глазами. Всякое въ отдѣльности изъ Его царственныхъ благодѣяній своему народу способно дать безсмертіе всякому вѣнценосцу. Кроткою уступчивостію, во благо время, Онъ освободилъ отъ грозныхъ враговъ вѣшнихъ свое истощенное царство. Онъ призвалъ къ жизни, къ свободной, открытой, обезопасенной работѣ

на пользу общую дѣятелей мысли, слова и печати. Лучшія, просвѣщеннѣйшія силы поставилъ вблизи своего престола для совѣта о величайшемъ государственномъ актѣ освобожденія крестьянъ. Плоды этого величайшаго благоутворенія не-исчислимы: русскіе, бывшіе по человѣческому происхожденію людьми, по вѣрѣ христіанами, наконецъ-то получили и права на человѣческое обращеніе; имя христіанина-крестьянина-мужа (мужика) перестало быть позорнымъ; милліонамъ кореннаго русскаго народа, основъ русскаго царства, даны полнoprавныя права русскихъ гражданъ. Сами собою при этомъ рухнули цѣлыя громады животныхъ наказаній, выросшія по запросу нашей тысячилѣтней исторіи, безъ чего она никогда не была бы и написана. Утверждены вызванные запросами новыхъ формъ жизни новые суды съ усовершенствованными формами отправленій судебной правды, съ смягченными на дѣлѣ взысканіями за право—и законо-нарушенія. Свѣточъ просвѣщенія зажжонъ за это царствованіе не только въ городахъ, не только въ уѣздныхъ нашихъ городахъ, не только въ каждомъ селѣ, но и по деревнямъ на всемъ пространствѣ Руси, въ самыхъ темныхъ ея углахъ. Не говоримъ о развитіи путей сообщенія, о телеграфахъ, о сооруженіяхъ. Даже нужды строжайшей воинской дисциплины не помѣшали изданію воинскихъ уставовъ, которые возвращали воинскимъ людямъ права улучшенной человѣческой жизни, права обезпеченнаго человѣческаго обращенія. Въ томъ же духѣ гуманности поднималось даже самое воинское оружіе. Въ царствѣ польскомъ отвоевана русскими штыками человѣческая жизнь милліоновъ забитыхъ чужероднымъ панствомъ хлопковъ. На Кавказѣ задушены вѣчное грабительство, вѣчный разбой, вѣчное порабощеніе разбойниковъ своимъ атаманамъ. У границъ Китая защищены отъ китайскаго своеволія и своекорыстія и просто очищены отъ

ихъ вліянія, съ замѣною его нашимъ господствомъ, полосы земли, равныя цѣлымъ царствамъ. Въ средней Азіи положенъ конецъ хищничеству и разбоямъ въ нѣсколькихъ мусульманскихъ царствахъ, присоединеніемъ ихъ къ Россіи. Нанесенъ, наконецъ, Царемъ-Освободителемъ тяжкій ударъ царству оттомановъ, царству жестокаго и неправеднаго деспотизма. Замѣьте, что это воинскіе подвиги Петра I, что это завоевательные успѣхи Іоанна Грознаго. И всѣ эти величайшія дѣянія протекшаго царствованія проникнуты одною гуманною христіанскою идеею освобожденія народовъ, воцаренія правды, дарованія людямъ человѣскихъ правъ. И въ этомъ направленіи великій царственный Дѣятель не остановился ни на одну минуту. А руководителемъ Его въ великомъ царственномъ освободительномъ дѣланіи былъ Богъ, Отецъ небесный; опорою—вѣра, путеводною звѣздою—промыслительное призваніе. А совѣтникомъ Его былъ отшедшій къ Богу царственный Его Родитель. Мы знаемъ, что Онъ нерѣдко одинъ, въ глубокомъ уединеніи подъ сводами величественнаго храма, между царственными гробами своихъ предковъ, сиживалъ у гроба своего Родителя въ молитвѣ, въ размышленіи, въ таинственной бесѣдѣ душъ. Оттуда возвращавшійся къ живымъ заботамъ Императоръ выходилъ ободренный и укрѣпленный. Когда раздавались навѣянные съ запада слова, слова и слова, вредныя однакоже слова, которыя и тамъ на западѣ принесли страшный погромъ и почти политическую гибель одной великой націи,—слова объ увѣнчаніи зданія,—мы знаемъ,—Онъ говаривалъ: «Я ставлю себя передъ моимъ Отцомъ, и спрашиваю, что Онъ сказалъ бы на это»?—Такъ не измѣняя себѣ, дѣлая царственное дѣло, работая до послѣдней минуты, стоя на ногахъ, пока святотатственное злодѣйство не оторвало ему ноги, текущія на добро и только на добро своему народу, стоя Онъ

и умеръ, какъ хотѣлъ умереть лучший изъ древнихъ государей, мыслителей.

Вотъ что дѣлалъ нашъ почившій Царь Государь. Онъ не только княжилъ и владѣлъ великою русскою землею, чтобы въ ней былъ порядокъ, не только расширилъ ее на громадныя пространства; но Онъ, первый изъ русскихъ Вѣнценосцевъ, дѣйствительными государственными мѣропріятіями сталъ наконецъ приучать народъ, чтобы онъ приучался владѣть и управляться и самъ собою. Но Онъ мыслилъ себя сыномъ—посланникомъ Отца небеснаго, сыномъ—наслѣдникомъ своихъ самодержавныхъ Отцовъ, призваннымъ въ міръ во первыхъ затѣмъ, чтобы великое наслѣдіе Божіе, наслѣдіе царственныхъ предковъ, великая русская земля безъ строгаго наряда не распалась, а народъ не рассыпался въ извѣчной, да и ново-возникшей между разными племенами русскаго царства розни. И за это искаху Его злодѣи убити и убили.

Правда-ль, что за это? Спросите знающихъ дѣло вблизи. Они скажутъ. Самое святотатственное злодѣйство многократнаго поднятія убійственной руки на Помазанника Божія говорить уже, что она принадлежитъ безбожникамъ. Но мы и знаемъ, что эту убійственную руку не разъ поднимали только безбожники, всѣ до единого безбожники, и съ безбожною антихристіанскою цѣлію уничтожить весь историческій, государственный и церковный строй русскаго царства. Но нѣсколько словъ о томъ, какъ родилось, выросло и—по видимому—окрѣпло, по крайнѣй мѣрѣ, ожесточилось это зло.

Со времени Петра I родилось въ русской землѣ раздвоеніе между русскимъ народомъ и такъ называемою русскою интеллигенціею. При Екатеринѣ II до начала царствованія Александра I былъ въ ходу уже такъ называемый французскій энциклопедизмъ, въ крайне тѣсномъ кругу людей,

знакомыхъ съ европейскимъ западомъ, энциклопедизмъ, въ русскихъ головахъ еще безпредѣльно болѣе пустой и легкомысленный, чѣмъ во французскихъ. Въ дальнѣйшія десятилѣтія, вслѣдствіе погрома 12 года, это пустомысліе потухло было, а остался только, въ извѣстныхъ кругахъ, упадокъ православно-церковной дисциплины. Въ истекшее же царствованіе, вмѣстѣ съ значительнымъ расширеніемъ свободы слова, началась чисто діавольская вакханалія изступленія умовъ и самаго неистоваго словоизверженія,—вакханалія, которая въ западной Европѣ была развѣ только въ первые дни революціи. Боже! Чего мы не услышали? Боже! Чего на Руси не сказано? Чего не сказано противъ Бога подъ именемъ теизма? Противъ христіанства подъ именемъ папизма или византизма? Чего не сказано, чего не обнаружено, чего не измышлено, чего не изрыгнуто о недавно царствовавшихъ русскихъ Вѣнценосцахъ? Не говоримъ о печатныхъ и всяческихъ хулахъ на высшихъ представителей власти. Чего не сказано, не говоримъ, противъ общечеловѣческимъ поэзіи и изящныхъ искусствъ? Не говоримъ, противъ началъ христіанской нравственности, призванныхъ всѣмъ человѣчествомъ за совершеннѣйшія и возвышеннѣйшія? Но чего не сказано въ пользу и защиту грубѣйшихъ пороковъ и злодѣяній, не говоримъ—блуда, но кражи, обмана, грубости, цинизма, убійства, царубійства, иногда подъ покровами, а иногда и безъ таковыхъ?! Между тѣмъ патріархальныя, отеческія, строгія, вразумительныя, спасительныя мѣры взысканія всюду исчезли, оплеваны всѣми, охаяны самими представителями государственной дисциплины. Русскія головы перевернулись и русская исторія пошла обратнымъ ходомъ уже не только въ извѣстномъ тѣсномъ кругу, въ одномъ или двухъ городахъ, но уже и во всѣхъ городахъ, да и въ селахъ, да и въ де-

ревняхъ, въ мысляхъ, словахъ и поступкахъ даже простецовъ, даже мальчиковъ. Десятилѣтніе мальчики школьники стали судіями своихъ воспитателей, стали показывать имъ свои кулачки изъ-за угла, а часто и открыто измышлять и приводить противъ нихъ въ исполненіе самыя адскія пакости. 15-лѣтніе мальчики школьники стали бить и даже убивать своихъ начальниковъ. 20-лѣтніе, мысля себя призванными не за книгу къ ученію, а къ политической жизни, стали гадать о преобразованіи государства на началахъ социализма и взывать къ необходимости топоровъ. Всѣ серьезные умы затуманились, всѣ благонамѣренныя сердца сжались самыми мрачными предчувствіями. Напрасно. Въ 63-мъ году одинъ архіерей, умирая образцовою кончиною христіанина, древняго римлянина, древняго стоика, говорилъ: «да не хочется и жить въ виду бѣдъ, грядущихъ на Россію». Это не понравилось, когда огласилось, именно въ высшихъ сферахъ. Но 66-й годъ и каракозовщина начали оправдывать это грозное предчувствіе. Затѣмъ мы видимъ рядъ напудовищнѣйшихъ посягательствъ. Европейская манія царубійства, привившись на почвѣ Россіи, породила плоды безпредѣльно болѣе широкіе, чѣмъ европейская наука. Мы изумили міръ адскою изобрѣтательностію. Мы поражаемъ міръ тѣмъ фанатизмомъ, который, будучи доселѣ направленъ только въ добрую сторону, являлъ изумленію другихъ народовъ чудеса безстрашія и самоотверженія. И эта манія царубійства не стѣснялась связывать свое дѣло съ маніею богоотступничества, поруганія религіи, антихристіанства. Тысячи юныхъ крамольниковъ идутъ въ Казанскій соборъ совершать кощунственное поминовеніе по крамольникамъ казненнымъ и въ заглушеніе дыма кадилаго закуриваютъ во храмъ сотни папирсовъ. Въ другихъ концахъ святой Руси проявляется тоже стремленіе нару-

гаться надъ святынею. Однакоже не видно, чтобы кто либо изъ власть имущихъ похаялъ за это юныхъ безумцевъ—кощунсовъ. А высшій русскій мыслитель, къ изумленію—онъ же и христіанинъ, читая имъ за кощунство укоръ, замѣчаетъ только: «вы оскорбили храмъ народа, вы не уважили храмъ вашего народа». Похоже на то, что вы пришли въ калмыцкій хуруль, въ кумирню сибирскихъ шамановъ, и неприлично вамъ оскорбить храмы этихъ полудикихъ народцевъ. Не смѣть, не нужнымъ, бесполезнымъ находить сказать этимъ богоотступникамъ, ругателямъ религіи отцовъ: «вы осквернили вашимъ кощунствомъ храмъ вашего Бога, храмъ вашихъ отцовъ, вашъ собственный Божій храмъ». Фанатическій духъ родитъ его фанатическихъ выразителей.

Объ Іудеяхъ и Христѣ Спасителѣ говорится въ Евангеліи: *сего ради гоняху Іудеи Іисуса и искаху Его убить*. Тоже можно сказать о почившемъ Императорѣ и Его злодѣяхъ: *гоняху Его, искаху Его убить*. И вовсе не тайно. Открыто гонялись за Нимъ, открыто посягали Его убить. А Онъ, право—яко *агнецъ ведомый на заколеніе, предъстригуемый, Его безласный*,—яко возлюбленный отрокъ Божій, *иже не прречетъ, ни возопіетъ, ниже кто услышитъ на распутіяхъ гласа Его, иже льна курящая не угаситъ...* Ни духу гуманности, ни кроткимъ мѣропріятіямъ съ 66-го года Онъ не измѣнилъ до послѣдняго издыханія. А не вредно было бы вспомнить своего прапрадѣда Петра великаго. Въ самое предпоследнее чудовищнѣйшее злодѣйство, когда Его готовы были взорвать въ собственномъ Его царскомъ жилищѣ со всею царскою семьею, Онъ собственною милостію сократилъ до послѣдней ступени число казненныхъ, оставивъ жизнь всѣмъ тѣмъ, которые готовили, но не успѣли сотворить Ему пагубу. И этотъ 19-

ти-лѣтній крестьянскій мальчикъ образованный, кинувшій въ Него предпоследній убійственный зарядъ, уже задержанный, когда Царь мученикъ, указывая на мальчика раненаго, крестясь говоритъ: «слава Богу, Я уцѣлѣлъ, а вотъ»... Этотъ юный извергъ имѣлъ духъ не только не предостеречь отъ послѣдняго удара, а еще произнести сатанинское слово: «еще слава ли Богу»?... И въ ту же минуту Царь былъ сраженъ на смерть. И мученическою кровію Его обильно облиты... Закроемъ глаза...

Конечно, утѣшеніе для насъ, конечно, сравнительное, въ томъ, что это—не народная вакханалія злодѣйства, какъ было во Франціи. Но вспомнимъ, что Франція послѣ царубійства потопила въ крови многіе милліоны своихъ и чужихъ жизней и стала теперь пародіею старой рыцарской Франціи. Не станемъ распространяться сего дня о томъ, что въ преступленіи единицъ болѣе или менѣе солидарно общество. Не можетъ быть, чтобы кровь Его, нашего мученика—Царя, не осталась на насъ и на чадѣхъ нашихъ... Уже раздаются не только у насъ между нами, но и изъ другихъ краевъ голоса: подвижникъ, мученикъ.

Сего дня, въ день 40-ти Севастійскихъ мучениковъ, въ девятый день по мученической кончинѣ нашего истинно-многострадательнаго Царя Александра II, я приглашу васъ вспомнить одинъ мучениченъ, и помолиться этою молитвою церкви къ мученикамъ Господнимъ: *кровь вашего терпѣнія Господу молится о насъ, мученицы; тѣмже и нынѣ помолитесь воздержатися намъ отъ страстей безчестія.*

Помолимся ко Господу, чтобы кровь терпѣнія подвижника и мученика, благовѣрнаго російскаго Царя Александра II, сама молилась о насъ ко Господу непрестанно не объ отмщеніи, а о милости и прощеніи, и помолилась нынѣ впервыхъ о томъ, чтобы мы престаили отъ страстей

безчестія, отъ невѣрія и богоотступства, отъ невѣрности и крामолы, отъ всякія скверны и зла, отъ злобы и лукавства. Аминь.

1881 г.

ПОУЧЕНИЕ

въ недѣлю крестопоклонную, въ назначенный день (15-е марта) погребенія въ Бозѣ почившаго Благочестивѣйшаго Великаго Государя Императора **АЛЕКСАНДРА II.**

*Церкве утверждение, царей держава и по-
бѣда (побѣдный знакъ) ты еси кресте всесчастіе. —
Стихира.*

Такъ случилось, что мы поклоняемся кресту Христову, вспоминая смерть и погребеніе Господа нашего, въ день назначенный для погребенія пострадавшаго на своемъ крестѣ Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора **АЛЕКСАНДРА II.** Сейчас увидимъ, что между этими двумя событіями, однимъ всемірнымъ, а другимъ во всякомъ случаѣ міровымъ событіемъ, существуетъ не только близкое сходство, а даже прямая связь.

За 19 столѣтій назадъ совершилось, повидимому, довольно простое событіе: Евреи, при помощи Римлянъ, распяли бѣднаго Іудея Галилеянина. Распятіе осужденныхъ въ тѣ времена въ тѣхъ мѣстахъ случалось чаще и было далеко обычнѣе, чѣмъ у насъ въ наши дни повѣшеніе или вообще смертная казнь. 40 лѣтъ спустя послѣ распятія Христова, когда Римляне, по взятіи Іерусалима, стали рас-

пирать Евреевъ бунтовщиковъ вокругъ іерусалимскихъ стѣнъ, то не хватало крестовъ, не хватило дерева для крестовъ. Это—*кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ*,—ими самими изреченный на себя приговоръ! Говоримъ, что распятіе осужденныхъ было тогда дѣло простое и очень частое. Распятіе Господа Іисуса Христа было, повидимому, изъ такихъ же частыхъ случайностей. Схватили будто бы за возбужденіе народа, осудили за богохульство, за то, что Онъ дѣлалъ Себя Сыномъ Божиимъ и царемъ. Заставили Понтія Пилата, предавъ Господа Іисуса на предсмертное бичеваніе, приговорить Его къ крестной смерти. Ему же самому возложили на плеча нести и крестъ Свой на мѣсто казни. Кто плакалъ при этомъ, кто издѣвался, кто сочувствовалъ Страдальцу; немногіе, близкіе, родные сочувствовали. Повѣсили на древѣ рядомъ между двумя разбойниками, однимъ благоразумнымъ кающимся, другимъ безумно ожесточеннымъ. Хотѣли было даже перебить голени, для ускоренія смерти, прибавивъ одну казнь къ другой. Но первому изъ повѣшенныхъ рядомъ со Христомъ перебили голени и другому распятому съ Нимъ. А къ Іисусу пришедши, увидѣвъ Его уже умершимъ отъ крестной муки, Ему не перебивали голени. Затѣмъ дозволили снять со креста и похоронить. Дѣло такое обычное. Обычное теченіе казни и ея послѣдствій.

Но и въ этомъ простомъ теченіи смертной казни Господа І. Христа видна уже была ея необычайность. Не говоримъ о сопровождавшихъ Его распятіе чудесахъ. Говоримъ о чувствахъ лицъ, бывшихъ виновниками или только свидѣтелями этой казни. Всѣхъ участниковъ этого кроваваго зрѣлища можно раздѣлить на три группы. Первая: кроваваго жадный народъ, кричавшій: *уа, разоряй церковь и трети деньми созидай*; архіереи и старѣйшины, ругавшіеся

при крестѣ: *еще Сынъ еси Божій, спиди нынѣ со креста, и вѣруемъ ти*; на крайней степени нравственнаго испаденія, разбойникъ, готовившійся закрыть глаза на вѣки, повидимому не вѣрившій ни въ Бога ни въ сатану, хулившій сораспятаго съ нимъ праведника предъ самою смертію ихъ обоихъ: *еще ты еси Христосъ, спаси себя и насъ*, — что было особенно жестоко и чудовишно. Но во всѣхъ этихъ злорадныхъ хуленіяхъ слышалось и признаніе, что распяли необычнаго человѣка, распяли неповиннаго, праведника, пророка, чудотворца, благодетельца; слышалось и опасеніе, а что какъ воскреснетъ? а что какъ сойдетъ со креста? Что тогда съ нами, Его врагами, станется? Другая группа: это Пилать и жена его, тревожившіеся за смерть неповиннаго праведника; это жены іерусалимскія, которыя плакали и рыдали изъ состраданія о Немъ, да по смутному предчувствію рыдали и о себѣ; это многіе изъ зрителей крестной казни, которые, отходя съ Голгофы, били перси своя въ ощущеніи учиненнаго всенароднаго злодѣянія и въ предощущеніи мести отъ Бога праведнаго; это сотникъ полу-увѣровавшій и выразившій свою полу-увѣренность въ полу-языческомъ восклицаніи: *воистину Божій Сынъ бже сей*. Третья же группа — это тайные и явные ученики Господни, присутствовавшіе и отсутствовавшіе при семъ, которые всѣ надѣялись, но тутъ теряли свою надежду, *яко сей есть хотяи избавити Израиля*; это — ученицы Господа, готовыя любовію сораспяться съ нимъ; это накопецъ участникъ Его крестной муки, дѣйствительно сораспавшійся съ Нимъ благоразумный разбойникъ, умѣвшій помолиться предъ своею смертію другому умирающему, но дивно умирающему, праведнику, Сыну Божию: *помяни мя Господи, егда приидеши во царствіи твоемъ...*

Ругательное опасеніе злорадныхъ мучителей и зрителей

смертной муки Господа не сбылось: со креста Онъ не сошелъ, а сошелъ во гробъ, въ которомъ, казалось, погребены и всѣ надежды Его друзей и учениковъ. Но съ Его воскресеніемъ изъ гроба, съ воскресеніемъ Его въ ихъ сердцахъ, они пошли въ міръ съ своею вѣрою, побѣдившею міръ, и утвердили на поклоненіе міру орудіе позорнѣйшей казни, крестъ Христовъ, какъ спасеніе міра, какъ утвержденіе церкви, какъ державу и трофей христолюбивыхъ царей, какъ знамя христолюбивыхъ воинствъ, какъ священнѣйшій символъ христіанскихъ народовъ и государствъ.

Утверждая свое царство прежде всего въ сердцѣ каждаго изъ своихъ послѣдователей, чтобы изъ всѣхъ ихъ въ совокупности создать свое царство на землѣ, святую свою церковь, одушевляющую сердцевину христіанскихъ царствъ, Христосъ заповѣдалъ всѣмъ: *еще кто хочетъ по Мнѣ итти, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ*. И вотъ царственный послѣдователь Христовъ, БЛАГОЧЕСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ нашъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II, возложивъ на свои ремена царственный крестъ свой, послѣдовалъ и слѣдовалъ за Христомъ, пока не споткнулся и не упалъ подъ тяжестью креста своего и не сражнялся со Христомъ облившись собственною мученическою кровію. Ее пролили враги креста Христова, новые антихристы, богоотступники нашего времени. Не имѣя силы сорвать съ Его вѣнценосной главы царскій вѣнецъ, увѣнчанный крестомъ Христовымъ, они вонзили въ этотъ вѣнецъ, и безъ того терновый по мучительнымъ царственнымъ думамъ и заботамъ, — вонзили самые острые терновые шипы, которые прободали эту царственную главу самыми острыми и тревожными болями особенно въ послѣдніе 15 лѣтъ этого подвижническаго царствованія. Не имѣя силъ сорвать съ Его царственныхъ раменъ царскую багряницу, они усили-

вались превратить ее въ багряницу поруганія, распростра-
няя, гдѣ возможно, самыя тяжкія хулы на Его царствова-
ніе и вообще на монархію. Не имѣя силъ исторгнуть изъ
царственной десницы Его, увѣнчанный крестомъ Христо-
вымъ, царскій скипетръ, они, своими хульными ученіями,
усиливались превратить его по назначенію въ ту трость,
которою римскіе воины біяху Христа Страдальца по главѣ,
а потомъ влагали ее въ десницу Его и, преглоняюще ко-
лѣна, ругахуся Ему. Не имѣя силъ исторгнуть изъ царст-
венной шуйцы Его увѣнчанную крестомъ Христовымъ цар-
скую державу Его, они искаху убить Его самого, гоняху
Его по всеѣмъ распутіямъ великаго царства Его, даже по
стогнамъ царственного града Его, даже въ покояхъ самаго
царственного дома Его; измышляли самыя адскія ухищре-
нія и направляли противъ Него самыя утонченныя, изобре-
тенныя разрушительною современною наукою, способы ис-
требленія людей; испытывали все самыя неожиданныя по
замысловатости способы убійства съ настойчивостію и фа-
натизмомъ, неслыханными въ мірѣ, и наконецъ таки оба-
грили царственною Его кровію стогны града. Тутъ и со без-
законными Онъ вмѣнился, потому что рядомъ съ Нимъ
палъ самый же злодѣй царевубійца; тутъ же пролили свою
кровь и слуги, спутники Царя, спутники въ Его жизни и
мученической смерти; тутъ же пострадали и совсѣмъ ни-
чему непричастныя невинныя прохожіе, даже дѣти. И са-
мый ужасный неслыханный родъ умерщвленія мученика
Царя невольно приводитъ на память крестную евангельскую
исторію: злодѣи мучители пребили Ему голени...

Сходство ль это только? Нѣтъ, это связь родовая, пре-
емственная связь крестной смерти Господа нашего Іисуса
Христа съ мученическою кончиною нашего Царя.

Бросимъ нѣсколько чертъ, обрисовывающихъ эту связь.

Въ евангеліяхъ и посланіяхъ апостольскихъ есть много яс-
ныхъ предсказаній о томъ, что въ послѣдніе дни наста-
нутъ времена люта, настанутъ лютыя времена распростра-
ненія духа антихристіанскаго. Въ непорученныхъ духѣ
и буквѣ христіанство держалось и держится въ православ-
ной церкви; болѣе или менѣе въ порушенномъ видѣ хра-
нилось и хранится оно въ церквахъ римско-католической и
протестантскихъ. Такъ было до революціи. Но въ револю-
ціи западно-европейское человѣчество, особенно же като-
лическая Франція сдѣлали попытку низринуть христіанст-
во, какъ и всякую религію. Тогда люди, потерявъ голову,
ниспровергали религію силою; а съ тѣхъ поръ до днесь
подрываютъ ее оружіемъ болѣе повидимому мирнымъ, но и
болѣе вѣрнымъ, силою ума и односторонней разрушающей
науки. Но такъ какъ умъ и наука разрушаютъ только
убѣжденія, а не христіанскія учрежденія, которыя легли въ
основу жизни всеѣхъ европейскихъ христіанскихъ народовъ,
то невѣріе обратилось къ пропагандѣ насилія, къ проповѣ-
ди о необходимости разрушить весь христіанскій государ-
ственный строй.

У насъ въ Россіи подобныхъ поборниковъ государствен-
наго переворота, при Александрѣ I, появилась было только
пока горсть, не болѣе, да и тѣ, сравнительно съ новѣйши-
ми своими преемниками, были невинныя дѣти, кроткіе фан-
тазеры; даже мысль о царевубійствѣ, не говоря о замыслѣ
или о дѣлѣ, въ самыхъ сокровенныхъ совѣщаніяхъ, между
ними ясно не была высказана; а мысль о ниспроверженіи
религіи и не возникала въ ихъ кружившихся, но все же
сравнительно еще благоустроенныхъ головахъ. Въ царство-
ваніе Николая I ихъ появилось было даже не горсть, а
только малая щепоть; да и въ замыслахъ своихъ они хо-
дили не далеко, никакъ не далѣе крамольниковъ предше-

ствующаго царствованія. Но въ началѣ царствованія Александра II «съ того берега» начертана и распространена по Россіи ужасающая программа разрушенія, программа, далѣе которой идти и невозможно, да и не видно уже, куда идти; программа, въ основу которой положено чудовищное утвержденіе, что мы всѣ, со всѣми нашими хозяйственно-народными, семейными, государственными и церковными учрежденіями, отжили, и что чѣмъ скорѣе смести насъ съ лица земли, какими бы то ни было средствами смести, хотя бы и самими кровавыми, хотя бы не только мечемъ, но и огнемъ, тѣмъ лучше. На опустошенномъ де и выжженномъ полѣ трава новой жизни сама де вырастетъ. Эту программу безумный отецъ начерталъ и вручилъ своему сыну, какъ свое родительское завѣщаніе. И смотрите вотъ, между русскими крамольниками послѣдняго царствованія не было почти ни одного выше 30 лѣтъ. За то отъ 30 и до 15 лѣтъ ихъ появились тысячи, мальчики и дѣвочки,—дѣвочки—не слыханное въ исторіи дѣло! Одна когорта высидитъ свое время въ казематахъ, отсидитъ свое время на скамьѣ подсудимыхъ, затѣмъ частью разойдется по Сибири, большею же частью расплывется по разнымъ концамъ Россіи продолжать свое разрушительное дѣло. Но этому не конецъ, а скорѣе начало. На смѣну ихъ идетъ новая когорта многочисленнѣйшая, съ сотенъ уже переходящая въ тысячи, и идетъ тою же роковою дорогою. А за спинами этихъ мятежныхъ сотенъ и тысячъ нашего потерявшаго голову юношества работаютъ въ подземельи десятки самыхъ отчаянныхъ, работаютъ кинжалами, огнестрѣльнымъ оружіемъ, разрывными снарядами, электричествомъ и всѣми способами разрушенія, какіе изобрѣла и ежечасно изобрѣтаетъ современная наука для благоденствія нашего, особенно же для счастья и спокойствія будущихъ поколѣній. Опасаться можно, что люди

изобрѣтутъ научнѣйшіе способы истреблять другъ друга цѣлыми тысячами, посредствомъ одного взрыва или выстрѣла; чего добраго, начинать истребительными снарядами летучіе аэростаты, найдутъ химическій способъ зажечь воду... И тогда конецъ міру: людская злоба не пощадитъ его и себя; чудовищная фантазія Калигулы тогда осуществится въ исполинскихъ размѣрахъ, какіе и Калигулѣ не снились. Но пока эти адскія изобрѣтенія приложимы только въ небольшихъ объемахъ, разрушители направляютъ свои адскія ухищренія, свои святотатственные удары во главу христіанскаго народа, направляютъ въ сердцевину христіанскаго государственнаго строя. Это мы называемъ ихъ святотатственными убійцами. Но для нихъ самихъ святаго нѣтъ ничего, а убійство для нихъ геройство, успѣшное же убійство триумфъ.

И они его достигли, этого адскаго триумфа. Нашего мученика Царя мы сегодня опускаемъ въ могилу рядомъ съ его Вѣнценосными предками. Мы проливаемъ слезы. Всѣ христіанскія и не—христіанскія благоустроенныя государства, даже наисвободнѣйшія республики выразили свою скорбь о мученической кончинѣ благодѣлѣйшаго изъ государей и негодованіе къ дико упорному ожесточенію царевубійцы. Тѣмъ не менѣе гдѣ либо по темнымъ угламъ гнѣзятся ихъ соумышленники,—чаемъ, что немного ихъ, однакоже есть такіе, которые подобно христуубійцамъ, покиваютъ злорадно своими главами и торжествуютъ въ своихъ озлобленныхъ сердцахъ: *уа!.. Слава на Бога; пусть теперь избавитъ Его, если Онъ увидитъ Ему...* «Еще слава ли Богу?»—сказалъ живой извергъ царевубійца на восклицаніе оставшагося въ живыхъ, послѣ перваго взрыва, благодарнаго Богу Царя: «слава Богу, я остался живъ». Буквально тоже, что говорили христуубійцы распятому Христу въ увѣрен-

ности, что Онъ не сойдетъ съ креста, къ которому пригвожденъ. И этотъ первый живой царевубійца, безъ сомнѣнія, зналъ и видѣлъ, какъ заноситъ свою смертоносную руку на живаго пока Царя новый другой царевубійца, онъ же и самоубійца. — «Еще слава ли Богу? Не уйдешь», — шевелилась въ этой омраченной душѣ адская увѣренность.

А намъ съ вами что же дѣлать при этомъ кровавомъ зрѣлищѣ успѣха адскихъ ухищреній и крестной мученической смерти благодушнѣйшаго изъ Царей? Конечно, мы не съ ними, этими христоубійцами. Но проливать ли только слезы, какъ тѣ іерусалимскія жены, которыя плакали и рыдали, видя Христа грядущаго и изнемогающаго подъ своимъ крестомъ? Къ нимъ тогда обратившись Христосъ сказалъ: *дщери іерусалимскія! не плачьте обо Мнѣ...* Замѣтьте, что не — незамѣчательно. Въ русской истори не разъ были времена, что царствовали, и по долгу, императрицы жены безъ мужей: что жены государей переживали мужей императоровъ. Но не было примѣра, чтобы императоръ пережилъ и долго царствовалъ безъ императрицы супруги, до Александра II. И какъ-то языкъ священнослужителей не привыкъ поминать Государя безъ супруги Его. Вотъ и думалось, долго ли то Богъ судить, и дай Боже долгій вѣкъ нашему Царю царствовать на благо намъ по праведной кончинѣ праведной супруги. Замѣтьте, что въ Бозѣ почившая Императрица Марія Александровна была наичистѣйшая, наисдержаннѣйшая, наикротчайшая изъ всѣхъ вѣнценосныхъ своихъ предшественницъ. А мы имѣли императрицъ и царицъ образцовыхъ христіанокъ. Да, была царица Марія Александровна строгая христіанка, и почила тихою христіанскою кончиною, почила настоящимъ типическимъ христіанскимъ успеніемъ, какъ истая праведница. Думается, что Она — то, улучивъ оный блаженный вѣкъ,

предстоя престолу благодати Божіей, Она — то и молила благодать Божію переселить къ Ней же въ райское сожительство изъ сего многоятежнаго житія и царственного Супруга Ея. И Милосердый Господь, въ премудрыхъ своихъ цѣляхъ, послалъ Ему за истинно-подвижническую въ добрѣ Его жизнь, послалъ Ему, только съ нашей точки зрѣнія, печальный, а по небесному устроенію, славный и блаженный жребій освѣтить на землѣ свою свѣтлую жизнь свѣтлою и кончиною и, омывъ себя отъ немощей ветхаго чловѣка собственною брэнною кровію, улетѣть въ небо чистымъ тихимъ свѣтомъ кроткаго ангела Божія. Такъ о Немъ плакать теперь нечего. Но только ли плакать намъ и о себѣ? Только ли намъ теперь, у незакрытой еще царственной могилы, побить себя въ грудь, въ предчувствіи худа именно для насъ, и затѣмъ уйти на дѣла своя, овому на село свое, овому же на купли своя, пока перстъ Божій не коснется и насъ съ вами? Думается, не хочется вѣрить, но вѣрится невольно, что именно надъ нашими главами раздается теперь грозный гласъ Божій: *дщери російскія и вы мужи російскіе! Плачьте не о почившемъ Царѣ вашемъ, но плачьте о себѣ и дѣтяхъ вашихъ. Ибо приходятъ дни, въ которые скажутъ: блаженны неплодныя и утробы неродившія... Ибо если съ зеленѣющимъ деревомъ это дѣлаютъ, то съ сухимъ что будетъ?... Уже потому мы должны плакать о чадахъ нашихъ, что они идутъ стадно не по стезямъ своихъ отцовъ, не по преданіямъ святыхъ и праведныхъ отцовъ. Да не потому ли должны мы плакать и о себѣ, что дѣти наши, уходя отъ насъ на стези стропотныя, готовятся поднять свои руки и на насъ, какъ подняли, какъ не разъ поднимали наши же дѣти, дѣти русскихъ даже хорошихъ отцовъ, свои святотатственныя руки на Христа Господня, на Отца отечества?*

Что же дѣлать? Отъ плодовъ отцовъ познаете самыхъ отцовъ. Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ. Въ прежнія царствованія отцы были лучше, строже къ себѣ и дѣтямъ, преданіе вѣрѣ и вѣрности; поэтому и дѣти были лучше, почтительнѣе, богобоязненнѣе. Воспрянемъ же послѣ этого роковаго злодѣйства, не говорю спозорившаго Россію; нѣтъ, скажу—злодѣйства, заносащаго убійственную руку, послѣ Отца отечества, на самое отечество, т. е. на насъ самихъ со всѣми вами. Я слышалъ отъ одного умнаго человѣка, да и вы безъ сомнѣнія и слышали и говорили между собою, что вѣка варварства, что вандализмъ идутъ теперь на Европу и на насъ не изъ глубины дикой Азіи, которая у ногъ нашихъ, а отъ нашихъ собственныхъ очаговъ, изъ нашихъ собственныхъ домовъ и семей. Слово Господне не останется и не остается вотще: *возстанутъ чада на родителей и дщерь на мать свою*. Сознаться ли намъ, согласиться ли съ нашими домашними антихристами лжеучителями, что мы уже отжили, что насъ остается только истребить и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, что Россія отжила? Нѣтъ, живъ Богъ и жива душа моя. Да здравствуетъ русскій самодержавный православный Государь, и да живетъ Россія во вѣки вѣковъ! Воскреснемъ мы сами для живыхъ чувствъ вѣры, для преданій христолюбивыхъ нашихъ отцовъ, основавшихъ и утвердившихъ христолюбивое русское царство, и мгла возстанія на Бога и Христа Его, мгла возстанія на помазанника Божія, православнаго Вѣнценосца, разсѣется именно какъ мгла.

Прочъ эти слабодушные жалобы: вѣра погибла, христіанство рухнуло въ убѣжденіяхъ, православія со свѣчей поискать, нравственность расшаталась... Если мы расшатались, соберемся. А слабыхъ подогнать историческими русскими мѣрами. Слабоумнымъ невѣжамъ учиться. Односто-

ронную науку дружными усиліями болѣе мощныхъ умовъ дѣлать всестороннею, зиждительною, а не разрушающею. Дисциплину церковную подкрѣпить. Вѣру утвердить въ умахъ и сердцахъ, начиная съ собственныхъ умовъ и сердецъ. Скажете, легко это сказать, но трудно сдѣлать? Да, сдѣлать трудно, но возможно. Вѣра никому, ни даже добрымъ христіанамъ, не дается даромъ готовою. Сказано Господомъ: *ищите царствія Божія*. Есть въ словѣ Божіемъ молитва добрыхъ душъ: *Господи, приложи намъ вѣру*. Вѣры нужно искать, о дарованіи вѣры нужно молиться, вѣру нужно воспитывать упражненіемъ въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, въ церковной дисциплинѣ. А кому не хочется соблюдать церковные уставы, кому не хочется соблюдать правила нравственности,—съ тѣми что дѣлать? Тысячелѣтняя наша исторія до предпоследняго царствованія давала на это ясный и точный отвѣтъ: стягивать шатаніе умовъ и сердецъ извѣданными историческими мѣрами. Главенствующие въ обществѣ обязаны службою и присягою Царю показать примѣръ христіанской самособранности. Великій умъ, чрезъ который прошло больше всякой современной разрушающей мудрости, чѣмъ чрезъ чей либо другой умъ, еще республиканскій консулъ Наполеонъ 1-й, истощивъ убѣжденія о важности исторической народной религіи, какъ твердыни государства, наконецъ грозно сказалъ своимъ маршаламъ, отрезшимся отъ Христа и не хотѣвшимъ идти въ церковь къ обѣднѣ: «наконецъ, я приказываю вамъ, какъ вашъ главнокомандующій.» Онъ хотѣлъ плодовъ безъ корня, хотѣлъ христіанскихъ дѣяній изъ антихристіанскаго принципа. Но на Руси, слава и благодареніе Богу, христіанства еще никто не искоренялъ. Слѣдуетъ по святой христіолюбивой Руси раздаться мощному и стойкому кличу: опомнитесь, русскіе люди! куда вы идете? къ общей гибели.

ли? Помните вѣру и вѣрность вашихъ отцовъ, вѣрность вашему Богу и Христу Его на небѣ и Помазаннику Его на землѣ. Не то, есть Богъ на небѣ, есть самодержавный Царь на престолѣ и около Него миллионы пока еще христілюбиваго и царелюбиваго народа... Поучитесь у народа, старѣйшаго васъ, у Англичанъ. Наши умники называютъ ихъ гипокритами. Нѣтъ, это не гипокризія—это стойкое уваженіе къ святой библии, Божиимъ храмамъ, къ воскресному дню, а уваженіе къ святымъ преданіямъ отцовъ. Оттого этотъ стойкій народъ и идетъ вѣрно и мѣрно по пути постепеннаго современнаго развитія безъ кровавыхъ переворотовъ. Дай Богъ, чтобы подобною гипокризіею заразились, т. е. подобною стойкію въ храненіи обычаевъ святой старины прониклись и наши, особенно руководящіе круги. Тогда Россія обезпечена была бы отъ кровавыхъ потрясеній. А то русское легкомысліе въ русскихъ кругахъ, особенно же въ юношескихъ сборищахъ, съ чужаго вѣтра, безъ размышленія, съ обезьянскою подражательностію, готово отшатнуться отъ всякой свято-отеческой старины, начиная съ креста Христова. Многіе положительно перестаютъ даже креститься, знаменать себя крестомъ, особенно правильнымъ. Стыдятся и просто отвергаютъ. Опомнитесь. У всѣхъ цивилизованныхъ народовъ постыдно отречься отъ историческаго знамени. А крестъ Христовъ—высшее, древнѣйшее, священнѣйшее знамя русскаго царства. Мы дожили до злосчастнаго времени, что должны становить нашихъ легкомысленныхъ дѣтей, да и сдѣтинившихся отцовъ, хоть на эту точку зрѣнія, должны защищать противъ ихъ легкомыслія крестъ Христовъ, крестъ—наше спасеніе, церкви утвержденіе, побѣдный знакъ царей, вѣнецъ царскихъ вѣнца, державы и скипетра, вѣнецъ русскаго государственнаго герба! Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю Крестопоклонную.

Кресту твоему покланяемся, Владыко, и святое воскресеніе твое славимъ.

Кланялись мы вчера и сегодня кресту Господню тѣломъ и духомъ, лобызали его устами и сердцемъ, славили воскресеніе Господне въ священныхъ пѣсняхъ. Поклонимся же Господню кресту, прославимъ славное Христово воскресеніе еще одною частью нашего существа—умомъ и дѣломъ ума, благоговѣйнымъ размышленіемъ о томъ, какимъ образомъ носившее орудіе казни содѣлалось славнымъ орудіемъ спасенія всего человѣчества; прославимъ внимательнымъ и благоговѣйнымъ воспоминаніемъ страшныхъ и славныхъ событій страстей и воскресенія Христа Спасителя нашего.

Въ этомъ святомъ дѣлѣ, по долгу нашего званія, мы поможемъ вамъ, братіе. Если Богъ поможетъ, въ приближающіеся святыя и великія дни мы предложимъ вашему воспоминанію и размышленію рядъ простыхъ, по возможности близкихъ къ сказаніямъ евангельскимъ, историческихъ бесѣдъ о послѣднихъ дняхъ земной жизни Господа нашего прежде и послѣ свѣтлаго Его воскресенія. Болѣе или ме-

нѣ эти великія событія всѣмъ извѣстны. Тѣмъ не менѣ святая церковь хочетъ, чтобъ мы вспомнили ихъ въ приближающіеся великіе дни. Для этого и установлено церковію чтеніе всего четверо-евангелія въ первые три дня страстной седмицы, а въ послѣдніе три дня тойже седмицы многократное чтеніе всѣхъ сказаній о страстяхъ, крестной смерти и погребеніи Господа, наконецъ въ вечеръ великія субботы, по провозглашеніи старѣйшаго изъ евангельскихъ сказаній, именно сказанія св. евангелиста Маттея о воскресеніи, чтеніе всей книги Дѣяній апостольскихъ, какъ достовѣрнѣйшаго историческаго подтвержденія истинности этого величайшаго изъ событій христіанской исторіи, воскресенія Христова. Сей-то благотворный церковный уставъ мы и напоминаемъ вашему благочестію, и пособимъ вамъ его разумно выполнить, если Богъ благоизволитъ.

Рядъ бесѣдъ своихъ мы начнемъ съ евангельскаго сказанія о воскрешеніи умершаго Лазаря, начнемъ по двумъ причинамъ: потому что и св. церковь начинаетъ рядъ великихъ празднованій послѣднихъ событій жизни Господа Лазаревою субботою, и въ евангельской исторіи событіе воскрешенія умершаго Лазаря было рѣшительнымъ поводомъ къ постановленію приговора о необходимости предать Господа Иисуса смертной казни.

Вспомнимъ предварительно, что Господь Иисусъ жилъ на землѣ тридцать три съ половиною года; тридцать лѣтъ жилъ въ безвѣстности, такъ что изъ этого періода мы по евангелію знаемъ только событія Его рождества, обрѣзанія, срътенія во храмъ іерусалимскомъ, бѣгства во Египетъ и возвращенія въ Назаретъ, когда Господь Иисусъ былъ еще въ младенчествѣ, а за тѣмъ одно приключеніе изъ лѣтъ Его отрочества, когда Онъ достигъ двѣнадцатилѣтняго возраста, именно какъ Онъ остался отъ родителей, отъ Маріи Матери

и нареченнаго отца Іосифа въ Іерусалимѣ, гдѣ впервые проявилъ свою божественную мудрость; а за тѣмъ жилъ въ безвѣстномъ состояніи въ Назаретѣ до тридцатилѣтняго возраста, помогая нареченному отцу своему Іосифу въ трудахъ его плотничества, отчего въ отечественномъ городѣ не только считали Его сыномъ плотника, но и звали плотникомъ (Марк. 6, 3). Около 30 лѣтъ выступилъ Онъ на высокое служеніе Мессіи — пророка, искупителя человѣческаго рода; по древнѣйшему преданію выступилъ около того времени года, когда въ церкви, начиная уже несомнѣнно со II вѣка, празднуется событіе крещенія Христова и богоявленія всѣхъ трехъ лицъ св. Троицы при крещеніи. Въ три съ половиною года своего общественнаго служенія Онъ, по обычаю и закону іудейскому, путешествовалъ въ Іерусалимъ, на пасху и перваго и втораго года; въ пасху же третьяго года, какъ полагаютъ, не былъ въ Іерусалимѣ, потому что Іудеи искали убить Его, потому Онъ и не хотѣлъ ходить по Іудеѣ, а ходилъ по Галилеѣ (Іоан. 7, 1). Теперь же приближалась четвертая пасха четвертаго года Его служенія. Онъ вѣдалъ, что время Его, время пострадать за спасеніе человѣческаго рода пришло, и вотъ Онъ идетъ изъ Галилеи по за-іорданской странѣ въ Іудею въ Іерусалимъ на праздникъ пасхи. Говоримъ — идетъ, потому что Богъ и Господь, царь царей и господь господей, величайшій учитель и преобразователь человечества, Онъ ходилъ пѣшими стопами, ходилъ и по бѣдности и по смиренію: въ евангеліи мы видимъ только, что иногда Онъ плавалъ въ лодкахъ и разъ ѣхалъ на ослѣ, именно когда шелъ въ Іерусалимъ на вольную страсть, большею же частію Онъ пѣшешествовалъ. Говоримъ — идетъ изъ Галилеи по за-іорданской странѣ въ Іудею. Для яснаго пониманія сказаній евангельскихъ нужно представить себѣ

главныя части обѣтованной земли во время земной жизни Господа нашего.

Смотрите вмѣстѣ съ нами отсюда съ сѣвера на югъ: вотъ съ сѣвера прямо на югъ, вытекаая изъ Ливанскихъ горъ, протекая чрезъ озеро Геннисаретское, течетъ рѣка Иорданъ, впадающая въ Мертвое море. Теченіемъ своимъ на югъ она разсѣкаетъ обѣтованную землю на двѣ части. Та часть, что слѣва, называлась за-иорданскою страной, а та, что справа, дѣлилась на три части: съ сѣвера была Галилея, посрединѣ Самарія, а южнѣе собственно Іудея, гдѣ находился Іерусалимъ. Въ это время обѣтованная земля населялась уже не чисто еврейскимъ племенемъ; но Галилею и страну за-иорданскую населяла помѣсь еврейскаго племени съ разными языческими народностями, — помѣсь, которая однакоже исповѣдывала вѣру еврейскую. Самарію населяла тоже помѣсь незначительныхъ остатковъ Еврейства съ преобладающею частью язычества, отчего эта помѣсь исповѣдывала и вѣру нечистую еврейскую, но смѣшанную съ языческими суевѣріями, и ненавидѣла Іудеевъ, какъ въ свою очередь и Іудеи также ненавидѣли и презирали Самарянъ. Болѣе же чистое и гордое своимъ происхожденіемъ отъ Авраама еврейство жило въ Іудеѣ, средоточіемъ которой были Іерусалимъ и храмъ іерусалимскій. Ненависть между Самарянами и Іудеями разрослась къ этой порѣ до такой степени, что жидове не прикасались къ Самарянамъ; что Самаряне, построивъ на горѣ Гаризинъ свой особый храмъ единому Богу, — храмъ, который въ эту пору былъ уже въ развалинахъ, не только сами не ходили въ храмъ іерусалимскій, но неохотно пропускали чрезъ свою землю и Іудеевъ, когда они изъ Галилеи отправлялись въ Іерусалимъ, вообще же туда ли въ Іерусалимъ или обратно неохотно пропускали іудейскихъ путешественниковъ. Отъ этого глав-

нымъ образомъ и вышло, что главный путь изъ Галилеи въ Іудею лежалъ по за-иорданской странѣ, при чемъ путешественникамъ дважды приходилось переправляться чрезъ Иорданъ на сѣверѣ въ Галилею и на югѣ въ Іудею недалеко отъ Іерихона. По прямому пути отъ Иордана къ Іерихону, отъ Іерихона къ Іерусалиму, немного въ сторону отъ большой дороги, въ 15 стадіяхъ (въ двухъ съ небольшимъ верстахъ) отъ Іерусалима лежало селеніе Вифанія, въ которомъ жилъ другъ Господа Іисуса Лазаръ съ двумя своими сестрами Мареою и Маріею.

Что извѣстно намъ о праведномъ Лазарѣ и блаженныхъ сестрахъ его Марѣ и Маріи? Евангеліе повѣствуетъ, что осенью въ послѣдній годъ земной жизни своей, около времени еврейскаго праздника кущей, идя въ Іерусалимъ Господь Іисусъ также, какъ и въ послѣдніе дни жизни, заходилъ въ эту самую весъ, Вифанію, и Марѣа приняла Его въ домъ свой. Въ евангеліи не упоминается о мужьяхъ Марѣ и сестры ея Маріи, равно какъ и о женѣ брата ихъ Лазаря. Видно однакоже, что хозяйкою дома была Марѣа, по нѣкоторымъ соображеніямъ полагаютъ, что она была жена Симона прокаженнаго (Іоан. 12, 1—11; Мат. 26, 6—13; Марк. 14, 3—9). Господь Іисусъ, во время общественнаго служенія своего, не имѣлъ гдѣ голову приклонить, и не отвергалъ гостепріимства усердствующихъ людей. Такъ и въ этомъ случаѣ Онъ вошелъ въ домъ Марѣы. Сестра Марѣы Марія сѣла у ногъ Іисуса, — приняла смиренное положеніе ученицы предъ божественнымъ учителемъ, чтобы слушать слово Его. Тогда у Іудеевъ и всѣ не сѣдѣли въ домахъ, а возлежали на полу, на которомъ у стѣнъ или у столовъ бывали небольшія возвышенія, въ родѣ нашихъ низкихъ дивановъ. Марѣа же заботилась о большемъ угощеніи: какъ хозяйка дома, она заботилась теперь не только о томъ, что

обыкновенно потребно было для семейнаго стола, но и о томъ, чтобы угостить дорогаго Гостя, который вѣроятно былъ въ сопровожденіи своихъ учениковъ, и слѣдовательно требовалось приготовить значительно болѣе и лучше, чѣмъ для обычной семейной трапезы. Или хлопотъ было такъ много, что требовалась помощь сестры, или можетъ быть Марѳа имѣла желаніе, окончивъ скорѣе при помощи сестры приготовленія, также слушать Господа виѣсть съ сестрою, — только видя, что сестра Марія ей не помогаетъ, и по тонкому чувству женщины-хозяйки полагая, что безъ особеннаго позволенія или повелѣнія Господа сестра не посмѣетъ оставить Его, чтобы приняться за домашнія хлопоты, Марѳа, подошедши къ Иисусу Христу, съ наивнѣе дружескимъ упрекомъ говорить: Господи, или Тебѣ нужны нѣтъ, что сестра моя одну меня оставила служить? Скажи же ей, чтобы помогла мнѣ. — Съ такимъ же легкимъ дружескимъ упрекомъ Господь отвѣчаетъ Марѳѣ: *Марѳо, Марѳо! Ты заботишься и суетишься о многомъ*; заботливость, хотя проистекающая изъ добрыхъ чувствъ и любви, о большемъ угощеніи не такъ важна, какъ то, что безмолвно дѣлаетъ Марія: *едино же есть на потребу*, то одно только и нужно, что дѣлаетъ Марія. *Блаженъ, кто слушаетъ слово Божіе и хранитъ его* (Лук. 11, 28); а это именно и дѣлаетъ теперь Марія: *Марія благу часть избрала, которая не отнимется у нея*, слушать евангеліе о царствѣ Божіемъ, посвящать болѣе времени Богу, чѣмъ обычнымъ дѣламъ житейскимъ, хотя бъ и добрымъ по намѣренію и побужденіямъ.

По евангельскому сказанію, три раза мы видимъ Господа въ кругу этого боголюбезнаго семейства: это вотъ первый разъ; второй разъ, когда Господь воскресилъ Лазаря, — событіе, воспоминаемое въ Лазареву субботу; а въ

третій разъ уже по воскресеніи Лазаря, при чемъ въ этотъ третій разъ боголюбезныя сестры пребыли вѣрны каждая своему характеру: сотворили Господу вечерю — ужинъ, и Марѳа служила, а Марія, взявъ алавастровый сосудъ съ драгоцѣннымъ мѣромъ, подошла къ Иисусу Христу, разбила сосудъ и возлила Ему мѣро на голову, и помазала Ему ноги, и отерла волосами своими.

Благодаряще Господа, здѣсь на сей разъ остановимся.

Вотъ предъ мысленными очами нашими три первообраза христіанства; пастырь душъ въ гостяхъ въ кругу дружескаго боголюбезнаго семейства; Марѳа заботливая хозяйка, типъ болѣе внѣшнихъ дѣлъ христіанскаго братолюбія и милосердія; Марія — типъ богопреданной женской души, болѣе глубокой и сосредоточенной, способной къ высокому порыву.

Предлагаемъ вашему размышленію слѣдующіе вопросы:

Могутъ ли пастыри душъ принимать гостепріимство и угощеніе? Могутъ.

Что пастыри душъ должны дѣлать въ гостяхъ? И тамъ служить своему призванію — держать бесѣду степенную, назидательную, богоугодную.

Хорошее ли дѣло — дѣло многозаботливой Марѳы — ближнихъ угостить, особенно же служителей алтаря Господня ухлѣбить, странныхъ принять, сиротъ призрѣть, невѣжествующихъ научить и просвѣтить, больницы устроить, всякимъ бѣднымъ помочь? Хорошее святое боголюбезное дѣло, когда творится ради Бога, а не изъ тщеславія и хвалы людской.

Хорошее ли дѣло — дѣло сосредоточенной восторженной Маріи — и чувства и мысли и сердце посвятить Богу, посѣщенію святаго храма Его, слушанію слова Его, питанію въ душѣ всецѣлую преданность Ему, всякую жертву повергнуть къ стопамъ Его, и человѣчеству нести жертвы не

иначе, какъ во имя Его? Высокое христіанское дѣло, высшая степень христіанскаго совершенства.

Марѳо! Марѳо! печишся и мовиши о мнозѣ. Едино же есть на потребу. Марія же благую часть избра, яже не отыметъ отъ нея. Гдѣ проповѣдано будетъ евангеліе сіе во всемъ мірѣ, речется и то, что сотворила сія Марія, въ память ея. Боголюбезная, но много заботливая Марѳа не удостоилась такого особенно высокаго одобренія.

Мы сказали, что Марѳа и Марія суть типы, первообразы христіанства, христіаногъ, христіанскихъ женскихъ душъ. Сказали и повторяемъ. И подтвержденіе тому налицо. Рѣдкіи и дороги теперь, особенно въ это время года, цвѣты, особенно же хорошіе высокородные. Но вчера, стоя на всенощной въ алтарѣ (*), мы видѣли умилительное зрѣлище: въ продолженіи всей всенощной подавались въ алтарь самыя рѣдкіе высокіе и роскошные цвѣты и подавались въ такомъ обиліи, что ихъ затруднительно было употребить, хотя изъ уваженія къ святому усердію приносящихъ и употреблены всѣ, на украшеніе креста Господня. Это дѣло женскихъ рукъ, христіанскихъ женскихъ сердець, святѣйшее дѣло Маріи, которая грядущему на вольную страсть Господу вылила на главу сосудъ драгоцѣннаго благовоннаго мѳра, помазала ноги Его и отерла своими волосами, — дѣло которое увидѣвъ нѣкоторые ученики Господа негодовали, говоря: *чего ради гибель сія бысть? Могло сіе мѳро быть продано за большую цѣну и роздано въ видѣ милостыни нищимъ.* Разумѣвъ же это Іисусъ сказалъ имъ: *зачѣмъ вы смущаете жену? Она доброе дѣло сдѣлала со Мною. Нищихъ вы всегда имѣете съ собою; Меня же не всегда имѣете. Возливъ сіе мѳро на тѣло мое, она приготовила Меня къ погребенію.* Такъ

(*) Въ Ново-Черкасскѣ.

и вы добрыя христіанки украшаете дорогими благовонными цвѣтами крестъ Христовъ, какъ украшаете гробы вашихъ близкихъ родныхъ и друзей, приготовляя ихъ къ погребенію. *Дѣло доброе вы дѣлаете* для роднаго всѣмъ намъ Господа Іисуса, — это слова не наши, а Его собственные, высокая похвала вамъ изъ Его собственныхъ божественныхъ устъ. И если оно не такъ громко, не проповѣтся во всѣхъ концахъ міра земнаго, то оно также свято — проповѣтся на небесахъ предъ ангелами Божиими и всѣми небожителями, какъ и дѣло Маріи. Аминь.

1872 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю крестопоклонную при погребеніи Александры Ивановны Покровской.

Терпѣнія имате потребу, да волю Божію сотворше, примете обѣтованіе. Еще бо мало, елико елико, грядый приидетъ и не укоснитъ. А праведный отъ вѣры живъ будетъ. Аще же обидѣтъ, не благоволитъ душа моя о немъ (Евр. 10, 36—38).

При этомъ заурядномъ зрѣлищѣ, вѣрнѣе всего, я положилъ бы храненіе устамъ моимъ, если-бъ только оно было заурядно. Скромная—что называется—доля, жена священника—не болѣе, долго болѣла, умерла наконецъ,—что можетъ быть проще? Но смерть всегда такое безпредѣльно-глубокое явленіе, что всякій способный и расположенный къ тому можетъ углубиться въ это явленіе своею мыслию, сколько хочетъ, и всегда безъ надежды достать до дна этой мрачной бездны. А этотъ гробъ къ тому же и скрываетъ отъ насъ выходящаго изъ ряда человѣка... Да, дай Боже, чтобъ онъ не выходилъ изъ ряда, чтобы многіе изъ насъ походили на него, развѣ кромѣ избраннѣйшихъ, которые превосходятъ его. А все же приходится повторить, что это

человѣкъ, выходящій изъ ряда, не смотря на его скромную, нимало невыходящую изъ ряда долю.

Велика наука—жить умѣючи и умереть умѣючи. И вотъ чему всѣ мы можемъ поучиться у этого гроба,—поучиться наукѣ жить и умирать по христіански. Скажу по личному долговому и многостороннему опыту, что подобныхъ жизней на своемъ вѣку я встрѣчалъ немного, а смерть подобную я видѣлъ всего только одну. На моемъ вѣку, на моихъ глазахъ, подобнымъ образомъ умиралъ преосвященный епископъ саратовскій Евѣимій, и по поводу его святой лѣпной кончины погребавшій его, теперь уже и самъ въ Бозѣ почившій преосвященный Теофилъ епископъ самарскій, обратившись ко всему нашему собору, предложилъ вопросъ: «какая самая высокая наука»? и когда мы затруднились отвѣтомъ, отвѣтилъ за насъ самъ, въ назиданіе всѣмъ намъ: «наука умирать». Потому-то и я у сего гроба отверзаю свои уста.

Дѣвочка сирота, выросла въ барскомъ домѣ, получила гимназическое образованіе. Довольно на своемъ вѣку читала, многое видѣла и слышала, способна была размышлять, имѣла умъ рѣдкой остроты. Знала современные суемудрыя ученія, способныя колебать совѣсть. Но близкіе знаютъ, какъ она незыблема была въ убѣжденіяхъ; какъ она была чиста и строга въ дѣлѣхъ и словѣхъ. Всѣ близкіе видѣли, какъ горячо предана была она Богу и церкви; какъ неутомима въ выстаиваніи Божіихъ службъ, пока недугъ не сломилъ. Близкіе видѣли, какъ она сокрушалась, когда сломившій ее недугъ сталъ мѣшать ей сперва отстаивать службы Божіи сполна, а затѣмъ и совсѣмъ посѣщать храмъ Божій. «Завидую»,—говорить бывало,—«крѣпко завидую другимъ, праздникамъ, всѣ въ церковь идутъ, а я вотъ не могу, плачу сидя дома одна». Всѣ знаютъ, всѣ видѣли, какая это

была незыблемо любящая супруга, какая примѣрная мать, какой пріязни исполненное сердце, какая неутомимая домохозяйка. Всѣ видѣли, не всѣ понимали, какая это была душевная красота, при изможденномъ тѣлѣ. Изумлялись всѣ знавшіе и видѣвшіе неустанному ея трудолюбію, отъ зари до зари, при ея тѣлесной слабости. Конечно въ предостереженіяхъ сберечь свои силы она не имѣла недостатка; но это была стойкая и горячая натура, которая способна была только горѣть и горѣть, не давая своимъ силамъ отдыха, пока онѣ и не оскудѣли, пока не выгорѣли совсѣмъ, какъ масло въ лампадѣ.

Слегла, тому уже почти два года назадъ. Богъ находилъ нужнымъ долго и крѣпко искушать это доброе серебро, чтобы выработать изъ него чистѣйшій сосудъ для неба; находилъ нужнымъ ковать его тяжкими ударами страданій, очищать долгими и мучительными припадками исключительно рѣдкаго недуга. Тѣмъ не менѣе и въ это тяжкое время, въ добрыя минуты облегченія, это былъ неисчерпаемый источникъ веселости и привѣтливости. На Бога, на судьбу на тѣни ропота. Конечно жаль, сначала было жаль хорошо сложившейся жизни, жаль малыхъ дѣтей... «Жизнь сама по себѣ благо»,—говорила она,—«сама по себѣ прекрасна и дорога, помимо всего, мужа, дѣтей, а жаль и ихъ.—До весны доживемъ»,—говорятъ ей въ ободреніе.—«Я бы хотѣла пожить дальше весны.—Тамъ поѣдете въ Казань, въ Москву» (лечиться конечно).—Безнадежно махаетъ рукой.

Поучителенъ процессъ умиранія чистой христіанской личности. Надежды на жизнь, безъ мучительнѣйшей, совершенно безнадежной операціи, не было никакой. Мука полгода задыхаться страшна и невыразима. Задыхается ежеминутно, а терпитъ, выноситъ. Стонетъ, но не жалуется. Наконецъ припадокъ смертельной агоніи, всѣ около нея

встрепенулись. Задыхаясь, напутствовалась св тайнами, продиктовала и подписала завѣщаніе. Но сама еще сомнѣвается, еще пока не чувствуетъ, что умираетъ. Да и дѣйствительно, до смерти было еще не близко. Замѣчается у хорошихъ душъ именно чутье смерти, ясное, твердое и отчетливое. Тогда этого чутья здѣсь пока еще не было. Еще пока тоскуетъ о жизни, тихо скрывая и глотая слезы плачетъ. Посылаютъ ей литературную статью, утѣшительнаго содержанія, о загробной жизни, чтобы напомнить о смерти и безсмертіи. Попробовала читать.—«Не надо»,—говоритъ,—«не могу читать. Я сама знаю, что умираю, сама знаю, что и безсмертна». Подумавши, собравшись, тутъ уже сама она потребовала предсмертной исповѣди, предсмертнаго причастія. А полгода назадъ какъ еще горячо молилась о жизни! А тутъ—«нѣтъ уже»,—сама говоритъ,—«теперь ничего не жаль, ни жизни, ни дѣтей, ни этого свѣта, ничего».

Умираетъ каждый день, каждый часъ. Смерти однакоже все Богъ не посылаетъ. Изнеможеніе такое, что пугаетъ мысль не вынести соборованія. Проходятъ недѣли,—исповѣдуется и причащается еще разъ. Врачи давно уже признали полнѣйшую безнадежность. Но сама безнадежная сохраняетъ полнѣйшее самообладаніе, въ управленіи собою. Проходятъ дни и недѣли,—проситъ елеосвященія, которое благополучно и совершено. И тутъ же напутствована святыми тайнами исповѣди и причастія въ третій разъ. Проходятъ дни.—«Какъ здоровье?—Готовимся помаленьку»,—отвѣчаютъ. Велѣла мужу приобрести пять иконъ, по числу дѣтей, для послѣдняго благословенія. Но ждетъ пока. Чутье смерти опять подсказываетъ—пора; зоветъ ночью дѣтей къ постели, благословляетъ каждого изъ пяти дѣтей святою иконою—материнскимъ благословеніемъ, на вѣки нерушимымъ; говоритъ имъ послѣднія слова материнскаго завѣта;

завѣщааетъ помнить Бога, чтить духовный чинъ, изъ котораго вышли, не чуждаться духовнаго званія. Около года времени, отъ условій недуга, вовсе не имѣя сна, въ долгихъ бесѣдахъ съ мужемъ, умирающая передаетъ ему всѣ подробности относительно могилы, гдѣ и съ кѣмъ ее положить, съ матерью и собственнымъ ребенкомъ. Проходитъ день-другой, посылаетъ мужа купить все нужное, чѣмъ обиваютъ и украшаютъ гробъ. Проходитъ недѣля—другая. —«Ну что?—Все готовимся; сдѣлала вотъ распоряженіе относительно парчи на гробъ». —Кажись бы все. Черезъ день —черезъ два посылаетъ купить все нужное для послѣдняго одѣянія себѣ на смерть, на вѣчное подвѣчное платье... на бракъ теперь уже съ небеснымъ Женихомъ. Рассказываетъ мужу сама преподробно и претолково все до нитки. Кажись бы все. Нѣтъ, не все еще. Преподробно растолковала мужу, какъ устроить поминки, какъ и гдѣ заказать поминальный столъ, предусмотрѣвъ все до вилки и тарелки и салфетки... Больше нечего. Все по мелочи предусмотрѣно самою умирающею и претолково уряжено до малѣйшихъ подробностей.

Забыва ли душа? Никакъ. Оказывается, что сама же еще при жизни распорядилась, на свои собственные, сбереженныя, карманныя деньги, заказать въ двухъ церквахъ по себѣ поминальный сорокоусть. Въ одну изъ послѣднихъ ночей—«читай»,—говоритъ мужу,—«отходную.» —«Погоди, матушка»,—тотъ возражаетъ,—«ты еще жива.—Нѣтъ»,—та стоитъ на своемъ,—«читай, теперь я въ сознаніи, а тогда потеряю сознаніе». —Похвальное, толковое соображеніе. Мужъ читаетъ весь канонъ на исходъ души; а онъ длиненъ, требуетъ никакъ неменѣе полу-часа времени.—«Я»,—говоритъ,—«хотѣлъ было сократить; нѣтъ, та настаиваетъ, читай весь; прочитай весь». —Все ли? Нѣтъ

еще. Прошло еще нѣсколько дней. Въ одну изъ послѣднихъ ночей говоритъ снова ноше—денствующему при ней мужу: «читай отходную». —Читаетъ снова отходную, второй разъ. Видитъ, что мужъ, не отходя отъ нея цѣлыя недѣли, дни и ночи, самъ изнемогаетъ отъ бессонницы; держится одна-коже за него рукою,—«посиди»,—говоритъ,—«со мною, пусть тѣ всѣ спятъ, я тебя—говоритъ—люблю больше всѣхъ на свѣтѣ». Это—знаете—тоскующая въ предсмертномъ одиночествѣ душа. Тѣ вотъ спятъ, ей одной не спится отъ истомы, а приходится заснуть послѣднимъ сномъ. Всѣ дорогіе сердцу остаются и оставляютъ, ей одной приходится итти туда, откуда не возвращаются. «Ты усталъ, выбиваешься изъ силъ, вижу, но ты не спи, пусть прочіе спятъ, посиди со мною, ты мнѣ теперь нужнѣе другихъ, и дорожее всѣхъ, тебя я люблю больше всѣхъ на свѣтѣ». Помните въ евангеліи это Христово слово, обращенное къ тремъ любимѣйшимъ, но засыпающимъ ученикамъ: «при-скорбна есть душа моя до смерти... Побдите со Мною». Вотъ и Ему, и Христу Бого-человѣку потребовалось, почувствовала нужда, чтобы пободрствовали съ Нимъ и около Него другіе, три живыя души, три ближайшіе ученика. Дай Богъ, чтобъ около каждаго изъ насъ была такая живая душа въ страшно-тоскливый часъ предсмертнаго одиночества... Спрашиваемъ: «жалѣетъ ли жизни?—Нѣтъ»,—отвѣчаютъ,—«не жалѣетъ. Возьми отъ меня душу мою, Господи,—повторяетъ».

А смерти все Богъ не посылаетъ. И что же!! Въ эти, да, для нея не страшныя, одна-коже томительныя дни и часы еще—можно сказать—шутить! Уже давно и челюсти не сдвигаются. Уже давно и глотъ совсѣмъ потерялъ способность выговаривать слова. Только изъ гортани вылетаетъ неавственный шепотъ, въ которомъ только привычныя

уши мужа да нѣкоторыхъ дѣтей способны уловить членораздѣльные звуки и въ нихъ значеніе словъ и осмысленный говоръ души. Уже на лицѣ ничего не слагается похожаго на улыбку. А явно сказывается прирожденная игривость мысли и веселость духа: «ступай»,—говоритъ и повторяетъ мужу,—«отдохни. Мнѣ приказано жить до великой субботы, и доживу. И какъ славно вы меня похороните!... въ свѣтлую пасху»!...

Увы!дохнула весна, рождающая жизнь новую и уносящая старую. И эта страдальца, эта изстрадавшаяся мученица тихо и незамѣтно заснула.

Утѣшся, изстрадавшаяся чистая душа! Не въ пасху мы тебя провожаемъ на тотъ свѣтъ, за то въ недѣлю крестопоклонную. Видишь, какимъ большимъ соборомъ! И день удался какой свѣтлый, настоящій весенній, свѣтло-пасхальный, предвѣстникъ весны и пасхи небесной! И ризы на насъ,—видишь,—какія свѣтлыя, зеленныя, весеннаго цвѣта, крещатыя, усѣянныя крестами,—знаменемъ побѣды надъ смертію! Изъ мертвыхъ, послѣ крестныхъ страданій, Христосъ воскресъ, смертію смерть поправъ, твою и нашу смерть.

Видите ли, чувствуете ли, какая это дивная смерть! Чувствуете ли, что и въ нашъ вѣкъ можно быть христіанкою, жить хорошею христіанкою, умереть христіанкою высокою! И какъ это просто, какъ спокойно, какъ душевно безболѣзненно среди тягчайшей муки тѣлесной, какъ богопреданно умирается, когда богопреданно жилось!...

За слѣдующею по смерти Божіею службою пошли мы вопрошати Бога: ты, святыи апостолъ, что скажешь нашей душѣ объ этой отшедшей душѣ?—*Вспоминайте прежніе дни ваши*,—отвѣтствовалъ намъ святыи апостолъ Павелъ на нашъ внутренній вопросъ (Евр. 10, 32—39),—*когда вы, бывъ просвѣщены святымъ крещеніемъ, выдержали великій*

подвигъ страданія, то сами состоя среди поношеній и скорбей, то принимая участіе въ другихъ, находившихся въ такомъ же состояніи. Вотъ вы и изъ имѣнія вашего съ радостію удѣляли неимущимъ и на церковь Божію,—нужно замѣтить, что почившая именно съ радостію дѣлала многія подаянія и бѣднымъ и на церковь Божію,—зная, что есть у васъ на небесахъ имущество лучшее и непреходящее. Итакъ не оставляйте упованія вашего, которому предстоитъ воздаяніе великое. Терпѣнія имайте потребу, чтобъ, исполнивъ волю Божію, получить обѣщанное. Ибо еще немного, очень немного, и грядущій къ намъ Господь придетъ и не умедлитъ. Праведный вѣрою живъ будетъ; а если кто поколеблется, къ тому не благоволитъ душа моя, глаголетъ Господь. Ты же, праведная вѣрная Богу душа, была не изъ колеблющихся на погибель, но стояла въ вѣрѣ ко спасенію души.

Вѣруемъ, что тебя, вѣрная Богу душа (*), упокоитъ Господь въ обителяхъ небесныхъ за твою вѣру непоколе-

(*) Послѣ отпѣванія усопшей надъ нею же произнесено слѣд. поученіе каедральнымъ протоіереемъ Павломъ Желателевымъ.

Дѣвица не умре, но спитъ (Лук. 8, 53).

Сказалъ это нѣкогда Господь І. Христосъ объ умершей дочери одного уважаемаго человека. Когда надъ умершею отроковицей всѣ плакали, Господь говоритъ: «не плачьте, дѣвица не умерла, но спитъ».

Не обинуясь можно сказать вотъ и объ этой, оплакиваемой рабѣ Божіей Александрѣ: не плачьте, она не умер-

бимую, за терпѣніе великое. Еще вотъ немного, немного, и грядущій Господь прійдетъ и за нашими душами, не умедлитъ. Моли Бога о насъ тамъ, чтобъ Господь и насъ при-

ла, но спитъ. Скажу это я какъ бывшій ея наставникъ и духовный отецъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на изнуренное болѣзнію лицо ея, — на немъ отражается та же доброта и женственное достоинство, какія привыкли видѣть въ этой благородной женщинѣ всѣ знающіе ее. Смерть, ужасная для многихъ, не осмѣлилась обезобразить черты лица ея; на немъ видны только слѣды продолжительной болѣзни, которая сокрушила ея слабое тѣло. Видно, что покойница еще въ своей, сравнительно не долговременной, жизни заслужила для себя мирную, христіанскую кончину.

Дѣйствительно, покойная раба Божія Александра заслужила кончину мирную и непостыдную. Она всегда была доброю женою, примѣрною матерью; умною, привѣтливою, домовитою хозяйкою и неліцемерною христіанкою. Невольно припоминается теперь, какъ часто посѣщала она этотъ свя- тый храмъ; съ какимъ благоговѣніемъ возносила здѣсь свои молитвы Спасителю Сыну Божію и пречистой Его Матери; съ какимъ вниманіемъ она слѣдила здѣсь за священнодѣй- ствіями и вслушивалась въ священные пѣснопѣнія. Не имѣла покойная обычая развлекать себя здѣсь разсѣяніемъ, сознавая, что храмъ Божій есть храмъ молитвы, а не домъ бесѣдъ праздныхъ; сознавая, что церковь Божія есть соб- раііе вѣрующихъ для освященія себя молитвами и таинст- вами, а не простое сходбище людей, гдѣ можно проводить время, кому и какъ желательно.

О, сколько еще добраго могла бы сдѣлать женщина съ

челъ къ сонму праведныхъ, которые вѣрою живы будутъ, вѣрою спасутся, и увлекъ отъ сонмища тѣхъ колеблющих- ся въ вѣрѣ, въ вѣрности долгу, въ терпѣніи, къ которымъ

такими христіанскими качествами! Но вотъ предъ нами — прахъ ея...

И, однакожь, не будемъ чрезмѣрно огорчаться ея прежде- временною кончиною. Она не умерла, но только заснула. Христіанская кончина ея не смерть, а сонъ, хотъ и, Богъ вѣсть, сонъ на сколько продолжительный. Будетъ время, какъ увѣряетъ насъ слово Божіе, когда эта достойнѣйшая женщина пробудится для лучшей жизни, чѣмъ это наше многотрудное и для многихъ безотрадное житъе; проснется она для жизни вѣчной, нескончаемой блаженной.

Не смущайтесь же слишкомъ вы особенно, супругъ и дѣти, смертію любимой одному супруги, другимъ матери. Въ утѣшеніе ваше опять повторяю увѣреніе Спасителя на- шего: не умерла покойная, но спитъ. Безсмертная чистая, христіански — вѣрующая душа ея, какъ ангелъ Божій, воз- несется къ престолу Всевышняго и будетъ молиться за васъ и за насъ. Почтите же блаженный исходъ ея вашими род- ственными чувствами. Въ настоящіе дни поста и сѣтованія, оросите, пожалуй, драгоцѣнный вамъ прахъ ея и слезами, но слезами не скорби и отчаянія, а слезами упованія на ми- лость Божію. Когда же наступитъ радостный день воскре- сенія Христова, укрѣпитесь вѣрою и вспомните о ней, какъ о присутствующей между вами.

Вспомнимъ тогда и мы, съ такою любовію теперь окру- жающіе гробъ усопшей рабы Божіей Александры, что вос- кресній изъ мертвыхъ Христосъ, поправъ смертію смерть и сущимъ во гробѣхъ даровавъ жизнь, воскреситъ нѣкогда и нами уважаемую женщину, какъ воскреситъ Онъ дочь

не благоволятъ душа самаго Господа, по неложному Его слову.
Аминь.

1883 г.

упоминаемаго въ евангеліи человѣка. Будемъ помнить, что воскресый изъ мертвыхъ Христосъ Богъ нашъ совоскреситъ съ собою и всѣхъ насъ въ Него вѣрующихъ. *Христосъ бо воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. 15, 20). Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

при поминовеніи боярина Михаила Васильевича
Себрякова.

Христіанскія кончины живота нашего, безболѣзненны, непостыдны, мирны у Господа просимъ.

Я хочу показать вамъ, что такое христіанская кончина живота нашего, безболѣзненная, непостыдная, мирная. Хочу показать, до какой степени можетъ простираться безболѣзненность и мирность христіанской кончины. Хочу показать это на примѣрѣ, какъ на примѣрѣ же объяснить и то, за что Богъ посылаетъ людямъ такой хорошій непостыдный конецъ живота нашего.

По личнымъ моимъ воспоминаніямъ, по чувству глубокаго уваженія и признательности, я желаю и васъ прошу помянуть нынѣ заупокойною молитвою раба Божія, боярина, Михаила Васильева сына Себрякова. Его же поминаю я и словомъ, себѣ въ утѣшеніе и въ назиданіе всѣмъ, такъ какъ въ его замѣчательной кончинѣ вижу завершеніе замѣчательной жизни, можно бы сказать оригинальной жизни христіанина мудреца.

Я знаю и вамъ представлю ее только въ общихъ чертахъ, такъ какъ сошелся съ нимъ на жизненномъ пути

уже на склонѣ его лѣтъ, да и то на самое короткое время. Тѣмъ не менѣе и эти черты будутъ достаточны, чтобъ освѣтить тихимъ свѣтомъ его гробъ и мрачную могилу, свѣтомъ, который освѣщаетъ путь и ему грядущему въ иной міръ, и намъ, грядущимъ по стезѣ этого пока міра тудаже во гробъ и могилу и въ тотже міръ загробный.

По роду, состоянію и положенію онъ былъ породистый бояринъ Донской области, весьма богатый человѣкъ и много лѣтъ служилъ предводителемъ дворянства всей Донской земли, гдѣ такъ много дворянъ заслуженныхъ, — они же и природные служилые казаки, — дворянъ чиновныхъ, преукрашенныхъ боевыми подвигами и знаками отличія, взятыми большею частію съ бою на войнѣ со врагами отечества. Но замѣчательность этого человѣка заключалось не въ томъ, что онъ былъ богатъ и именитъ по роду и положенію, а въ томъ, что онъ былъ образованнѣйшій, даже ученѣйшій мужъ во всей Донской землѣ. До половины или больше девятаго десятка лѣтъ онъ не только неустанно слѣдилъ за развитіемъ науки, какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, но и самъ до самой смерти занимался научными наблюденіями и изслѣдованіями разныхъ видовъ, особенно же астрономическими, метеорологическими и микроскопическими. Занимаемая имъ часть его домовъ была цѣлымъ музеемъ, который былъ заставленъ множествомъ книгъ, разнообразныхъ естественно-научныхъ препаратовъ и инструментовъ, относящихся вообще къ физикѣ и естествовѣдѣнію, особенно же инструментами телескопіи и микроскопіи. Онъ самъ произвелъ многія тысячи научныхъ наблюденій, которыя частію сообщалъ ученымъ обществамъ, особенно заграничнымъ, а частію конечно оставилъ безъ приложенія. Его трудовой день былъ размѣренъ не только по часамъ, а даже по минутамъ, и онъ съ ранняго утра до поздней ночи, ежедневно часъ въ

часть, минута въ минуту, вращался какъ разумная машина между множествомъ своихъ научныхъ машинъ и разнообразныхъ изысканій, давно уже оставивъ всякія служебныя занятія и хозяйственные заботы, которымъ за него посвящали себя его высокопоставленные сыновья и зятья, — и тѣ уже почти старики въ ту пору, когда я узналъ ихъ. Всѣ считали его ученымъ, многіе мистикомъ, а близко знавшіе признавали его христіанскимъ мудрецомъ, какихъ на свѣтѣ не такъ много. Мистикомъ оригиналомъ недалекіе свѣтскіе люди провозгласили было его особенно за то, что, давъ всѣмъ своимъ сыновьямъ и дочерямъ лучшее по времени и условіямъ мѣста воспитаніе и сообразное ихъ состоянію направленіе въ жизни, онъ попустилъ одной своей дочери, наиболѣе одаренной всѣми дарами природы, развитой и лучшими наставниками и особенно самимъ высокоученымъ отцомъ, — попустилъ или даже самъ подсказалъ ей, въ 16 лѣтъ ея жизни, отречься отъ свѣта и его прелестей, пойти въ дальній, довольно одинокій и въ ту пору совсѣмъ бѣдный женскій монастырь и тамъ послѣ тяжкаго монашескаго искуса принять монашество. Впослѣдствіи оставъ игуменьею, она возвысила, отличными зданіями обстроила и великолѣпно благоукрасила этотъ монастырь, положивъ въ него все свое дѣвичье приданое, значительную часть состоянія своего отца и доброхотныхъ его же жертвъ. Всѣ, особенно свѣтскіе люди, истощались тогда въ гаданіяхъ, зачѣмъ бы такая блистательная юность зарывала себя на вѣки между тѣсными монастырскими стѣнами. Гаданій натворили множество, за исключеніемъ единаго истиннаго, что восторженная юная особа, на высокій душевный тонъ настроенная своимъ благочестиво-мудрымъ отцомъ, отважилась на эту жертву и настояла на своемъ призваніи единственно изъ самоотверженія, изъ любви къ Христу, же-

лая уневѣститъся Ему, ревнуя послужить Богу и церкви, во спасеніе своей души, во спасеніе своего рода, да и всего рода людскаго. Скептики, вы не вѣрите, что есть и нынѣ люди посвящающіе себя монашеству единственно изъ самоотверженія, изъ ревности послужить Христу и святой Его церкви, какъ и спасенію своей души. Есть они, есть, повѣрьте. Не будьте только упорно слѣпы, поищите и найдете безъ труда.

Теперь она уже давно заслуженная игуменья, во всѣхъ отношеніяхъ образцово достойно подражаемо благоустроеннаго ею же самою монастыря. И ея-то глубоко-поучительнымъ сообщеніемъ о смерти своего отца роднаго я дерзаю поѣлаться съ вами, чтобы такая христіанская кончина не исчезла безслѣдно для сознанія и памяти людей.

Повторяю: замѣчательной, достойной подражанія, оригинальной жизни мудреца христіанина достойный и конецъ, вождѣнный для всякаго. «Батюшка мой», — пишетъ его досточтимая дочь, — «скончался 20-го декабря, а 23-го погребенъ при церкви святителя Митрофана въ селѣ Себровѣ, имѣ же выстроенной. За пять дней до кончины его я пріѣхала къ нему и пробыла при немъ всѣ послѣдніе дни и ночи. Онъ умеръ тихо, точно уснулъ, почти безболѣзненно и въ полной памяти. Когда у него отнялись уже ноги, руки и языкъ, при послѣднемъ издыханіи, все еще остался свѣтелъ его умъ; и онъ глазами дѣлалъ вопросы и давалъ отвѣты. Его душевная сила не измѣнила ему даже въ страшный часъ смертный. Много онъ бесѣдовалъ со мною эти послѣдніе дни. И даже въ ночь передъ кончиной, когда я, склонясь къ нему, сказала: «родной мой, вы страдаете»? онъ отвѣтилъ: «собственно говоря, я не страдаю. Но вотъ какое мое ощущеніе: я чувствую въ себѣ много внутреннихъ силъ, а тѣло чувствуетъ утомленіе, точно такъ, какъ здоровый

и сильный человѣкъ пробѣжалъ большое пространство и ослабѣлъ».

Въ этомъ отвѣтѣ умирающаго заключается громадное психологическое содержаніе. Въ немъ заключаются отвѣты не умозрительныхъ гаданій, а дѣйствительнаго опыта, отвѣты на мучительные обще-человѣческіе вопросы: что такое нормальная смерть въ отношеніи къ нормальной жизни? Что такое предсмертныя страданія? Что такое безсмертіе и есть ли оно? А вотъ что это такое. Внутренне здоровый и сильный человѣкъ пробѣжалъ большое пространство, длинное поприще жизни, и утомился и ослабѣлъ. Собственно говоря, онъ не сгибается, но вотъ какое онъ испытываетъ ощущеніе: онъ чувствуетъ въ себѣ много внутреннихъ душевныхъ силъ, а тѣло чувствуетъ утомленіе и хочетъ отдохнуть. Его клонитъ ко сну. Какъ этотъ, такъ и другіе опыты свидѣлствуютъ, что можно спокойно, даже сладко мечтать о покоѣ въ гробѣ, о снѣ могильномъ. Какъ этотъ, такъ и многіе другіе опыты свидѣлствуютъ, что въ смерти тѣлесной душевныя силы не умираютъ, даже не слабѣютъ, напротивъ нерѣдко вспыхиваютъ яркимъ пламенемъ, загораются яркимъ, хотя и тихимъ, немеркнущимъ свѣтомъ уже не только надежды безсмертія, свѣтомъ не только предощущенія, а просто спокойнаго ощущенія и яснаго сознанія безсмертія уже начинающагося, безсмертія огражденнаго напутственными утѣшеніями вѣры и открывающимся во очію исполненіемъ обѣтованій Божіихъ.

Такъ и этотъ 90-лѣтній почти старецъ, провидя, предчувствуя, или точнѣе, даже чувствуя и сознавая наступленіе своего собственнаго личнаго безсмертія, «за нѣсколько часовъ до своей кончины самъ пожелалъ пріобщиться святыхъ таинъ, и съ большою вѣрою и съ упованіемъ предалъ душу свою Господу. Его постническое тѣло», — сви-

дѣтельствуешь его досточтимая дочь, — «не спѣшило разлагаться, такъ что мы, погребая его на четвертый день, призывали доктора, чтобъ еще разъ засвидѣтельствовать фактъ его смерти».

Видите, какія бываютъ смерти! Прекрасный, а лучше сказать естественный конецъ таковой же, прекрасной и жизни. Помолимся же о почившемъ, помолимся о почившихъ (*). Наши молитвы за нихъ, принеши имъ отраду, воротятся стократными благословеніями горняго мира на насъ самихъ.

Не отчаявайтесь за наше время. Отчаявался за свое время даже святой пророкъ Ілія и изливалъ свою огненно-ревностную скорбь предъ самимъ Богомъ, въ такихъ отчаянныхъ выраженіяхъ: *Господи! алтари твои все раскопали! Пророковъ твоихъ избили! и остался я одинъ! Не и мою душу ищутъ изъять! Ты самъ возьми отъ меня душу мою, Господи!* Но получилъ божественный отвѣтъ: нѣтъ, пророче Божій Іліе! *Я оставилъ себѣ еще семь тысячъ мужей, которые не преклоняли колѣнъ своихъ предъ Вааломъ.* Такъ и въ наши смутные дни есть еще богобоязненные, благочестивые, праведные и святые люди. А иначе и міръ не стоялъ бы. Станемъ же и мы, братіе, станемъ добръ, станемъ со страхомъ, вонмемъ святое возношеніе приносить Богу, возношеніе благочестія, возношеніе покаянія во искушеніяхъ и паденіяхъ. Если преткнемся, поспѣшимъ всякій разъ подняться, чтобы стоять твердо и идти по пути въ горнее отечество вѣрно и мѣрно. Поминая вѣрныхъ Богу отцовъ нашихъ, будемъ подражать вѣрѣ ихъ, взирая на скончаніе жительства ихъ во Христѣ. Аминь.

(*) Въ этотъ же разъ мы поминали заупокойною молитвою и новопоставившагося раба Божія гнана Сергія Николаевича Урусова и другихъ.

ПОУЧЕНІЕ

на 4-е апрѣля 1880 года.

И яде Іаковъ и насытится, и отвержеся возлюбленный. Уты, утолстѣ, разширь. И остави Бога сотворшаго его, и отступи отъ Бога Спаса своего. Втор. 32, 15.

Нѣсколько словъ терпѣливому вниманію вашему предложимъ въ разъясненіе того историческаго явленія, что израильскій народъ, когда бывалъ счастливъ, когда пресыщался земными благами, когда тучнѣлъ, толстѣлъ, жирѣлъ, то и оставлялъ Бога сотворшаго его и отступалъ отъ Бога Спаса своего, отъ твердыни спасенія своего. Попытаемся раскрыть и психическій законъ, почему это такъ бывало и бываетъ, почему не только израильскій, но и всякій народъ, пресыщаясь земными благами, тучнѣя, толстѣя и ширясь отъ счастья, забываетъ Бога Творца своего и отступаетъ отъ твердыни спасенія своего. Покажемъ наконецъ, что этотъ роковой законъ обнаруживается въ жизни и нашего русскаго народа.

Событіе, которое я прочитаю сейчасъ по библіи, происходило за полторы тысячи лѣтъ до Р. Х., почти за три съ половиною тысячи лѣтъ до нашего времени. — И рече Господь Моисею: вотъ дни твои приблизились къ смерти. Призови Іисуса, и станьте предъ дверьми сѣни свѣдѣнія, и

Я дамъ ему наставленія, какъ твоему преемнику. И пришелъ Моисей и Иисусъ, и стали оба у входа скинии собранія. И явился Господь въ скинии въ столпѣ облачномъ, и сталъ столпъ облачный у дверей скинии свидѣнія. И сказалъ Господь Моисею: вотъ ты поцѣишь съ отцами твоими, и станетъ народъ сей блудно ходить въ слѣдъ чужихъ боговъ той земли, въ которую онъ вступаетъ, и оставитъ Меня, и нарушитъ завѣтъ мой, который Я поставилъ съ нимъ. И возгорится гнѣвъ мой на него въ тотъ день, и Я оставлю ихъ, и сокрою лице мое отъ нихъ, и онъ истребленъ будетъ, и постигнуть его многія бѣдствія и скорби, и скажетъ онъ въ тотъ день: не потому ли постигли меня сіи бѣдствія, что нѣтъ Господа Бога моего среди меня? И Я сокрою лице мое отъ него въ тотъ день, за всѣ беззаконія его, которыя онъ сдѣлаетъ, обратившись къ инымъ Богамъ. И такъ напишите себѣ слова пѣсни сей, и научи ей сыновъ израилевыхъ, и вложи ее въ уста ихъ, чтобы пѣснь сія была Мнѣ свидѣтельствомъ на сыновъ израилевыхъ. Ибо Я введу ихъ въ землю добрую, какъ Я клялся отцамъ ихъ, гдѣ течетъ молоко и медъ, и они будутъ ѣсть, и насытятся, и утучнѣютъ, и обратятся къ инымъ богамъ, а меня отвергнутъ и нарушатъ завѣтъ мой, который Я завѣщалъ имъ. И когда постигнуть ихъ многія бѣдствія и скорби, тогда пѣснь сія будетъ противъ нихъ свидѣтельствомъ; ибо она не выйдетъ изъ устъ ихъ и потомства ихъ. Я знаю мысли ихъ, которыя они имѣютъ нынѣ, прежде нежели Я ввелъ ихъ въ землю, о которой Я клялся отцамъ ихъ. И написалъ Моисей пѣснь сію, и научилъ ей сыновъ израилевыхъ. И изрекъ Моисей въ слухъ всего собранія Израильтянъ слова пѣсни сей до конца.

Въ этой пѣсни, изрѣченной Моисеемъ предъ собраніемъ Израильтянъ и записанной въ книгѣ Второзаконія, за три

предъ симъ тысячи лѣтъ, Моисей, какъ прозорливецъ, говоритъ о будущемъ Израиля, какъ о настоящемъ или даже прошедшемъ. Въ этой же пѣсни прорѣчена и наша судьба, судьба русскаго православно-христіанскаго народа. Она поется и въ нашихъ храмахъ даже до сего дня.

Начинается она словами: Вонми небо, и возглаголю, и да слышитъ земля глаголы устъ моихъ. Воздайте славу Богу нашему. Богъ—твердыня,—твердыня истины и правды; незыблемая твердыня счастья человѣческаго. Совершенны дѣла Его и всѣ пути Его праведны. Богъ вѣренъ, и нѣтъ неправды въ Немъ. А вы не дѣти Его по своимъ порокамъ, родъ строптивый и развращенный. Сіе ли вы воздаете Господу, народъ глупый и несмысленный? Не Онъ ли отецъ твой, который усвоилъ тебя, создалъ тебя и устроилъ тебя? Вспомни дни древніе, помысли о лѣтахъ прежнихъ родовъ; спроси отца твоего, и онъ возвѣститъ тебѣ, старцевъ твоихъ, и они скажутъ тебѣ. Когда Всевышній давалъ удѣлы народамъ, и расселялъ сыновъ человѣческихъ: тогда поставилъ предѣлы народовъ по числу ангеловъ Божіихъ, давъ каждому народу особаго ангела хранителя, вождя и наставника, покровителя и заступника. А на свою собственную часть Господь взялъ людей своихъ, потомковъ патріарха Іакова; вервиемъ наслѣдія своего выдѣлилъ себѣ Израиля. Господь самъ сталъ ангеломъ хранителемъ его; божественный Ангелъ Завѣта сталъ вождемъ его, покровителемъ и защитникомъ. Господь нашелъ его въ пустынѣ, въ степи печальной и дикой, ограждалъ его, смотрѣлъ за нимъ, хранилъ его, какъ зѣницу ока своего. Какъ орелъ покрываетъ гнѣздо свое, носится надъ птенцами своими, распростираетъ крылья свои, беретъ ихъ и носитъ ихъ на перьяхъ своихъ: такъ Господь одинъ водилъ Израиля, и не было съ ними бога чуждаго. Онъ вознесъ его на высоту земли, и кормилъ

произведеніями полей, и питалъ его медомъ изъ камня, и елеемъ изъ твердой скалы, масломъ коровьимъ и молокомъ овечьимъ, и тукомъ агнцевъ и козловъ, и тучною пшеницею и кровью виноградныхъ ягодъ. *И яде Иаковъ, и насытится, и отвержеся возлюбленный. Уты, утолстѣ, разширь, и остави Бога сотворшаго его, и отступи отъ Бога Спаса своего.*

Провидитъ далѣе прозорливецъ Моисей, какъ Израилѣтяне богами чуждыми раздражали Бога, и мерзостями своими разгнѣвали Его. Вотъ они приносятъ жертвы бѣсамъ, а не Богу, богамъ, которыхъ они не знали, новымъ, которые пришли отъ сосѣдей, и о которыхъ не помышляли отцы ихъ. А заступника, родившаго тебя, ты Израиль забылъ, — изрѣкаетъ прозорливецъ Моисей, — и не помнилъ Бога создавшаго тебя. Смотри же. Вотъ и Господь увидѣлъ и возревновалъ и раздражился на сыновъ и на дочерей своихъ, и отвратился отъ нихъ. И сказалъ: сокрою лице мое отъ нихъ, и увижу, какою будетъ конецъ ихъ... И что же? Огонь возгорѣлся во гнѣвъ моемъ, жжетъ до ада преисподняго и поядаетъ землю и плоды ея, и поалаетъ основанія горъ. Соберу на нихъ бѣдствія, и истощу на нихъ стрѣлы мои. А будутъ истаявать отъ голода и язвы. И пошлю на нихъ зубы звѣрей и ядъ пресмыкающихся по земли. Отвнѣ будетъ губить ихъ мечъ, а въ домахъ ужасъ; и погубитъ юношу и дѣвицу, грудного младенца и покрытаго сѣдиною старца. Я сказалъ бы: разсѣю ихъ, и изглажу изъ среды людей память ихъ. Но отложилъ это ради озлобленія враговъ, чтобы враги ихъ не возмнили и не сказали: наша рука высока, и не Господь сдѣлалъ все сіе. О если бы они разсудили, подумали о семъ и разумѣли, что съ ними будетъ! Какъ бы могъ одинъ изъ нихъ преслѣдовать тысячу, и двое прогонять тьму, если бы заступникъ ихъ не предалъ ихъ,

и Господь не отдалъ ихъ! У Меня отмщеніе и воздаяніе, когда поколеблется нога ихъ; близокъ день гибели ихъ. Но Господь разсудитъ людей своихъ и надъ рабами своими умилосердится, когда увидитъ, что рука ихъ ослабѣла. Тогда скажетъ Господь: гдѣ боги ихъ, твердыня, на которую они надѣялись? Видите, видите, что это Я, Я, яко Азъ есмь Богъ, и нѣсть бога развѣ Мене: Азъ убію и оживлю, поражу и Азъ изцѣлю, и никто не избавитъ отъ руки моей. Я подьемаю къ небесамъ руку мою и клянуся десницею моею, и говорю: живу Я во вѣкъ! Когда изострю сверкающій мечъ мой, и рука моя приметъ судъ, — то отмщу врагамъ моимъ, и ненавидящимъ Меня воздамъ... И воздастъ Господь мщеніе врагамъ своимъ, и очиститъ землю свою и народъ свой.

И написалъ Моисей пѣснь сію въ тотъ день, и научилъ ей сыновъ израилевыхъ. И сказалъ имъ: положите на сердце ваше всѣ слова, которыя объявилъ я вамъ сегодня, и завѣщайте ихъ дѣтямъ своимъ. Ибо это не пустое для васъ, но это жизнь ваша. — И сказалъ Господь Моисею въ тотъ самый день: взойди на сію гору и умри на горѣ. И умеръ тамъ Моисей, рабъ Господень.

Кто знаетъ исторію еврейскаго народа, для того о судьбѣ этого народа въ этой пророчесственной пѣсни раба Божія Моисея сказано все. Вся эта исторія была повтореніемъ явленія, что въ счастіи Израиль тучнѣлъ и становился упрямымъ, — пока толстѣлъ и жирѣлъ, то и оставлялъ Бога. А какъ оставляя Бога, онъ пренебрегалъ въ Богѣ твердынею и собственнаго своего благополучія, то и подпадалъ разнообразнымъ бѣдствіямъ и наибольшему бѣдствію, плѣненію отъ враговъ. А въ горести души Израиль обращался къ Богу отцовъ своихъ и Господь спасалъ свой народъ, пока не отвергъ его отъ лица своего уже окончательно.

Чтобъ яснѣе видѣть причинную связь между вѣрою и счастьемъ народа, станемъ на точку зрѣнія, которая проводится чрезъ всю библію. Богъ и человѣчество, и въ частности еврейскій народъ и христіанскій міръ вступили между собою въ завѣтъ или договоръ. Будемъ говорить теперь о ветхомъ завѣтѣ, о договорѣ Бога съ Израилемъ. Вступая въ завѣтъ или договоръ, Богъ клялся народу израильскому, что дастъ ему въ наслѣдіе землю, кипящую медомъ и млеко, что утвердитъ его земное благополучіе, что устроить во Израили царство обѣтованнаго Избавителя и приготовить для Израиля, а чрезъ него и для всего человѣчества царство небесное. Израиль же съ своей стороны клялся быть вѣрнымъ единому истинному Богу и закону Его. Богъ истиненъ и нѣсть неправды въ Немъ. Онъ клялся собою въ вѣрности своему завѣту и соблюдалъ его, употребляя съ своей стороны разнообразныя мѣры устроить временное счастье и вѣчное спасеніе не только Израиля, но и всѣхъ людей. А Израиль съ своей стороны постоянно нарушалъ свой клятвенный договоръ, не соблюдая закона Божіа и прямо измѣняя въ вѣрности Богу отцовъ своихъ. И нарушалъ свой завѣтъ всегда съ соблюденіемъ роковаго историческаго закона: въ несчастіи обращался къ Богу, а въ счастіи отворачивался отъ Него. Изъ повторенія этихъ круговъ слагается вся исторія этого народа.

Вотъ въ Египтѣ, въ рабствѣ, въ угнетеніи Израильтяне вопіяли къ Богу; а избавленные отъ рабства, проведенные сквозъ Чермное море, свободные отъ египетскаго страха, они слили себѣ египетскаго бога, тельца золотого и пляшутъ около него пьяные и поютъ: сіи бози твои, Израилю, иже изведоша тебя изъ земли египетскія. Вотъ вывелъ ихъ Господь изъ земли египетскія и ввелъ ихъ въ землю, о которой клялся отцамъ ихъ, и сказалъ: Я не нарушу завѣта

моего съ вами; но и вы не вступайте въ союзъ съ жителями земли сей, богамъ ихъ не поклоняйтесь, изваянія ихъ разбейте, жертвенники ихъ разрушьте. Но Израильтяне не послушали гласа Его. Во второе же поколѣніе послѣ Иисуса Навина они уже оставили Господа Бога своего и стали служить Ваалу и Астартамъ. И воспылалъ гнѣвъ Господень на Израиля, и предалъ ихъ въ руки грабителей, въ руки враговъ, окружавшихъ ихъ, и не могли уже устоять предъ врагами своими. Куда они ни пойдутъ, рука Господня вездѣ была имъ во зло, какъ клялся имъ Господь, и было имъ тѣсно. Тогда обыкновенно Израиль начиналъ вопіять ко Господу въ тѣснотѣ души своей. И воздвигалъ имъ Господь судей, которые спасали ихъ отъ рукъ грабителей ихъ. Когда Господь воздвигалъ имъ судей, то самъ Господь былъ съ судіею, и спасалъ ихъ отъ враговъ ихъ во всѣ дни судіи: ибо жалѣлъ ихъ Господь, слыша стонъ ихъ отъ угнетавшихъ и притѣснявшихъ ихъ. Но какъ скоро умиралъ судія, они опять дѣлали хуже отцовъ своихъ, уклоняясь къ другимъ богамъ, служа имъ и поклоняясь имъ.

Что это было столь привлекательнаго для Евреевъ въ идолопоклонствѣ другихъ народовъ? А то же, что и для насъ русскихъ кажется привлекательнымъ въ идолопоклонствѣ старѣйшихъ европейскихъ народовъ. Окружавшіе тогда Евреевъ народы были старше ихъ по времени историческаго бытія, старше по развитію гражданственности, выше по образованію. Были старше и умнѣе ихъ и Египтяне, и Ханаане, и Сирійцы. Идолопоклонство имѣло свой глубокий и привлекательный для приземистаго ума смыслъ,—оно было обожаніемъ силъ природы. Идолопоклонство было привлекательно для земнаго эстетическаго чувства, особенно же для развратнаго сердца. Служеніе идоламъ совершалось на жи-

вописныхъ холмахъ, въ тѣнистыхъ рощахъ, при журчаніи водныхъ источниковъ; сопровождалось веселыми празднествами, плясками, винопитіемъ, пѣснями, разнузданностію страстей. Между тѣмъ нужно было не легкѣе возвышеніе ума, чтобы подняться до идеи Бога единого, высочайшаго Бога Духа безъ очертаній и ограниченій, Бога ревниваго и грознаго, Судии и карателя всякаго нечестія, — Бога, явленіе котораго у скинии свидѣнія наводило трепетъ и ужасъ, къ которому, служа Ему въ скинии, и приблизиться чувственному Израилю было страшно... Потому-то подчиняющійся чужеродному вліянію болѣе развитыхъ сосѣдей чувственный Израиль, лишь только проглядывало надъ нимъ солнце счастья, сейчасъ же и бѣжалъ, отварачивая свой хребетъ отъ страшной и строгой скинии свидѣнія, въ веселыя улыбающіяся рощи, къ игривымъ ручейкамъ, на картинные холмы кадить веселымъ языческимъ божествамъ солнца и свѣта, радости и разгула, или кланяться золотому тельцу, способному по чаянію древняго, какъ и новѣйшаго человѣчества, извести изъ рабства египетскаго въ землю, кипящую молокомъ и медомъ, въ обитель всяческаго обилія и неисчерпаемаго благополучія.

Время царей Давида и Соломона было эпохою высшаго подъема народнаго израильскаго духа, эпохою высшаго развитія религіознаго сознанія и нравственной упорядоченности, а вмѣстѣ съ тѣмъ эпохою и высшей степени могущества и благосостоянія. Такъ было, объ этомъ свидѣтельствуется исторія, мы не сочиняемъ факты, чтобы подтвердить пророчества. Но вотъ уже самъ Саломонъ, упокоенный на своемъ золотомъ престолѣ, потонувъ въ безграничной роскоши, положилъ начало всенародному отступленію своихъ счастливыхъ подданныхъ отъ Божія завѣта. Саломонъ допустилъ въ своемъ царствѣ то, что на совре-

менномъ языкѣ называется свободою вѣроисповѣданія, дозволивъ, конечно, изъ слабости сердца, своимъ многочисленнымъ женамъ и наложницамъ, своей главной женѣ, дочери фараона египетскаго, кланяться богамъ своей страны родной. За то мятежный подданный его, египетскій бѣглець Іеровоамъ и оторвалъ изъ подъ скипетра сына его Ровоама цѣлыхъ десять изъ всѣхъ 12 колѣнъ Израиля и, запретивъ имъ ходить въ Іерусалимъ на поклоненіе Богу истинному, заставилъ кланяться двумъ, поставленнымъ на двухъ оконечностяхъ царства, золотымъ египетскимъ тельцамъ. Замѣчательно то, что царство десяти колѣнъ Израиля, прежде и безповоротно измѣнившее завѣту съ Богомъ истиннымъ, разрушено и разсѣяно, безповоротно и безслѣдно, прежде іудейскаго царства и разрушено не смотря на то, что было во много разъ сильнѣе сего послѣдняго, состоявшаго только изъ двухъ колѣнъ іудина и вѣяминаова, и лежало рядомъ съ нимъ въ одинаковыхъ или даже лучшихъ топографическихъ условіяхъ. Замѣчательно, что это послѣднее, іудейское царство, малое и слабое, лежало у самаго перешейка между двумя великими материками, азійскимъ и африканскимъ, — что топтали его ноги всѣхъ великихъ завоевателей древняго міра, начиная съ Рамзеса Сестоуриса, и до Александра Македонскаго и до Юлія Цезаря и Тита. Тѣмъ не менѣе, отчасти еще сохранявшее вѣрность завѣту Бога отцовъ своихъ, оно, хотя и бѣдствовало, но кое какъ сохраняло свою политическую обособленность еще многіе вѣка по окончательномъ разрушеніи царства десяти колѣнъ израильскихъ.

Мыслями пѣсни прозорливца Моисея, 800 лѣтъ спустя, размышляетъ и словами этой пѣсни изображаетъ священный историкъ причину паденія царства израильскаго, причину упадка царства іудейскаго. И сіе было, — пишетъ свя-

щенный историкъ по разрушеніи царства израильскаго и наложеніи дани на царство іудейское Салманассаромъ царемъ ассирійскимъ,—и не бысть, яко согрѣшиша сыны израилевы предъ Господомъ Богомъ своимъ, который вывелъ ихъ изъ земли египетской. И стали поступать по обычаямъ народовъ, которыхъ прогналъ Господь отъ лица ихъ. И стали дѣлать дѣла неугодныя Господу и служили идоламъ. Тогда Господь чрезъ всѣхъ пророковъ своихъ, чрезъ всякаго прозорливца, предостерегалъ Израиля и Іуду. Но они не слушали и ожесточили выю свою. И презирали уставы Его и заветъ Его, который Онъ заключилъ съ отцами ихъ. И пошли вслѣдъ суеты и осуетились, и вслѣдъ народовъ окрестныхъ. И оставили всѣ заповѣди Господа Бога своего, и сдѣлали себѣ литыя изображенія двухъ тельцовъ, и поклонялись всему воинству небесному, всѣмъ свѣтиламъ, и служили Ваалу. И проводили сыновей своихъ и дочерей чрезъ огонь, приносили дѣтей своихъ даже въ жертву бѣсамъ, и гадали, и волхвовали, и вызывали мертвыхъ, и предались тому, чтобы дѣлать неугодное въ очахъ Господа. И отвратился Господь отъ всѣхъ потомковъ Израиля, и смирилъ ихъ, и отдавалъ ихъ въ руки грабителямъ, и наконецъ отвергъ ихъ отъ лица своего. Израильтяне отторглись отъ дома Давидова, и воцарили Іеровоамъ, и отклонилъ Іеровоамъ Израильтянъ отъ Господа и вовлекъ ихъ въ великій грѣхъ, доколѣ Господь не отвергъ Израиля отъ лица своего, какъ говорилъ чрезъ всѣхъ рабовъ своихъ пророковъ. И переселенъ Израиль изъ земли своей.

Мыслями пѣсни Моусеевой тысячу лѣтъ спустя послѣ Моусея, возвратившись изъ плѣна вавилонскаго, исповѣдуетъ и словами этой пѣсни записываетъ на хартіи грѣхи свои, своего народа и отцовъ своихъ, вождь возвращенныхъ изъ плѣна Іудеевъ Ездра, исповѣдуетъ и пишетъ на

хартіи: Ты, Господи, единъ. Ты самъ избралъ Авраама и заключилъ съ нимъ заветъ. Ты увидѣлъ бѣдствіе отцовъ нашихъ во Египтѣ, и услышалъ вопль ихъ у Чермнаго моря. И покорилъ имъ жителей земли хананеевъ, и далъ имъ землю тучную. И бѣли они и насыщались, тучнѣли и наслаждались. И сдѣлались упорны и возмутились противъ Тебя. И Ты отдалъ ихъ въ руки враговъ ихъ. Но когда, въ тѣсное для нихъ время, они взывали къ Тебѣ, Ты выслушивалъ ихъ съ небесъ. Когда же успокоивались, то снова начинали дѣлать зло предъ лицомъ твоимъ. Ожидая ихъ обращенія, Ты медлилъ многіе годы. Во всемъ постигшемъ насъ Ты праведенъ, потому что дѣлалъ по правдѣ, а мы виновны. И вотъ мы нынѣ рабы царей, которымъ Ты за грѣхи наши покорилъ насъ. Во всемъ этомъ мы даемъ заветъ вѣренъ, пишемъ твердый договоръ, и подписываемъ, и на подписи печать князей нашихъ, левитовъ нашихъ и священниковъ нашихъ. Договоръ всенародно написали, подписали и припечатали.

А пятьсотъ лѣтъ спустя, нѣсколько упокоенные, хотя и подъ чуждымъ владычествомъ, они залили этотъ послѣдній всенародно ссрѣпленный договоръ свой съ Богомъ отцовъ своихъ, какъ и древній заветъ своихъ отцовъ,—залили кровью Сына Божія, своего обѣтованнаго Избавителя, котораго столько вѣковъ нетерпѣливо ждали, залили съ неистовыми воплями: кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ. И пала на нихъ эта заветная кровь и жгла ихъ и жжетъ вотъ уже два тысячелѣтія такими бѣдствіями, какихъ не вынесъ ни одинъ народъ въ мірѣ. Но замѣчательно, что въ окончательномъ своемъ отверженіи отъ лица Божія, въ своемъ многовѣковомъ угнетеніи, въ тяготѣющемъ надъ ними всемірномъ презрѣніи, Евреи возымѣли ревность по Богѣ отцовъ своихъ, хотя ревность и не по

разуму. И эта ревнивая преданность ихъ древле-отеческой вѣрѣ спасаетъ ихъ народную личность. Одна она спасаетъ вопреки міровому гнету и гоненію, вопреки всѣмъ расчетамъ человѣческаго разума, во исполненіе премірнаго плана, предначертаннаго разумомъ божественнымъ.

Отчего въ счастіи еврейскій народъ отвращался, какъ и всякій народъ и человѣкъ отвращается отъ Бога, а въ несчастіи на оборотъ всѣ обращались и обращаются къ Богу? Это психологическій законъ, роковой законъ нашей растлѣнной грѣхомъ природы. Чтобы представить его себѣ съ возможною ясностію, нужно стать на библейскую точку зрѣнія религіи, какъ союза, какъ завѣта, какъ договора человѣка съ Богомъ. Безспорно, что этотъ договоръ или завѣтъ начертанъ прежде всего на плотяныхъ скрижаляхъ сердца, а затѣмъ и на скрижаляхъ или хартіи закона писаннаго, положительнаго, богооткровеннаго. Въ таинственнѣйшей глубинѣ человѣческой природы лежитъ незаглушенное чувство союза человѣка съ Богомъ, чувство тяги отъ земли къ небу, чувство влеченія изъ сего видимаго дольняго міра въ міръ горній духовный. Но здѣсь и открывается главное доказательство неправильнаго состоянія, даже испорченности, бѣдственно противорѣчивой раздвоенности человѣческой природы. Это чувство религіи, чувство связи съ міромъ горнимъ лежитъ не въ цѣльности, не въ единствѣ человѣческой природы, но преимущественно въ высшей ея части, поживая главнымъ образомъ въ человѣческомъ духѣ. При чемъ плотяная часть нашей природы оказывается враждебною духу. Духъ, особенно же бодрый, въ бодрственномъ своемъ состояніи, паритъ къ небу, а плоть тянетъ къ землѣ, всегда неотступно предъявляя свои плотскія нужды, требованія и пожеланія, почти всегда противныя влеченіямъ чисто духовнымъ. Немошная плоть поч-

ти во всѣхъ людяхъ почти всегда накладываетъ печать своей немощи и на духъ. Конечно, въ подвижническомъ христіанскомъ мірѣ извѣстны испытанныя средства держать духъ на высотѣ своего премірнаго призванія. Эти средства постъ и умерщвленіе плоти, покаяніе и непрестанная молитва. Но много ли на свѣтѣ людей, которые утончаютъ и возвышаютъ себя до неба этими духоносными способами? Не всѣ ли наоборотъ живутъ въ безпечности, въ невниманіи къ требованіямъ своего духа, а работаютъ постоянно и неустанно только плоти и міру, а далѣе и діаволу?—И вотъ когда жизнь людская идетъ ровно, обычнымъ мѣрнымъ ходомъ, когда свѣтитъ невозмутимый свѣтъ житейскаго благополучія, когда мимошедшія житейскія бури забыты, а новыя какъ будто не угрожаютъ; когда у человѣка, во время ночной бессонницы, только одна забота: *что сотворю, яко не имамъ идѣ собрати плодовъ моихъ и сокровищъ моихъ? Разорю житницы мои и большія созижду и соберу туда вся жита моя и вся блага моя*; когда ему остается сказать душѣ своей: *душе! имай блага многа, лежаща на лѣтѣ дома: поживай, яси, пей и веселися*,—тогда человѣкъ именно это и дѣлаетъ: поживаетъ, ѣстъ, пьетъ и веселится. Тогда плоть пресыщается и тучнѣетъ, дебелѣетъ и ожесточается. А духъ тогда, съ его требованіями, подавленъ. Тогда мысль о смерти и небѣ, о добродѣтели и грѣхѣ, о судѣ и вѣчномъ воздаяніи, только докучаетъ и беспокоитъ. Отгнать же ее въ самозабвеніи, въ вихрѣ суеты! Отгнать ее суетными умствованіями! Тогда Богъ забывается; самая мысль о Немъ устраняется, ненужная, излишняя, всему мѣшающая мысль. Но другое дѣло, когда надъ главою человѣческой безпечности прогремѣтъ голосъ грозной судьбы: *безумне! въ сію ночь душу твою истязуютъ отъ тебе*. Другое дѣло, когда

горе пригнетъ упрямую выю нашей гордости, нашего самодумства, нашего упрямства до праха земнаго. О! гдѣ тогда стойки, которые не кричатъ, когда небо валится! О! тогда поднимаются тяжкіе болѣзненные стоны изъ всякой страждущей груди. И куда поднимаются? Бываетъ, бывало, конечно весьма рѣдко, но вѣрно—иногда это будетъ, что эти стоны неслись, несутся и понесутся и къ безмысленной природѣ и ко всякимъ враждебнымъ силамъ: горы! падите на насъ и покройте насъ! О! гдѣ ты, сатана, приди и возьми мою душу! О! гдѣ ты, отрадное ничтожество? Гдѣ ты, сладкій отдыхъ небытія?! Я мечтаю о тебѣ съ наслажденіемъ, я зову тебя съ нетерпѣніемъ! Но это вопли отчаянія, стоны конечнаго отверженія, ропотъ гордости нечеловѣческой, въ случаяхъ исключительныхъ. Обычно же малодушіе пока еще не вполне отверженнаго челоѣчества обращаетъ свои стоны горя, свои болѣзненные вопли почти всегда къ высшимъ горнимъ силамъ, посылаетъ свои вздохи къ небу въ чаяніи или даже безъ твердой надежды избавленія оттуда. А въ душахъ незаглохшихъ эти вопли рвутся прямо къ Богу небесному: живъ Богъ, жива душа моя! И на оборотъ, жива во мнѣ душа моя,—долженъ же быть и живой Богъ. Боже, заступи и спаси и помилуй. Обычно, ударами бѣдъ и напастей Промыслъ сокрушаетъ грѣшныхъ, но не ожесточенныхъ людей, какъ пахарь на гумнѣ молотитъ пшеницу, чтобы отдѣлить отъ нея плевую, которую огнемъ искушенія тутъ же и сожигаетъ, чтобы чистую пшеницу собрать и сберечь для житницы небесной.

А почему народъ, отступая отъ Бога, вмѣстѣ съ тѣмъ удаляется и отъ благосостоянія своего, это также психическій законъ, непреложный законъ исторіи. Конечно, съ наибольшимъ смысломъ пророкъ Моисей выражается, что Израиль, оставивъ Бога, сотворшаго его, вмѣстѣ съ тѣмъ

презрѣлъ и твердыню спасенія своего. Богъ—твердыня спасенія челоѣка, твердыня спасенія народа, твердыня спасенія отъ враговъ невидимыхъ и видимыхъ. Не станемъ разъяснять предметъ таинственный, что Богъ—твердыня спасенія людей отъ враговъ невидимыхъ, каковы духи злобы въ поднебесной. Но вотъ что явно, что Богъ есть твердыня спасенія людей и народовъ и отъ видимыхъ враговъ. Станемъ на ту же библейскую точку зрѣнія религіи какъ за вѣта, договора, союза челоѣка съ Богомъ. Чувство религіи, какъ союза челоѣка съ Богомъ, принимая олицетвореніе въ видѣ религіи положительной, связываетъ челоѣка не только съ Богомъ, но и съ другими людьми, образуя общество людей единовѣрныхъ, образуя въ христіанствѣ единую церковь, а во всѣхъ цивилизованныхъ народахъ единое отечество. Посмотрите же назадъ и около. На всемъ пространствѣ міра и исторіи, никакая связь не соединяла народы такъ крѣпко, какъ связь единой вѣры, пока самая вѣра крѣпка. Дальше. Единая вѣра дѣлаетъ каждаго другаго единовѣрца для меня братомъ, единую церковь или единое отечество дѣлаетъ для меня матерью, единого Бога единымъ общимъ небеснымъ Отцемъ. Поэтому, когда видимый врагъ угрожаетъ моему брату единовѣрцу, особенно когда угрожаетъ единой матери—породившей меня церкви, породившему меня отечеству, когда посягаетъ на славу общаго нашего Отца небеснаго, на святую вѣру, на честь и жизнь Божія помазанника, высшаго представителя богочестной власти на землѣ,—о, тогда я, какъ и всякій другой единовѣрный мнѣ братъ, какъ и всѣ мы, чада церкви и отечества, тогда мы готовы презрѣть тысячи смертей. Отсюда безстрашіе мучениковъ. Отсюда патристическое самоотверженіе. Отсюда геройство въ бояхъ. Воспламененный этимъ духомъ герой, дѣйствительно, одинъ можетъ преслѣ-

довать тысячу враговъ, а два героя прогонять два десятка тысячъ. Вспомнимъ Леонида спартанскаго, который съ тремя стами сподвижниковъ бился съ несмѣтными полчищами Ксеркса. Вспомнимъ Римлянъ, которые не считали враговъ отечества, а спрашивали, гдѣ они. Пока крѣпокъ былъ въ Греціи и Римѣ религіозный духъ отцовъ, Греки побили полчища всей Азіи, Римляне покорили весь міръ. Но когда палъ этотъ духъ, — тогда ни мудрость Греціи, ни крѣпкій государственный строй Рима, ни всемогущая власть римскихъ цезарей не спасли древнюю цивилизацію отъ разгрома. Вспомнимъ христіанскихъ мучениковъ, которые побѣдили міръ только тѣмъ, что безропотно облили его собственной кровію. Вспомнимъ тысячи леонидовъ спартанскихъ, сотни тысячъ мучениковъ и въ нашемъ русскомъ отечествѣ, которые, презирая смерть, не считая враговъ, самоотверженно устилая своими трупами все громадное пространство не только своего отечества, но и сосѣднихъ съ нимъ странъ, тысячекратно отстояли жизнь и честь отечества отъ стократно надвигавшихся на него несмѣтныхъ вражескихъ полчищъ. Безспорно, что единственно вѣра, скрѣпляя русскій народъ въ единое отечество, спасла бытіе его въ вѣка удѣльныхъ погромовъ. Безспорно, что единственно вѣра, подкрѣпляя терпѣніе, возбуждая самоотверженіе народа, спасла бытіе отечества отъ разгрома татарскаго. Безспорно же, что единственно таже вѣра народа спасла бытіе отечества и въ эпоху страшной смуты, воздвигнутой самозванцами. Да, Богъ дѣйствительно твердыня спасенія народа, и отступая отъ Бога вмѣстѣ съ тѣмъ мы отступаемъ и отъ твердыни общенароднаго благоденствія.

Теперь послѣднее слово о томъ, что и мы русскіе въ

благополучіи отступаемъ отъ Бога, а въ злополучіи вспоминаемъ о Богѣ. Будемъ говорить только о томъ, что видѣли мы сами, что видѣло еще живое поколѣніе. Мы сами пережили и переживаемъ уже нѣсколько подъемовъ народнаго духа, и теперь, именно въ эти самые дни, переживаемъ критическую фазу упадка. Со времени великаго императора Петра I и особенно со времени великой Екатерины, русскіе люди стали кланяться богамъ чужимъ, Ваалу, богу свѣта европейскаго знанія, и Астартѣ, богинѣ разума и чувственныхъ утѣхъ. И вышло, что къ половинѣ царствованія Александра благословеннаго тѣхъ, о ихъ же ревнованіи наставленіихъ, тѣхъ безбожныхъ французовъ, предъ которыми преклонялись, сихъ мы имѣхомъ враговъ буиныхъ и звѣроравныхъ. И зарево московскаго пожара освѣтило кругомъ густоту мрака распространявшагося по Руси невѣрія. Вотъ это первый на памяти живущаго поколѣнія высокій подъемъ на Руси упавшаго было религіознаго духа, и подъемъ послѣ такой погибельной грозы, что онъ продержался почти на одномъ уровнѣ чрезъ два царствованія. Припомните, кто помнитъ, какъ храмы полны были молящимися во время опустошительной холеры послѣднихъ 40-хъ годовъ, во время изнурительной восточно-крымской войны, во дни нежданной кончины императора Николая I и севастопольскаго погрома первыхъ 50-хъ годовъ. Но вспомните, что далѣе случилось съ святою Русью, когда Богъ упокоилъ насъ, хоть и не особенно радостнымъ, но желаннымъ миромъ, послѣ севастопольскаго погрома. Вспомните, сколькими міриадами ручьевъ и ручейковъ потекло къ намъ изъ за границы нечестивое словоизверженіе, распространяя мглу антипатріотическихъ стремленій къ концу 50-хъ и началу 60-хъ годовъ. Затѣмъ нелѣпая польская смута, которой сперва сочувствовали многіе и изъ русскихъ, когда погромъ отече-

ства висѣлъ на волосѣ, начинала отрезвлять, а молнія почти изъ яснаго неба и страшный громовой раскатъ сатанинскаго выстрѣла 4-го апрѣля 1866 г. сперва ошеломили, а затѣмъ заставилъ опомниться всѣхъ и все. И какой сразу подъемъ повидимому религіознаго духа вездѣ,—боюсь сказать, подъемъ фарисейства. Даже московскіе студенты поднимали Иверскую икону для молебствія и ходили пѣть многая лѣта подъ окна великаго гражданина, мужественнаго ротоборца, который поднимаетъ гласъ свой яко трубу въ защиту свято-отеческихъ старорусскихъ преданій и въ обличеніе ново-надвигающагося антипатріотическаго нечестія. Настроили часовень, которыя цѣлые годы стояли закрытыми, кромѣ всегда для всѣхъ открытой часовни лѣтняго сада, въ которую не преставали притекать съ молитвою труждающіяся и обремененныя тяготою жизни души, начиная съ самаго богобоязненнаго многоискушеннаго житейскими бурями Вѣнценосца Россіи. Стали было тяготиться совершеніемъ установленнаго молебствія 4-го апрѣля,—вѣдь оно напоминало всѣмъ такую оскорбительную для всѣхъ минуточку нашей исторической жизни. Вотъ новая гроза, новая восточная война, и новый даже небывалый подъемъ народнаго благочестія. Небывалое на Руси дѣло! И быть можетъ теперь не повѣрили бы, еслибъ это не было былью въ очію нашу: тысячи народа, предводимыя народными вожаками, на площадяхъ, въ вокзалахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, пѣли царскій тропарь: Спаси Господи люди твоя, и другія молитвы. Замѣчено, что даже такъ называемые нигилисты геройски сражались,—даже нигилистки одѣлись знакомъ краснаго креста и самоотверженно, даже до смерти, служили воинамъ, проливающимъ кровь за вѣру, царя и отечество. Благоговѣніе къ Помазаннику Божію dorosло до официально провозглашаемаго обожанія,—недобровѣщее зна-

меніе. И сряду же за тѣмъ рука антихриста дѣлаетъ свои сатанинскіе выстрѣлы въ Помазанника Божія на второй день свѣтлыя Пасхи, поднося смертельныя пули вмѣсто краснаго яйца, поднося смерть вмѣсто привѣтствія: Христосъ воскресъ. Это хуже Іудина лобзанія... И впервые все-народно на Руси мы слышали исповѣдь этого не успѣваго убить себя смертоубійцы передъ смертію, что онъ безисповѣдникъ, что онъ не принадлежитъ ни къ какому исповѣданію, что онъ отрицаетъ всякую религію. И сряду же затѣмъ адскія покушенія 19-го ноябрю и 5-го февраля. И мы, въ ужасѣ изумленія разставивъ руки, спрашиваемъ, какъ апостолы на тайной вечери: не я ли, Господи? А вѣдь и самъ Іуда также спрашивалъ: не я ли, Господи? Да и не разбѣжаться бы намъ по пророчеству: *поражу пастыря и разыдутся овцы стада*. Не сбылось бы надъ нами и другое слово Христово: *се сатана проситъ, дабы попущено ему было распять насъ, яко пшеницу*. Вотъ изъ внѣшнихъ вражескихъ становъ раздаются вопли вражды, готовый разтерзать насъ на части. А внутри стелется повальная зараза невѣрія и дурныхъ помысловъ. Тамъ рисуемся кощунствомъ,—неслыханное дѣло,—закуривая папиросы въ церкви. Тамъ фетируемъ сознательное самоубійство. Тамъ оправдываемъ легкомысленныя убійства, и безвинно сваливаемъ вину на новоизмышленные аффекты и на умоизступленіе,—какъ будто всенародный кощунъ, самоубійца и убійца могутъ не быть въ аффектѣ и въ умоизступленіи, даже въ нѣкоторомъ размягченіи мозга. А сами шутимъ и смѣемся, какъ это такъ вышло. Ушии русскій народъ кощунству, самоубійству и убійству... Боже, коротка у насъ память! Забываемъ, что роковое 4-е апрѣля имѣло столь неожиданныя, столь поразительныя, столь зловѣщія повторенія.

Дажь намъ, Господи, память сего страшнаго твоего по-

сѣщенія тверду и непрестанну имѣти въ себѣ, яко да въ Тебѣ утверждени сыновнимъ страхомъ вѣрою и любовію, и твоею крѣпостію ограждени выну, якоже днесъ, поемъ и славословимъ имя святое твое. Дай намъ, Господи, помнитъ и не забывать, что Ты твердыня нашего спасенія,— что измѣняя Тебѣ, мы измѣняемъ собственному нашему счастью. Аминь.

1880 г.

ПОУЧЕНІЕ

на вечернѣ въ великій пятокъ.

Бездну заключивый мертвъ зрится и, смирною и плащаницею обвився, во гробъ полагается, яко смертный, безсмертный. Жены же придоша помазати Его мромъ, плачущія горько и вопіющія: сія суббота есть преблагословенная, въ нейже Христосъ уснувъ воскреснетъ тридневъ.

Кондакъ великой субботы.

Богослуженіе, которое мы совершаемъ въ эти священные минуты, сія вечерня святого и великаго пятка, съ повечеріемъ, принадлежитъ уже собственно дню не великаго пятка, а великой субботы. Богослуженіе великаго пятка, начавшись вечернею великаго четвертка, за которою слѣдовала литургія, продолжившись повечеріемъ и утренею послѣдованія святыхъ и спасительныхъ страстей Господа нашего Іисуса Христа, завершилось богослуженіемъ часовъ великаго пятка; а съ отпустомъ девятого часа, въ онъже Сынъ Божій насъ ради плотію смерть вкусилъ, богослужебный день святого и великаго пятка, по уставу церкви, кончился. Теперь, по уставу церкви, по уставу не только ветхозавѣтной Моисеевой, но и первобытной патриархальной

древности, начался уже день великой субботы; такъ какъ по исконному счету древности день начинался не съ полночи, какъ у насъ, а съ вечера, согласно первозданному началу дней въ порядкѣ творенія міра, какъ и самаго времени: *и бысть въ началѣ вечеръ и бысть утро, день одинъ, день первый*; а затѣмъ снова *бысть вечеръ и бысть утро— день второй* и т. д. до нашихъ дней, до отшествія въ бездну вѣчности нынѣшняго великаго пятка и до настоящаго наступленія сей великой субботы. И если великій четвертокъ есть день приготовленія Христа жрети послѣднюю пасху со ученики своими: то собственно великій пяттокъ есть день тайныя вечери, и умовенія ногъ, и молитвеннаго подвига въ саду Геосиманскомъ, и всего ряда страстей, и распятія Господа нашего и крестной смерти. А сія преблагословенная суббота есть день погребенія божественнаго Страдальца и великосубботняго покоя Его во гробѣ плотски, какъ и сошествія во адъ съ душою и великой борьбы Его тамъ съ адскою силою.

Можно сказать, что весь чинъ совершаемаго нами богослуженія этого великаго дня есть не иное что, какъ чинопослѣдованіе погребенія Господа нашего Іисуса Христа. Не воспоминаніе только, а самое чинопослѣдованіе, продолженіе, восполненіе и завершеніе чина погребенія, который начатъ еще во дни оны благообразнымъ Іосифомъ съ Никодимомъ. Нужно постигать и помнить, что Господь Іисусъ Христосъ, какъ Богочеловѣкъ, соединивъ въ своей чюстаси божеское естество съ человѣческимъ, непостижимымъ образомъ приобщилъ вѣчныя свойства своего божества своему человѣческому естеству, какъ и его дѣйствіямъ. Онъ умеръ на крестѣ единожды, но смерть Его объяла вѣчность. Онъ погребенъ во гробѣ единожды, но покой Его во гробѣ простерся на всю безконечность. Онъ отпѣтъ при погребеніи,

повить плащаницею съ ароматами, повить погребальными молитвами и пѣснями единожды, но на вѣчное днесъ. Его смерть и погребеніе объемлютъ вѣчное днесъ тѣмъ болѣе, тѣмъ постижимѣе для насъ, что Онъ и до нынѣ распинается нами и распинается въ насъ; Онъ и до нынѣ спогребается съ нами, какъ и мы спогребаемся съ Нимъ въ Его смерти. А спогребаемый съ нами и до нынѣ, Онъ, какъ первенецъ изъ мертвыхъ, и отпѣвается нами въ священнолѣпномъ чинопослѣдованіи погребальныхъ священнодѣйствій, пѣсней и молитвъ. Въ этомъ отношеніи мы оказываемся участниками, продолжателями, дополнителями, завершителями священнодѣйствія погребенія Господа нашего, которое и совершено для своего времени и начато для всѣхъ временъ первоначальниками нашего священно-погребальнаго лика, благообразнымъ Іосифомъ и Никодимомъ, преблагословенною Богоматерію и женами муриносицами, святыми апостолами, какъ и другими первоначальными послѣдователями Христа погребяемаго, каковы были другъ Господень Лазарь, Симонъ Кириинейскій, Логгинъ сотникъ и другіе.

По тѣснотѣ времени и обстоятельствъ эти первоначальные совершители погребенія Христова не могли выполнить до подробностей наружный обрядъ погребальнаго чина, выполнить такъ, со всѣмъ тѣмъ раскрытіемъ мыслей и чувствъ, какъ это изображается въ нашихъ священныхъ пѣсняхъ. Догматическій смыслъ своего дѣла они и не представляли себѣ такъ ясно, какъ представляется оно теперь намъ. Всѣ они, за исключеніемъ только преблагословенной Богоматери, которая съ смиренною богохранимою вѣрою слагала всѣ глаголы сіи въ сердцѣ своемъ,— всѣ они объаты были тогда мракомъ не только личной скорби и личнаго ужаса за себя, но скорби и міровой, но ужаса и за весь міръ, за все человѣчество. По пораженіи божественнаго пастыря, это ма-

лое стадо разбѣжалось и разсѣялось тогда не только тѣлесно, но и душевно. Не только ноги его, но и помыслы уносили его невѣдомо куда, лишь бы только спастись отъ ужаса, гонящагося по пятамъ. А въ этомъ маломъ стадѣ заключалась тогда вся церковь Христова. Оно хоронило тогда не свою только надежду, но надежду человѣчества. Опуская Христа во гробъ, оно оплакивало тогда высшую утѣху не свою только, но утѣху и всего Израиля. Оно заваливало во гробъ камнемъ свою вѣру, свой лучезарнѣйшій идеалъ, свою высшую привязанность, крѣчайшую основу своей любви къ Богу, и не свою только, но возрождавшуюся вѣру въ Промыслъ, надежду и любовь къ Богу всего человѣческаго рода. Вы только подумайте, что стало бы съ нашимъ бѣднымъ міромъ, если бы все это тогда же было похоронено со Христомъ во гробъ навсегда?! Да все это и было погребено со Христомъ во гробъ. Но съ Нимъ же и не умерло всецѣло, съ Нимъ же и воскресло. Живое сѣмя Слова Божія, живое зерно вѣры, надежды и любви ко Христу, какъ Богу, временно въ эти дни тяжело подавленное ужасомъ Его страстей, въ сердцахъ малаго тогда числомъ, но великаго небесною охраною стада Христова, всецѣло тогда не умерло, а по тріехъ днехъ и воскресло, въ день свѣтлаго Христова воскресенія, и растетъ и развивается въ церкви Христовой даже до днесь. Въ этомъ богохранимомъ маломъ зернѣ церкви апостольской, современной Христу, было зерно развитія церкви всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ, всѣхъ чаяній церкви, всего ея смысла, всѣхъ надеждъ. Потому-то всѣ чувства, всѣ мысли, какія приписываются нынѣ церковію въ погребальныхъ чтеніяхъ, молитвахъ и пѣсняхъ, первымъ погребателямъ Христовымъ, въ душахъ ихъ дѣйствительно были. Были, хотя и не въ полномъ развитіи, за то въ полнोजизненномъ

зернѣ живой вѣры во Христа, которая развивается въ церкви Божіей до днесь, и будетъ развиваться до скончанія вѣковъ. Такъ что изображаемая въ нынѣшнемъ нашемъ священнодѣйствіи мысли и чувства первыхъ погребателей Христовыхъ—это не поэзія только церкви, но дѣйствительная быль; быль, конечно не слабо изображаемая въ церковномъ чинопослѣдованіи, но нами безъ сомнѣнія слабо, поверхностно, холодно постигаемая. И наше нынѣшнее священнодѣйствіе не есть только священная обрядность, назидательное лицедѣйствіе, не есть даже одно только воспоминаніе, но повторимъ—есть дѣйствительное участіе въ чинопослѣдованіи погребенія Христова, есть продолженіе, восполненіе и завершеніе погребальнаго священнодѣйствія, совершеннаго первыми чиноначальниками погребенія Христова, благообразнымъ Іосифомъ съ Никодимомъ, св. женами мироносицами, съ пресвятою Дѣвой Богоматерью, святыми апостолами и съ прочимъ ликомъ первыхъ послѣдователей Христа, непосредственныхъ свидѣтелей и участниковъ Его страстей, смерти и погребенія.

Помните же, что все богослуженіе сего великаго дня есть чинопослѣдованіе погребенія Господа нашего Иисуса Христа. Знайте также и то, что оно ли составлено, согласно исконному апостольскому преданію, по образу чинопослѣдованія христіанскаго погребенія каждаго изъ насъ; сіе ли послѣднее, чинопослѣдованіе погребенія каждаго христіанина, составлено по образу чинопослѣдованія погребенія Христова. Но составъ того и другаго погребенія одинъ и тотъ же, по крайней мѣрѣ, очень сходенъ. Полное чинопослѣдованіе погребенія каждаго изъ насъ состоитъ изъ заупокойной всенощной, или панихиды, состоящей изъ вечерни и утрени, затѣмъ изъ выноса, заупокойной литургіи, послѣдняго отпѣванья, расположеннаго опять же по чину

утрени, и проводовъ до могилы. По тому же чину расположено чинопослѣдованіе и Христова погребенія. Вотъ это богослуженіе, которое совершаемъ мы въ эти минуты, есть погребальная вечерня. За нею послѣдуетъ, утру глубоку, великосубботняя утрени, что въ совокупности съ вечернею составляетъ полную парихиду, погребальную все-нощную. А затѣмъ далѣе совершается надъ гробомъ почившаго Христа Спаса великосубботняя поминальная литургія, которая переходитъ уже въ предпразднество свѣтлаго Христова воскресенія.

Вотъ я и предположилъ ввести васъ и себя, по мѣрѣ моихъ и вашихъ силъ, по мѣрѣ общаго нашего постиженія, въ смыслъ и духъ сего великосубботняго священнодѣйствія погребенія Христова.

Богослуженіе сей вечерни ставитъ насъ у креста Христова. И мы зримъ и чувствуемъ, какъ вся тварь всколебалась страхомъ, зрящи на крестъ висима Христа; какъ солнце омрачашеся и земли основанія колебахуся и вся сострадаху создавшемуся. Вотъ непорочная Дѣва, зрящи на крестъ возвышаема Сына своего, уязвляясь сердцемъ горько, болѣзненно стонетъ изъ глубины души: увѣ, божественное чадо! Увѣ, свѣте міра, что зашелъ еси отъ очей моихъ, Агнче Божій?! Видя страшное и преславное таинство: какъ неосязаемый удерживается, вяжется разрѣшай Адама отъ клятвы, испытуй сердца и утробы неправедно испытывается, въ темницѣ затворяется затворивый бездну морскую, на крестъ осуждается судяй живымъ и мертвымъ, во гробъ заключается разоритель ада, видя свѣтъ тихій святыхъ славы безсмертнаго Отца небснаго, святаго, блаженнаго, страдальчески зашедшій во гробъ, мы поемъ святую Троицу, тако благоволившую. Прислушиваясь затѣмъ къ париміямъ, зримъ вѣчно сущаго Іегову Бога,

являющаго на горѣ Синаѣ слѣды своей славы, елико могъ вмѣстити совершеннѣйшій изъ людей смертныхъ боговидѣцъ Моисей,—того самаго вѣчно сущаго преславнаго Іегову Бога, который теперь предлежитъ очамъ нашимъ бездыханенъ, безславенъ; зримъ прообразъ прославленнаго Страдальца Христа въ праведномъ Іовѣ многострадальномъ, который по страданіяхъ своихъ получилъ отъ Бога награду сторицею; видимъ вмѣстѣ съ пророкомъ Исаіею возлюбленнаго отрока Божія, великаго Страдальца, видъ котораго обезславленъ отъ человѣкъ,—который язвенъ былъ за грѣхи наши и мученъ за беззаконія наши,—которому назначали гробъ со злодѣями, но погребли во гробъ новъ у богатаго,—котораго душа приноситъ жертву умилоствленія за всѣхъ. По окончаніи чтеній ветхозавѣтныхъ, св. апостолъ Павелъ проповѣдуетъ намъ Христа распятаго, для невѣрныхъ Іудеевъ соблазнъ, для лжемудрыхъ Эллиновъ безуміе, а для насъ званнаго въ царство Божіе Христа, Божію силу и Божію премудрость. За св. апостоломъ Павломъ, всѣ въ совокупности святыя евангелисты, въ нынѣ чтенномъ евангеліи, проводятъ предъ нами все страшное зрѣлище окончательнаго сужденія Христа на смерть и предсмертнаго истязанія Его, распятія и смерти, снятія со креста и погребенія, до момента, когда благообразный Іосифъ, положивъ Страдальца въ новѣмъ своемъ гробѣ и возваливъ камень велій надъ двери гроба, отыде, и какъ остались на мѣстѣ погребенія Христова только наиболѣе самоотверженно преданныя почившему Страдальцу души, Марія Магдалина, да другая Марія, въ которой усматриваютъ пречистую Марію Богоматерь, сѣдяще прямо противъ гроба. Когда приближается минута священнодѣйствія, изображающаго снятіе умершаго Іисуса со креста, въ погребальной священной пѣсни изображается Іосифъ, вмѣстѣ съ Никодимомъ, какъ онъ, снявъ

Господа, одѣющагося свѣтомъ, яко ризою, и видя Его мерт-
ва, нага, непогребенна, плачетъ благосерднымъ плачемъ и
рыдая недоумѣваетъ, какъ погребать божественнаго Мерт-
веца, какою плащаницею обвить Его, какими руками при-
коснуться нетлѣнному Его тѣлу, какія пѣсни воспѣть мерт-
венному Его исходу? Приступая къ священнодѣйствию сня-
тія почившаго Христа съ креста, мы поемъ или чтемъ пред-
смертную пѣснь святаго и праведнаго Симеона богопріимца,
предрекшаго пречистой Богоматери сей самый страшный
часъ, когда душу ея прошло смертоносное оружіе, а далѣе
трисвятую пѣснь и молитву Господню, какъ это обычно
поется надъ всякимъ износимымъ изъ дома покойникомъ;
затѣмъ окадивъ многократно благовоніемъ кадила образъ
опочившаго Спаса нашего и воспѣвъ въ праздничной пѣс-
ни, какъ благообразный Іосифъ съ древа снемъ пречистое
тѣло Христово, плащаницею чистою обвивъ и вонями во
гробѣ новѣ покрывъ положи, мы подъемлемъ Страдальца
Христа, въ образѣ плащаницы, и износимъ на поклоненіе
вѣрнымъ, продолжая священнодѣйствіе Іосифа и Никодима,
которые, снявъ Іисуса съ дерева крестнаго, понесли съ вер-
шины Голгофы въ садъ, который былъ на томъ мѣстѣ,
гдѣ Господь былъ распятъ, а въ саду гробъ новый, въ ко-
торомъ еще никто не былъ положенъ. Такъ помните же,
что совершаемое нами перенесеніе плащаницы изображаетъ
снятіе Господне со креста и несеніе съ вершины Голгофы
въ находившійся тутъ же на скатѣ Голгофы садъ ко гробу,
гдѣ Христосъ былъ погребенъ. Это соотвѣтствуетъ выносу
каждаго христіанина-покойника изъ дома въ церковь для
последняго отпѣванія.

Въ повечеріи сего вечера поется канонъ о распятіи
Господни, въ прмесахъ тотъ самый канонъ, который поется
надъ погребаемымъ міряниномъ, хотя и съ другими, при-

личными распятію Христову стихами, напоминая намъ, какъ
Израиль, пѣшествовавъ своими стопами по безднѣ, яко по
суху, и видя гонителя фараона потопляема вопіалъ:
воспоимъ Богу побѣдную пѣснь, совершая и прообра-
зуя священную пасху, переходъ отъ смерти къ животу,
отъ работы египетскія въ землю обѣтованія. А въ стихахъ
канона святая церковь изображаетъ плачъ пресвятыя Бого-
родицы надъ Сыномъ замученнымъ, приглашая насъ, чтобы
мы всѣ пришли воспѣть насъ ради распятаго, котораго бого-
отроковица Марія видя на древѣ повѣшена, глаголаше: аще
и распятіе терпиши, Ты еси Сынъ и Богъ мой.

Такъ какъ сія великая вечерня оканчивается поздно, а
великосуботняя утренняя должна начинаться утру глубоку,
по уставу церковному, скоро послѣ полуночи, съ нашего
перваго часа, то все это вечернее и утреннее, съ необходи-
мымъ для тѣлеснаго отдыха перевывомъ, богослуженіе въ
своей совокупности и составляетъ настоящую древле-хри-
стіанскую панихиду, поминальное всенощное бдѣніе. Ве-
ликосуботняя утренняя и составляетъ настоящее послѣднее от-
пѣваніе опочившаго сномъ смерти Богочеловѣка. Оно посвя-
щается особенно прославленію сошествія Христа во адъ, ког-
да Онъ, животь безсмертный, снишелъ къ смерти и, умерт-
вивъ адъ блистаніемъ своего божества, воскресилъ всѣхъ
умершихъ отъ вѣка и возставилъ отъ преисподней. Тутъ
мы поемъ надъ первенцемъ изъ мертвыхъ, почившихъ Бого-
человѣкомъ, тотъ же мертвенный псаломъ, какой поется и
надъ всякимъ почившимъ христіаниномъ: *благословенъ еси,
Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ. Блаженъ непо-
рочный въ пути, ходящій въ законъ Господнемъ.* А въ при-
лагаемыхъ къ сему мертвенному псалму стихахъ воспѣва-
емъ Христа, какъ Онъ, будучи сама жизнь, полагашеся во
гробѣ, и ангельская воинства ужасашеся, славяще Его сни-

схождение. Величаемъ Иисуса Царя, и погребеніе и страда-
нія Его, имиже Онъ спасъ насъ отъ ислѣнія. Величаемъ
Жизнодавца, на крестѣ рудѣ простершаго и сокрушившаго
державу вражію. Величаемъ вѣхъ Зиждителя, егоже стра-
даніями мы получили безстрастіе, избавльшеся тлѣнія, ко-
торый, уснувъ естественно-животнымъ сномъ во гробѣ, отъ
тяжкаго сна грѣховнаго воздвигъ весь родъ человѣческій, —
призывая всѣ роды принести пѣснь погребенію Христа Бога
нашего и взывая ко всей твари: гряди вся тварь, пѣсни
исходныя принесемъ Зиждителю, моля Его даровать миръ
церкви, людямъ Его спасеніе возстаніемъ своимъ. — моля
Троицу, Бога нашего, Отца, Сына и Духа, помиловать миръ,
ради великой крестной умиловительной жертвы, — моля и
пречистую Дѣву Богоматерь, чтобъ Она сподобила рабовъ
своихъ видѣти воскресеніе Сына своего, видѣти и нынѣ на
землѣ въ свѣтломъ праздникѣ воскресенія Христова, и на
небѣ по страшномъ часѣ воскресенія всеобщаго. Затѣмъ
поется второй погребальный канонъ, который поется надъ
почившими архіереями и іереями, вспоминая, какъ Того, кто
волною морскою покрылъ древле гонителя мучителя фара-
она, нынѣ потомки спасенныхъ Израильтянъ скрыли подъ
землею; но мы, какъ израильскія отроковицы, предводимыя
сестрою Моисея и Аарона, поимъ Господу: славно бо про-
славися. Поемъ исходное пѣніе, надгробную пѣснь Господу
Богу нашему, погребеніемъ своимъ входы нашей жизни от-
верзшему и своею смертію смерть и адъ умертвившему.
Предъ очами нашими зрится мертвъ, кто въ началѣ заклю-
чилъ бездну морскую, а нынѣ заключаетъ бездну адскую,
и обвившись плащаницею со смиренною, лежитъ во гробѣ без-
смертный, яко смертный, котораго жены мѣроносицы идутъ
помазать мѣромъ, горько рыдая и вопія: сія суббота есть
преблагословенная, въ нейже Христосъ упокоился сномъ

смертнымъ, — день, который тайно прообразовалъ великій Моу-
сей, глаголя: и благослови Богъ день седьмый. Сія бо есть
благословенная суббота — покой! Сей есть упокоенія день,
въ онъже почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ единородный Сынъ
Божій, упокоившись плотію во гробѣ. Съ разсвѣтомъ утра
великой субботы, съ восшествіемъ солнца на небѣ, воз-
гласивъ славу показавшему намъ свѣтъ, славу въ выш-
нихъ Богу, мы возносимъ образъ Христа умершаго къ пре-
столу Господню, въ воспоминаніе того, что въ днешній день,
будучи во гробѣ плотски, во адѣ же съ душею, яко Богъ,
Онъ былъ и въ раю съ разбойникомъ покаявшимся, и на
престолѣ съ Богомъ Отцемъ, все собою наполняя, какъ не-
описанный и безпредѣльный. А затѣмъ при погребальномъ
перезвонѣ обносимъ кругомъ церкви, какъ обносятся всѣ
священно — іереи и архіереи, провожая почившаго Пастыре-
начальника нашего трисвятою пѣснію, какъ провожаемъ къ
последнему покоищу и всѣхъ мірянъ, сопутствуя Іосифу съ
Никодимомъ въ последнемъ несеніи ими, по окончательномъ
приготовленіи къ вѣчному покою, почившаго божественнаго
Страдальца къ самому устью гроба въ гробовомъ саду, у
подножія Голгофы, на самое ложе смерти. По совершеніи
сего послѣдняго пренесенія, мы слышимъ пророка Іезекііля,
какъ рука Господня поставила его среди поля, полного вос-
кресающихъ костей человѣческихъ, и слышимъ изъ его про-
роческихъ устъ слово Господа: *се азъ отверзу гробы ваши*
и изведу васъ изъ гробовъ вашихъ, людие мои. Слышимъ апо-
стола Павла, объясняющаго намъ, что малая закваска ква-
ситъ все смѣшеніе, и приглашающаго, чтобы мы были но-
вымъ смѣшеніемъ, которое оживить, по видимому, малая за-
кваска, это — умершій и воскресшій Христосъ Богъ, который
за насъ закланъ былъ, искупивъ насъ отъ несконной клят-
вы, ставъ самъ за насъ клятвою и нашею великою насхою —

тайнственнымъ восхожденіемъ отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеси. Вмѣстѣ съ святымъ евангелистомъ Матѳеемъ видимъ злокозненную суету архіереевъ и фарисеевъ, которые въ утро сего самаго дня, что по пяткѣ, собираются къ Пилату и вспоминая, что лстецъ оный, еще живъ сый говорилъ: по тріехъ дняхъ возстану, просятъ Пилата охранять гробъ замученнаго ими Господа до третьяго дня, чтобъ ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу: воскресъ изъ мертвыхъ, и, съ разрѣшенія Пилата, идутъ въ гробовой садъ, ставятъ у гроба стражу и прикладываютъ къ гробовому камню печать. По отсутствіи священнодѣйствія погребенія Христова ублаживъ Іосифа принопамятнаго, въ нощи къ Пилату пришедшаго и Живота всеѣмъ испросившаго для погребенія, мы поклоняемся стра-темъ Христовымъ и лобызаемъ смертныя язвы Спаса на-шего, лежащаго во гробѣ, какъ лобызали ихъ, погребая Его, и Іосифъ съ Никодимомъ. Такъ оканчивается великосуббот-нее священнодѣйствіе погребенія Христова. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

въ великую субботу.

Пождите здѣ и бдите со Мною. Мат. 26, 28.

Побдите у гроба моего,—проситъ насъ самъ почившій во гробѣ, труждающійся въ борьбѣ со смертію Христосъ,— въ чаяніи моего всерадостнаго побѣднаго возстанія.

Погребальная, можно сказать, поминальная литургія надъ гробомъ Христа Бога нашего совершается уже въ вечеръ великія субботы, соединяясь съ вечернею. Хотя она, по уставу церковному, относится уже къ слѣдующему свѣтлому дню свѣтлаго воскресенія Христова, тѣмъ не менѣе она завершаетъ собою священнодѣйствіе погребенія Христова, составляя пока только предпраздненство и предначиная самый праздникоу праздникоу святыя пасхи. Здѣсь въ пѣсняхъ церковныхъ, принося наши вечернія молитвы святому Господу нашему, единому явившему въ мірѣ воскресеніе, мы слышимъ, какъ адъ степи днесь вопіетъ: разрушился моя держава, пріяхъ мертваго, яко единого отъ умершихъ, но и сего удержати не могу, и лишаюсь всѣхъ, надъ кѣмъ я царствовалъ отъ вѣка; опустошаетъ гробы распятый, и заключенный во гробъ всѣхъ мертвецовъ воздвизаетъ. Затѣмъ въ великомъ чтеніи паримій предносятся предъ очами нашими живыя картины всего домостроительства нашего спасенія, всѣ

важнѣйшіе моменты ветхозавѣтной исторіи, бывшіе прообразами величайшаго, священнѣйшаго торжества торжествъ, свѣтлаго воскресенія обѣтованнаго Икупителя. Вотъ Богъ Слово, почивающій нынѣ во гробѣ, предъ очами нашими носится надъ первобытнымъ хаосомъ, какъ творецъ міра. Вотъ Исаія пророкъ вопіетъ: свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме, слава бо Господня на тебѣ всія; возведи окрестъ очи твоя, Сіоне, и виждь, се бо придоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, собранная отъсюду чаша твоя въ радость вѣчную, веселіе родомъ родовъ. Вотъ Израиль въ Египтѣ празднуетъ первую пасху, закалая, на вертелѣ испекая и снѣдая съ опрѣсноками и горькимъ зеліемъ пасхальнаго агнца. Вотъ пророкъ Іона, въ тридневномъ пребываніи во чревѣ китовомъ, вопія въ скорби своей ко Господу Богу своему, да изыдетъ животъ его отъ истлѣнія къ живому Богу, исповѣдуются Ему гласомъ хваленія. Вотъ Израиль празднуетъ Господу первую пасху, по исходѣ изъ Египта, въ землѣ обѣтованной, подъ охраною архистратига силы Господней, Ангела завѣта, Сына Божія, почивающаго нынѣ во гробѣ. Вотъ Израиль, подъ водительство Мовсея, совершаетъ пасху—переходъ чрезъ море чермное, изъ Египта въ землю обѣтованную, отъ смерти къ жизни, отъ рабства въ свободу чадъ Божіихъ; а гонитель Израіля фараонъ погрязаетъ въ пучинѣ морстѣй, и дочери Израіля, подъ водительство Маріамъ, сестры Мовсея и Аарона, съ ликами и тимпанами, славятъ Бога жизнедавца, а вмѣстѣ съ ними и наши лики восклицаютъ гласомъ радованія: поимъ Господеву, славно бо прославися. Чрезъ пророка Софонію глаголетъ намъ Господь: пождите Меня до дня воскресенія моего, и тогда радуйся, дочь Сіона, зѣло! Торжествуй теперь, Израиль! веселись и ликуй отъ всего сердца твоего, дочь новаго Іерусалима! Да возрадуется душа моя о Господѣ,—во-

пѣетъ пророкъ Исаія въ восторгѣ предвидѣнія свѣтлаго дня воскресенія,—облече бо мя Господь въ ризу спасенія, и одеждою веселія одѣя мя, яко на жениха возложилъ на меня вѣнецъ, и яко невѣсту украсилъ меня красотою; и будетъ, яко радуется женихъ о невѣстѣ, тако возрадуется тогда Господь твой, новый Іерусалиме, о тебѣ. Вотъ Авраамъ патріархъ возноситъ сына своего на жертвенникъ во всесожженіе, прообразуя вознесеніе Богомъ Отцемъ Сына своего на крестѣ, и пріявъ Исаака живымъ отъ руки Господней, наслѣдуетъ за свое самоотверженіе великое благословіе Божіе и великое обѣтованіе: воистину благословляя благословлю тебя, и благословятся о Сѣмени твоємъ, имѣющемъ стереть главу искомнаго змія, всѣ народы земли. Вотъ съ пророкомъ Исаіею мы зримъ, какъ духъ Господень помазуетъ обѣтованнаго Избавителя, посылая Его на землю благовѣствовать нищимъ, исцѣлители сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдать плѣннымъ освобожденіе и узникамъ открытіе темницы преисподней, проповѣдать лѣто Господне благопріятіе и утѣшить всѣхъ сътующихъ въ Сіонѣ. Вотъ пророки Илія и Елисей воскрешаютъ глаголомъ Божіимъ умершихъ отроковъ, въ прообразъ возстанія Сына Божія, Сына Дѣвы. Вотъ пророкъ Исаія взываетъ ко Господу отъ лица нашего: призри Господи съ небесъ и виждь отъ жилища святыни твоей и славы твоей. Только Ты Отецъ нашъ: ибо Авраамъ не узнаетъ насъ, и Израиль не признаетъ насъ своими; Ты, Господи, Отецъ нашъ и имя твое Икупитель. О! если бы Ты расторгъ небеса и сошелъ! Горы разстаяли бы отъ лица твоего, яко таетъ воскъ отъ лица огня, и исчезли бы наши супостаты, яко дымъ. Чрезъ пророка Іеремію глаголетъ намъ Господь: се дніе грядутъ, и вотъ очи настали, когда Я завѣщаю дому Израилеву завѣтъ новыи, не такой завѣтъ, какой Я заключилъ съ отцами ихъ въ тотъ день,

когда взялъ ихъ за руку, чтобъ извести ихъ изъ земли египетской,—тотъ завѣтъ мой они нарушили, хотя Я и оставался въ союзѣ съ ними,—но завѣтъ, который Я напишу на сердцахъ ихъ и буду имъ Богомъ, а они будутъ моимъ народомъ, и грѣховъ ихъ уже не вспомню болѣе. Наконецъ, вмѣстѣ съ пророкомъ Давидомъ мы видимъ, какъ святіи тріе отроцы ходятъ посреди смертоноснаго пещнаго пламени живыми и вдохновенно-торжествующими, поюще и благословяще Господа Бога, а вмѣстѣ съ ними и мы сами поемъ восторженными устами, съ трепещущими отъ молитвеннаго восхищенія сердцами: Господа пойте и превозносите Его во вѣки! Вслѣдъ за древними пророками святой апостолъ Павелъ осмысливаетъ восторгъ нашихъ сердецъ въ разумленіемъ, что всѣ мы, елицы во Христа крестихомся, крестились вмѣстѣ съ тѣмъ въ смерть Его, спогреблись съ Нимъ крещеніемъ въ смерть, дабы какъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ славою и силою Отца, такъ и намъ ходить въ обновленіи жизни, вѣруя, что если мы умерли со Христомъ, то и жить будемъ съ Нимъ, вѣдая, что Христосъ, воскресши изъ мертвыхъ, уже не умираетъ, смерть уже не имѣетъ надъ Нимъ власти. Такимъ образомъ святой апостолъ Павелъ уже оглашаетъ насъ вѣстію о приближающемся священнѣйшемъ часѣ свѣтлаго возстанія Христова изъ гроба. А священнодѣйствующая церковь, изображая свѣтлыхъ ангеловъ небесныхъ, парящихъ надъ гробомъ, вмѣщающимъ мертвую воскресающую жизнь, вся въ эту минуту переоблачается изъ ризъ печали и сокрушенія въ бѣлыя блистающія ризы свѣтлой радости. Вся окуривается оиміамомъ, исходящимъ изъ свѣтоноснаго гроба благовоніемъ небснаго веселія. Вся осіявается свѣтомъ восторга отъ множества возженныхъ свѣтильниковъ. А пѣвцы въ напряженномъ ожиданіи Христа, исходящаго изъ гроба, яко исходитъ радост-

ный женихъ отъ чертога, многократно восклицаютъ восхительными ангельскими гласами: воскресни Боже, суди земли, яко Ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ, яко Ты царствуеши во вѣки! Се, почиваетъ еще во гробѣ Христосъ, новая пасха, живожертвенная жертва, Агнецъ Божій, взямаый грѣхи міра. Се, текутъ мироносицы жены, окружая преблагословенную въ женахъ Дѣву Марію, ко гробу. Се, ангелъ вопіетъ благодатнѣй: чистая Дѣво, радуйся, и паки реку: радуйся, твой бо Сынъ воскресетъ тридневенъ отъ гроба. И съ этой вѣстью жены текутъ отъ гроба возвѣстити апостоламъ: дерзайте убо и возопійте, яко воскресетъ Господь. И вся церковь готова очищенными чувствами узрѣть непреступнымъ свѣтомъ воскресенія Христа блистающаяся и рекуща: рудуйтесь. И се, на средѣ церкви исходитъ св. евангелистъ Матѳей съ радостнымъ благовѣстіемъ, что въ вечеръ субботный, при разсвѣтѣ перваго дня по субботѣ, приде Марія Магдалина и другая Марія видѣти гробъ. И се трусь бысть велій. Ангелъ бо Господень приидѣ отвали камень отъ дверей гроба и сѣдѣше на немъ. И рече женамъ: не бойтесь; Іисуса распятаго ищите. Нѣсть здѣ, воста бо. Христосъ воскресетъ! Радуйтесь.

Въ первой христіанской древности поставленъ былъ вопросъ, въ который именно часъ Христосъ воскресъ. И это соединялось съ другимъ практическимъ вопросомъ: въ который часъ должно прекращать постъ въ день святыхъ пасхи? Нѣкоторые утверждали, что должно дѣлать сіе ровно въ полночь, какъ и донынѣ поступаютъ христіане римско-католическаго исповѣданія; а другіе даже, что должно съ вечера, какъ и донынѣ поступаютъ христіане армянскаго исповѣданія. На это святой Діонисій архіепископъ александрійскій, каноническимъ своимъ посланіемъ (правило 1 въ книгѣ правилъ), отвѣтствовалъ, что въ евангеліяхъ не оказывается ничего опредѣленнаго о часѣ воскресенія. Ибо

евангелисты различно описали приходившихъ ко гробу въ разные времена и рече, что всѣ они обрѣли Господа уже воскресшимъ. Несомнѣнно же то, что въ поздній вечеръ, т. е. въ ночь субботы, когда разсвѣталъ день первый отъ субботы, пришедшіе ко гробу уже не обрѣли Господа лежащимъ въ немъ. Явно, что ишествіе и путь однихъ изъ нихъ начался поздѣ въ вечеръ субботы, другихъ въ глубокое утро, зѣло рано; въ шествіи же и замедленіи у гроба продлили они время до восхожденія солнца. И тогда юноша въ бѣлыхъ ризахъ рече имъ: воста, вѣсть зѣло. Положивъ сіе тако быти, требующимъ точнаго разрѣшенія, въ который часъ начинать веселіе о воскресеніи Господа нашего изъ мертвыхъ, святой Діонисій отвѣтствуетъ, одобряя тѣхъ, которые терпятъ въ разрѣшеніи поста до восхода солнечнаго. По уставу нашей православной церкви, въ великій пятокъ трапезу не поставляемъ, ниже ядимъ въ сей день распятія. Аще же кто будетъ многономощенъ, или престарѣлый и не могій пребыти въ постѣ, дается ему хлѣбъ и вода, по захожденіи солнца. Сіце бо пріяхомъ отъ святыхъ заповѣдей святыхъ апостолъ не ясти въ великій пятокъ, по Господню слову, еже рече къ фарисеямъ: яко егда отъимется отъ нихъ женихъ, тогда постятся. Тако блаженнѣйшіи апостолы воспріяша, и сіе обрящеши въ апостольскихъ преданіяхъ. Безъ сомнѣнія, святые апостолы, пораженные скорбію и ужасомъ страшнаго дня распятія, и сами не вкушали никакой пищи, и послѣдователямъ своимъ оставили преданіе не ясти ничего въ сей день распятія. Относительно же великія субботы церковный уставъ древнихъ иноческихъ обителей повелѣвалъ такъ: по отпустѣ бываетъ благословеніе хлѣба и вина. Долженствуетъ же еkkлiсiархъ имѣти опасство, да егда скончается литургія, будетъ часъ второй ноци (нашъ седьмой вечера). По отпустѣ же

литургіи не исходамъ изъ церкви, но сидимъ на мѣстѣхъ нашихъ. И входитъ келарь и даетъ братіи по единому укруху хлѣба и по шести смоквей или финиковъ и по единому красовулю вина. Намъ же возлежащимъ, бываетъ великое чтеніе Дѣяній святыхъ апостолъ. Таже, по началѣ чтенія, начинаемъ ясти.

Я хочу вамъ объяснить, что значить наше благословеніе и раздаяніе благословенныхъ хлѣба и вина, которое и мы нынѣ совершаемъ. Это преданіе также, безъ сомнѣнія, апостольское. Припомните и сообразите. Святые апостолы вкушали ветхозавѣтнаго пасхальнаго агнца еще вмѣстѣ съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, въ ночь съ великаго четверга на великій пятокъ. Въ великій пятокъ, по преданію, остались вовсе безъ вкушенія пищи, отъ тяжкаго горя. Между тѣмъ въ великую субботу, по распоряженію архіереевъ, праздновалась пасха всѣми евреями. Еврейскій уставъ требовалъ въ первый день пасхи вкушать, кромѣ агнца пасхальнаго, еще прѣсный хлѣбъ съ горькими травами и вареніе изъ сладкихъ плодовъ: смоквъ, финиковъ и винограда, и пить чашу вина, раствореннаго водою. Когда пасхальный день великой субботы склонялся уже къ вечеру, опомнившіеся отъ угнетающей скорби, отъ давящаго ужаса, истощенные силами отъ двухдневнаго неядѣнія, святые апостолы помянули распятаго, умершаго и погребеннаго своего Учителя заупокійною молитвою, смѣшанною съ пѣніемъ пасхальныхъ псалмовъ, въ томъ числѣ 118 псалма: блажени непорочніи въ путь, — который и нами поется надъ гробомъ Христовымъ въ утро великой субботы, и пасхальною трапезою, только уже безъ пасхальнаго агнца, котораго они уже вкушали съ великаго четверга на великій пятокъ. Да и весь этотъ обрядъ ветхозавѣтной пасхи былъ теперь окончившимся прообразомъ закланія Агнца бже-

ственного. Чувствуете ли вы, что это предложеніе и вкушеніе нами въ сей великій день и часъ сихъ благословенныхъ хлѣба и вина, который въ сей день и часъ вкушали и св. апостолы, есть поминальный канонъ по самомъ почившемъ во гробѣ и погребенномъ нами Господѣ нашемъ? Чувствуете ли вы, что отсюда имѣетъ начало поставленіе въ церкви поминальной кутіи изъ пшеничнаго зерна, украшеннаго сладкими фруктами, и заупокойной чаши? Въ нашихъ церквахъ въ великую субботу какъ то забылось и вывелось изъ обычая предложеніе, вмѣстѣ съ благословенными хлѣбомъ и виномъ, сладкихъ сушеныхъ плодовъ. Но вотъ монастырскій уставъ повелѣваетъ какъ разъ то самое, что требуется преданіемъ апостольскимъ, — повелѣваетъ подавать братіи, бдящей у гроба Господня, по укрузу хлѣба, по шести смокъ или финиковъ и по чашѣ вина. Видите, это есть не иное что, какъ продолженіе поминальной по почившемъ Господѣ пасхальной апостольской трапезы.

Въ другихъ своихъ подробностяхъ этотъ уставъ во многихъ церквахъ совершается и нынѣ довольно близко къ первоначальному предначертанію. Сія великосубботняя, погребальная у гроба Господня литургія начинается не съ полудня, а въ два часа по полудни и, продолжаясь четыре часа, оканчивается какъ разъ въ шесть часовъ, какъ повелѣваетъ уставъ имѣти опасство. Я самъ еще участвовалъ въ такихъ литургіяхъ, которыя оканчивались какъ разъ въ то время, когда закатывающееся дневное свѣтило прямо ударяло въ главную входную западную дверь храма и потухало послѣдними лучами сего великосубботняго дня на гробѣ и ликѣ почившаго Солнца правды, свѣтло вечеряющаго тихаго свѣта святыхъ славы безсмертнаго Отца небеснаго. По отпустѣ литургіи уже въ начинающійся предпас-

хальный вечеръ вѣрные, отшедши въ дома на короткое время для отдыха и малаго подкрѣпленія силъ, тотчасъ же снова спѣшили въ храмы Божіи, а здѣсь, кто стоя, кто сидя, кто возлежа по разнымъ угламъ храма, во мракѣ всепразднественной ночи воскресенія, то слушая, то сами, при мерцаніи свѣчекъ, читая Дѣянія святыхъ апостоловъ, бдѣли у гроба почивающаго Господа, въ умиленномъ ожиданіи ангельской вѣсти о воскресеніи: Христосъ воскрес! Истинно трогательное, глубоко-поэтическое, первобытно-апостольское зрѣлище! То—благообразный Іосифъ съ Никодимомъ у гроба Господня, то Марія Магдалина съ Марією Приснодѣвою сѣдящая прямо гроба, то весь сонмъ муронсицъ, стремящійся ко гробу въ ночь съ великой субботы на свѣтлое Христово воскресеніе.

Отсюда, отъ священнодѣйствій сего великаго дня, сей великой ссубботы, ведетъ свое происхожденіе весь чинъ христіанскаго погребенія, погребенія каждаго изъ насъ. Смотрите. Снятію Христа со креста, перенесенію образа Христа умершаго на гробовое возвышеніе соотвѣтствуетъ выносъ христіанскаго покойника изъ дому въ церковь. Повитію Христа плащаницею съ благовоніями соотвѣтствуетъ посмертное олъянiе каждаго умершаго церковнымъ покровомъ съ окажденіемъ; а по древнему, сохранившемуся по мѣстамъ и до нашихъ дней обычаю, покойники повиваются буквально пеленами такъ называемаго мертвеннаго савана. Погребальному богослуженію вечерни великаго пятка и утрени великой субботы соотвѣтствуетъ заупокойная надъ каждымъ умершимъ панихида, заупокойная всеобщая; въпрочемъ и панихида и отѣванье расположены также по чинопослѣдованію утрени. Обнесеніе погребяемаго Христа вокругъ церкви въ утро великой субботы соотвѣтствуетъ такому же обнесенію вокругъ храма почившихъ

архіереевъ и іереевъ и несенію всякаго покойника къ послѣдному покоищу на кладбищѣ. Поставленіе вотъ этой велико-субботней церковной трапезы, благословеннаго хлѣба и вина, которая составляетъ продолженіе апостольской поминальной по самомъ почившемъ Господѣ трапезы, соотвѣтствуетъ поставленію поминальной по каждомъ покойникѣ кутіи, поминальнаго пшеничнаго хлѣба, сладкихъ плодовъ, меда и заупокойной чаши. Самыя кладбища христіанскія устрояются по священному типу гроба Христова. *Блже на мѣстѣ, идѣже распятыя Христосъ, вертъ-садъ, и въ вертъ гробъ: ту положиста Іисуса.* Смотрите. Прототипъ христіанскаго кладбища: возвышеніе Голгоѣ, на ней крестъ Христовъ; подъ нимъ по исконному преданію глава Адамова, подъ нимъ черепа и кости всего посѣченнаго косою смерти человѣчества; тутъ же по скату Голгоѣ садъ, въ саду гробъ Христовъ, источникъ нашего воскресенія. Вотъ отображеніе этого священнѣйшаго первообраза — христіанское кладбище: среди кладбища храмъ Господень, отображающій священную Голгоѣ, на немъ крестъ Христовъ, надъ каждою могилою могильный холмъ, на немъ крестъ Христовъ, на крестѣ Христосъ распятый, у ногъ Его глава Адама съ мертвыми костями; все кладбище, со всею своею святынею, одѣто зеленью сада или священной рощи, символа жизни, воскресенія и вѣчной весны.

Господи Іисусе Христе, сподобившій насъ принести и Тебѣ самому наше погребальное пѣніе! Какъ же странно тѣ, очень многіе изъ христіанъ здѣшняго (*) края, которые сами себя лишаютъ христіанскаго погребенія и стиѣванья, погребальныхъ молитвъ и послѣдняго посмертнаго разрѣшенія, которыхъ близкіе живые люди зарываютъ въ землю,

(*) Уфимскаго.

такъ себѣ, какъ скотскую падаль, прости Господи! Какъ далеки отъ первообраза гроба Господня, какъ странны, какъ безобразны многія изъ кладбищъ здѣшняго края! Сердце сжимается бывало при видѣ этого безобразія. Сада или рощи на кладбищахъ почти нигдѣ, ходя лѣсовъ здѣсь множество. Весьма часто около кладбища никакой ограды. По могиламъ бродятъ свиньи, и всякая скотина, роютъ, гадятъ... Видѣлъ кладбища, брошенные по бокамъ сельской проѣзжей дороги безъ всякой ограды, втиснутыя между гумнами, въ буеракахъ, чуть не въ болотѣ буквально! Ужасъ, безобразіе! На кладбищахъ, на могилахъ всякій хламъ, безобразная оскорбительная нечисть! Многое такое, о чемъ некрасиво и глаголати! Это свальное мѣсто всякой деревенской нечистоты, наглядная выставка деревенскаго огрубѣнія, одичанія смысла и одеревенѣнія сердца, поруганія человѣческаго достоинства, заглохлости изящнаго христіанскаго чувства. Крестовъ надъ могилами въ большинствѣ не ставятъ; или ставятъ кресты въ полбартшина отъ земли, соотвѣтственной и тоины; отчего такіе кресты быстро разваливаются и тутъ же гниютъ въ видѣ мусора. Индѣ тутъ же врыты въ могилки и гниютъ безобразнымъ хламомъ языческія мертвенныя носилки. Могильныхъ холмовъ на могилахъ совсѣмъ нигдѣ почти не дѣлаютъ; а ставятъ обыкновенно въ яму мертвеца, заваливаютъ землею въ уровень съ ея краями, гробъ проваливается и надъ гробомъ вмѣсто могильнаго возвышенія образуется впадина, которая забрасывается всякимъ мусоромъ, зарастаетъ дерномъ и исчезаетъ. Къ поправкѣ неприкосновенности могилъ, весьма часто мертвецъ кладется на мертвеца, не успѣвшаго истлѣть. Къ безпредѣльному изумленію, въ сотняхъ примѣровъ открылось, что живые, не дѣти, а большіе уже люди, не знаютъ, гдѣ недавно похоронены ихъ дѣды,

родители, дѣти, даже супруги. Невѣроятно, но достовѣрно. Какъ же поплакать, какъ помолиться живымъ надъ могилами ближайшихъ родныхъ! Тупость, граничушая съ мало-вѣріемъ!

Какъ далеко ушелъ въ этомъ отношеніи, отъ полу-одичалаго въ этомъ отношеніи здѣшняго края, тотъ край, гдѣ мое смиреніе имѣло счастье узрѣть Божій свѣтъ! На томъ родномъ моемъ краѣ, даже по селамъ и деревнямъ, лежитъ поэтическая печать родственной близости къ христіанскому идеалу послѣдняго покоища христіанъ. Почти каждое кладбище раскинуто на горѣ, каждое осынено рощею; многія были раскинуты подъ сѣнію церквей; на каждой могилѣ зеленый могильный холмъ, почти на каждой крестъ Христовъ. Живо помню и съ умиленіемъ вспоминаю пасхальную радуницу. Весна, первая зелень на вѣтвяхъ кладбища, первые цвѣтки на могилахъ. У каждой могилки сидятъ родные, поставлены пасхальные поминальные яства, лежатъ красныя пасхальныя яйца. Къ каждой могилѣ подходитъ священникъ; всѣ поднимаются и поютъ: Христосъ воскресе, поминая раба Божія здѣ лежащаго. По совершеніи поминальной молитвы начинаютъ вкушать поминальные яства; вкушаютъ и отъ поминальной чаши, но о пьяныхъ безобразіяхъ на могилахъ въ тѣхъ краяхъ тогда не было и помину, русской размахистой часто несдержанной неумѣстной удали ни слѣда. Вездѣ слышенъ только тихій говоръ, да священническое пѣніе тутъ-же вблизи то на той, то на другой могилѣ. Надо всѣми и всѣмъ царить миръ послѣдняго священнаго покоища, тихая печаль при видѣ смерти и тихая же сквозь слезы радость воскресенія Христова. Впрочемъ свѣжее горе по мѣстамъ иногда звучитъ и громко: жены надъ свѣжими могилами мужей, дѣти надъ покинувшими сиротъ родителями, матери надъ по-

терянными дѣтьми рыдаютъ и судорожно, съ громкими воплями и причитаньями! Но рыданіе на многихъ могилахъ прикрывается пѣніемъ на всѣхъ пасхальной пѣсни: Христосъ воскресе! На каждой могилѣ родные и близкіе прокатываютъ, каждое лицо по трижды, красныя пасхальныя яйца, трижды привѣтствуя мертвыхъ какъ живыхъ всерадостнымъ привѣтствіемъ: Христосъ воскресе! Христосъ воскресе! Христосъ воскресе! съ вѣрою въ воскресшаго Христа чая услышать отъ дорогихъ, живыхъ у Бога мертвецовъ, изъ гробовъ и съ неба, вотъ съ этихъ нависшихъ отъ высотъ небесныхъ надъ гробами, зеленѣющихъ новою весною вѣтвей, радостный родственный откликъ своему сердцу: воистину воскресе! воистину воскресе! воистину воскресе Аминь.

1883 г.

ПОУЧЕНИЕ

въ свѣтлый вторникъ, 3-го апрѣля 1879 года, на благодарственномъ молебствіи о сохраненіи драгоцѣнной жизни Благочестивѣйшаго Государя Императора АЛЕКСАНДРА II-го отъ злодѣйскаго покушенія 2-го апрѣля.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Однажды въ великій пятокъ, у плащаницы, изображающей гробъ Господень, именитый проповѣдникъ русской церкви, вышедши по обычаю сказать слово, сказалъ, по примѣру одного древняго пустынника, немногія слова, что въ великій пятокъ въ виду гроба Господня мѣсто не разглагольствію, а покаянію и безмолвнымъ слезамъ; начнемъ же братіе, заключилъ проповѣдникъ, молиться и плакать.

Ничего иного не остается сказать и намъ сегодня по горестному поводу, который собралъ всѣхъ насъ сюда, который въ горестное раздумье повергнетъ всю Россію, а въ поражающее изумленіе погрузитъ весь свѣтъ.

Сколько противорѣчій, сколько непримиримостей тутъ сочеталось! Свѣтлая Христова пасха и посягательство на убійство. Убійцы обыкновенно прячутся, боясь кары закона; а здѣсь посягательство всенародное предъ лицомъ всей Россіи. Боже! Ужели рассчитываютъ на чье либо сочувствіе?

Внутри Россіи всенародно поднимаютъ убійственную руку на помазанника Божія, на Государя, на Государя благодушнѣйшаго, гуманнѣйшаго, благодѣтельнѣйшаго, на Государя, который, по широтѣ благотворнѣйшихъ преобразований, достоинъ стоитъ на высотѣ перелома російской государственной исторіи между первымъ и вторымъ тысячелѣтіями, оставляя позади себя, какъ по времени, такъ и по высотѣ задачъ царствованія, Екатерину II, Петра I и Іоанна III, величайшихъ русскихъ вѣнценосцевъ. *Воскресенія день, другъ друга обьемемъ, рцемъ—братіе и ненавидящимъ насъ!* И въ день воскресенія сатанинская рука направляетъ смертельный ударъ во главу Россіи.

Да, эти удары мѣтятъ прямо въ голову и сердце Россіи, мѣтятъ прямо въ коренные принципы всего воспитаннаго христіанствомъ умственнаго русскаго строя, мѣтятъ разгромить въ дребезги весь нравственный узелъ завѣтнѣйшихъ чувствъ, связующихъ миллионы русскихъ сердецъ въ кровнородственномъ сочувствіи, въ любви, въ беззавѣтномъ довѣріи къ Монарху, сердце коего въ руцѣ Божіей, къ Монарху, какъ сердцевины, какъ прирожденной, Богомъ поставленной и Богомъ осѣняемой главѣ русскаго народа. Увы! Наше поколѣніе имѣетъ истинно трагическій жребій переживать похороны,—да живетъ Россія во вѣки вѣковъ!—но, по крайнѣй мѣрѣ, переживать неоднократно злодѣйскія посягательства на жизнь принципа народной русской жизни.

У насъ теперь свѣтлая пасха съ ея свѣтлыми ликованіями, съ ея блестящими облаченіями, съ ея высокими духовными радостями. Но слѣдовало бы всю Россію погрузить въ трауръ горя всенароднаго покаянія и трепетной молитвы о спасеніи,—если бы только хранящая своего Помазанника, яко зѣницу ока, десница Божія не оставила намъ радости

сохраненія Его драгоценной жизни, и не отвратила отъ насъ несчастіе и позоръ Его насильственной смерти.

Станемъ же, братіе, плакать ⁽¹⁾ и молиться,—плакать о томъ, что міровая чума нравственного саморазложенія и общественного разрушенія, чума, въ прежніе вѣка неслыханная, къ несчастію нашему, въ наши дни, по Божію попущенію, за наши грѣхи, охватила и свѣтую Русь и вырываетъ свои жертвы то тамъ, то здѣсь по всей широтѣ широкой русской земли. А помолимся о томъ, чтобы она, эта чума, не сдѣлалась повальною, и возблагодаримъ Промыслъ Божій, не допустившій ее достигнуть губительною смертосною своею косою до обще-народной главы.

Да воскреснетъ Богъ,—да воскреснетъ въ нашихъ сердцахъ, въ нашихъ умахъ, въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ, и да разсточатся врази Его, да исчезнутъ, яко таетъ воскъ отъ лица огня, отъ огня отце—преданной, христіанскою вѣрою завѣщанной всенародной русской любви къ богопоманному русскимъ Моцархамъ, отъ огня всенародной ненависти къ этимъ безмѣрно преступнымъ и безумнымъ посягательствамъ. Огнемъ этой всенародной любви окружимъ престолъ царскій, какъ пламя крылъ Серафимскихъ окружаетъ небесный престолъ Царя царей, и духомъ милліоновъ богобоязненныхъ устъ убьемъ святотатственное царевубійственное нечестіе. Аминь.

1879 г.

⁽¹⁾ И по всему собору слышался плачь.

ПОУЧЕНІЕ

на третій день святыхъ пасхи въ церкви казанской д. академіи, надъ гробомъ Александры Васильевны Ивановской, супруги профессора.

Христосъ воскресъ!

И откликъ: *воистину воскресъ!* получаемъ отъ всѣхъ, кромѣ единой, лежащей предъ нами, усопшей. *Христосъ воскресъ!* и смерть во очію. И этотъ тѣсный гробъ, въ своихъ жесткихъ объятіяхъ держащій, чтобы никогда уже не выпускать, эту жизнь, жизнь поблекшую такъ рано въ самой веснѣ, въ самомъ расцвѣтѣ юности, къ наступленію прекрасной весны въ природѣ,—жизнь, которая дала изъ себя бытіе другой жизни своего дитяти для того, чтобы оно оказалось возраждающимся изъ нея фениксомъ всеобщаго въ природѣ начала жизни, а мать послѣ родовъ чтобы ежедневно таяла, яко таетъ воскъ, и одною своею частію—духовною исчезла, яко исчезаетъ дымъ, а другою—тѣлесною превратилась въ безжизненный трупъ, который лежить теперь предъ нашими глазами.

Возраженіе противъ общечеловѣческаго чаянія безсмертія, противъ христіанскаго чаянія воскресенія, противъ настоящего нашего свѣтлаго празднованія, нашихъ свѣтлыхъ пѣснопѣній ликованія вокругъ гроба, известное и старое,

какъ старъ міръ, какъ стара вѣчно движущаяся въ чело-
вѣческихъ головахъ мысль, вѣчно отстаивающая, въ неу-
станной борьбѣ съ самой собою, противъ миллионовъ пред-
лагаемыхъ ежедневнымъ опытомъ категорическихъ возра-
женій, свои коренныя начала, небольшое количество своихъ
основныхъ идей о Богѣ—безусловной благодати и правдѣ, о
бессмертіи духовныхъ единицъ, о конечномъ торжествѣ до-
бра надъ зломъ, благодати надъ шутками создающей для
того, чтобы разрушать, природы, невозмутимаго счастья надъ
безпрерывными въ мірѣ стонами, жизни надъ смертію, съ
окончательнымъ устраненіемъ роковой необходимости, чтобы
всякая жизнь была предопредѣленною жертвою смерти, а
смерть вѣчно бьющимъ ключемъ жизни, съ утвержденіемъ
того чаемаго всѣмъ живымъ отраднаго закона, чтобы смерть
и единая и общая была источникомъ жизни и жизней, но
въ смыслѣ нашемъ христіанскомъ, какъ написано въ на-
шихъ святыхъ книгахъ и на скрижаляхъ нашихъ сердецъ,
а не на страницахъ зиждительно-разрушительной природы
и утвержденного ею міроваго опыта, что все въ природѣ
смертно, кромѣ единого всеобщаго начала жизни, которое
какъ электричество и вообще основная міровая сила имѣетъ
два полюса—положительный и отрицательный, сближеніе
которыхъ даетъ искру, одно животворящую, а другое по-
ражающую на смерть.

Мы охладили бы и омрачили бы наше радостное и
сквозь слезы, неомрачимое и тьмою смерти торжество,—если
бы позволили себѣ теперь и здѣсь столь извѣстными раз-
судочными соображеніями доказывать, въ сотый для насъ
съ вами разъ, бессмертіе чловѣческаго духа съ соединен-
нымъ съ истинною бессмертія чаяніемъ воскресенія и тѣла.
Что уместно и нужно въ другое время тамъ—по сосѣдству
за этими святыми стѣнами, то неумѣстно въ настоящую

минуту у этого гроба. Лучше прислушаемся къ нему, къ
заключеннымъ въ немъ нѣмымъ устами, изъ нихъ не услы-
шимъ ли на наше христіанское привѣтствіе: *Христосъ вос-
кресе!* отклика: *воистину воскресе!* тѣмъ болѣе, что для
усопшей нашей сестры этотъ предметъ теперь уже рѣшенъ
окончательно. Но напрасно мы ждали бы, чтобы духъ ея
принесъ намъ ожидаемый откликъ изъ невѣдомой обители
отшедшихъ духовъ: пропасть велика между ими и нами у-
твердися. Нѣтъ, мы лучше станемъ на ея точку зрѣнія, съ
которой вопросъ о жизни и смерти разрѣшился для нея еще
здѣсь, въ нашей планетной сферѣ, въ ея собственной жиз-
ни и смерти.

На нашихъ глазахъ раскрылась картина самой зрѣлой,
полной и всесторонней части этой рано угасшей жизни. Намъ
вѣдомо, что это была не только разносторонне образованная,
но и глубоко развитая женская личность. Въ семьѣ одной
изъ самыхъ развитыхъ отраслей чловѣчества, голова ея
перерабатывала самые тяжелые вопросы, испоконъ вѣка вол-
новавшіе и особенно въ послѣднее время волнующіе разви-
тую чловѣческую мысль. Въ общихъ выводахъ по рѣше-
нію этихъ вопросовъ, можно сказать, ничто чловѣческое,
ничто выработанное глубочайшими мыслителями чловѣче-
ства не было ей чуждо. Вчерашняя наша собесѣдница,—
мы знаемъ,—она способна была бесѣдовать и взаимно со-
прошаться съ каждымъ изъ насъ о *всѣхъ силъ проключ-*
шихся въ исторіи религіозно-философскихъ изысканій. Срод-
ни намъ по душевному строю, плоть отъ плоти и кость отъ
костей, она была вѣрующая яже и мы. И не кинемъ на
нее тѣни, если скажемъ, что вѣрила она столькоже, сколь-
ко и мы; равно какъ и болѣзненные колебанія современной
чловѣческой мысли не были ей чужды. Это въ нашей сре-
дѣ естественно. Строй нашей жизни таковъ, что мы при-

званы переводить вѣру въ знаніе. А это, извѣстно, трудъ тяжелый, задача недостижимая. Знаніе есть мертвая, формальная, разсудочная односторонность, схватывающая только общее мертвое отвлеченіе бытія; а вѣра есть живое созерцаніе цѣлой человѣческой души, цѣлаго человѣка, — къ несчастію только, по тому же закону цѣлости, созерцаніе сквозь тусклое стекло родной нами плоти, съ ея нервами и мозгами, съ условливаемыми ея плотнымъ бытіемъ, міриадами мертвыхъ разсудочныхъ понятій, которыхъ сущность складается изъ постоянной тысяче-образной течучести, изъ положеній и противоположеній, изъ утвержденія, ограниченія и отрицанія, изъ обобщенія и отвлеченія изъ жизни всего живаго единичнаго единоличнаго. Изъ этого роковаго закона совершенно естественно развиваются борьба помысловъ, болѣзни ума. За тусклымъ стекломъ плотяности мелькаетъ идеальная неизмѣнная вѣчно живая сущность вѣдѣнія; хочешь приглядѣться къ ней пристальнѣе, ближе постигнуть, обнять ее, вложить въ простую ясно раздѣльную форму понятія; но — увы! — отъ напряженія умственнаго зрѣнія, отъ прирожденной тусклости среды, чрезъ которую смотришь, отъ безпредѣльно быстрого мельканія предметовъ и явленій преходящаго бытія, чувствуешь только утомленіе и боль ума, которому хочется, но не можется уловить въ преходящемъ непреходящее, въ исчезающемъ — безсмертное и вѣчное. Въ гадательномъ зеркалѣ міровыхъ судебъ, въ которое должно вглядываться долго, чтобы увидѣть жалаанный предметъ — единый міроуправляющій законъ жизни, вдругъ мелькаетъ вождѣленная тѣнь, хочешь ее схватить, но она уже ускользнула, убѣжала далеко и разсѣялась, какъ блеснувшій лучъ вечерней зарницы, какъ свѣтлая радуга, свѣтлое отраженіе гдѣ-то за горизонтомъ нашихъ очей, за темнымъ, мрачною берею несущимся и на безконечіе разстилающимся

облакомъ вѣчно незаходимо сіяющаго солнца правды. Ну, по крайней мѣрѣ, успокоиться бы хотя въ отрицаніи отъ утомленія въ безплодной погонѣ? Міросозерцаніе, повидимому, такое логически стройное и ясное, нравственныхъ тревогъ чуждое, загробнымъ страшилищамъ не подлежащее. Но нѣтъ, въ глубинѣ души раздается гармонія вѣры, гласъ которой слышиши всегда, иногда же въ свѣтлую или глубоко грустную минуту слышиши громко и явственно, но не вѣси, откуда онъ приходитъ и камо идетъ и куда зоветъ, а зоветъ неумолкаемо, неуклонно толкая то устающій подъ бременемъ плоти, то воспрядающій духъ гнать къ почести вышняго званія, задняя забывая, въ преднія же простираясь.

И вотъ, быть можетъ, эта самая болѣзненная работа постоянно напряженной мысли была одною изъ причинъ разслабленія въ отправленіяхъ бременной по существу, тонкой по урожденію и воспитанію плоти почившей нашей сестры. Дала она жизнь другой юной жизни и съ тѣхъ поръ уже не вставала съ одра болѣзни, который сталъ для нея и одромъ смерти. Уходили дни за днями, недѣли и мѣсяцы другъ за другомъ, такъ что составилъ почти круглый годъ изнемоганія. Близкимъ и всѣмъ окружающимъ стало ясно, что больная не встанетъ. Въ это томительно-долгое время, ея собственныя заботы, при смутномъ сознаніи собственной недолговѣчности, всѣ были направлены къ исполненію ея материнскихъ обязанностей, чтобы по мѣрѣ возможности заправить жизнь двухъ своихъ дѣтей — малютокъ, чтобы они не тотчасъ же лишились материнской ласки, материнскаго призора, животворящаго и согревающего вліянія материнскаго сердца. Длинные же часы цевольнаго досуга, когда ноги носятъ плохо, а немочь приковываетъ къ постели, наполнялись по преимуществу чтеніемъ капитальнѣйшихъ про-

изведеній человеческого ума и самыми серьезными бесѣдами съ ближайшими лицами. Начала мелькать въ ней мысль и о смерти. Ужасна смерть эгоистамъ, душамъ плотнымъ, мало возвышающимся надъ уровнемъ приземистой плотяности. Но это была душа тонкая неприземистая. Тѣмъ не менѣе жизнь такая юная, слагавшаяся такъ стройно, семейная любовь, дѣти, отрадныя семейныя обязанности, столько привязей сердца слишкомъ кровныхъ, все это порвать слишкомъ больно, — жизнь дорога и мила... Не хотѣлось умирать. Отворачивались очи отъ надвигавшейся мрачной тѣни сѣни смертной... Тускло блѣдный обликъ смерти, вотъ уже пристально глядящій въ очи, что онъ такое — ужели уничтоженіе?... Въ этой внезапно проснувшейся, наконецъ, тревогѣ мысль сначала стала было пугливо искать опоры въ накопленной трудами вышнихъ умовъ сокровищницѣ доказательствъ загробной жизни. Но увы! область безжизненная, почти безсодержательная: ничего тамъ нѣтъ существеннаго, кромѣ извѣстныхъ постулатовъ безсмертія, — хочется созерцать себя живою особью въ неуловимомъ туманѣ посмертнаго разшенія, и распушеніе личности въ безличномъ всеобщемъ существованіи невысказуемо. Вѣра живая, всеувлекающая, отстраняющая всѣ туманныя умствованія, всякую тревогу души, всякую горечь при сознаніи неизбежности роковой развязки, когда жить не только хочется, но и нужно, еще пока не сказывала своего послѣдняго завѣтнаго, все-рѣшающаго слова. Близкіе окружающіе знали, съ какою чуткостью души имѣютъ дѣло, и весьма озабоченные исходомъ этого душевно-тѣлеснаго изнеможенія не смѣли сдѣлать ни намека. Въ совѣтахъ по сему предмету было положено: душа сама скажется, не нужно ни тѣни сторонняго побужденія. Вотъ и весна подошла, время, которое животворитъ все, что живо и крѣпко, и добиваетъ все, что слабо, — время,

которое ускоряетъ всякое развитіе, слѣдовательно, постепенное неуклонное развитіе и нѣкоторыхъ болѣзней. Съ другой стороны подошло время весны духовной — поста, говѣнія и обычнаго очищенія душъ. Случай для очищенія души естественный, который могъ не повториться. Съ тонкостью, крайне заботливою, было высказано вскользь: «вотъ со всѣми по прошлогоднему и вамъ бы причаститься святыхъ таинъ и былъ бы общій праздникъ». Слово не показалось угоднымъ: «я больна и неготова», — былъ отвѣтъ. Съ тѣхъ поръ со стороны близкихъ уже ни полуслова. Но чистая чуткость души, какъ и ждалось, сама сказала, что «да, пора, время пришло, ясно — смерть, чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь. Духовника». Исповѣдалась и причастилась разъ. «Какое у меня прекрасное расположеніе духа! какъ легко и спокойно чувствуетъ себя!» повторяла она послѣ этого въ теченіи нѣсколькихъ дней; «ахъ, еслибы дольше продолжилось такое состояніе!» Почувствовалась опять нужда утвердить, успокоить душу, и опять она прибѣгла къ животворящимъ тайнамъ, къ таинственному, но всегда животворящему, что достойно животворенія, средству предсмертнаго ободренія, утвержденія, умиротворенія, предлагаемому христіанствомъ. Съ тѣхъ поръ мысль о смерти перестала быть уже страшною, собственное слово о смерти стало ясно и опредѣленно: «молюсь не о томъ, чтобы жить, а о томъ, чтобы скорѣе и спокойно умереть... Цвѣтовъ, дайте цвѣтовъ», — символа распускающейся жизни. Добыты и представлены цвѣты: «пригодятся на гробъ». Всякія чтенія и стороннія бесѣды стали уже лишни и чужды: все вниманіе погружено было въ одну бесѣду съ мужемъ, который читалъ для нея евангеліе и пѣлъ ирмосы: «*къ Тебѣ утренюю... Волною морскою*», и другія священно-церковныя пѣсни великой страстной седмицы.

И вотъ этотъ ветхій человѣкъ, изстрадавшійся до возможности жить, эта душа, очистившаяся отъ прирожденныхъ нечистотъ до способности взлетѣть къ небу къ жизни вѣчно свѣтлой, ждутъ во взаимномъ естественномъ сожителствѣ минуты разлуки и день и два и три и много дней. Врачи уже давно сказали: «можетъ жить и недѣлю, а можетъ умереть и черезъ часъ». А смерть все не дѣлаетъ своей послѣдней работы. Началось уже предсмертное томленіе, впрочемъ тихое. Пришли и прошли дни смертнаго упокоенія Богочеловѣка—Искупителя нашего. Вотъ загудѣли уже звоны, торжественно возвѣстившіе наступленіе свѣтлаго дня свѣтлаго Христова воскресенія. Зазвучала въ храмахъ побѣдная надъ смертію пѣснь: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ*. Ясная отходящая душа ясно видитъ, что это—заря воскресенія. Вся семья идетъ къ постели, съ глотаемыми въ груди слезами, съ горестію разлуки въ сердцѣ и съ радостнымъ цѣлованіемъ на устахъ: *Христосъ воскресъ!* Даютъ ей красныя яйца, христіанскій символъ жизни, возникающей изъ смерти. Отходящая душа рада. Но неизбежная предсмертная туга разлуки души съ тѣломъ сказываетъ, что настала послѣдняя минута... «Ахъ, я умираю!»—«Нѣтъ, не умираете».—«Нѣтъ, вы всегда обманываете».—«Ну пусть такъ,—допустимъ, что вы умираете. Но я вамъ завидую; я желалъ бы быть на вашемъ мѣстѣ».—«Какъ такъ?»—«Такой день,—кто въ такой день умираетъ?»!—Слово имѣло двойной смыслъ, въ обоихъ значеніяхъ отрадный, въ свѣтлый день Христовъ умираютъ не умирая праведники,—и вызвало тихую улыбку, которая озарила уже озаренное смертнымъ обликомъ лицо. Но опять приступъ тоски смертной. «Нѣтъ, я умираю».—«Нѣтъ не умираете; вы только заснете, и сейчасъ же проснетесь, сознание пробудится и вы увидите все опять, какъ видѣ-

ли».—Какъ ни тонко прикрыта была правдивая рѣчь, но для умирающей было ясно. «А дѣти!»—Рванулась и порвалась самая дорогая, самая живучая струна сердца юной матери, материнской тяги къ этимъ крошечнымъ дѣтямъ—сиротамъ, материнской жалости объ ихъ судьбѣ—теперь, когда ласка матери имъ такъ незамѣнима,—взрывъ послѣдней материнской молитвы за нихъ и благословенія на вѣки нерушимаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній взрывъ и жизни. И когда мы вознесли пасхальную безкровную жертву за всѣхъ и за вся, за живыхъ и за мертвыхъ, всѣхъ живыхъ у Бога и въ Богѣ, когда торжественно возгласили: *и намъ даровавъ животъ вѣчный; покланяемся Его тридневному воскресенію*,—какъ разъ въ это время потонувшая въ тихомъ свѣтѣ восходящаго солнца утренняя заря свѣтозарной ночи воскресенія бережно—кротко унесла на своихъ тихихъ свѣтовыхъ крыльяхъ потухшую для нашихъ очей жизнь къ престолу воставшаго изъ гробовой адской тьмы вѣчнаго Солнца правды, идѣже всѣхъ веселящихся жилище.

Вотъ жизнь и смерть единой отъ насъ, вѣнецъ жизни ея, урокъ жизни для насъ *). Нужно было, чтобы свѣтло

*) При окончательномъ прощаніи съ усопшей высказались теплыя чувства къ ней со стороны знакомыхъ и друзей въ произнесенныхъ предъ прощаніемъ одна за другою рѣчахъ—экстраординарнаго профессора *И. С. Бердникова*, экстраординарнаго профессора *А. А. Некрасова* и ординарнаго профессора *И. Я. Порфирьева*. Первый изъ нихъ *И. С. Бердниковъ* произвелъ глубокое на всѣхъ впечатлѣніе глубоко прочувствованнымъ произнесеніемъ слѣдующей рѣчи:

«Можно ли выразить чувствованія, которыя естественно тѣснятся въ настоящія минуты въ груди родственниковъ

пасхальное наше торжество, духовное и тѣлесное, мы продолжили свѣтло пасхальнымъ же ликованіемъ вокругъ одра ея вѣчнаго упокоенія, и христіанское ликованіе: *Христосъ воскресъ!* сквозь разтворенныя самымъ тихимъ умиленіемъ слезы мы возгласили ей усопшей сномъ смерти въ свѣтлѣйшее утро воскресенія. Нужно, чтобы мы провожали ее къ послѣдному покоищу въ этотъ третій пасхальный день, когда читается такое въ высшей степени трогательное евангеліе, такъ трогательно изъясненное великимъ мыслителемъ-поэтомъ, славнымъ отцомъ и учителемъ нашей отечественной церкви,—евангеліе, которое и содержаніемъ своимъ и изъясненіемъ проливаетъ столько тихаго отраднаго свѣта на эту жизнь и смерть, гробъ и погребеніе, намъ въ утѣшеніе и назиданіе.

нашей усопшей?! Какъ описать печаль родителей, принужденныхъ заочно и такъ рано проститься до будущаго всеобщаго воскресенія съ своей дорогой дочерью?! Кто отважится заглянуть въ зіяющую рану супружескаго сердца, понесшаго такую вознаградимую утрату? Что можетъ быть краснорѣчивѣе наивнаго взгляда и, по временамъ, простодушной улыбки на устахъ оставшихся безъ матери малютокъ, и не подозревающихъ еще своей тяжелой утраты? Смѣло было бы, наконецъ, говорить одному отъ лица всѣхъ друзей и почитателей, въ которыхъ не было недостатка у умершей.

«Мое слово—дань уваженія человѣка къ свѣтлой чело-
вѣческой личности.

«Рано угасла земная жизнь нашей усопшей, но не смотря на свою краткость она стоитъ иной долговременной жизни. Усопшая съ молодыхъ лѣтъ работала надъ собой и въ короткое время достигла замѣчательнаго совершенства

Когда весь великій Божій міръ дышалъ полнѣйшимъ равнодушіемъ невѣдѣнія, а небольшая часть этого міра въ Іерусалимѣ дышала даже тревогою злобы ко гробу, источившему изъ себя обновленную жизнь всего челоѣчества,—изъ Іерусалима въ Еммаусъ плутъ два ученика распятаго и бесѣдуютъ между собою о всѣхъ сихъ приключившихся въ послѣдніе дни. И бысть бесѣдующема има и совопро-
шающемася и самъ Іисусъ приближися и идетъ съ ними. Очи же ихъ держатся, да Его не познаютъ. Вотъ Онъ вступаетъ съ ними и въ бесѣду вопросомъ: *что суть слова сія, о нихъже стязается и еста дряхла?* Они объясняютъ Ему, отчего они дряхлы—о чемъ сѣтуютъ. Онъ вразумляетъ ихъ. Сердце ихъ горитъ, впивая въ себя животворный огонь божественной бесѣды; *а очи все еще дер-*

духовнаго развитія. Она вступила въ жизнь съ опредѣленнымъ, просвѣщеннымъ взглядомъ на міръ и на людей и съ живымъ, даже порывыстымъ стремленіемъ къ дѣятельности. Въ жизни она не принадлежала къ числу тѣхъ, которые ищутъ въ жизни однихъ удовольствій. Для нея жить значило работать—прежде всего мыслію, а потомъ и мускулами,—работать для пользы собственной и другихъ. Въ этомъ отношеніи она подаетъ прекрасный примѣръ для молодаго поколѣнія.

«Вмѣстѣ съ трезвымъ взглядомъ на жизнь въ усопшей соединялась замѣчательная сила воли, не та сила воли, отъ которой плохо приходится другимъ, а сила, обнаружившаяся въ строгомъ уваженіи къ правамъ другихъ и въ готовности поступиться собственными правами въ пользу другихъ,—въ самоотверженномъ желаніи помочь другимъ и деликатной воздержности отъ пользованія услугами другихъ, даже близкихъ людей и т. п. Всего поразительнѣе обнару-

жаты, да *Его* не познаютъ. Путь не близокъ. Вотъ уже и день склонился къ вечеру. Путники просятъ божественнаго странника опочить у нихъ, преломить у нихъ праздничный пасхальный хлѣбъ. *И бысть яко возлеже у нихъ и съ ними и приимъ хлѣбъ благослови и преломивъ дающе имъ, тогда только онѣмъ отверзостъся очи, и познаста Его.* Вотъ мы, ученики воскресшаго Господа, избраннѣйшіе изъ учениковъ, проходимъ поприще нашей жизни и стремимся къ закату смерти. Главное призваніе наше на этомъ пути—бесѣдовать о всѣхъ сихъ приключившихся въ празднуемые нынѣ свѣтлѣйшіе изъ дней въ домостроительствѣ нашего спасенія. Надъ нами бодрствуетъ провидѣніе нашего божественнаго Учителя постоянно, хотя для насъ и не-

жила въ эту черту ея характера во время ея болѣзни. Несмотря на страданія, не смотря на настоятельную нужду въ помощи другихъ, она старалась отклонять эту помощь, часто даже прислугу увольняла отъ исполненія обязанностей. Черта характера, свойственная только сильнымъ и возвышеннымъ натурамъ.

«А честное отношеніе къ долгу, доходившее тоже до самоотверженія, гуманная снисходительность къ другимъ, мягкость и незлобіе сердца, простота и прямота обращенія, благородство духа, чуждое всего мелочнаго..., да можно ли пересчитать всѣ прекрасныя черты, характеризующія личность усопшей?!»

«Люди мысли, люди дѣла, люди благородства! Личность умершей—мыслящая, энергически-дѣятельная, самоотверженно-благородная стоитъ того, чтобы преклониться съ уваженіемъ предъ ея бранными останками.

«Кто много думаетъ и понимаетъ, тому приходится испытывать много душевныхъ волненій, и еще сильнѣе дру-

зимо. Вся исполняя неописанный, Онъ постоянно около насъ. *Господь близъ*, по слову апостола. Но мы въ существѣ своемъ, въ стремленіяхъ своего духа, не всегда къ Нему близки, а часто наоборотъ отворачиваемъ отъ Него и лица и сердца наши. Но когда къ Нему обращаются наши души, что бываетъ весьма часто, просто уже по призванію нашему, по предмету занятій и изученія,—Онъ приближается къ нашей мысли, прислушивается къ нашимъ бесѣдамъ и стязаніямъ о Немъ, направляетъ и просвѣтляетъ наши тоскливые о Немъ помыслы: *«мы же надѣяхомся, яко сей есть хотяи избавити Израиля.* Но и Онъ, если только когда-либо жилъ, то подобно всѣмъ умеръ и унесъ

гихъ чувствовать нужду въ высшей опорѣ. Это пережила и усопшая; поэтому съ наслажденіемъ упивались смысломъ словъ Спасителя нашего: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы,* и пожелала, чтобы эти божественно-высокія и божественно-утѣшительныя слова были высѣчены на ея могильномъ камнѣ. Настроеніе истинно христіанское! Да приведетъ оно твою, усопшая, стремительную и впечатлительную душу туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, но гдѣ жизнь безконечная и безмятежная».

Сряду послѣ И. С. Бердникова выступилъ А. А. Некрасовъ, который много и съ великимъ самоотверженіемъ послужилъ усопшей въ томительно-долгій, почти годовой періодъ ея послѣдней болѣзни, равно какъ и супругу ея своему сотоварищу въ трудѣ служенія изнемогающей. Оттого въ рѣчи его очерчены такія стороны характера и дѣятельности почившей, которыя не всѣмъ одинаково были извѣстны:

«Удивительно, братіе, но истинно: въ лицѣ усопшей мы

съ собою во гробъ завѣтнѣйшія наши чаянія». Наша не-
смысленность, косность нашего сердца безсильны неизбежно
вѣровать Моисею и пророкамъ о Немъ. Какъ богачу во адѣ,
намъ хотѣлось бы иной разъ, чтобы изъ мертвыхъ кто-ли-
бо воскресъ и явился намъ лично и сказалъ, что такое
тамъ за гробомъ; или какъ Самъ, хотѣлось бы вложить
перстъ въ язвы гвоздинныя и руку въ прободенное ребро
Воскресшаго. Да мы нашими дерзновенными изслѣдованіа-
ми о Его бытіи и смерти, язвахъ и воскресеніи, это и дѣ-
лаемъ, дерзновенно влагая въ прободенное ребро Его любви
къ намъ грубый перстъ разсудочнаго анализа. И все же
при цѣломъ облакѣ бесспорно-научныхъ историческихъ сви-
дѣтелей и свидѣтельствъ, *очи наши большею частію дер-
жатся, да Его не познаютъ.* Явленіе грустное, но есте-

лишились одного изъ дѣятелей на поприщѣ развитія рели-
гіозно-философской науки. Приходилось слышать, что она
подавала большія надежды въ будущемъ; скажу болѣе: она
уже осуществляла эти надежды въ настоящемъ. Многого
многіе не знаютъ; но едвали не всѣ учащіе здѣсь знаютъ,
какъ въ бесѣдахъ съ нею оживлялась мысль собесѣдующа-
го. Немногіе знаютъ, какъ основательно и разумно ставила
она вопросы, которые въ наше время стоятъ на очереди; но
многіе знаютъ, какую долю участія принимала она въ пе-
реводѣ одного капитальнаго, но труднаго философскаго сочи-
ненія: *Богъ и природа—Ульрици*, хотя имени ея на этомъ
сочиненіи и не встрѣчаемъ. Въ скоромъ времени слѣдуетъ
ожидать появленія въ свѣтъ другаго сочиненія богослов-
скаго характера, въ переводѣ котораго она принимала уже
болѣе, чѣмъ половинное участіе. Правда и на этомъ трудѣ
мы, по всей вѣроятности, не встрѣтимъ ея имени; о дру-
гихъ трудахъ ея въ томъ же родѣ многіе не знаютъ, и мы

ственное. Естественное потому, что Онъ ощутительно яв-
ляется не холодному анализу разсудка, но теплотѣ сердеч-
ной; открывается горячей любви, любви не словомъ и язы-
комъ, но дѣломъ и истиною. А эта сердечная теплота, эта
христіанская любовь, союзъ—завершительный узелъ хри-
стіанскаго совершенства, можетъ быть только увѣнчаніемъ
труда цѣлой нашей жизни. Потому весь трудъ нашей жи-
зни, пламеннѣйшія наши молитвы должны быть направле-
ны къ тому, чтобы хотя тогда, какъ день нашей жизни
склонится къ вечеру, когда на наши очи надвинется гроз-
ная тѣнь смерти, чтобы хотя тогда Онъ воскресшій, без-
мѣрно кроткій и любве-обильный нашъ Спаситель возлежъ
съ нами на одрѣ нашего смертнаго изнеможенія, *и примъ
благословилъ для насъ хлѣбъ животный*, божественное свое

умалчиваемъ. Но дѣло не въ томъ... Я хочу сказать только, что
она начала уже осуществлять тѣ надежды, какія возлагали на
нее знавшіе ее. Если же столько пользы мы видѣли, а еще
болѣе могли ожидать отъ усопшей; то почему же Господу
угодно было взять ее отъ насъ?... На этотъ вопросъ отвѣчать
не намъ... Не могу не замѣтить лишь одного: не легка
была жизнь усопшей,—не легка потому, что мысль и чув-
ство или теорія и жизнь были въ ней нераздѣльны. Дру-
гіе удовлетворяются тѣмъ, что выработали тотъ или дру-
гой взглядъ на вещи; но для усопшей видѣть, какъ часто
и признаваемая истинною и полезною для человѣчества
мысль далеко не оправдывается въ жизни,—видѣть этотъ
разладъ мысли съ жизнью было едвали не также тяжело,
какъ намъ тяжело видѣть угасшими вмѣстѣ съ настоящею
ея жизнію надежды наши на нее. Усопшая сестра наша
часто говаривала: «если такой-то принципъ хорошъ; такъ
отчего же многіе не живутъ по этому принципу»? Позво-

тѣло, и *преодоливъ* преподалъ намъ не въ судъ или во осужденіе, но во исцѣленіе души и въ залогъ воскресенія тѣла, и отверзъ намъ очи и явился намъ самъ кроткимъ Отцемъ духовъ, принимающимъ въ руцѣ свои духъ нашъ. И Онъ явится и дастъ духу нашему ясное видѣніе и даже окружающимъ нашъ смертный одръ неодолимое ощущение и бытія своего и благоволенія, какъ непрерываемо явилъ это всѣмъ намъ въ свѣтломъ исходѣ почившей предъ нами нашей сестры.

И вотъ, смѣемъ думать, тотъ желанный откликъ изъ

ляю себя спросить усопшую: если она, какъ мнѣ известно, сама сознавала, что ей нужно жить,—нужно для уясненія себя тѣхъ вопросовъ, какими она задавалась, и для семейства, такъ отчего же она оставила здѣшнюю жизнь, не успѣвъ ни дѣтей воспитать, ни выяснить себя безконечно многого?..... Успокойтесь, братіе; главный религіозно-философскій вопросъ рѣшенъ ею давно: *себя не знаетъ*, говорила она, *тотъ, кто утверждаетъ, что въ его сердцѣ нѣтъ вѣры въ Бога; нѣтъ человека, которому не присуща была бы эта вѣра*. И вѣра ея спасла ее: не пускаясь въ длинные размышленія, замѣтимъ одно: для религіознаго чувства какъ-то отрадно видѣть смерть въ день воскресенія Христова. Въ этотъ день мы особенно расположены видѣть въ смерти не смерть, а оживленіе: Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ *смертію смерть поправъ* и сущимъ во *гробѣхъ животъ* даровавъ.

Наконецъ выступилъ почтенный уже и по лѣтамъ жизни и службы профессоръ И. Я. Порфирьевъ, какъ «представитель стараго поколѣнія», и въ живыхъ практически-выразительныхъ словахъ воздалъ долгъ глубочайшаго душевнаго уваженія усопшей, въ которой академическая семья потеряла женщину образцовую, истинно-достойный плодъ

этого гроба, изъ этихъ мертвыхъ устъ, изъ этой совершившейся на нашихъ глазахъ мирной и свѣтлой христіанской кончины, изъ этой чистой, полной высокихъ думъ, вѣрной своему призванію жизни,—откликъ, который безъ всякой натяжки для нашего убѣжденія, выражается въ этой анаграммѣ и всего христіанства и настоящихъ свѣтло-празднественныхъ дней и всѣхъ болѣе и чаяній, колебаній и незыблемой вѣры христіанскихъ душъ: *Христосъ воскресъ! Воистину воскресъ! Аминь*.

1870 г.

воспитанія новѣйшаго, скромную столько же, сколько и полную отраднѣйшихъ качествъ, высоко-развитую, непрерывно работающую головою и мыслию столько же, сколько и чувствомъ и руками, строго сдержанную столько же, сколько и глубоко-скромную, мягко-привѣтливую и снисходительную, кроткое украшеніе круга сверстниковъ и сверстницъ и образецъ, «которому—мы надѣялись», такъ заключилъ свою живую рѣчь почтенный ораторъ, «будутъ по-дражать наши дѣти»...

Позволяемъ себя напечатать эти рѣчи въ видахъ показать фактически, какія и въ наше маловѣрное и растлѣвающееся время бываютъ еще въ только чистыя, но и высокія христіанскія души.

ПОУЧЕНИЕ

на четвертый день святыя пасхи, 6-го апрѣля 1865 г.
въ день столѣтняго поминовенія Михаила Васильевича
Ломоносова на мѣстѣ его погребенія въ Александро-
Невской лаврѣ.

Христосъ воскресъ!

Не сердце ли наше горьло въ насъ, егда глаголаше намъ на пути и егда сказоваше намъ писанія (Лук. 24, 36)!

Какъ много говоритъ внимающимъ возглашенное нынѣ за литургіей чтеніе евангелія о явленіи Воскресшаго, въ первый день воскресенія, двумъ ученикамъ, шедшимъ изъ Іерусалима въ Еммаусъ,—чтеніе о томъ, какъ на пути они бесѣдовали между собою о чудныхъ произшествіяхъ послѣднихъ дней и какъ приблизился къ нимъ и пошелъ съ ними самъ Іисусъ;—какъ они, по особому омраченному тугою и сомнѣніями состоянію своихъ душъ, видя, не узнавали Воскресшаго;—какъ Ему самому рассказывали обстоятельства Его смерти и первыя вѣсти о воскресеніи;—какъ Онъ, укоривъ ихъ въ несмыслии и косности сердца, растолковалъ имъ на основаніи Писаній, что Христу надлежало пострадать и чрезъ страданія внити въ славу свою, и какъ вотъ

среди взаимныхъ бесѣдъ всѣ трое приблизились въ весь, въ которую шли, въ недалеко отстоящій отъ Іерусалима Еммаусъ, и Господь показывалъ видъ, что Ему надо итти дальше; а ученики въ неясно-сознаваемой тревогѣ сердца, въ ясно-сознаваемомъ однакоже чувствѣ, что не хотѣлось бы, что тяжело такъ скоро разстаться съ дорогимъ Собесѣдникомъ, нудили Его говоря: *отдохни съ нами, такъ какъ время подошло къ вечеру и день преклонился къ ночи*;—какъ зашелъ съ ними Господь обещи—отдохнуть,—тамъ предложили Ему раздѣлить ихъ пасхальную трапезу, и вотъ Онъ, возлегши съ ними, взялъ хлѣбъ, какъ дѣлалъ это и прежде до смерти, и благословилъ и сталъ подавать имъ; и въ эту минуту отверзлись у нихъ очи и они узнали Его, и Той невидимъ бысть има; и говорятъ они себѣ; *не горьло ли въ насъ наше сердце, когда говорилъ Онъ намъ на пути и какъ толковалъ намъ Писанія*; и какъ воставъ тотъ-же часъ возвратились въ Іерусалимъ, гдѣ рассказали все единонадесяти и всѣмъ прочимъ ученикамъ Господнимъ; гдѣ вмѣстѣ съ прочими сподобились въ тотъ-же вечеръ новаго явленія, а послѣ, надо думать, и другихъ явленій Воскресшаго, кончившихся Его вознесеніемъ; послѣ чего Его ученики, проникнутые неодолимымъ мужествомъ, внутренно преобразованные, осѣненные силою свыше, пошли по завѣщанію Его учить вся языки, и рыбаки преобразили лицо міра.

При чтеніи этого евангелія невольно думается, что есть сходство между излагаемымъ въ евангеліи событіемъ и поминовеніемъ, которое мы нынѣ совершаемъ. Мысль эта возникаетъ тѣмъ естественнѣе, что явленія воскресшаго Господа св. апостоламъ легли въ основу всѣхъ христіанскихъ обрядовъ и обычаевъ погребенія и поминовенія усопшихъ. Думается, что вотъ и изъ нашего Іерусалима, со всѣхъ кон-

цовъ престольнаго града, какъ и изъ разныхъ концовъ пространнаго отечества, подвиглись мы сюда въ эту посвященную славъ Воскресшаго обитель иноковъ, умершихъ для міра, и покойниковъ, живыхъ для Бога, церкви и памяти потомства, пѣть: *Христосъ воскресъ*—надъ столѣтнею могилою блаженный и славный памяти раба Божія Михаила, нашего приснопамятнаго Ломоносова, общаго нашего и отцевъ нашихъ и будущихъ потомковъ дорогаго учителя въ наукахъ. И у насъ въ груди, какъ у двухъ Еммаусскихъ путниковъ, горитъ огнемъ любви и свѣтомъ радости наше сердце при совпадении двухъ свѣтлыхъ торжествъ, христіанскаго вселенскаго и христіанскаго русскаго. Какъ сто лѣтъ тому назадъ день смерти, такъ и теперь день столѣтняго поминовенія нашего славнаго Ломоносова совпали съ свѣтлыми пасхальными днями. Сто лѣтъ тому назадъ день жизни его склонился къ своему закату 4 апрѣля на второй день тогдашней пасхи; а теперь и другой болѣе продолжительный день столѣтняго пребыванія праха его въ землѣ, а духа въ небѣ, склонился къ своему исходу въ первый день пасхи настоящей. А поминаемъ мы его, надо думать, въ день его погребенія. Думается, что вотъ онъ былъ сегодня, есть и будетъ господствующимъ предметомъ нашихъ воспоминаній и молитвъ, бесѣдъ и пѣснопѣній; что вотъ и трапезы въ честь и память его уготованы: здѣсь въ храмѣ Божіемъ духовная молитвенная, а тамъ въ вышемъ храмѣ наукъ на мѣстѣ его служенія трапеза мысли и слова, а тамъ далѣе и вещественная свѣтло-празднественная. И вѣрится, что сто лѣтъ тому назадъ отшедшій далеко отъ насъ въ горнія обители, духъ его пойдетъ вмѣстѣ съ нами въ этотъ день его поминовенія къ мѣсту упокоенія его праха, участвуя самъ въ молитвахъ нашихъ, возносимыхъ за него; понесется и почіетъ съ своими учениками

и тамъ въ храмѣ науки, гдѣ будутъ поминать его словомъ, и тамъ, гдѣ будутъ поминать его хлѣбомъ—солью. Вѣрится тѣмъ естественнѣе, что, по чаянію христіанскихъ сердецъ, почившіе сами невидимо присутствуютъ съ нами за поминальными въ честь ихъ собраніями. Св. апостолы по этой вѣрѣ, въ своихъ собраніяхъ со дня воскресенія до вознесенія Господа, полагали для Него даже особый артосъ за общую свою трапезою, за которою Воскресшій иногда являлся и видимо. Думается, что съ этого свѣтло-празднественнаго дня, вся Россія станетъ пристальнѣе всматриваться въ достолюбезный обликъ поминаемаго и прославляемаго нынѣ всероссійскаго учителя въ наукахъ: ибо *очи наши, по разнымъ вліяніямъ, досель держатся, да его не познаетъ вполне*. А съ нынѣшняго дня конечно Россія вознаетъ его, изучитъ и оцѣнитъ его во всемъ его величии, во всей возвышенности его духа и чистотѣ помысловъ, во всей громадности его вліянія и предначертаній.

Безъ сомнѣнія это поставятъ себѣ задачею представители русской мысли и науки,—задачею, которую съ своей стороны они начали уже и выполнять. Это побуждаетъ и насъ сказать свое почтительное слово объ общемъ нашемъ учителѣ, всѣмъ намъ дорогомъ Михаилѣ Васильевичѣ Ломоносовѣ. При этомъ въ чужую область мы не войдемъ. Въ Ломоносовѣ, этомъ прототипѣ всесторонне развитаго русскаго человека, мы почтительно остановимъ свои взоры на той изъ многихъ его достоподражаемой личности сторонѣ, о которой намъ наиболѣе говорить прилично.

Обращая взоры свои, просимъ и другихъ обратить свои взоры на то, что Ломоносовъ, первый русскій ученый, естествоиспытатель, историкъ, ораторъ, стихотворецъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мыслитель истинно-русскій, истинно-христіанскій. Просили бы мы кое кого не забывать, что сынъ

крестьянина по отцу, своею матерью имѣлъ онъ дочь діакона;—она, ея духъ, ея семейныя преданія дали одинъ изъ первыхъ толчковъ пробужденію духовныхъ силъ ея дитяти, направляя и первоначальное развитіе ихъ въ извѣстную сторону въ духѣ происхожденія и склонностей матери. Просили бы мы не забывать, что грамотѣ училъ его церковный дьячекъ, его первую школу послѣ дьяческой избы были церковь и церковный клиросъ, первыми учебными книгами часословъ и псалтирь; а первыми учителями его были въ языкознаніи Мелетій Смотрицкій съ своею грамматикою, а въ стихотворствѣ Симеонъ Полоцкій съ переложенною имъ въ стихи Псалтирю, что въ Москвѣ отъ голодной смерти спасъ его и въ школу привелъ монахъ,—образовали его монастыри и два старѣйшія духовныя училища Московское Заиконоспасское и Кіевское; что воспитанный лицами священнаго сана, вскормленный вещественнымъ и духовнымъ хлѣбомъ церковнымъ, онъ и самъ готовъ былъ принять священный санъ и посвятить себя на служеніе церкви; что наконецъ и въ Академію наукъ устроилъ его архіерей, знаменитый Феофанъ Прокоповичъ: что, значить, по крови и воспитанію онъ очень много принадлежитъ намъ, нашему духовному сословію; что изъ трехъ, извѣстныхъ въ литературѣ современниковъ отдавая кому угодно Сумарокова вполне и всецѣло,—Тредьяковского, неуспѣвшаго утвердиться въ нашемъ направленіи и съ незрѣлой молодости подчинившагося вліянію инороднымъ, отдавая большую часть,—на Ломоносова, по его происхожденію, по воспитанію, по духу его и направленію всей его жизни, мы имѣемъ право предъявить права весьма значительныя (*). Просимъ, и опять особенно кое кого изъ лю-

(*) Ламанскій въ своемъ біограф. очеркѣ М. В. Ломоносова пишетъ: «почти въ одно и тоже время русской литературѣ даровали наши сословія, каждое по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, духовное—Тредьяковского, дво-

дей въ послѣднее время писавшихъ о Ломоносовѣ просимъ помнить, что съ ранняго дѣтства имѣлъ онъ особливую охоту къ *четью—пѣтью* церковному; что часословъ и псалтирь, всѣ употребительнѣйшія въ церкви молитвы, каноны, пѣсни церковныя, всю псалтирь не только въ подлинномъ ея библейскомъ текстѣ, но и въ стихотворномъ переложеніи, зналъ онъ наизусть; что въ двухъ старѣйшихъ духовныхъ училищахъ основательно изучилъ онъ богословіе и отцовъ церкви; что примѣромъ великихъ отцовъ, богопросвѣщенныхъ испытателей природы, вдохновенныхъ пѣвцовъ величія Божія въ природѣ, каковы были Василій Великій и Григорій Богословъ, былъ онъ поощренъ къ изысканію тайнъ природы; въ высокихъ свято-отеческихъ твореніяхъ, въ богодухновенныхъ писаніяхъ библейскихъ почерпнулъ онъ самъ, совѣтуя почерпать и намъ, богатство и возвышенность роднаго слова; въ твореніяхъ свято-отеческихъ, въ писаніяхъ библейскихъ, равно какъ и въ великой книгѣ природы, проникнутой христіанскимъ мирозерканіемъ, почерпнулъ онъ лучшія истинно-поэтическія свои вдохновенія, такъ что безукоризненными и достойными подражаніемъ, такъ по возвышенности мысли, такъ и по благородству чувства, даже по чистотѣ, правильности и изобразительности языка можно назвать только тѣ изъ его стихотвореній, въ которыхъ воспѣваетъ онъ Бога и дивныя въ

рянское Сумарокова, крестьянское—Ломоносова. Всѣ эти три дѣятеля оставались до конца жизни вѣрными своему происхожденію» (Стр. 23). А въ Извѣстіяхъ Импер. Академіи Наукъ по Отд. Рус. языка и Словесности, Т. VIII, стр. 158, напечатано, что по случаю просьбы Тредьяковского изъ Парижа въ Свят. Синодъ, о ежегодномъ жалованьи, «по справкѣ въ Славяно-греко-латинской Московской Академіи» оказалось: вышеозначенной бывший въ Латинскихъ школахъ, нынѣ же обрѣтающійся въ Парижѣ, для ученія философскихъ и богословскихъ наукъ ученикъ Василій Тредьяковскій во оныя школы опредѣленъ былъ въ прошломъ 723 году изъ поповыхъ дѣтей и былъ въ риторической наукѣ, и въ прошломъ 725 году (значить, былъ

міръ дѣла Божіи; что одинъ изъ его гимновъ до сихъ поръ остался молитвеннымъ поэтико-музыкальнымъ выраженіемъ благоговѣйныхъ къ Богу чувствъ христіанскаго воинства, да можно сказать и нашего народа. Просимъ помнить, что вѣра въ Бога была единственною путеводною звѣздою его жизни,—она одна спасала его не разъ отъ явной гибели; что безъ водительства вѣры Ломоносовъ не былъ бы нашимъ Ломоносовымъ, предъ которымъ мы благоговѣемъ, а стигнулъ бы безвѣстно и безслѣдно или рыбакомъ гдѣ либо на пустынномъ берегу Бѣлаго моря или сѣверной Двины, или съ голоду въ Москвѣ, или въ долговой Германской тюрьмѣ, или солдатомъ въ Прусской крѣпости; что вѣра въ Бога подкрѣпляла его и въ академической дѣятельности среди тяжкихъ испытаній, среди непониманія, зависти, вражды, поощряемыхъ его увлеченіями и дѣйствительными слабостями; что вѣра въ Бога, основательное изученіе ея въ христіанскихъ источникахъ не помѣшали ему основательно изучать строеніе коры земной и химическое сочетаніе элементовъ матеріи, напротивъ одно въ немъ помогло другому; помогло ему объять и міръ и человѣка и величіе Творца въ живомъ и цѣлостномъ единствѣ сколько научнаго подробнаго глубокообстоятельнаго, столько же и возвышеннаго поэтическаго христіанскаго міросозерцанія; одно въ союзѣ съ другимъ помогло ему избѣгать крайностей съ одной стороны мертвато-схоластическаго буквализма фарисея, а съ другой бездушнаго скептика матерьялиста; что вѣра въ Бога и знаніе богословія, непомѣшавъ ему быть первымъ русскимъ ученымъ, математикомъ, физикомъ, химикомъ, металлургомъ, геологомъ, астрономомъ, основателемъ рус-

въ нашихъ школахъ не болѣе двухъ лѣтъ) изъ оной Академіи ъѣхалъ (въ слѣдствіе одного проступка), а не по отпуску изъ оной Академіи отбылъ, и въ Парижъ для высшихъ наукъ ни по какому указу изъ оной Академіи отправленъ не былъ.

скихъ стихотворства, правильной прозы, исторіи, нашихъ университетовъ, помогли ему осуществить въ себѣ первообразъ высокоразвитаго цѣльнаго русскаго человѣка.

Обращаемъ же и къ современнымъ намъ представителямъ русской мысли и науки нашу просьбу, чтобъ они были ему подражателями, сколько и въ чемъ могутъ.

Не намъ напоминать имъ, ихъ первообразъ, общій намъ Ломоносовъ пусть напомнитъ имъ ихъ обязанность не только учиться, но и учить, народъ учить. Народъ своимъ потовымъ трудомъ давалъ и даетъ намъ средства, на досугѣ отъ грубыхъ трудовъ для удовлетворенія первыхъ потребностей, достигать нашего развитія; за это мы должны платить ему, возвращая виѣдряя результатъ нашихъ трудовъ — наше знаніе въ среду народа; иначе почва только питающая, но возвратно не питаемая истощается. Это къ несчастью мы видимъ....

Кто не понимаетъ, что теперь настоятъ особая нужда вѣстись за обученіе, за воспитаніе народа? Съ тысячелѣтіемъ царства, съ столѣтіемъ перваго русскаго университета и памяти Ломоносова, разомъ упали на насъ небывалое возбужденіе народной мысли, уничтоженіе рабства съ одной стороны, душевладѣнія съ другой, почти полная равноправность предъ закономъ, ограниченіе, если только не уничтоженіе грубыхъ наказаній, зачатки свободныхъ выборовъ и народнаго самоуправленія. Однимъ словомъ, средніе вѣка нашей исторіи кончились, начался новый циклъ нашей народной жизни. А народъ, эти не просвѣщенные наукою милліоны, съ крайне малымъ запросомъ на умственный трудъ и облагороженные наслажденіемъ, съ ничтожнымъ навыкомъ управлять собою и грубыми страстями, долженъ ли, можетъ ли нашъ народъ остаться въ такомъ состояніи? Это потребность сказавшаяся внутри нашей народной жизни. А вотъ и другая однород-

ная же потребность сказавшаяся извиѣ: сказалась ощутительная для нашего народа нужда—органически силою внутреннего развитія, духовной притягательности привязать къ себѣ до сихъ поръ привязанныя къ намъ почти одною силою покоренія закраины отечественнаго народонаселенія, племена финскія, латышское, литовское, польское, татарскія, азійскія. А тамъ за рубежомъ отечества родныя по крови, языку и вѣрѣ племена славянскія ждутъ воздѣйствія нашего внутреннего развитія на развитіе въ нихъ народнаго самосознанія.

Но чтобъ развѣивать, чтобъ учить темныя массы народа, представители науки должны спуститься къ народу, отъ котораго разные историческіе вѣтры оторвали ихъ, спуститься невещественно. А впрочемъ и вещественно: не единицами или десятками или даже сотнями свѣтилъ, болѣе или менѣе ярко свѣтящихся на недосигаемыхъ для очей народа литературныхъ высотахъ въ нашихъ центрахъ научной дѣятельности, но тысячами сообщителей народу полезныхъ знаній должны они спуститься, и опять не только до извѣстныхъ городскихъ сферъ народо-обученія, опять весьма малодоступныхъ для народа, но въ самую среду его въ села и веси. А еще болѣе они должны спуститься до народа нравственно,—великодушно снизойти до обученія народа въ томъ духѣ, въ какомъ онъ можетъ и захочетъ обучаться у нихъ, въ духѣ кореннаго направленія его народности, въ духѣ православной его вѣры.

Нужно ли доказывать, что кому бы то ни было прать противъ этого рожна успѣшно и безнаказанно да и всячески невозможно? Нужно ли напоминать, почему не привились къ народу слишкомъ смѣлыя и малозрѣлыя теоріи геологическія и социалистическія въ воскресныхъ школахъ, какъ и самыя школы, когда и буквари съ благочестивымъ церковнымъ направленіемъ, даже при нашемъ пособіи, не-

вездѣ успѣшно замѣняются разными новоизобрѣтенными азбуками и азбучными таблицами? Не тѣмъ—не народнымъ духомъ отъ нихъ вѣетъ. Нужно ли доказывать, что вѣра народа есть его физіономія, мало этого—его душа,—что православная церковь, была есть и будетъ мать его самосознанія, была есть и должна быть его воспитательница. А мать у сына отнимать опасно, душу ломать больно, а иногда даже убійственно, физіономію стирать невозможно, исказить можно, а улучшить трудно. Даже разумно ли жалѣть, что я родился самъ собою, съ такимъ, а не другимъ лицомъ, отъ своей, а не чужой матери,—что породились мы нашимъ народнымъ самосознаніемъ отъ православной Византіи, а не Китая или Индіи или ближайшаго къ намъ Рима, откуда къ общему несчастью, къ гибели многихъ взаимно истерзанныхъ, избитыхъ погребѣній, заняли свою вѣру братья наши по крови и кровные наши враги по всему тысячелѣтнему развитію своей исторіи Поляки? Нужно ли напоминать, что главный рычагъ привлеченія къ намъ единокровныхъ намъ зарубежныхъ славянскихъ племенъ заключается въ нашемъ единовѣріи? Нужно-ль напоминать, что наша вѣра есть наша крѣпость, была, есть и—по всему надо полагать—останется якоремъ нашего спасенія въ невзгоды отечества, каковы были погромъ татарскій, нашествія Мамаевы, Тамерлановы, польскія, французскія и всякія инныя,—была, есть и останется сердцевиною самоличнаго народнаго бытія нашего? Нужно ли напоминать, что крестъ и евангеліе Христовы были знаменемъ побѣды христіанскихъ народовъ, и нашего въ томъ числѣ, надъ всѣми народами нехристіанскими,—что во всѣхъ частяхъ свѣта они или, принимая христіанство, сливаются съ побѣдителями, или даже, потерія особыхъ насилій, сами собою исчезаютъ съ лица земли, какъ и у насъ въ Сибири?

Нужно ли поэтому, полезно ли заботиться намъ объ истребленіи въ насъ нашей вѣры?

И поэтому-ль одному не нужно, по однимъ-ли только историко-политическимъ соображеніямъ о ея полезности? Нѣтъ, она сама по себѣ драгоценна, даже неизбежна. Надо быть нравственнымъ уродомъ, чтобъ отрицать ея нравственную сторону: ея нравственные глаголы всегда близъ *человѣка, во утѣхъ и въ сердцѣ его*. Но отрицающимъ ея теорію, не касающуюся непоколебимыхъ историческихъ основъ христіанства, предложимъ вопросъ, отчего не видѣли они никогда ни одного народа безъ вѣры въ Бога, въ бытіе безсмертнаго духа? Оттого, что религія неотдѣлима отъ природы человѣка, какъ сама природа,—религія есть выраженіе двойственности нашей природы, выраженіе съ одной стороны ограниченности и безпомощности человѣка въ виду необъятныхъ силъ природы, а съ другой выраженіе потребности и способности не только стремиться къ безконечному, но и достигать, хотя и не обнимать его въ идеѣ, въ самоусовершенніи, въ творествѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ поэзіи, въ молитвѣ, во всегдашнемъ томленіи духа по лучшей долѣ, по небѣ и вѣчности, по безсмертіи и воскресеніи: такъ какъ человѣку, естественному единству духа и вещества, немислимо существованіе духа безъ формъ тѣлесныхъ, а еще менѣе мыслимо уничтоженіе самоличнаго духа,—такъ что не для того нужна намъ душевная сила, чтобъ вѣрить въ бытіе безсмертнаго самосознающаго духа, а напротивъ для того чтобъ не вѣрить. И это испытаетъ каждый изъ насъ, когда при неомраченномъ болѣзнію сознаніи ударить для насъ послѣдній смертный часъ: такъ захочется тогда жить, что повѣрится жизни вѣчной.

Въ доказательство бытія въ насъ неуловимой для разсудочнаго мышленія духовной силы, мы можемъ сослать-

ся на одинъ поразительный фактъ въ жизни нашего Ломоносова, на видѣніе имъ смерти своего отца. Вотъ этотъ фактъ. На пути изъ Голландіи въ Россію на кораблѣ Ломоносовъ видитъ сонъ: вотъ отецъ его рыбакъ плыветъ на лодкѣ по Ледовитому морю, поднялся вѣтеръ, шумятъ волны и готовы поглотить пловца; сынъ хочетъ кинуться къ нему на помощь, но руки и ноги его онѣмѣли; лодка, грянувшись о берегъ близъ лежащаго острова, разбивается въ щепы; отецъ борется съ волнами, вынырнулъ было, вскрикнулъ: «Михайло!» и исчезъ, а потомъ выкинутъ на берегъ. По прибытіи въ Петербургъ, не имѣя покоя въ душѣ при неотступной мысли, что отецъ его лежитъ непогребенный, Ломоносовъ, употребилъ много усилій отыскать въ столицѣ своихъ земляковъ. Спрашиваетъ, что случилось съ его отцемъ; а тѣ отвѣчаютъ, что въ началѣ весны съ товарищами отправился въ море, но вотъ уже четыре мѣсяца о нихъ нѣтъ никакого слуха. Не имѣя покоя въ душѣ, Ломоносовъ самъ хочетъ ѣхать на видѣнный во снѣ островъ, знакомый ему съ дѣтства, но отпуска изъ Петербурга не получилъ. Тогда онъ упросилъ мѣстныхъ рыбаковъ побывать на томъ островѣ и, если найдутъ тѣло отца его, предать его честному погребенію. Тѣло отца было найдено и погребено. Съ скептиками спорить не станемъ; а по нашей вѣрѣ, тутъ духъ отца сказалъ духу единственнаго сына о своемъ предсмертномъ томленіи и посмертной тугѣ вслѣдствіе того, что тѣло остается безъ погребенія и молитвъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣлъ на дѣло самъ Ломоносовъ.

Соединимся же всѣ во имя этой вѣры обще-уважаемаго нами учителя, вѣры нашего народа, бесспорно-совершеннѣйшей вѣры всего человѣчества,—вы представители науки, и вы представители власти и достатка, удостойте соединиться съ нами представителями вѣры, въ дѣлѣ народнаго просвѣ-

щенія. Распространять свѣтъ знанія это дѣло ваше, дѣятели науки, завѣщанное вамъ вождемъ вашего сонма Ломоносовымъ; но и наше дѣло, завѣщанное намъ Воскресшимъ нынѣ просвѣтителемъ всего человѣчества. Вы будете столько великодушны, съ этого знаменательнаго дня, перестанете съ пренебреженіемъ попрекать насъ нашими букварями и псалтирями, нашими часословами и схоластикою: ни то, ни другое не помѣшало, а напротивъ помогло Ломоносову стать Ломоносовымъ. Вы будете даже столько справедливы, признаете за нами ту заслугу, что въ продолженіи восьми вѣковъ, безъ римско-папистическаго преобладанія, мы были почти единственными учителями не только народными, но и вашими, а народными и до сихъ поръ остаемся главными. И конечно, мы вамъ не помѣха: власть и средства въ вашихъ рукахъ. Наоборотъ мы убѣдительно просимъ васъ вмѣстѣ съ нами спуститься, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, въ числѣ намъ равномъ, а не то и большемъ, въ эту черноту и мракъ народной жизни, къ которымъ мы привыкли такъ крѣпко, а вы такъ мало, жить тамъ рядомъ съ нами и общими дружными усиліями просвѣщать и очищать ее.

Но воскресенія день и просвѣтимся торжествомъ и другъ друга обнимемъ, рцѣмъ братіе и ненавидящимъ насъ, — простимъ другъ другу вся воскресеніемъ! Но день воскресенія въ нашей благоговѣйной памяти всѣмъ намъ дорогаго общаго нашего учителя! Соединимся же въ завѣщанномъ имъ, обще дорогомъ всѣмъ намъ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, соединимся искреннимъ братскимъ сочувствіемъ. Пора. Раздробленіе одного, именно еврейскаго народа на книжниковъ, саддукеевъ, фарисеевъ, а тамъ внизу на темныя толпы темнаго народа было знакомъ его гибели нравственной и предвѣстіемъ гибели политической. Со-

единимся, и тогда вся Россія встрепенется отъ многовѣковаго умственнаго сна. И скоро увидятъ въ ней быстрое умноженіе разумаго свѣта, нравственной правды, широкихъ дѣлъ общественнаго милосердія, училищъ, богоудныхъ учрежденій. Воскреснетъ въ насъ нашъ Богъ, и расточатся врази Его, исчезнутъ яко исчезаетъ дымъ, растаютъ яко таетъ воскъ, не отъ кровавыхъ насилій побѣгутъ отъ насъ, а къ намъ привлекутся привлекательностью нашего нравственнаго совершенства.

Запечатлѣмъ же нашъ искренній союзъ у столѣтней могилы въ благознаменитый день столѣтняго поминовенія, какъ заключили и въ день погребенія нашего славнаго Ломоносова. Какъ тогда вмѣстѣ съ дѣятелями науки, съ сановниками государства и великимъ соборомъ народа, отдать послѣдній долгъ великой чистой душѣ, съ великимъ сонмомъ священнослужителей, подвиглись старѣйшіе іерархи, архіепископы новгородскій и с.-петербургскій; такъ и теперь вмѣстѣ съ вами воздвигаемся мы великимъ сонмомъ вѣлѣды за предстоятелями всей російской церкви, св. правительствующимъ Синодомъ на славную могилу. *Христосъ воскресъ*, которое въ вашемъ присутствіи мы поемъ и пѣть будемъ надъ славною могилою, всѣ мы едиными усты и единымъ сердцемъ, полнымъ живой вѣры, обратимъ къ небу, гдѣ нѣтъ мертвыхъ, а царствуетъ вѣчная жизнь, къ живущему тамъ духу общепомимаемаго нами труженика науки и, по обычаю нашихъ отцевъ, отъ сердца вмѣстѣ воскликнемъ: *Христосъ воскресъ*, достолюбезный всѣмъ намъ Михаилъ Васильевичъ! И кости его во гробѣ встрепенутся и духъ въ сферахъ небесныхъ затрепещетъ отъ радости, почувствовавъ искренность нашего союза въ этомъ словѣ, въ молитвѣ, въ вѣрѣ, въ общемъ нашемъ сочувствіи къ дорожному имъ завѣщанному намъ дѣлу народнаго

образованія. При искренности этого союза можно надѣяться, что въ приснопамятный день смерти, поминаемого и прославляемого нами теперь чрезъ 100 лѣтъ по смерти великаго труженика науки и насадителя ея въ нашей землѣ, Михаила Васильевича Ломоносова, по христіански помянетъ его и чрезъ 1000 лѣтъ вся счастливая и славная, сплоченная единствомъ духа, вѣры, языка, историческихъ воспоминаній, единая и цѣльная Россія отъ Поморья и до Мореи, отъ Юрѣва и Архангельска и до Ново-Архангельска. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

въ высокаторжественный день рожденія благочестивѣйшаго Государя Императора **АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА** къ воинамъ, отправляющимся въ походъ.

Христось воскресе!

И съ праздникомъ, съ двумя праздниками поздравляемъ васъ. Къ вамъ наше слово, христілюбивые воины, какъ за васъ нынѣ возносится и особая наша молитва.

Съ высокаторжественнымъ, высокорадостнымъ днемъ рожденія благочестивѣйшаго Государя нашего поздравляемъ! Поздравляемъ и съ отправленіемъ въ далекій славный путь! Поздравляемъ съ этимъ праздникомъ и васъ и себя.

Славное, веселое время походъ для русскаго воина, походъ за родное, за доброе, за христіанское дѣло. Собственными очами видѣли мы въ недавнее прошлое время, какъ поднимались, вольною волею, Донцы козаки биться, въ недавнюю Сербско-Черногорскую войну, за родныхъ славянъ, за восточныхъ христіанъ. Старія кости поднимались, сѣдые бороды шли воевать. Можно сказать, что молодыхъ между ними и не было. Ихъ не пускали, не велѣно было. Молодые вотъ теперь понесутся. А шли отцы семействъ, старые дѣды. «Да куда вы? Да за чѣмъ вы? — Сердцу не терпится

на печи лежать» — отвѣчали дѣды на подобные вопросы, — «хоть старыя кости поразмять. Кровь пролить за Христову братію». — Повѣрьте, это не придуманныя мною фразы. Эти слова слышались изъ устъ всякаго, уходящаго тогда, вольною волею, на войну. И еслибъ это движеніе было поддержано, еслибъ было позволеніе для всякаго, еслибъ были для всякаго военные способы, то и тогда на Дону, да и всюду на Руси, двинулось бы полстраны. И Боже мой! Сколько воодушевленія, скажу больше — сколько энтузіазма было, когда провожали на Дону вольныхъ ратниковъ-крестоносцевъ, особенно-же первую партію. Восклищанія длились цѣлые часы. Многотысячная толпа, на открытомъ воздухѣ, не переставала пѣть царскій тропарь: «*Спаси, Господи, люди твоя*»... Самимъ отправляющимся ратникамъ не было проходу, за тѣснившимся около нихъ народомъ, до вагоновъ, на которыхъ они уѣзжали. Путь ихъ не усыпанъ, а застланъ былъ цвѣтами. Пусть масса, съ теченіемъ времени, поохладѣла. Но эти минуты свидѣлствуютъ, что энтузіазмъ массъ доходилъ тогда до громадной, почти небывалой въ нашей исторіи, высоты. А народному энтузіазму достаточно разъ сдвинуть съ неподвижной основы народную силу, — и эта сила сдѣлаетъ свое богатырское дѣло. Этотъ всероссійскій энтузіазмъ, не получивъ тогда полного удовлетворенія, превратился въ глухую боль сердець, переносимую, правда, благопокорно, тѣмъ не менѣе чувствуемую глубоко-тоскливо. Это была таже сила, которая порывисто выражалась и во всенародномъ энтузіазмѣ, только сила затаившаяся, ушедшая внутрь, ушедшая уже въ видѣ не радостнаго восторженнаго порыва отваги, а въ видѣ глубоко скрытой сердечной туги, въ видѣ болѣзни, сосредоточившейся у всякаго подъ лѣвымъ ребромъ, около самаго сердца... Теперь слава Богу! Слава русскому Царю, нашему родному

Государю! Теперь стомилліонная грудь Россіи испустить тяжелый, глубокий, но подъ конецъ облегчающій и радостный вздохъ... Слава Тебѣ Господи! Загораживать теченіе исторіи, направлять въ обратную сторону склонъ народнаго чувства, народнаго духа жизни, былъ бы трудъ неблагодарный, какъ загораживать теченіе Бѣлой — рѣки. А по широкой Руси текутъ не Бѣлая только, но и Кама, и Волга, и тысяча другихъ рѣкъ, повинующихся земному тяготѣнію, общему землестроенію, а въ концѣ концовъ — общему міровращенію. Такъ и склоны всенародныхъ думъ и чувствъ, склоны историческихъ теченій, предначертаны перстомъ Божиимъ. И сердце Царево, въ руцѣ Божіей, дало теперь радостно вздохнуть всенародной груди. Мы чуяли русскими сердцами эту отеческую заботу роднаго отца отечества Царя о своихъ дѣтяхъ, это отвращеніе Его къ пролитію крови не только своихъ подданныхъ, но и враговъ нашихъ, — высочайшая гуманность, общечеловѣческое чувство, имѣющее свое сѣдалище въ царяхъ, какъ въ нервныхъ узлахъ челоуѣчества, чувство церственнаго долга щадить кровь челоуѣческую. Мы оцѣнили и нашими умами широкую предусмотрительность одного изъ величайшихъ Самодержцевъ Россіи, отвѣтственную предъ Богомъ и исторіей, предусмотрительность, обнимающую не только достаточность способовъ отважнаго предпріятія въ данную минуту, но и послѣдствія этой отваги на многіе годы, на десятки лѣтъ, на вѣка, для всѣхъ отправленій и проявленій народной жизни. Вѣдь самому опытному, самому широкому государственному уму трудно, въ подобный критическій моментъ народной исторіи, предусмотрѣть и расчесть все, что предусмотрѣть и расчесть необходимо. Такъ мы живо помнимъ, какъ начиналась восточная война 1853 года. Тогда изъ устъ въ уста ходило изрѣченіе одного высокаго политическаго мыслителя:

«эта начавшаяся война—новостроющееся зданіе, заставлен-
ное пока лѣсами; только одинъ Богъ видитъ и знаетъ, а
никто изъ смертныхъ пока не усматриваетъ, какое изъ подъ
этихъ лѣсовъ выйдетъ зданіе». А вышло нѣчто дважды не-
ожиданное,—наша тогдашняя печаль преложилась на ра-
дость. Въмѣсто жданной легкой побѣды вышелъ Севасто-
польскій погромъ; но этотъ погромъ, чрезъ немногіе годы,
на нашихъ глазахъ, превратился въ бессмертно-славную,
безпримѣрно-доблестную въ исторіи Севастопольскую осаду.
А тогдашніе враги Россіи, которые совершили ей пакость,
которые изумили міръ неблагодарностію, одинъ за другимъ,
вслѣдствіе взаимныхъ столкновеній, а много и отъ вліянія
отвернувшейся отъ нихъ Россіи, понесли тяжкіе удары и
невознаградимыя потери. Нашъ единый тогда, какъ почти
и всегда, другъ вознесся на высоту, на которой немногіе до
сего времени въ міровой исторіи ставали, а одинъ изъ
двухъ главныхъ тогда враговъ нашихъ кончилъ гибелью и
безпримѣрнымъ въ исторіи позоромъ. Остается еще одинъ,
по видимому, неуязвимый даже для правосудія небеснаго,
смѣло продающій за сребренники христіанскую кровь, ко-
варно лобзающій съ льстивыми словами, но лобзающій толь-
ко для того, чтобы предать на муку, а себѣ изъ мукъ дру-
гихъ христіанскихъ братій извлечь самую грубую, самую
матеріальную, самую постыдную корысть. Россія же, слава
Тебѣ Господи, за эти два десятка лѣтъ, возмужала, окрѣпла,
стала на высоту гражданственности, на которой прежде не
стояла; шагнула по пути историческаго развитія такъ
быстро, какъ не шагала со временъ перваго преобразовате-
ля Россіи—Петра Великаго, и своимъ безпримѣрно-быст-
рымъ и широкимъ движеніемъ, по манію Царя-Освободите-
ля, поставила Его славу подлѣ славы Петра I, да развѣ
еще Ивана III и Екатерины II, выше славы всѣхъ про-

чихъ, прежде бывшихъ, російскихъ вѣнценосцевъ; по ши-
рокой же гуманности царствованія, по чистотѣ царствен-
ныхъ мѣропріятій, по безпримѣрному миролюбію, по глуби-
нѣ проведеннаго убѣжденія, что цари существуютъ для
счастія народа, которое заключается въ мирѣ и благоден-
ствіи, въ просвѣщеніи и правосудіи, а не въ громѣ крова-
выхъ побѣдъ, поставила благотворно-согрѣвающую свѣто-
зарную славу этого царствованія выше даже славы самаго
великаго изъ вѣнценосныхъ свѣтилъ російской имперіи,
въ поразительномъ блескѣ котораго исторія усмотрѣла по-
ражающія пятна, пятна запекшейся крови, лившейся не
скупо и не несурово. Великой кротости сердца великаго Го-
сударя нашего естественно было стремиться къ тому, чтобы
и послѣ-полуденное время жизни Его было также мирно и
свѣтло, какъ мирно и ярко свѣтилъ полдень. Богъ прису-
дилъ иначе. Жребій войны брошенъ. Что бы ни вышло, но
изъ урны судебъ Россія и родной нашъ русскій Царь извле-
кутъ теперь, во всякомъ случаѣ, жребій истинно-добраго дѣла.
То безспорно и признано даже не всегда и не вездѣ добро-
желательною къ намъ Европою, что съ молніей и громомъ
мы идемъ за доброе дѣло, за человѣческія права нашихъ
кровныхъ братьевъ, за право существованія христіанства
на землѣ, за право такое же, какимъ широко—невозбранно
пользуются, рядомъ съ нами существующіе, полноправными
гражданами Россіи, иновѣрные братья наши; идемъ во сла-
ву Бога и Христа Его, и даже не въ поправленіе нашихъ вра-
говъ, а только для вразумленія, чтобы мы и наши кров-
ные братья могли существовать рядомъ съ ними: мы въ
мирѣ и тишинѣ и безъ терзанія нашихъ чувствъ терза-
ніями единокровныхъ единовѣрцевъ нашихъ, а они чтобы
могли жить, какъ люди, а не гяуры, какъ христіане, а не-
попираемая ногами нечестивыхъ рабъ. И мы чаемъ, что

славному Царю нашему правосудный и милосердый Царь царей судилъ и судить заплатитъ великодушiемъ побѣдной славы за всю непобѣнно пролитую тогда многими врагами нашими кровь многихъ братьевъ нашихъ, которая, какъ кровь Авеля, вопiетъ на небо объ отмщенiи. Мы чаемъ, что Царю нашему Царь царей судилъ и судить изъ этой снова надвинувшейся на насъ тучи извести судьбу Россiи, яко полудне, какъ свѣтлый полдень. Чаемъ и молимся, и помолимся Богу усердно нарочито сегодня, — чаемъ отъ милости Царя царей, что вечеръ драгоцѣнной жизни Царя нашего, послѣ кратковременныхъ громовъ войны и побѣды, будетъ, безпримѣрно въ Его царственномъ родѣ, продолжителенъ, тихъ и ясенъ, ясенъ благотворною прекраснѣйшею славою освободителя не только миллионовъ русскихъ, но и миллионовъ поработенныхъ пока невѣрными христiанъ, какъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ вечеровъ долгаго сѣвернаго дня, который не потухая сливается съ утреннею зарею безсмертiя.

Итакъ поздравляемъ всѣхъ васъ, какъ и себя, съ днемъ рожденiя величайшаго изъ русскихъ Государей, Александра II, — этого дара Божiя христолюбивому русскому народу, ниспосланнаго по молитвамъ одного столпа русской народности, преподобнаго Зосимы Соловецкаго, въ день папяти котораго Государь нашъ родился, — этого восприемнаго сына другаго столпа русской народности, преподобнаго Сергiя Радонежскаго, близъ сѣни котораго увидѣлъ свѣтъ царственный младенецъ, — этого тезоименника третьему столпу русской народности — святому благовѣрному князю Александру Невскому. Это замѣчательно: сiи три великiе и святые печальники за насъ предъ Богомъ вымолили намъ у Бога сего величайшаго благодѣяния русскому народу Государя. Поздравляемъ и васъ, уходящiе войны, и насъ,

сыновъ Россiи остающихся, и съ другимъ праздникомъ, — съ великимъ свѣтлорадостнымъ отправленiемъ вашимъ въ славный боевой путь, въ самый день рожденiя Государя нашего.

Въ день рожденiя подносятъ виновнику торжества какiе либо дары. Отправляющихся въ путь обыкновенно чѣмъ либо напутствуютъ.

Что же принесемъ мы въ даръ славному дорогому виновнику настоящаго торжества, нашему родному Государю? Чѣмъ напутствовать намъ васъ, русскiе войны, сыны здѣшняго края, который вы оставляете?

Мы приносимъ въ даръ нашему Царю, въ день Его рожденiя, ваши нынѣшнiе радостные всенародные проводы. А вы, войны, принесите сегодня Царю въ даръ обѣтъ честной боевой жизни, въ подлежащемъ вамъ подвигѣ. Объ этомъ мы теперь и скажемъ, какой обѣтъ вы сегодня должны принести? Въ чемъ заключается истинная незасорная честность подлежащаго вамъ подвига? Въ чемъ состоитъ вашъ долгъ въ ожидающемъ васъ и славномъ, но и трудномъ, и даже скользкомъ и опасномъ, не только физически, но и нравственно, пути?

Ваше воинское начальство, ваши воинскiе уставы скажутъ вамъ отъ себя, что для васъ обязательно.

А я скажу вамъ, какъ богопоставленный архипастырь края, отъ лица церкви Божiей, въ которой вы крещены, которой вы принадлежите душами вашими, какъ чада и члены ея, что васъ ожидаетъ впереди и что вы должны дѣлать? Скажемъ вамъ не свой отвѣтъ на эти вопросы, но отвѣтъ величайшаго изъ пророковъ, Иоанна Крестителя, въ день усѣкновенiя главы котораго поминаютъ всѣхъ воиновъ, животъ свой на брани положившихъ.

Когда Иоаннъ Креститель выступилъ предтечею Христа

и крестилъ на Иорданѣ рѣкѣ, приходило къ нему много народа и спрашивали: *что намъ дѣлать?* Іоаннъ Креститель отвѣчалъ: *у кого есть одежды, тотъ дай нищему; и у кого есть пища, дѣлай тоже*, т. е. помогай бѣднымъ ближнимъ, кто чѣмъ можетъ, — однимъ словомъ, заповѣдуетъ дѣла любви и милосердія. Пришли и мытари креститься отъ него и спрашивали: намъ что дѣлать? Мытари были сборщики податей, имѣли возможность разными способами притѣснять народъ. Іоаннъ Креститель отвѣчалъ мытарямъ: *ничего не требуйте больше опредѣленнаго вамъ*, т. е. заповѣдуетъ тѣ же дѣла справедливости и благоснисходительности, милосердія и любви къ ближнимъ. Вопросыли его также и воины: *а намъ что дѣлать?* Іоаннъ Креститель и воинамъ сказалъ тоже самое: *никого не обижайте, не клеветайте и будьте довольны вашими оброками*. Состоя на службѣ у римскаго правительства, поработившаго другіе народы, римскіе воины обижали многихъ, до пролитія крови; будучи правительственнымъ дозоромъ надъ поработченными, воины многихъ оклеветывали, опять же до пролитія неповинной крови; а будучи ужасомъ всѣхъ и не довольствуясь положенными отъ правительства оброками, лихоимствовали, грабили, удовлетворяли всячески своимъ страстямъ на счетъ беззащитныхъ. Вотъ Іоаннъ Креститель и заповѣдуетъ воинамъ тоже, что и всѣмъ, — дѣла справедливости и благоснисходительности, дѣла любви и милосердія къ другимъ, — однимъ словомъ, дѣла высокаго христіанскаго долга.

Сказалъ ли онъ воинамъ то, что имъ надобно исполнять сверхъ ихъ воинскихъ обязанностей? Сказалъ ли только особенно существенное, что воинамъ слѣдуетъ, съ нравственной точки зрѣнія, наблюдать главнымъ образомъ? Сказалъ ли онъ все, что воинамъ слѣдуетъ творить, во исполненіе своего долга? Мы склоняемся къ послѣдней мысли. Нѣкото-

рая часть русскаго воинства имѣетъ главнымъ своимъ назначеніемъ надзирать за другими. Къ нимъ особенно и относится Іоанново правоученіе: *не клеветайте*. Къ вамъ же, воинамъ боевымъ, походнымъ, относятся два другія Іоанновы правоученія: *никого не обижайте и будьте довольны вашими оброками*. Полагаемъ, что этими двумя пророческими изрѣченіями объясняются всѣ обязанности боевого воина: воюйте, но не обижайте, и будьте довольны своимъ жребіемъ, — вѣрны своему призванію, покорны судьбѣ, на которую промыслъ Божій васъ обрекъ.

Не обижайте! Воюйте мужественно, стойко и стремительно. Даже кровь проливайте, когда необходимо. За этимъ и идете. Но не больше того крови проливайте, сколько требуетъ необходимость. Помните, что даже врагъ воюющій исполняетъ свой гражданскій долгъ, и уважайте въ немъ жертву долга. Знайте, что они, будущіе враги ваши, бываютъ даже хорошіе, честные, прямодушные люди. Безнадежна ихъ цивилизація, несостоятельно ихъ міровоззрѣніе, которое легло къ основу ихъ общественнаго строя. Его нужно вставить въ строй цивилизаціи нашей христіанской, въ условія христіанскаго челоѣколюбія, христіанской правды, чтобы люди и этой вѣры оказались, какъ наши соотчичи и сосѣди, людьми совсѣмъ хорошими, честными, трудолюбивыми гражданами, не только безвредными, но и истинно-полезными и вѣрными сынами общаго христіанскаго отечества. Но кромѣ врага сражающагося тамъ еще вы встрѣтите, безъ сомнѣнія, врага бѣгущаго, врага лежачаго, изнемогающаго отъ ранъ, врага истекающаго кровью, врага просящаго пощады, врага взывающаго даже о помощи. — *Не обижайте!* Излишнею обидою врага не оскорбляйте поборающаго по васъ ангела. Будьте христіанами, будьте русскими. Лежачаго не бьютъ, — говоритъ русская пословица. Несчастному всегда

посильно помогаютъ, — подсказываетъ русское христолюбивое сердце. Кромѣ воюющихъ враговъ, тамъ найдете немощныхъ стариковъ, беззащитныхъ женщинъ, голодающихъ дѣтей. Не обижайте никого. Помните, что идете отмщать врагамъ за подобныя обиды, за притѣсненія несчастныхъ, за насиліе надъ слабыми. Не подражайте своимъ врагамъ, не кладите тоже пятно на себя. Помните, что ангелъ смерти всегда носится надъ вашими головами. Въ эту минуту ты запятнаешь душу нечистымъ преступленіемъ, а въ слѣдующую минуту ангелъ смерти поставитъ тебя на судъ Божій. Помните, что пресыщенная чувственность становится труслива за жизнь, труслива по двумъ причинамъ: и недовѣрчива къ загробной жизни, и малодушна предъ грядущимъ гнѣвомъ Божиимъ. Тамъ найдете вы оставленные жилища, раскиданное имущество, покинутые сады. Не обижайте даже дерева, не слѣдуйте примѣру варваровъ, готовыхъ все рубить и жечь, крошить и ломать. Срубить дерево можно въ минуту, а не вырастить его и десятки лѣтъ. Къ обще-человѣческому несчастью, варварство и невѣжество опустошаетъ землю, не заглядывая въ будущее, не рассчитывая, что это опустошеніе отзывается и отзовется на упадокъ обще-человѣческаго благоденствія. Къ чужому добру по возможности не прикасайтесь. Обремените ваши духъ и тѣло грабежомъ, — а минуту спустя ваше тѣло, уже мертвое, съ горстію золота въ карманѣ, будетъ поднято и положено въ яму падшихъ, падшихъ вдвойдѣ — и душевно, и тѣлесно. А въ могилѣ червонцы чему помогутъ? Да въ могилу они и не попадутъ, — оберутъ другіе, на этотъ разъ уже достойно и праведно. А предъ Богомъ горсть золота защититъ ли? Цѣлыми горами золота не искупите душу обремененную преступленіями, особенно же пролитіемъ крови неповинной, насиліемъ беззащитныхъ, отнятіемъ послѣднихъ крохъ у нищихъ, у сиротъ, у

вдовъ несчастныхъ, оплакивающихъ безвременную потерю падшихъ мужей и отцовъ. Не неизвѣстны опыты, что неправедно на войнѣ прибрѣтены были большія состоянія. Но все это утекло рѣкою въ одно поколѣніе. Запятнанные неправедною добычею войны быстро въ домахъ превратились чуть не въ нищихъ потому, что пока награбленное золото еще постукивало въ карманѣ, шелъ пиръ горой, а когда золото утекло совсѣмъ, остались лѣнь, неохота и неумѣнье взяться за полезный трудъ; за ними постучалась въ хату нищета, — и бѣдному хозяину хаты осталось вздыхать, бесплодно и горько, по безкормицѣ и добрымъ старымъ боевымъ временамъ: повоевалъ, кого либо обобралъ, — и сытъ на полъ десятка лѣтъ. Да, времена эти, къ счастію и чести человѣчества, ушли. Не обижайте, — и Богъ васъ и насъ съ вами не обидитъ.

Будьте довольны вашимъ жребіемъ, — вѣрны изрѣченной Промысломъ надъ вами вашей судьбѣ. Вы живете въ то счастливое время, когда сознано наукою и государственною мудростію, что война необходимо ограждать отъ всякихъ лишешей. Къ тому направлены теперь всѣ мѣропріятія и общаго военного хозяйства, и частныхъ военныхъ единицъ, отъ полковъ до ротъ, — чтобы воинъ, по возможности, снабженъ былъ всѣмъ нужнымъ, если не съ роскошью, то съ совершеннымъ довольствомъ; чтобы назначеннымъ ему довольствіемъ, какъ то: пищею, одеждою и прочими принадлежностями хозяйства, въ извѣстныхъ предѣлахъ, распоряжался онъ самъ; чтобы все, положенное ему, попадало ему въ руки, въ его насыщеніе, на его плеча, а не въ чужіе руки, не въ чужіе мѣшки и кошельцы. Благодарите же Бога и Царя и довольствуйтесь положеннымъ. Мыслищимъ людямъ, по нѣкоторымъ знаменіямъ времени, теперь приходится опасаться не столько того, чтобы войны русскаго Царя не терпѣли ли

шеній, сколько—чтобы не выучились нетерпѣливости и снѣженности, не терпѣли ущерба въ старинномъ русскомъ искусствѣ переносить на войнѣ всякую нужду, не падать духомъ, а напротивъ, укрѣпляться въ недостаткахъ всякаго рода, въ зноѣ и хладѣ, голодѣ и наготѣ. Помните, что еще недавніе предки наши, наши отцы и братія, дѣти еще современнаго поколѣнія, герои 12-го года и Севастополя, спали по полугодіямъ на голой землѣ; по полугодіямъ, даже зимою, ставали безъ всякаго крова, а сыты бывали нерѣдко тѣмъ, что Богъ пошлетъ,—и изумляли міръ бодростію, мужествомъ безъ унынія, выносливостію и стойкостію, безпримѣрными, невиданными у другихъ народовъ.

Еще одинъ совѣтъ отъ лица церкви. Идете вы съ глубокаго сѣвера на югъ, идете туда, куда поведутъ васъ, вслѣдъ за другими вашими собратіями, въ чужой вамъ жаркій климатъ, въ теплыя страны съ незнакомыми вамъ произведеніями земли и т. п. Будьте же довольны вашими оброками. Не кидайтесь на невиданное въ нашемъ краѣ. Употребляйте то, что вамъ дадутъ отъ начальства, и не прикасайтесь къ запрещенному. Предпишутъ носить извѣстное платье,—носите, что предписано. Предпишутъ ѣсть, пить то-то, пейте, кушайте по предписанному. Однимъ словомъ, слушайтесь приставленныхъ вамъ врачей. Теперь дознаю, что мы во всѣ наши войны, особенно же восточныя, турецкія, теряли людей во много разъ больше отъ болѣзней, чѣмъ отъ непріятельскаго меча. А болѣзни происходятъ, чуть ли не главнымъ образомъ, отъ простоты простаго русскаго воина, отъ неумѣлости его правильно повести себя въ чужой землѣ, въ чужомъ климатѣ, отъ небрежнаго отношенія къ предписаніямъ врачей,—предписаніямъ и мудрымъ, и непременно благонамѣреннымъ. Отъ того, за невоздержностію въ нашихъ войскахъ, слѣдовали нерѣдко физическое раз-

слабленіе, за разслабленіемъ—тѣлесное изнеможеніе, а за изнеможеніемъ—повальные болѣзни и многія премногія и пренапрасныя смерти. Не обижайте, войны, во первыхъ себя самихъ. Берегите вашу драгоценную для отечества жизнь. Не губите ее напрасно, безъ пользы и чести для отечества, безъ чести для васъ самихъ. Честное дѣло сложить голову на полѣ бранномъ или умереть отъ ранъ, понесенныхъ въ бою; но другое дѣло сгнить гдѣ либо въ углу отъ собственной неосторожности, отъ запретнаго пресыщенія, отъ самоубійственной безпечности и невѣжественнаго, роковаго самоуправства.

Совершенно лишнимъ нахожу говорить русскимъ воинамъ о вѣрности знамени, подъ которое вы поставлены нарокомъ божественнымъ,—о вѣрности отечеству, матери Россіи, которая васъ породила,—о вѣрности родному нашему Государю, отцу отечества, завѣтной сердцевинѣ всенародной нашей стойкости, всеобщаго благоденствія, общей всероссійской жизни,—о долгѣ жертвовать для Царя, для отечества, для чести знамени всѣмъ, даже жизнію. Храбрость у насъ на Руси не только не составляетъ рѣдкой добродѣтели, но не составляетъ даже чего либо такого, къ чему бы русскихъ воиновъ слѣдовало побуждать и убѣждать. Излишне, даже странно было бы, указывать русскому воину даже на сорокъ вѣковъ, которые глядятъ на него съ пирамидъ ли, съ Троянскихъ ли развалинъ, съ Сарматскихъ ли и Скиѣскихъ кургановъ, или на что либо подобное, чтобы побудить его, когда то нужно, идти въ огонь и воду. Не лишнее знать только, что истинная храбрость не та, которая лихорадочно, зажмуривъ глаза, кидается въ явную опасность, но та, которая стойко, обдуманно, сознательно никогда не уклонится, отъ опасности, во исполненіе предписаннаго долга. Русскому человѣку, вотъ пока уже тысячу

лѣтъ, принадлежать высочайшее достоинство и искусство—
умѣть умирать на брани не только съ покорностію Промы-
слу, но и съ радостію бодростію духа. Сотни опытовъ мы
знаемъ, что тысячи людей, которымъ приходилось въ бою
только стоять и умирать, стояли и умирали съ мужествомъ
истинныхъ героевъ, съ покорностію Промыслу истинныхъ
христіанъ. Тысячи опытовъ мы знаемъ, что русскіе хри-
стіанскіе воины, съ молитвою на устахъ, съ чтеніемъ при-
мѣрно псалма: *Живыи въ помощи Божіей, подъ покровомъ
Бога небеснаго водворится*,—безтрепетно смотрѣли въ
глаза тысячамъ смертей. Пролитіе собственной крови за
Царя и отечество, за братію и Христа,—высочайшая
жертва, глубоко сочувственная всѣмъ сердцамъ, радостная
для вѣрующихъ въ Бога, очистительная для всѣхъ. Пой-
дутъ съ радостію на эту жертву вѣрные рабы Божіи, что-
бы омытъ и своею кровію омытые кровію Христовою свои
грѣхи и заслужить царствіе небесное. Пойдетъ съ готов-
ностію даже буйная, разнузданная, истощенная, разшатав-
шаяся въ убѣжденіяхъ молодежь, по неодолимому влеченію
завершить неудавшуюся жизнь подвигомъ, доблесть кото-
раго не отрицаетъ, если не умъ ихъ, то сердце. Войною и
пролитіемъ крови за доброе дѣло, какъ очистительною бла-
говонною Богу жертвою, очистится атмосфера всей нашей
родины, въ которой, отъ давняго ли застоя, отъ недавняго
ли сильнаго внутренняго движенія, возмущившаго слишкомъ
много внутренней грязи, накопилось не мало удушающихъ
вредоносныхъ міазмовъ. Пойдете и падете вы, пойдутъ за
вами другіе, чтобы рядомъ съ вами же положить свои го-
ловы; пойдемъ, всколеблемся и всѣ мы, до послѣдняго чело-
вѣка, какъ колебались всѣ и ходили въ войну 12 года, въ
войну 1853—1856 годовъ. Наша молитва за васъ и за
себя будетъ дыханіемъ несокрушимаго мужества въ вашей

груди; наши благожеланія вамъ и себѣ чрезъ васъ, благо-
желанія чести, славы и побѣды, поведутъ васъ, чрезъ яв-
ную смерть, къ лаврамъ побѣды. Счастливаго вамъ пути
и счастливаго, скорого и славнаго возвращенія на родину.

Смотрите, вотъ сіи почтенныя, самыя высокопоставлен-
ныя здѣсь, госпожи *), съ блюдомъ въ рукахъ, идутъ въ
народъ собирать народныя лепты на раненыхъ и больныхъ
воиновъ, желая явить достоподражаемый примѣръ и дру-
гимъ своимъ сестрамъ.

Православные! Ради дня рожденія великаго Государа
нашего, въ честь и даръ Ему, ради Христа и креста Хри-
стова, подайте, кто что можетъ, на раненыхъ и больныхъ
воиновъ. Благословеніе Господне на васъ, собирательницъ,
нынѣ и присно и во вѣки. Богъ же да благословитъ и ва-
ше святое дѣло и да благопоспѣшитъ ему здѣсь и вездѣ
въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ, какъ и во всемъ нашемъ
богохранимомъ краѣ. Аминь.

1877 г. Апрѣля 17.

*) Екатерина Петровна Бестужева и Анастасія Александровна Штанге.

ПОУЧЕНІЕ

на молебствіи въ недѣлю св. женъ Мүроносицъ (1-го мая 1878 г.), при открытіи губернскаго комитета для сбора пожертвованій на добровольный флотъ, въ домѣ дворянскаго собранія въ г. Уфѣ.

Христосъ воскресъ! Воскресенія день и просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обымемъ, рцемъ: братіе и ненавидящимъ насъ, простимъ вся воскресеніемъ.

Говорятъ, въ евангеліи не все можно принять, по современнымъ понятіямъ.—Напримѣръ, чтобы такое?—Да вотъ, если кто ударитъ тебя въ правую щеку, ты подставь ему и лѣвую,—возможно-ль это? Нѣтъ, честь и само-защита велятъ, если не отплатить за ударъ, то отразить его.

А мы отвѣчаемъ: возможно и не только возможно, но и неизбѣжно.

Возраженіе направлено противъ извѣстнаго изрѣченія Христа Спасителя: «слышасте, яко речено бысть древнимъ: око за око, зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ не противитися злу; но аще ты кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую. И хотящему судитися съ тобою и ризу твою взять, отпусти ему и срачицу. И аще кто ты пойметъ поприще едино, иди съ нимъ два».

Не противитися наносимому намъ злу, говоримъ, возможно. Такъ не противился злу, обидамъ, оскорбленіямъ, поношеніямъ, бичеваніямъ, позорной насильственной смерти Господь нашъ Іисусъ Христосъ; не противились святыя апостолы; не противились цѣлыя сонмы мучениковъ, подвижниковъ, праведниковъ всякаго рода, которые «избіени быша, руганіемъ и ранами искушеніе пріяша, еще же и узами и темницами, каменіемъ побіени быша, претрени быша (пилами, зубчатыми колесами и т. д.), убійствомъ меча умроша, проидоша въ милотехъ и въ козїихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бѣ достоинъ весь міръ, въ пустыняхъ счисляющесе и въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропаstechъ земныхъ».—Значить, вольною волею не противитися причиняемому намъ другими злу возможно.

Говорятъ, эта заповѣдь подставляетъ лѣвую щеку тому, кто ударитъ насъ въ правую, есть только евангельскій совѣтъ, есть заповѣдь высшаго нравственно-христіанскаго совершенства, заповѣдь, имѣющая въ виду только высшихъ праведниковъ. Это вѣрно, но вѣрно только въ томъ отношеніи, что въ совершенствѣ исполнить этотъ евангельскій совѣтъ сильны только высшіе праведники, только избранники Божіи, предочищенные Божіею благодатію.

Тѣмъ не менѣе утверждаемъ, что это не только евангельскій совѣтъ, но и заповѣдь; заповѣдь, обязательная не только для совершенныхъ праведниковъ, но и для всѣхъ Христовыхъ послѣдователей.

Въ чемъ же состоитъ собственно евангельскій совѣтъ? Въ чемъ его сущность, въ чемъ возвышенная особенность христіанскаго ученія? Это объяснено самимъ Спасителемъ. Древнимъ сказано было: око за око, зубъ за зубъ. Но христіане, вы не противьтесъ причиняемому вамъ другими, по-

пускаемому Богомъ злу. Уступайте людямъ не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ. Любите враговъ вашихъ, благословляйте глнущихъ васъ, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть, да будете сынами Отца вашего небеснаго.

Но не потерпите ли тогда правда въ своихъ правахъ? Ужели не богоугодно желать себѣ ненарушимости своего права и праведнаго воздаянія обидчику за обиду? Нѣтъ, высшая божественная правда непреложна и права ея ненарушимы. Но, христiane, вы сами не стремитесь мстить другимъ, отстоять вашу правду — выколоть око за око, вырвать зубъ за зубъ, воздать ударомъ за ударъ, злымъ словомъ за слово, за всякую обиду отместкою. Повѣрьте, если бы слѣдовать закону: зубъ за зубъ, тогда жизнь, порядокъ, миръ міра стали бы невозможны. Повѣрьте, тогда земля, и теперь не рай, стала бы адомъ, полнымъ не только звѣрской, кровавой, но хуже чѣмъ звѣрской, полна стала бы сатанинской злобы...

Правда непреложна, воздаяніе за зло неотложно, но непреложна правда только божественная, а не человѣческая. «Мнѣ отмщеніе. Азъ за васъ воздамъ», глаголетъ Господь. Мнѣ предоставьте. А сами не мстите. Ты же «аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби, накорми его. Аще ли жаждетъ, напой его. Сіе бо творя, угліе огненное собираеши на главу его». Благотвореніе за зло — это лучшая дѣйствительнѣйшая месть врагу, если хочешь ему отместить. А, въ тоже время, это лучшій способъ достигнуть и самаго широкаго воздаянія тебѣ за терпѣніе, достигнуть полнѣйшей награды, которой желать тебѣ такъ естественно за понесенное правонарушеніе. Это лучшая месть обидчику, потому что правда Божія воздастъ обидчику не только за дѣло обиды, но и за помысль, съ которымъ обида причинена, и за намѣреніе,

и за чувство злости, какимъ обида была растворена. Для человѣка эти изгибы и тонкія движенія сердца недостижимы и неуловимы, и заплатить за нихъ трудно человѣческой правдѣ или мести. Но Божія правда воздастъ неумытно за все за это, за самыя сокровенныя біенія злаго сердца. Итакъ, если хочешь отомстить обидчику посильнѣе, устрои съ своей стороны все поводы къ обидѣ: твори ему добро, благословляй его, люби его. И если онъ золь, то вдвойнѣ, втройнѣ отвѣтитъ Богу за свою злобу къ тебѣ, что и будетъ полнѣйшимъ удовлетвореніемъ твоей мстительности, высшимъ образомъ направленной. Сверхъ того, чрезъ это извлечешь себѣ и высшую пользу за претерпѣнное зло, такъ какъ и мы должники передъ правдою Божіею. Остави твоему должнику динарій, прости ему мелочь, мимолетную обиду, и Отецъ небесный проститъ твоихъ долговъ передъ небесною правдою въ десять и во сто разъ болѣе. Прикрой злость твоего ближняго любовью и прощеніемъ, и любовь Божія прикроетъ тысячи твоихъ грѣхопаденій, любовь Божія воздастъ тебѣ сторицею. Ужъ ежели человѣческая христіанская любовь все покрываетъ, то Божія любовь все очиститъ, все убѣлитъ, яко снѣгъ, все немощное и мрачное въ насъ просвѣтитъ, яко свѣтъ солнца, и изведетъ правду нашу, какъ блескъ полудня.

Какъ же? послѣ этого и не защищать свое благосостояніе? Не отстаивать свою честь? Совсѣмъ не искать правды и воздаянія на землѣ? Бьютъ въ щеку, всегда подставлять другую? Злословить, — молчать и вторить злословящимъ? Грабятъ, снимаютъ одежду, — и отдать до срачицы? Сказано уже, что были на свѣтѣ высокіе терпѣливцы, которые отдавали желающимъ взять у нихъ все до срачицы, — которые прощали все; сказано, что при всѣхъ усиліяхъ возвращать правду на землѣ, безусловная правда здѣсь невоз-

можно. Тѣмъ не менѣе этотъ предметъ имѣетъ обратную сторону. Въ мірѣ сѣмъ все условно, все переплетено, зло съ добромъ, долгъ съ немощью, такъ что вчерашній добродѣтель сегодня становится порокомъ по сплетенію обстоятельствъ. Бываютъ обстоятельства, когда отстаивать свою правду нравственно обязательно, обязательно не только относительно собственной личности, но и относительно другихъ, даже самихъ обидчиковъ. Какъ же пройти въ этомъ лабиринтѣ обязанностей такъ, чтобъ не заблудиться? Лучшій къ этому способъ взять въ руки свѣточъ ученія Христова. Этимъ свѣточемъ для насъ можетъ служить примѣръ тѣхъ же высокихъ святыхъ терпѣливцевъ, о которыхъ мы выше говорили, и во первыхъ примѣръ святѣйшаго святыхъ Господа Иисуса Христа. Онъ ли уже не несъ на раменахъ своихъ всѣхъ ужасовъ человѣческой неправды, смиливъ себя до крайняго униженія, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя? Его били, сѣкли, терзали ругаясь, съ ругательствами распинали. На крестѣ Онъ молился за враговъ: «Отче! отпусти имъ, не вѣдаютъ бо что творять», отпусти невѣдущимъ. Но другое дѣло, когда обидчики вѣдали, что творили. Когда позорный слуга, съ подлостью и угодливостію раба, ударилъ Его въ ланиту на судѣ предъ архіереемъ за то, будто Онъ не хорошо отвѣчаетъ архіерею, тутъ Христосъ, въ послѣдствіи безусловно молчавшій предъ невѣжественною жестокостію слугъ и вояновъ, всталъ за свою честь, и вступился не за позоръ пощечины, а за нравственную свою честь, за то, что Онъ не позволилъ себѣ на судѣ нарушенія законнаго приличія: «если Я худо сказалъ,—сказалъ Онъ ударившему слугѣ,—свидѣтельствуй о злѣ—докажи, что это худо; если же Я сказалъ добрѣ, что ты бьешь Меня»? Тоже бывало и прежде. Когда враги Его стали соблазнять народъ хулою, буд-

то Онъ творить чудеса силою Веельзевула, то опять заступился за свою честь, и сказалъ, что хула на Духа святаго, отрицаніе очевидной истины, не отпустится человѣку ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. Такія же совершенно тождественныя черты видимъ мы въ лицѣ и другаго величайшаго терпѣливца, апостола Христова Павла. Онъ былъ въ трудахъ слишкомъ много, въ ранахъ, въ темницахъ, въ смертяхъ многократно, отъ іудей пять разъ получилъ по 39 ударовъ плетями или розгами, три раза былъ битъ палками, разъ побитъ камнями; да всего и не исчислить, что онъ терпѣлъ. Онъ радовался въ злостраданіяхъ; радовался, какъ и прочіе апостолы радовались, когда за имя Господа Иисуса Христа сподобились безчестію пріяти. Но онъ же, когда на судѣ архіерей велѣлъ бить его по устамъ, сказалъ: «бить тебя имѣетъ Богъ,—ты сидишь, чтобы судить по закону; преступая же законъ, велишь, чтобъ меня били». Когда тысяченачальникъ велѣлъ растянуть его, чтобы сѣчь,—апостолъ Павелъ сказалъ: «римскаго гражданина и не осужденнаго позволено ли вамъ бить?» Когда въ одномъ городѣ воеводы, избивъ его палками, посадили въ темницу, а на завтра хотѣли отпустить его тайно, Павелъ возразилъ: «бивъ насъ предъ народомъ, римскихъ гражданъ и не осужденныхъ, посадили въ темницу, а теперь тайно выпускаютъ насъ. Нѣтъ же, пусть сами прійдутъ и изведутъ насъ». И тѣ пришли. Онъ же написалъ: «лучше мнѣ умереть, нежели чтобы кто похвалу мою упразднилъ».

— Когда же можно, когда нельзя защищать себя? Можно тогда, когда должно, когда велитъ заповѣдь любви къ ближнимъ и самимъ врагамъ, заповѣдь самоотверженія; когда враговъ можно отклонить отъ зла преднамѣреннаго, привести въ раскаяніе за зло содѣянное; когда слѣдуетъ защитить убѣжденіе и благо другихъ нашихъ ближнихъ, которые мог-

ли бы пострадать отъ обиды, претерпѣнной нами безмолвно; когда, на прим. современники Иисуса могли остаться при убѣжденіи, что Онъ творитъ чудеса бѣсовскою силою; или современники Павла остаться при убѣжденіи, что онъ оболститель и разоритель закона. Тутъ, да, лучше умереть, нежели допустить упразднить свою похвалу, уронить свою честь.

Далѣе заповѣдь самозащиты становится обязательною тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе осложняется самозащищающаяся единица, именно когда эта единица изъ единой личности разрастается въ семью, а еще болѣе, когда расширяется въ народъ, въ церковь, или государство. О, тутъ самозащита не только высоко-обязательный долгъ, но и высшая добродѣтель, потому, что здѣсь чувство, пробуждающее къ самозащитѣ, изъ личнаго эгоизма, изъ естественной любви къ самому себѣ, постепенно перерождается и возвышается до высшей любви, до самоотверженія. Возможно-ли похулить мать, которая кидается на смерть за своего ребенка? Возможно-ли не похвалить отца, который стоитъ на стражѣ благосостоянія и чести семьи? Возможно-ли не прославить брата, который грудью встрѣчаетъ опасность за брата? Возможно-ли не благословить воиновъ, которые проливаютъ кровь свою за отечество? «Больши себя любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя». Возможно-ли не возвеличить монарха, который, въ грозной опасности отечества, думаетъ тяжкую думу за обширную свою государственную семью: воевать или нѣтъ? Война-ли добрая? Или худой миръ? Боже! Отче небесный! Ты укажи, Ты вразуми, Ты просвѣти.

Въ этомъ тяжкомъ вопросѣ, когда нужно отважиться перейти отъ мира къ войнѣ, для рѣшающей предержавшей власти столкновение обязанностей крайне затруднительное, нравственная отвѣтственность громадная, опасность престу-

пить долгъ ужасная. Вѣдь и сосѣдъ на сосѣда, когда одинъ защищаетъ противъ другаго безопасность своей семьи, не можетъ кидаться съ оружіемъ самозащиты безъ осмотрительности и трепета за исходъ борьбы. «А какой царь, идый противъ иного царя, чтобъ сойтись съ нимъ на брань, не посовѣтуется прежде, сѣдши съ своими ближними совѣтниками, силенъ-ли онъ срѣсти врага своего»? Не напрасно-ли прольетъ кровь своихъ подданныхъ? Не подорветъ-ли честь и благо своихъ народовъ? Достаточно-ли важны причины даже для того, чтобы проливать кровь враговъ? Не обязательна-ли и для него, какъ главы народной личности, заповѣдь Спасителя больше или меньше не противиться злу, снизить до возможныхъ уступокъ, побуждать благостію зло въ самихъ врагахъ своего царства? Не предоставитъ-ли Промыслу отмщеніе чужой заносчивости? Какъ-бы не прогнѣвать правду Божію не взвѣшенною рѣшимостью пролить кровь десятковъ, или даже сотенъ тысячъ своихъ и чужихъ, поколебать благо милліоновъ, понизить браннымъ разореньемъ уровень благосостоянія всего человѣчества?

Къ счастію-ли, къ несчастію-ли нашему, но во всякомъ случаѣ, къ нашей чести, рѣдко поводъ къ войнѣ бывалъ чище, безупречнѣе и возвышеннѣе побужденій къ войнѣ, которую мы были и, можетъ быть, еще будемъ вынуждены выдерживать. Этотъ сосѣдъ, посредствомъ своихъ захватовъ, посредствомъ своей всемірной торговли и всякихъ своекорыстныхъ сношеній, оцѣпившихъ всю землю, — сосѣдъ всякого народа и нашей русской земли, сосѣдъ, который съ самыхъ стародавнихъ вѣковъ нашей исторіи всегда былъ у насъ, не смотря на свое своекорыстіе, почетнымъ желаннымъ гостемъ, сосѣдъ, въ пользу котораго рядомъ съ нимъ мы не разъ вершили свои русскія и міровыя дѣла, въ пользу котораго рядомъ съ нимъ мы не разъ проливали даже кровь

свою,—этотъ сосѣль, сторожа насъ на всѣхъ путяхъ естественнаго развитія нашей народной силы, вотъ уже полтора вѣка не устаетъ подставлять намъ ногу, чтобъ мы упали,—уже нанесъ въ нашу почти-что ланиту не одинъ злорадный ударъ, уже заставилъ насъ вынести тягостѣйшую, разорительнѣйшую и кровопролитнѣйшую войну, уже пробовалъ волновать въ самыхъ нѣдрахъ Россіи нашихъ единокровныхъ братьевъ, сыновъ и пасынковъ отечества,—теперь же онъ становится между нами и исконнымъ нашимъ врагомъ, поверженнымъ къ нашему подножію,—онъ отнимаетъ у насъ право защитить нашихъ братьевъ по плоти и духу, которыхъ этотъ врагъ терзалъ и попиралъ цѣлые вѣка; онъ подбуждаетъ другихъ нашихъ братьевъ, для которыхъ мы своею кровью, истощеніемъ собственного отечества, купили политическое бытіе, подбуждаетъ поднять на насъ вражескую руку, чтобъ братъ возсталъ на брата, чтобы дѣти—порожденія пролили кровь виновниковъ своего гражданскаго бытія... Такъ, пустьже, на начинающаго Бога!

И этотъ гордый врагъ не начинается. Онъ продолжаетъ, что началъ давно. Онъ упорствуетъ въ своей коварной злобѣ. Гордость его растетъ по мѣрѣ нашего миролюбія. Онъ мнитъ, что наше смиреніе есть только покровъ нашей слабости. Онъ полагаетъ, что русская исторія кончится сразу обрывомъ въ бездну. Надѣясь безнаказанно терзать насъ, на безмѣрномъ пространствѣ нашихъ закраинъ, онъ кичится своею неуязвимостью, своею недосыгаемостью для нашей руки. Такъ нѣтъ-же. Пусть онъ помнитъ, что миллионы русскихъ способны встать всѣ до единого,—что мы способны лечь костями старъ и младъ, но не посраимъ, какъ и искони вѣковъ не срамили, русскія земли, способны отдать послѣдніе свои гроши, способны положить на алтарь отечества оклады съ иконъ и священно-церковныя утвари, спо-

собны снять съ колоколенъ и перелить въ пушки церковные колокола... Думаютъ они унизить, истощить Россію, круто поворотить ея исторію назадъ къ упадку, раздавить родное намъ славянство, привести восточное христіанство братоубійственной враждою къ самоубійству.. Разсчетъ на наше слабодушіе коварный... Но мы не слабодушны, а великодушны, мы доброхотны ко всѣмъ, мы ученики Христовы, не измѣнявшіе древней Христовой вѣры, и способны прощать. Мы способны и сердцемъ отвѣчать церковной пасхальной пѣсни, которую въ эти свѣтлые дни воскресенія поемъ устами: «рцемъ—братіе и ненавидящимъ насъ, простимъ вся воскресеніемъ». Мы дѣйствительно способны сегодня обнять вчерашняго кровнаго врага. Но если намъ мѣшаютъ стоять за свою вѣру и крестъ Христовъ, защищать единокровныхъ и единовѣрныхъ нашихъ братьевъ; если хотятъ, чтобы мы для чужеродныхъ грубыхъ интересовъ стерли сами себя съ лица земли,—то бой на смерть за жизнь, за жизнь свою и чужую. Мы заставимъ чужую безпощадную гордость попросить пощады. Мы достанемъ врага неумолимаго и наклонимъ его выю. Отдадимъ послѣднее, но потопимъ въ моряхъ его золотого тельца, которому онъ кланяется, которымъ кичится: «богатъ есмь и богатихся и ничтоже требую... Безумне. Душу твою истяжутъ отъ тебе. А яже уготовалъ еси, кому будутъ»? Съ нами въ насъ встанетъ русскій Богъ, Богъ мира и любви и всепрощенія для кроткихъ, для праведныхъ, для способныхъ сознать вину своего презорства и жесткости, но Богъ грозы и кары, когда нужно покарать и разгромить кровожадную гордыню,—воскреснетъ въ насъ Богъ отцовъ нашихъ и разсточатся враги Его.

Братіе сограждане! Вы знаете, зачѣмъ мы сюда собрались. Собрались просить Бога силъ и браней, чтобъ Онъ благословилъ насъ миромъ. Но не помнимъ старую истину:

если хочешь мира, будь готовъ и къ брани. Сынъ и на-
слѣдникъ Царя взываетъ къ нашей любви и жертвѣ на спа-
сеніе отечества отъ брани. Грозящій намъ врагъ, тщеслав-
ный всемірный проповѣдникъ гуманности на словахъ, гордо-
холодный поклонникъ эгоистической жестокости на дѣлѣ,
уже пробовалъ въ прошлую восточную войну громить съ
своихъ кораблей наши беззащитные города и селенія, без-
обидныхъ торговцевъ и мирныхъ жителей. Особенно при-
скорбно, что онъ разорялъ окраины, населенныя не совсѣмъ
родными намъ племенами, но судьбу которыхъ исторія свя-
зала съ нашею. Стыдно будетъ намъ кореннымъ русскимъ,
если мы не сумѣемъ защитить ихъ и теперь. Доброволь-
ный флотъ главнѣйшее оружіе самозащиты. Пожертвуй-
те кто что можетъ. Благосердое око Отца небеснаго призрѣтъ
на нашу жертву, смилостивится и отвратитъ отъ насъ вой-
ну, которой не ищемъ, которой даже страшимся, какъ ис-
точника неисчислимыхъ общечеловѣческихъ золъ. Но
настанетъ она противъ нашей воли, тогда другая рѣчь,
другое будетъ и чувство—чувство беззавѣтной отваги, чув-
ство поголовной готовности не только на всякую жертву, но
и на самую смерть. Вражда задумается, когда увидитъ, что
мы готовы отразить ея ударъ тамъ, гдѣ она не чае и
страшится.

Сотворимъ-же заключительную молитву о мирномъ благо-
денствіи и долгоденствіи Царя, Его Наслѣдника и всего Цар-
ствующаго дома, Христолюбиваго всероссійскаго воинства и
народа. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

въ день сошествія св. Духа.

*Егда снизшедъ языки смя, раздѣляше языки
Вышній; егдаже огненныя языки раздаяше, въ
соединеніе вся призва, и согласно славимъ все-
святаго Духа. Кондакъ.*

Въ основѣ этой пѣсни церковной лежитъ извѣстное би-
блейское сказаніе о вавилонскомъ столпотвореніи (Быт. 11,
1—9). Вскорѣ послѣ потопа вся земля говорила однимъ
языкомъ и однимъ нарѣчіемъ. Вышедши изъ Ноева ковче-
га, люди поселились сперва въ нынѣшней Арменіи близъ
горы Арарата. Но размножаясь двинулись оттуда на юго-
западъ въ землю Сеннааръ. Тамъ они нашли равнину и
поселились, подъ возникшимъ мало помалу преобладаніемъ
потомковъ Хамовыхъ, которые получаютъ въ бытописаніи
наименованіе сыновъ человѣческихъ, какъ и до потопа Каи-
ниты, въ отличіе отъ сыновъ Божіихъ, отъ богоизбраннаго
рода патриарховъ. Въ сознаніи тогдашняго человѣчества уже
созрѣвала мысль о неизбежности разсѣянія по лицу земли
тѣмъ болѣе, что предлагаемое разсѣяніе предопредѣлено
было Богомъ и предсказано въ пророчествѣ Ноя, въ благо-
словеніи и проклятій, которое изрекъ онъ потомству трехъ
сыновъ своихъ Сима, Хама и Іафета. Такъ какъ пророче-

ство Ноево, предначертывая разсѣяніе народовъ, угрожало рабствомъ въ разсѣяніи потомству Хамову между другими племенами, которымъ предречено господство; то Хамиты естественно склоняются къ усилю воспротивиться исполненію пророчества своего прародителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ осуществленію и предопредѣленія Божія. Почему склоняются и къ рѣшимости всячески противодействовать самому разсѣянію, чтобы не только самимъ, при освоеніи ослабленіи чрезъ разсѣяніе, не очутиться въ рабствѣ, но и другихъ удержать въ своемъ господствѣ, которое Хамиты начинали пріобрѣтать между племенами Симитовъ и Іафетитовъ. Поэтому-то и сказали сыны человѣческіе другъ другу, какъ и другимъ племенамъ: *надѣлаемъ кирпичей и обожжемъ онема*. Такимъ образомъ кирпичи были у нихъ вмѣсто камней, а земляная смола вмѣсто извести. Далѣе они сказали: *построимъ себѣ городъ и башню, выотою до небесъ, и сдѣлаемъ себѣ имя, чтобы намъ не разсѣяться по лицу всея земли*.—Итакъ одною изъ побудительныхъ причинъ къ столпотворенію было славолубіе. А другою было желаніе воспрепятствовать разсѣянію и раздѣленію человѣческаго рода. Вѣроятно, именно племя Хамово, которому наиболѣе угрожало это пророчество, прежде прочихъ племенъ получило мысль удерживать, по возможности, всѣхъ людей въ состояніи соединенія, поставленіемъ одного всеобщаго средоточія, какъ столицы міра, и, чтобы ускользнуть отъ изреченнаго ему проклятія рабства, поспѣшало ко всеобщему владычеству. Не трудно судить, достойно ли было наказанія предпріятіе, столько противное извѣстной людямъ волѣ Божіей, возвѣщенной въ пророчествѣ Ноевомъ.

Но *Иегова Богъ сошелъ посмотреть городъ и башню, которые строили сыны человеческіе*.—Богъ нисходитъ на землю, когда творить на ней нѣчто такое, что являетъ

особеннымъ образомъ Его чрезвычайное присутствіе; нисходитъ на одну ступень ближе для видѣнія, а еще ближайшимъ образомъ для непосредственнаго чудеснаго дѣйствованія на землѣ. И сказалъ *Иегова Богъ*, сказалъ въ единствѣ *чпостасей* святаго Троицы и сонму окружающихъ Его ангеловъ: *вотъ они теперь одинъ народъ, и одинъ у всѣхъ языкъ, и вотъ что начали они дѣлать, и не будетъ у нихъ остановки ни въ чемъ, что они вздумали и вздумаютъ дѣлать. Иойдемъ же и смѣшаемъ тамъ языки ихъ, такъ чтобъ одинъ не понималъ языка у другаго*. Полагаютъ, что непосредственнымъ дѣйствіемъ Божества приведены были въ безпорядокъ на нѣкоторое время дѣйствія памяти и воображенія въ людяхъ, такъ что память представляла не тѣ слова, которыхъ требовали мысленные образы, какъ то и естественно случается въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, въ пораженіяхъ головы и сознанія. *Тогда Иегова Богъ разсѣялъ людей оттуда по всей землѣ; и они перестали строить ородъ*. Посему и дано ему имя: *Вавилонъ*; ибо тамъ сѣялъ *Иегова Богъ языкъ* всей земли и оттуда разсѣялъ людей по всей землѣ.—Съ тѣхъ поръ у разныхъ племенъ и народовъ, подъ вліяніемъ мѣста, времени и условій развитія, по первоначальному расчлененію первобытнаго корневого языка, основа котораго осталась въ строѣ человѣческаго сознанія, развились различные языки и нарѣчія. Главною же цѣлію Промысла, при смѣшеніи языковъ и разсѣяніи народовъ, было, конечно, предупредить повальное растлѣніе нравовъ, которое въ одномъ всеобщемъ царствѣ должно было сразу сдѣлаться всеобщимъ для рода человѣческаго, какъ было до потопа, но которое, по раздѣленіи народовъ погубляя одинъ изъ нихъ, оставляетъ другой народъ возникать въ удаленіи и неизвѣстности, возрастать и усиливаться при помощи простоты и чистоты нравовъ.

Такимъ то образомъ Всевышній, когда во время вавилонскаго столпотворенія, снисшедши въ своемъ троичномъ единствѣ на землю, слилъ языки всѣхъ людей въ одно общее безпорядочное смѣшеніе, тогда чрезъ это смѣшеніе языковъ раздѣлилъ единое человѣчество на разные народы. А теперь вотъ, когда въ день сошествія Св. Духа, Всевышній Богъ Отецъ, по заслугамъ и ходатайству Бога Сына, въ знаменіе нисходящей благодати всесвятаго Духа, раздавалъ ученикамъ Христовымъ огненные языки, съ даромъ разныхъ языковъ, каждому отдѣльно, то чрезъ это видимое раздѣленіе призвалъ всѣхъ людей къ соединенію. Этою церковною пѣснію нынѣшняго великаго праздника внушается намъ та истина, что преподанная Христомъ и апостолами святая вѣра наша есть твердѣйшая основа единства народовъ.

Вотъ скромное по обстановкѣ, но чрезвычайное, чудесное по своему началу, и величайшее по плодамъ событіе. Двѣнадцать избранныхъ и нѣсколько болѣе ста другихъ учениковъ Христа, бѣднаго Назорея, распятаго въ презираемой Іудѣ князьями своего жалкаго, раздавленнаго силою мощнаго Рима народа, собрались въ сіонской горницѣ на молитву. На молитвѣ они приходятъ въ необычайный восторгъ, видятъ надъ собою чрезвычайное знаменіе сошествія огненныхъ языковъ, слышатъ дыханіе какъ бы сильнаго вѣтра, чувствуютъ въ этомъ вѣяніи сошествіе горнаго небснаго божественнаго Духа, и вдругъ обрѣтаютъ въ себѣ чрезвычайный даръ объяснять на разныхъ языкахъ смыслъ этого событія, какъ и всю основу своей вѣры въ Бога и въ Христа воскресшаго, собравшемуся на странное зрѣлище народу, состоявшему изъ многихъ разноразныхъ племенъ. Съ этого дня, со дня сошествія Св. Духа, чувствуютъ въ себѣ неодолимую потребность исполнять долгъ, возложенный

на нихъ Христомъ учителемъ, идти въ міръ весь проповѣдать евангеліе всей твари, и надежду побѣдить міръ. На борьбу съ міромъ, въ надеждѣ на полную побѣду, выступаютъ двѣнадцать избранныхъ и нѣсколько другихъ учениковъ Христовыхъ, людей безоружныхъ всесовершенно, бѣдныхъ всесовершенно, простыхъ, незнатныхъ. Идутъ во всю Іудею, которая дышетъ противъ нихъ прещеніемъ и убійствами. Идутъ въ Самарію, которая и прикоснуться къ нимъ считаетъ за скверну. Идутъ побѣждать римскую вселенную, которая сперва совсѣмъ и не замѣчаетъ ихъ, а затѣмъ и очень скоро вооружается противъ нихъ всеми казнями, какія только могла выдумать адская злоба и изобрѣтательность, начиная съ освѣщенія римскихъ садовъ тѣлами учениковъ Христовыхъ, повитыми засмоленной паклей, въ видѣ своеобразныхъ, никогда, ни прежде, ни послѣ невиданныхъ въ мірѣ факеловъ. Выступаютъ на разрушеніе всѣхъ религій, всего тогдашняго міра, на разрушеніе греко-римской религіи, завѣщанной вѣками, воспѣтой величайшими поэтами, истолкованной въ возвышенно-утонченномъ смыслѣ мудрыми историками и философами, поддерживаемой великимъ вѣковымъ строемъ жречества, оглаваемой императорами, какъ верховными первосвященниками и богами, — религіи, которая легла въ основу всей древне-языческой, весьма высокой цивилизаціи, въ основу римскаго права, въ основу домашняго культа и всего семейнаго распорядка, въ основу всего государственнаго быта римской имперіи и подвластныхъ ему великихъ царствъ и народовъ. Кто бы могъ подумать тогда, что вотъ этотъ жалкій старецъ, Симонъ Петръ, вступающій въ громадный, шумный, великолѣпный Римъ пѣшими стопами, — что вотъ этотъ согбенный Павелъ, вводимый туда же войнами стражами въ видѣ жалкаго узника, — что они несутъ на своихъ удру-

ченныхъ раменахъ не только неминуемую, но и скорую гибель не только этому грозному Риму, но и всему оглавленному имъ міру и всему государственному римскому строю? Это показалось бы тогда невѣроятно и немыслимо, даже смѣшно и нелѣпо. Но мы знаемъ, какъ скоро вся эта мнимая невѣроятность стала грозною роковою былью. И роковое вступленіе въ Римъ этихъ видимо жалкихъ изможденныхъ старцевъ, но сильныхъ благодатію Св. Духа Христовыхъ посланниковъ, апостоловъ Петра и Павла было и стало миссіею не разрушенія только, но и созиданія.

Когда глядятъ на исторію міра назадъ, изучая въ ней безконечную пестроту историческихъ лицъ и событій, то поверхностно близкому и близорукому взгляду представляется въ ней болѣе или менѣе безсвязная вереница историческихъ мимолетностей. Какая наприм. связь между такими даже столпами исторіи, каковы Александръ Македонскій и Тамерланъ, или Аттила и Конфуцій, Колумбъ и Ермакъ? Но вѣрующій углубляющійся смыслъ усмотритъ въ безсвязной, повидимому, вереницѣ міровыхъ переменъ не иное что, какъ выполненіе божественнаго плана, плана не только предопредѣленнаго въ невѣдомыхъ рѣшеніяхъ недосягаемаго для нашей ограниченности неба съ его тайнами, но плана и предначертаннаго, точно и ясно, въ библейскихъ пророчествахъ. И настоящее значеніе всемірной исторіи, какъ исторіи именно прагматической, заключается главнымъ, если только не единственнымъ образомъ въ выясненіи именно той основной связи между міровыми событіями, какая предначертана въ христіанской Библии раскрываемымъ тамъ планомъ божественнаго домостроительства, по указанію библейскихъ ветхо-и ново-завѣтныхъ пророчествъ, изъясняемыхъ связнымъ строемъ ихъ осуществленія въ историческихъ судьбахъ міра. Таковы пророчества

патріарха Ноя о благословенномъ Богѣ Сима, о вселеніи Іафета въ селенія Симовы и о злосчастномъ жребіи Хамитовъ; пророчество Моисея о судьбѣ Израиля; пророчество апостола Павла о возвращеніи отпадшаго Израиля въ царство Божіе. Таковы пророчества Христа и апостоловъ Петра, Павла и Іоанна о послѣдней судьбѣ міра. Таково же истолкованное пророкомъ Даніиломъ Навуходоносорово видѣніе великаго идола изыческаго міра, идола, въ которомъ были соприкасавшіяся, даже спаянныя, но разносоставныя части: голова золотая, перси серебряныя, чрево мѣдяное, голени желѣзныя, а ноги желѣзно-скудельныя,—идола разбитаго въ прахъ камнемъ, который самъ собою отторгся отъ горы ветхозавѣтнаго іудейства, ударилъ въ желѣзно-скудельныя ноги идола, а самъ возросъ въ однородную гору, наполнившую весь міръ. Этотъ камень—Христосъ, а эта цементирующая всѣ племена людскія въ одну цѣльную, твердую, однородную каменную породу, наполняющая весь міръ гора есть христіанство, какъ ученіе Христа и апостоловъ, какъ воспринятая народами вѣра христіанская, какъ опоясующая весь міръ христіанская цивилизація.

Что была римская вселенная, въ самую мощную эпоху своего развитія, когда апостолы, по сошествіи на нихъ Св. Духа, выступали въ міръ на проповѣдь евангелія, на созиданіе церкви Христовой и на разрушеніе язычества, на разгромъ этой мощной римской вселенной? Тогда все въ римскомъ царствѣ должно было казаться необычайно мощнымъ, непримѣрно крѣпкимъ. Тогда Римъ такъ и звали вѣчнымъ, такъ и вѣрили, что онъ вѣченъ съ своими цезарями, съ своимъ сенатомъ и куріями, съ своимъ капитоліемъ и пантеономъ. Между тѣмъ это былъ въ ту пору уже остовъ почти безъ жизни, остовъ, въ которомъ уже безжизненныя, самимъ же Римомъ заморенныя кости были свя-

заны только насильственно; или еще точнѣе, то былъ химическій сосудъ, въ которомъ всѣ элементы стремились врозь и производили хаотическое противоборственное смѣшеніе. То были Іудея, Самарія, Галилея, каждая съ своими племенами, исторіями, влеченіями и антипатіями, съ господствующею надъ всѣми антипатіями ненавистью къ Риму. Впрочемъ что и значили тогда эти крошечныя Іудея, Самарія, Галилея въ безпредѣльной римской вселенной? Самая Италия тогда состояла не только изъ разноколенныхъ, но и разноправныхъ, не такъ давно разгромленныхъ и насильственно привязанныхъ къ Риму племенъ. А Италия служила зерномъ римской вселенной, но и зерно это было само въ себѣ разлагающееся и распадающееся. Римская вселенная оковывала своими объятіями разноплеменную Элладу, гдѣ доживали замирая Спарта, Аѣины, Фивы, Македонія, изъ которыхъ каждое племя прожило свой вѣкъ своею блистательною исторіею. Римская вселенная проглатывала Понтъ, Малую Азію, Сирію, часть старой Персіи и недостижимой Индіи, загражденную своими песками и пустынями Аравію, древній Египетъ, обломки Финикіи, развалины недавно разгромленнаго Карѳагена, которому едва едва не удалось самому разгромить грозный Римъ. Римская вселенная простирала свои желѣзныя когти вдаль безъ конца на всю эту Испанію, Галлію, Британію, Германію, Паннонію, Дакию, Скиѳію, Сарматію, на всѣхъ этихъ Вандаловъ, Готѳовъ, Галловъ, Бриттовъ, Кельтовъ, Гунновъ и т. д. безъ конца и счету. Конечно, то былъ страшный звѣрь, — звѣрь, который ловилъ всѣхъ, кого усматривалъ вблизи; терзалъ и побивалъ всѣхъ, кого доставалъ; сосалъ кровавые соки изъ всѣхъ, кого удавалось ему залучить въ свои когти; возбуждалъ страхъ повсюдный и ненависть всеобщую. А кому далъ онъ свою жизнь? Что къ себѣ привя-

зывалъ любовью? Что себѣ роднилъ? Что связывалъ съ собою единствомъ естественнаго влеченія, кровнаго родства, жизненнаго развитія? Не все ли, наоборотъ, не всѣ ли эти старыя, нѣкогда живыя историческія единицы, истерзанныя, искалѣченные, побитыя Римомъ, эти Греція, Азійскія царства, Финикія, Египетъ, Карѳагенъ, доживали послѣднюю свою горькую годину, глотая въ предсмертной агоніи, съ послѣдними вздохами, и отчаянную ненависть къ своему убійцѣ Риму? А эти новыя юныя Галлія, Германія, необъятная Скиѳія выросли, всасывая въ свою плоть и кровь кровавую злобу и неутолимую жажду мести къ тому же Риму, своему пока еще грозному врагу, готовому пожрать ихъ? Между самыми римскими гражданами только недавно еще раздавлена была, безпощадными узурпаторами, въ родѣ Марія и Суллы, многовѣковая ненависть патриціевъ къ плебеямъ и обратно. А въ отношеніи къ побѣжденнымъ народностямъ римляне были, такъ и звались богами безсмертными. О равенствѣ предъ закономъ, о братствѣ, о свободѣ, о братскомъ единеніи между всѣми людьми въ языческомъ Римѣ не могло быть и рѣчи. Раздвоенный на побѣдителей и побѣжденныхъ, на боговъ безсмертныхъ и ничтожныхъ безправныхъ рабовъ, Римъ — это были тѣ желѣзно-скудельныя ноги языческаго идола, которыя провидѣлъ царь Навуходоносоръ, въ которыхъ глина пронизывалась желѣзомъ, отчего самыя желѣзно-скудельныя оковы стремились разорваться и разорвались отъ самой громадности всего, что Римъ норовилъ сковать своею желѣзною крѣпостію; отчего самая желѣзная крѣпость первобытнаго состава римской народности слабѣла тѣмъ болѣе, чѣмъ тѣснѣе сливалась съ глинянымъ составомъ постоянно порабощаемыхъ племенъ и царствъ, пока и не ослабѣла и не рассыпалась окончательно; не рассыпалась отъ безшумнаго удара, нанесеннаго въ

желѣзно-студельныя ноги дневне-языческаго идола, прибытіемъ въ Римъ такихъ удрученныхъ путниковъ, каковы были первоверховные апостолы Петръ и Павелъ...

Да, ударъ этотъ былъ безшуменъ. Эта была смиренная проповѣдь смиреннѣйшихъ людей о томъ, что Богъ одинъ на небѣ, хотя и въ Троицѣ славимый, а не много боговъ; одинъ, но безконечный и всесовершенный, безсмертный и всесвятый, а не въ родѣ языческаго Юпитера, обремененнаго немощами; что Богъ есть Отецъ небесный и сотворилъ отъ единыя крове весь родъ человѣчъ; что тако возлюбилъ Богъ міръ, яко и Сына своего едиnorodнаго предалъ даже на крестную муку, да всякъ вѣруй въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный; что предъ очами Божиими лежить разность между грѣшникомъ и праведнымъ, но нѣтъ разнствія между римскимъ гражданиномъ и варваромъ, между эллиномъ и іудеемъ, между рабомъ и свободнымъ; что всѣ вѣрные — чада Отца небеснаго, наслѣдники царства небеснаго, братья и снаслѣдники Христу Сыну Божію, братья всѣ между собою и по плоти и по духу, по одинакому призванію въ благодатное царство Христово на землѣ и въ царство славы на небѣ. Но смиренная проповѣдь сдѣлала то, что не только завоеванные рабы Рима, но и сами римскіе граждане покинули римскихъ боговъ; а оставляя религію отцовъ, сдвинулись съ основы, на которой выросъ, въ которой коренился весь римскій государственный строй. Эта привлекательная для всѣхъ проповѣдь любви христіанской сдѣлала то простое чудо, что въ римскомъ обществѣ презрѣнныхъ рабовъ и гордыхъ боговъ — завоевателей исчезли, сравнялись, сгладились рабъ и свободный, еллинъ и іудей, варваръ и скиѣ и римлянинъ, а оказалось единое царство Христово изъ равноправныхъ по человѣчеству естественныхъ потомковъ единого праотца, ветхаго Адама, и

благодатныхъ чадъ Адама новаго, Христа Сына Божія. Связанная единствомъ такой однородности гора христіанства, выростая сама до вершинъ римскаго общества, до цезарскихъ дворцовъ, тѣмъ самымъ превращала и ниспровергала древне-языческаго идола, не смотря ни на какія усилія этого идола раздавить растущую подъ ногами его твердыню. А когда и вершина горы, въ лицѣ равно-апостольнаго Константина, выдвинулась выше всякихъ мірскихъ высотъ, то отъ повергнутаго идола язычества остались ненадолго только скудные обломки, которые скоро и совсѣмъ раздробились и измелъчали, вывѣтрились и развѣялись по вѣтру.

Вотъ сила значенія церковной пѣсни: *егда же огненныя языки Всевышній раздаяше, въ соединеніе вся призва.* Послѣ вавилонскаго столпотворенія, смѣшенія языковъ и разсѣянія народовъ, языки развѣтвились на крайне много-вѣтвистое дерево, такъ что вѣтви его, встрѣчаясь только корнями своими гдѣ то въ темной глубинѣ, въ корнѣ человѣческаго сознанія, а въ развитіи своемъ разрослись и удалившись въ разныя стороны, были и плодомъ и выраженіемъ совершеннаго раздѣленія и отдаленія другъ отъ друга всѣхъ народовъ міра. А Духъ Святый, въ день своего сошествія, видимо почилъ на каждомъ изъ учениковъ Христовыхъ отдѣльнымъ огненнымъ языкомъ, причиною и символомъ раздѣленія племенъ и народовъ, почивъ на каждомъ изъ апостоловъ и даромъ разноязычія. Тѣмъ не менѣе этотъ благодатный даръ разноязычія оказался мощнымъ орудіемъ соединенія всего человѣчества. Пусть св. апостолы говорили на разныхъ языкахъ, даже писали несовершеннo, писали и говорили, очевидно, не такъ, какъ Демосенъ и Цицеронъ; тѣмъ не менѣе обладая чудеснымъ даромъ объясняться настолько, чтобъ ихъ вездѣ могли понимать, изрекая по вдохновенію Духа Божія божественное Христово ученіе, св. апостолы

преобразили міръ, сплотивъ его единствомъ вѣры въ еди-
наго Бога, единствомъ надежды на блаженное безсмертіе и
единствомъ закона любви, который легъ въ основу всего
законодательства христіанскаго.

Объяснять ли далѣе, что христіанская вѣра и до сего
дня остается самымъ основнымъ связующимъ началомъ не
только каждаго народа христіанскаго въ отдѣльности, не
только всѣхъ христіанскихъ народовъ въ совокупности, но
и всѣхъ народовъ міра? Объяснять ли, посмотрите сами
кто знаетъ назадъ, какъ послѣ равно-апостольнаго Констан-
тина уже въ христіанской римской вселенной исчезаютъ въ
общемъ типѣ христіанина своеобразные типы римлянина и
грека, александрійца и антиохійца, готѣа и славянина, кель-
та и бритта, галла и испанца. Все это перетолклось и пе-
ремолось, смѣшалось и сроднилось; переродилось и возро-
дилось для новой жизни подъ эгидой Христовой церкви.
Пусть по непреложнымъ пророчествамъ въ самомъ христі-
анствѣ должны были возникнуть и возникли ереси и рас-
колы, даже богоотступства. Всѣ эти отколы отъ единой, въ
основѣ цѣльной, несокрушимой и вратами ада скалы хри-
стіанства, дробясь и мельчая на ея вершинѣ, не мѣшаютъ
до уреченнаго дня ни стоянію самой горы, ни даже ея воз-
растанію изъ нѣдръ Христова евангелія, изъ благодати Св.
Духа, изъ предопредѣленія воли Бога Отца. Пусть великій
западно-римскій расколъ измѣнилъ основанному на любви
существенному началу Христова евангелія, взявъ въ руки
не только крестъ, но и мечъ, и направясь во всѣ концы
міра для нападенія на невѣдущихъ Христа людей, для при-
веденія ихъ къ поклоненію кресту Христову посредствомъ
отвергнутаго Христомъ меча. Пусть взявъ мечъ въ руки,
переродившійся папскій Римъ самъ гибнетъ нынѣ, по сло-
ву Христа апостолу Петру, отъ меча, отъ своихъ же соб-

ственныхъ чадъ, выражающихся исповѣдниковъ Христа.
Пусть отколъ Рима отъ единства вселенской церкви дол-
женъ былъ естественно произвести изъ себя плодъ по роду
своему, долженъ былъ естественно сопровождаться и даль-
нѣйшимъ расколомъ реформаціи, избіеніемъ при этомъ мно-
гихъ милліоновъ лучшихъ, по юности и крѣпости и обще-
ственному отбору, людей и послѣдующимъ саморазложени-
емъ христіанства въ католической нѣкогда Германіи. Пусть
и въ римско-католической Франціи тотъ же расколъ Рима
сопровождался новымъ великимъ расколомъ уже революціи,
избіеніемъ новыхъ милліоновъ лучшихъ, юнѣйшихъ, са-
мыхъ крѣпкихъ людей въ христіанской Европѣ и возста-
ніемъ недавнихъ римско-католическихъ христіанъ на Бога
и Христа Его. Тѣмъ не менѣе и въ старой западной Евро-
пѣ, какъ и въ новомъ протестантскомъ или католическомъ
свѣтѣ, христіанство служило и пока еще продолжаетъ слу-
жить самую крѣпкою связью христіанскихъ народовъ. И
тамъ въ продолженіи многихъ вѣковъ вѣрные, т. е. послѣ-
дователи Христовы, всегда противопоставлялись невѣрнымъ,
т. е. послѣдователямъ Магомета и другихъ вѣроученій,
такъ что вся многовѣковая исторія западной Европы раз-
вивалась именно изъ этого противоположенія вѣрныхъ не-
вѣрнымъ; развивалась даже до нашихъ роковыхъ дней, ко-
гда теряющіе Христовъ духъ католицизмъ и протестан-
тизмъ, изъ несправедливости къ истинно-христіанскому правосла-
вному роду славянъ, для подавленія его, подали свои дес-
ницы общенія турецкому исламу. Предопредѣленіе Бо-
жіе о распространеніи христіанства сообщаетъ такую мощь
европейскому и американскому христіанскому человѣчеству,
что одна-другая сравнительно горсть удалцовъ завоевыва-
ютъ всю Америку, или Индію, опутываютъ желѣзными пу-
тами Африку, обезсиливаютъ многочислѣннѣйшій всего евро-

пейскаго міра Китай, захватываютъ Океанію. *Малъ квасъ все смѣшеніе гваситъ.* Это говорили апостолы о дѣйствительности слова Христова, которое возбуждаетъ энергію общечеловѣческаго сознанія. Эта записка Христова ученія дала такое возбужденіе христіанскому человѣчеству, что предъ силою христіанской цивилизаціи падаютъ въ безсиліи всякая другая цивилизація, часто весьма высокая, какъ китайская, всякая другая культура, часто весьма древняя и широко развитая, каковою была самостоятельная культура коренныхъ первобытныхъ народовъ Америки. И пусть не христіанскіе народы всего міра пока, до предопредѣленнаго времени, не покоряются благому игу ясно исповѣдуемой вѣры во Христа, какъ Сына Божія; тѣмъ не менѣе и они волею неволею покоряются и покорствуютъ духу, а не рѣдко и буквѣ Христова евангелія, которое лежитъ въ основѣ или наложеннаго на нихъ, или даже болѣе или менѣе, свободно усвояемаго ими христіанскаго законодательства, христіанскихъ воззрѣній на отношенія между людьми, на завѣтную связь человѣка съ Богомъ, на обязательность закона нравственности, на загробное мздовоздаяніе. Эта связь нечувствительно, но неодолимо сковываетъ, спаиваетъ, роднитъ все человѣчество въ единую семью братьевъ и чадъ единого Отца небеснаго, въ однородныхъ словесныхъ овецъ единого стада единого небеснаго Пастыря. Всѣ судьбы міра нечувствительно, но неустранимо направляются къ той предопредѣленной и предсказанной великой эпохѣ, когда полнота язычниковъ войдетъ въ царство Божіе, когда устранится ослѣпленіе и отъ Израиля, и когда затѣмъ помилованы будутъ Богомъ всѣ затворенные нынѣ въ противленіе (Рим. 11, 25—22). Не тогда ли вотъ исполнится не только въ духѣ, но и въ буквѣ, и это пророчество Христово: *и будетъ едино стадо и единъ пастырь?* Чаять этого должно, а от-

чаяваться грѣшно, и нѣтъ къ тому пока явнаго основанія, хотя уже и появляются въ христіанскомъ мірѣ предсказанные признаки появленія и проявленія антихристово духа.

Думалось и думается, вѣрилось и вѣрится, что восточному истинному православію, что нашему христіолюбивому православному отечеству сужденъ особый, исключительный, избранный, но пока еще ясно не раскрывшійся жребій во всемъ христіанскомъ, да и вообще во всемъ общечеловѣческомъ мірѣ. Вникните въ это существенное отличіе восточно-православныхъ народовъ отъ римско-католическаго запада, что тѣ, православные народы, вооруженные только крестомъ, никогда не брали въ руки меча, по примѣру Рима, для приобрѣтенія поклонниковъ Христу силою меча; что они поднимали мечъ только для защиты своей вѣры. Между тѣмъ въ одной крестной силѣ они нашли такую неодолимую крѣпость, что вынесли неисчислимое множество нападеній грозныхъ враговъ, что вытерпѣли даже многовѣковое господство злѣйшей тиранніи, и не сгибли, а даже сдвинули съ себя и превращаютъ въ безсиліе нѣкогда страшную силу враждебнаго имъ исламизма. Посмотрите, какъ эта мощь православной Христовой вѣры перепаяла разрозненныя племена славянскія въ единство народа, роднаго по духу и плоти. Сравните съ славянами православными тѣхъ славянъ, которые росли, развивались и выродились подъ вліяніемъ латинства и протестантства: то всѣмъ другіе люди не только по духу, не только по языку, не только по племени, но другіе люди и по плоти, по виду, по тѣлесной структурѣ. Посмотрите на этихъ сѣверно-русскихъ финновъ, зырянъ, мордву, на первокрещенные по завоеваніи татарскихъ царствъ татарскіе роды, которыми населены всѣ сѣверо-восточныя и восточныя велико-русскія губерніи отъ Москвы до Астрахани, до Перми и далѣе,—

скоро-ль вы отыщете въ этихъ нынѣшнихъ велико россиянахъ старый исконный финскій типъ? Или татарскій типъ въ татарскихъ родахъ князей Юсуповыхъ, Урусовыхъ, Черкасскихъ, Мещерскихъ и т. п.? Мы твердили и повторяемъ, что православіе при пособіи, впрочемъ второстепенномъ, другихъ условій русскаго быта, — что православіе быстро передѣлываетъ самый обликъ, самую структуру тѣла, быстро превращая инородца въ чисто русскаго человѣка. Посмотрите даже на здѣшнихъ (уфимскихъ) крещеныхъ татаръ, которые въ два три поколѣнія превратились по виду въ русскихъ людей, только безъ русскаго говора, такъ что не вдругъ и отличишь ихъ отъ коренныхъ русскихъ. А наоборотъ посмотрите на перерождающихся русскихъ молоканъ, на питомцевъ воспитательныхъ домовъ, которые растутъ въ семьяхъ чухонъ-протестантовъ, даже на интеллигентныхъ русскихъ людей, которые сами, какъ и отцы и дѣды ихъ, отстали отъ русскаго Бога и вѣры, — что у нихъ осталось русскаго народнаго, даже въ ихъ внѣшнемъ видѣ? Не видимъ ли, что въ два, въ три поколѣнія, даже въ одно, они такъ перерождаются, что русскую плоть и кровь въ нихъ узнаешь развѣ только по русскому говору, да и то не всегда.

Въ томъ-то и горе наше въ настоящемъ и грозная бѣда въ будущемъ. Когда со времени равно-апостольнаго Владимира до Петра 1-го лежало въ духѣ русскаго народа непреложное требованіе, чтобы всякій русскій человѣкъ былъ русскимъ во-первыхъ по вѣрѣ, — посмотрите, какъ успѣшно мы уподобляли и роднили себѣ чуждыя намъ народности. Мы ихъ не истребляли никогда, почти вовсе не насилывали ихъ въ дѣлахъ совѣсти, но всегда и весьма быстро перерождали въ чисто русскихъ людей. А со временъ Петра 1, когда узаконено, что вѣра безразлична для хорошаго русскаго подданнаго, хотя коренной государственный

законъ, что русскій человѣкъ не смѣетъ оставлять свою родную вѣру, и сохранялся еще не только въ законодательныхъ кодексахъ, но и въ практикѣ, съ тѣхъ поръ въ высшихъ сферахъ русскіе люди, хотя и не измѣняли вѣрѣ номинально, сами быстро ассимилировались то нѣмцамъ, то французамъ, то Богъ вѣсть кому и чему. А когда наконецъ пронеслось по Руси невѣдомо откуда дующее вѣянье, что всякій русскій подданный смѣетъ исповѣдать какую ему угодно вѣру, оставляя даже старо-русское родное православіе, тогда одно это вѣянье, повидимому, пока еще неопредѣленное, не вошедшее въ силу закона, уже сдуваетъ съ лица земли работу вѣковъ, работу уподобленія инородчества русскому православному народу. И воображаемъ, что это не вредитъ русскому государственному началу, не вредитъ единству и природной крѣпости нашего христіанскаго отечества. Дай Богъ, чтобы мы не обманулись; но, конечно, обманемся. Конечно, суетной предаемся мы мечтѣ, что государственное право у насъ достигло теперь такой высоты мудрости и гуманности, что равно покровительствуетъ всякимъ вѣрамъ своихъ подданныхъ. Это мыслящему человѣку невольно напоминаетъ римскій пантеонъ. Пока въ Римѣ былъ только капитолій, въ которомъ царилъ исключительный духъ родной исконной римской вѣры; тогда Римъ, дыша этимъ духомъ, росъ, мужалъ и поборалъ весь міръ. А когда, покоривъ весь міръ, самый Римъ превратился въ пантеонъ и влилъ подъ кровь этого пантеона боговъ всего міра и всякихъ вѣръ, желая связать всѣ народы не старымъ исключительнымъ духомъ древней римской религіи, а официальнымъ обожаніемъ своего цезаря; — тогда ни высшее образованіе, ни римское право, ни отлично-благоустроенная администрація, ни громады отличныхъ, лучшимъ, для того времени, образомъ обученныхъ и вооруженныхъ римскихъ

легионовъ, не спасли римскаго царства отъ разгрома. Не спасли его и сами верховные понтифексы и даже боги римскіе цезари. Ихъ самихъ официально обожали и съ безпощаднымъ лицемѣріемъ отправляли къ богамъ въ качествѣ боговъ безсмертныхъ, почтительно провожая изъ печальной юдоли смертныхъ. Въ два три вѣка римскій народъ какъ то нечувствительно растаялъ, потому что вывѣтрился изъ него древній крѣпкій исключительный религіозный духъ отцовъ. У римлянъ тогда все оставалось прежнее, даже въ усовершенствованномъ видѣ, и администрація, и судъ, и войско, и новое связующее начало единства въ видѣ единого бога цезаря; но исчезъ древній религіозный духъ, не стало и самихъ римлянъ... Урокъ для насъ былъ бы поучительный, полный явныхъ и поразительныхъ аналогій, еслибъ только въ него вдумывались. Аминь.

1882 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ третій день Святыя Троицы предъ выборами дворянъ Уфимской губерніи.

Работаша людіе Израилевы Господеву во вся дни Иисусовы, и во вся дни старѣйшинъ, елицы пожиха многи дни со Иисусомъ Насиномъ, елицы разумѣша все дѣло Господне великое, еже сотвори Израилю. И скончаша Иисусъ сынъ Насинъ, рабъ Господень, сый ста и дѣсяти лѣтъ. И погребоша его... Весь родъ оныхъ приложишася ко отцемъ своимъ. И воста родъ другій по сихъ, иже не познаша Господа, и дѣла, еже сотвори во Израили. И сотвориша сынове Израилевы злое предъ Господемъ и послужиша Ваалу. И оставиша Господа Бога отецъ своихъ, изведшаго ихъ изъ земли Египетски, и поидоша въ слѣдъ боговъ иныхъ отъ боговъ языческихъ, иже окрестъ ихъ, и поклонишася имъ, и разгнѣваша Господа и послужиша Ваалу и Астартомъ. И разгнѣваша яростію Господь на Израиль и предаде его въ руки плѣняющихъ, и плѣниша ихъ. И отдале ихъ въ руки враговъ ихъ, иже окрестъ ихъ, и не возмогоша ктому противостати предъ лицемъ враговъ своихъ, во всякъ, въ нихже прохощаху. И рука Господня бѣше на нихъ во зло, якоже глагола Господь и якоже клялся имъ Господь, и озлоби ихъ зло. И возстави имъ Господь суди и избави ихъ Господь отъ руки плѣняющихъ

я. Но и судей не послушаша, яко соблудили въ слѣдъ боговъ иныхъ, и поклонилися имъ, и разнѣваша Господа, и уклонилися съ пути скоро, по немуже ходиша отцы ихъ послушати заповѣдей Господнихъ: не сотвориша тако. И яко возстави имъ Господь судей, и бѣше Господь съ судією, и спасе я отъ руки враговъ ихъ, во вся дни судіи,—яко умилися Господь отъ воздыханія ихъ отъ лица воюющихъ на ня и озлобляющихъ я,—и бысть егда умираше судія, и отвращахуся, и пакы растлѣвахуся паче отецъ своихъ, идуще въ слѣдъ боговъ иныхъ, служити имъ и поклонятися имъ: не отвергоша начинаній своихъ и не отступили отъ путей своихъ жестокихъ. И разнѣвася яростью Господь на Израиля и рече: понеже остави родъ сей завітъ мой, еже заповѣдахъ отцемъ ихъ, и не послушаша гласа моего,—и азъ не приложу изнати мужа отъ лица ихъ отъ сихъ языковъ, ихъже остави Исусъ сынъ Навинъ на земли и умре, еже искушати чрезъ нихъ Израиля, аще сохранятъ путь Господень ходити въ немъ, якоже сохраниша отцы ихъ, или ни (Суд. 2, 7—22).

Я привожу этотъ отрывокъ изъ древнѣйшей священной книги Судей потому, что во главу поученія, предлагаемаго съ церковной кафедры, нужно и всегда полезно положить то или другое священно-церковное изрѣченіе. Этотъ отрывокъ написанъ за полторы тысячи лѣтъ до Р. Х., и принадлежитъ къ числу характернѣйшихъ мѣстъ въ цѣлой библии,—характернѣйшихъ потому, что въ немногихъ строкахъ онъ изобразилъ весь характеръ избраннаго израильскаго народа и всю его судьбу, не только во времена судей, но и въ послѣдующіе вѣки, начиная отъ Исуса Навина и до конца исторіи еврейскаго народа, какъ самостоятельной исторической государственной единицы. Основ-

ною чертою характера и судьбы этого народа было то, что онъ, такъ изумляющій теперь своею стойкостью въ храненіи отеческихъ преданій и тѣмъ, чрезъ тысячелѣтія громаднѣйшихъ міровыхъ переворотовъ, сохранившій свою національную сущность и физіономію,—онъ, въ старые годы, на всемъ пространствѣ своей исторіи отъ Моисея до Христа, отличался большимъ легкомысліемъ и великою склонностію оставлять Бога отцовъ своихъ для боговъ чужеродныхъ, языческихъ. Чтобъ спасти въ нихъ для нихъ, а чрезъ нихъ и для всего міра,—чтобъ не погасить на всей землѣ свѣточъ истинной вѣры, Богъ вынуждаемъ былъ ихъ легкомысліемъ постоянно употреблять надъ ними карательныя мѣры разнаго рода,—главнымъ же образомъ, предавая ихъ въ руки враговъ ихъ. А когда насланныя Богомъ бѣды до-нимали ихъ до костей, тогда они, съ воплями раскаянія, обращались къ Богу отцовъ своихъ; но опять когда бѣды проходили, они опять тотчасъ же шли на холмы, въ рощи, въ капища кланяться богамъ чуждымъ, глухимъ идоламъ, древу и каменію, египетскому тельцу, сирскимъ Ваалу, Молоху и Астартѣ, и всякимъ, лишь бы только не кланяться Богу истинному, всевышнему, всесовершенному. Уты, утолстѣ, разширь и забы Бога Израиль,—сказалъ еще Моисей объ Израиль своего времени. А тоже бывало всегда и впослѣдствіи. Когда Израиль, въ покоѣ и счастіи, толстѣлъ, дебелилъ и ширился въ объемѣ тѣла, то сейчасъ же и Бога отцовъ своихъ забывалъ. А чтобы вспомнить, для этого нужно было поратать его, нужно было придавливать его бѣдствіями, которыя, истощая его полноту, снимая съ него его ожирѣніе, утопчивали духъ его и обращали очи его къ небу. Такъ было и всегда и вездѣ, не только съ Израилемъ, но и со всемъ человечествомъ, и со всѣми народами. Такъ будетъ и всегда.

Впрочем, мы не намѣрены теперь приложить предложенное священное изреченіе къ судьбамъ, примѣрно, всего ли нашего русскаго народа, одного ли какого либо сословія въ нашемъ народѣ въ подробностяхъ. Соприкосновенность этой истины съ данными случаемъ, по которому мы собрались сюда сегодня, по которому ведемъ съ вами эту бесѣду, выяснится въ концѣ ея. А теперь предложимъ нѣсколько словъ о томъ, что такое было руссійское дворянство, что есть и чѣмъ будетъ, или лучше — чѣмъ должно быть, съ нашей точки, — съ церковной точки зрѣнія.

О прошедшемъ руссійскаго дворянства выскажемъ, впрочемъ, только самыя общія положенія, освѣщаемыя исторіей.

Исторія заставляла всякій историческій народъ изъ переходѣ отъ охотничьяго и пастушескаго состоянія къ состоянію земледѣльческой осѣдлости. Эти переходы народовъ изъ состоянія въ состояніе совершаются въ продолженіи не вѣковъ, а тысячелѣтій, и задача исторіи всегда заключается въ томъ, чтобы перевести народы изъ состоянія пастушеско-охотничьей полудикости въ состояніе осѣдлой гражданственности, въ состояніе зачавшейся и развивающейся гражданской организаціи всего народнаго состава и всѣхъ его силъ. Такъ было со всѣми историческими народами и со всѣми славянскими племенами; такъ было и съ нашимъ велико-русскимъ народомъ. Въ началѣ его исторіи, земля русская была велика и обильна, а порядка въ ней не было. Осѣдлыхъ пунктовъ мы въ ней вовсе почти не видимъ; власти не было почти никакой; народъ не обрѣлъ на землѣ; широкія невоздѣланныя пространства манили его постоянно къ переходамъ съ мѣста на мѣсто; лѣса, богатые дичью, рѣки, изобильныя рыбою, всюду великое обиліе растительности для скотоводства, для отопленія и скудныхъ шалашей, давали ему, на широкомъ раздольи

дикихъ пустынь, легкій способъ прокормиться и прожить. Зимѣ кое-какъ пробьются и прогорюють, съ весною обогрѣются весеннимъ солнцемъ, и рады, и веселы среди своихъ роскошныхъ дикихъ пустынь, съ своими жужжащими насѣкомыми, пѣвчими и всякими птицами, съ своими то веселыми, то жутко пугающими сосѣдями звѣрями. Такъ и существовали въ продолженіи вѣковъ. Земледѣльческаго труда требовалось мало; культуры было крайне немного; поэтической сказочной дикости — приволье. Потому-то задачей первыхъ русскихъ князей было: во-первыхъ, сколько можно, сколько позволяли извѣчные обычаи, осадить народъ на мѣстахъ, чтобъ набирать изъ него воинскую дружину, для защиты родной земли отъ нашествія иноплениковъ, чтобъ добывать съ народа дань, чтобъ заставить его работать и для себя, и для князя или князей. Отсюда родились на Руси стольные города; отсюда пошли удѣлы княжескихъ родовъ и первыя помѣстья старѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ княжескихъ дружинниковъ. Когда велико-княжескій столъ утвердился въ Москвѣ; когда появилась задача сокрушить прежніе удѣлы, за которые держались старые княжескіе роды, а сокрушить ихъ можно было только посредствомъ близкихъ, подручныхъ, неродовитыхъ велико-княжескихъ людей; когда, съ возрастаніемъ вліянія одного велико-княжескаго рода, велико-княжескій столъ превратился въ престолъ царскій, а за тѣмъ и въ императорскій тронъ, — тогда старая ближняя княжеская дружина переродилась, съ одной стороны, въ царскій дворъ, съ другой въ войско, а ближайшіе дружинники великихъ князей постепенно преобразовались въ царскихъ и наконецъ императорскихъ дворянъ. Чтобъ набирать съ народа воиновъ, для защиты престола и отечества, чтобъ держать разросшуюся народную массу въ послушаніи и порядкѣ,

чтобъ приучить къ необходимому и полезному труду, чтобы привить къ нему разнообразныя культурныя знанія,—великіе князья и цари наши сажали ближнихъ дворянъ своихъ на помѣстья, которыя заключались сначала въ извѣстныхъ мѣстахъ или пространствахъ земли, съ жившими на нихъ, но пока еще не прикрѣпленными къ нимъ, людьми,—людьми, за которыми оставалось еще извѣчное право Юрьева дня, вольнаго перехода, въ день весенняго и осенняго Георгія, на вольныя, на излюбленныя мѣста. Оттуда народились на Руси помѣщики, которые сперва были только въ буквальномъ смыслѣ помѣщиками, которымъ принадлежали только помѣстья, извѣстныя пространства земли, съ вольными на нихъ людьми. Уничтожить Юрьевъ день, ограничить до возможности право извѣчнаго всенароднаго бродяжества, прикрѣпить народную массу къ извѣстнымъ мѣстамъ, закрѣпить ихъ за помѣщиками—было дѣломъ не только государственной мудрости, но и культурной необходимости,—было естественнымъ требованіемъ развивающейся народной исторіи. Великій государственный умъ царя Бориса Θεодоровича Годунова имѣлъ свое отраженіе, въ самое недавнее еще время, въ государственной мудрости великой Екатерины. Даже эта величайшая изъ государынь, мудрейшая изъ женщинъ-царицъ всего свѣта, уже чуть не въ наши дни, на памяти нашихъ дѣдовъ, закрѣпила дѣло царя Бориса въ ново-пріобрѣтенныхъ малороссійскихъ и новороссійскихъ краяхъ, гдѣ до нея, подъ именемъ казачества, царили еще въ народныхъ массахъ права воли и степнаго бродяжества, права жить войною и военною добычею, отчего земледѣліе и всякіе промыслы были въ совершенномъ упадкѣ, а вся общественная культура направлена была только къ развитію бранной удали и военнаго ремесла, да и то въ томъ видѣ, какъ завѣщали

его прадѣды, почти безъ всякаго улучшенія, безъ всякаго научнаго опредѣленія и направленія. Кромѣ военнаго, всѣ другія отправленія общественной жизни, всѣ хозяйственныя заботы были въ полнѣйшемъ пренебреженіи. Въ старыхъ казацкихъ земляхъ и до сихъ поръ на казака работаетъ почти исключительно только его жена. Въ самые послѣдніе дни поучительно было видѣть, въ рабочую лѣтнюю пору, соприкасающіяся полосы старорусской и староказацкой земли. Вотъ рядомъ на поляхъ, съ одной стороны, народа работающаго, скирдъ хлѣба, стоговъ сѣна видимо невидимо, до края горизонта; а въ другую сторону необозримая изсѣвленная пустыня и до края горизонта ни души... Вотъ современная культурная разниа между изстари-помѣщичьими и изстари вольными русскими землями; или между русскими и казацкими землями, по мѣстному казацкому говору, для котораго по старинному словоупотребленію, хотя уже и не по духу, казацкое не есть, даже до сегоднѣ, русское, и наоборотъ русское—не казацкое.

Этими немногими чертами мы хотимъ выяснить, что дворянство, даже помѣщичье, даже крѣпостническое, не только было у насъ историческою необходимостью, но имѣло и свою историческую заслугу, и заслугу огромнаго историческаго значенія. Больше того. Можно сказать, что послѣ мало-значительнаго въ исторіи Россіи, какъ государства, вѣчеваго періода, послѣ болѣе значительнаго по вліянію удѣльнаго княжескаго періода, дворянство опираясь на народъ, какъ пьедесталъ, а само служа опорой престола, дѣлало всю русскую исторію. Всасывая въ себя изъ народа всѣ лучшія, болѣе развитыя интеллигентныя силы, дворянство совершало на Руси всѣ высшія отправленія, изъ которыхъ слагается собственно-историческая жизнь народа: предводило народомъ на брани, творило судъ и правду,

двигало впередъ нашу интеллигенцію и культуру. Всѣ историческія русскія имена, съ крайне ограниченными исключеніями, вышли изъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ, а за тѣмъ почти всѣ не дворянскія по происхожденію вошли въ дворянскій кругъ. Только Мининъ остался въ исторіи мѣщаниномъ, Сусанинъ крестьяниномъ, Кольцовъ прасоломъ, Сильвестръ попомъ, да нѣкоторые изъ монашествующихъ духовныхъ духовными, впрочемъ эти послѣдніе только какъ люди не отъ міра сего. Всѣ же прочія историческія наши личности, если не вышли изъ дворянства, то погрузились въ него, погрузились и при жизни своей и въ потомствѣ, родомъ племенемъ. Наконецъ, дворянство завершило великій періодъ русской исторіи отъ Бориса Годунова до Александра II-го величайшимъ, гуманнѣйшимъ, христіаннѣйшимъ, безпримѣрнымъ въ исторіи міра, актомъ освобожденія крѣпостнаго крестьянства съ землею. Христіанской западной Европы достало только для освобожденія рабовъ безъ земли, при чемъ состояніе рабовъ стало еще болѣе рабскимъ и горькимъ, даровавъ имъ широкое право лечь среди не принадлежащихъ имъ полей и умереть съ голоду... А Америкѣ, еще пока не отрешившейся отъ христіанства, обще-государственное признаніе основной истины цивилизованныхъ обществъ, что рабъ есть человѣческая личность и имѣетъ право быть личностію, человѣкомъ и христіаниномъ, а не вьючнымъ, однакоже по человѣчески разумнымъ и потому болѣе животныхъ выгоднымъ скотомъ,—признаніе этой простѣйшей истины и правды стоило великихъ потоковъ крови и чуть не разрушенія огромнѣйшаго и во многихъ отношеніяхъ благоустроеннѣйшаго изъ современныхъ государствъ. Въ этомъ отношеніи подвигъ русскаго дворянства былъ тѣмъ выше, чѣмъ болѣе требовалъ истинно-христіанскаго самоотверженія. Вѣдь со-

знавалось не только тѣми высшими умами изъ дворянства, которые съ величайшимъ благородствомъ и самоотверженіемъ, высшими всякой хвалы, двигали великое дѣло освобожденія крестьянства, но и всѣми самыми коренными любителями крѣпостнаго права,—всѣми сознавалось, что при обиліи земли на Руси, при надѣленіи крестьянства не только личною свободою, но и даровою землею, благоденствіе помѣщиковъ будетъ значительно потрясено. Тѣмъ не менѣе дворянство, осѣнивъ себя русскимъ крестомъ, въ вѣчную похвалу себѣ на землѣ и на небѣ, подписало величайшій въ міровой исторіи актъ христіанскаго самоотверженія, и, отдавъ себя на Божью волю, вступило во второе тысячелѣтіе русской исторіи уже безъ крѣпостныхъ душъ.

Не легко достается самоотреченіе, достопочтенные братья. *Добрая дѣла трудомъ стяжаются и болѣзнію скончаются*,—есть одно такое церковно-монашеское изреченіе. Значитъ, чѣмъ дѣло выше, тѣмъ оно труднѣе, тѣмъ болѣе для нашего такъ называемаго ветхаго самолюбиваго человѣка. А самое высокое дѣло христіанскаго совершенства есть дѣятельная христіанская любовь. А самая высокая любовь это самоотверженіе. *Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя*,—сказалъ Спаситель; смѣемъ прибавить,—и то величайшая христіанская любовь, если кто благосостояніе свое положить для друзей своихъ, вообще для другихъ. Вамъ Богъ воздастъ, васъ Богъ утѣшитъ за ваше великое доброе дѣло. Вѣруйте только въ Бога и Христа Его. Вашу жертву Богъ приметъ и въ очищеніе грѣховъ прежде отшедшихъ отецъ и братій вашихъ, а быть можетъ, отчасти и вашихъ собственныхъ. Богъ отдаетъ грѣхи отцевъ на чада; и обратно, пріемлетъ жертву отъ чадъ въ очищеніе отеческихъ грѣховъ. Не коснемся того, что въ этомъ великомъ переворотѣ

не обошлось и безъ того, что называется историческою немезидою,—немезидою за то, что нерѣдко повальная праздность подала чужой трудъ массъ, барская роскошь единиць держала въ вѣковой скудости сотни и тысячи тружениковъ, широкое право переходило съ одной стороны въ безпредѣльный произволъ, а съ другой въ безправіе, которому по практикѣ также трудно было указать границу. Какое право крѣпостныхъ душъ не принадлежало владѣльцу?.. Душевладѣльцу принадлежало даже право ихъ на образование, и по мѣстамъ исполнялось слово Спасителя: *возьми ключъ разумія, сами не входили въ храмъ разумія и другимъ возбраняли внити...*

Простите. Касаемся этихъ тѣней прошлаго туманными чертами единственно только для того, чтобъ указать выходъ изъ исчезающихъ тѣней прошлаго и твердый освѣщенный ходъ впередъ въ свѣтлую будущность. Настоящее царствованіе громадно по своимъ огромнымъ начинаніямъ. Затронуты, возбуждены, гармонически для будущей мелодіи настроены всѣ живыя струны народной жизни. Царственною преобразовательною мудростію втораго Петра I—Александра II, благословеннаго Освободителя, указано дворянству, отчасти искони ему принадлежавшее, отчасти же вновь дарованное право на предводительство народомъ въ дѣлѣ воинскомъ, въ государственномъ управленіи, въ управленіи суда и правды на новыхъ, дѣйствительно праведныхъ началахъ, въ земскомъ строеніи, наконецъ въ правильномъ развитіи общенароднаго сознанія. Права огромныя! Вамъ дарованы онѣ первымъ и во-первыхъ. Но придите и возьмите,—какъ сказалъ кто-то когда-то. Возьмите трудъ протянуть къ нимъ руку, чтобъ не только взять, но и твердо удержатъ ихъ. А взять ихъ и удержатъ, и сдѣлать плодотворными на всѣхъ отрасляхъ государственной дѣя-

тельности теперь можно,—слава Богу и благодареніе Царю,—единственно только чрезъ высшее образованіе, и образованіе въ историческомъ народномъ духѣ. Что дѣлать? Приходится потрудиться въ этомъ направленіи, въ развитіи своихъ собственныхъ умственныхъ силъ. Знаніе теперь есть величайшая сила; знаніе—величайшее изъ правъ... То не метафора, а дѣйствительность, что развитіе историческаго народа есть развитіе живой организаціи. А въ лѣстницѣ организаціи сперва идутъ нервы движенія; нервы движенія постепенно перерождаются въ нервы ощущенія; нервы же ощущенія, разращеніемъ нервныхъ узловъ, превращаются въ мозговые скопленія, въ которыхъ сидятъ сознаніе и разумъ, которыя ширятся и крѣпнутъ чрезъ мозговую умственную работу. Дворянство—это нервы русскаго народа. Сначала вы были только нервами движенія исторической народной жизни; затѣмъ мало по малу переродились въ сѣдалище обще-народнаго чувствилища, въ которомъ, съ теченіемъ времени, засѣло и сознаніе народнаго Я, какъ исторической государственной единицы. А далѣе исторія нудитъ васъ, какъ высшую интеллигентную народную силу, переродиться и въ головное мозговое накопленіе широкаго, мощно разрастающагося общенароднаго русскаго разума. Ничто и ничто не остановитъ дѣйствіе этого организационнаго историческаго закона. Ваши передовыя права—это не что иное, какъ гнетъ того-же закона. Покоритесь вы ему,—и онъ удержитъ васъ во главѣ и головою быстро шагающаго историческаго народа; воспротивитесь или отстанете отъ его напора,—и онъ сотретъ васъ своею пятой и больше ничего. Такъ не отставайте же; спѣшите шагать въ тактъ общенародному движенію впередъ. Вамъ принадлежитъ передовое право на предводительство въ войскахъ, на начальствованіе въ администраціи, на отправле-

ніе суда, на завѣдываніе земствомъ, на наблюденіе надъ народнымъ образованіемъ. Но чтобъ воспользоваться этимъ правомъ, чтобы въ вашихъ рукахъ оно полезно оказалось для отечества, пусть дѣти ваши пройдутъ чрезъ военныя академіи, чрезъ университеты и лицей, технологическіе и высшіе реальныя институты и т. п. Землевладѣльцы помѣщики, внесите въ ваши усадьбы, въ ваше сосѣдство, въ окружающій васъ бытъ знаніе закона и законность, гуманность и правомѣрность поступковъ, благородство человѣчно-христіанскаго обращенія, знаніе и умѣнье приложить къ дѣлу запасъ научныхъ истинъ къ земледѣлію и вообще хозяйству, наконецъ серьезное, не школьное, не крайне-поверхностное, знаніе закона Божія, основанное на уваженіи къ религіи вашихъ отцовъ, къ лучшей изъ религій міра, не говоря большаго.

Сказать ли, что освобожденіе народа отъ закрѣпощенія совершилось въ пору? Раздвоеніе русской жизни состоялось за долго прежде этого великаго событія. Русскій народъ шелъ себѣ своею историческою стезею, намѣченною, огороженною и устланною свято-отеческими преданіями; а предводительствовавшее народомъ дворянство, уже не недавно, можно сказать въ большинствѣ своемъ, съ этой стези совсѣмъ почти своротило въ сторону преданій и обычаевъ, даже убѣжденій и вѣрованій инородныхъ, не русскихъ, не народныхъ... Рядомъ обѣимъ этимъ силамъ идти дальше не приходилось. Народная масса, въ своемъ историческомъ склонѣ, несворотима. Кому же приходится повернуть нѣсколько назадъ?... Судите и отвѣйте сами. Тутъ намъ и припоминается то, что мы прочитали въ началѣ нашей бесѣды изъ книги Судей. Какъ тамъ народъ израильскій, въ счастіи забывавшій Бога, въ бѣдѣ, особенно же при вражескомъ нашествіи и погромѣ народномъ, обращался къ Богу и вѣ-

рѣ отцовъ,—такъ и у насъ на Руси всѣ мы поголовно начинаемъ взывать къ вѣрѣ отцовъ нашихъ, когда облегаютъ насъ бѣды и тяготы, когда требуется настоятельно великая обще-народная жертва, когда, въ жертву благосостоянію и чести отечества, льется кровь его сыновъ, нашихъ братьевъ, и наша собственная. Такъ даже въ самое недавнее время бывало въ погромѣ двѣнадцатаго года, въ погромѣ севастопольскомъ; такъ было и есть теперь. Кто 10-ть, 15-ть лѣтъ тому назадъ повѣрилъ бы тому, что цѣлыя массы русской именно интеллигенціи, русскаго образованнаго общества, будутъ пѣть церковныя пѣсни не въ церквахъ, гдѣ многіе стыдятся пѣть Богу нашему, стыдятся себя и другихъ, не внутри домовъ, а на площадяхъ, а въ вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ, не стыдятся даже цѣлой Европы, да и съ Америкой въ придачу, и съ восторгомъ полетятъ умирать за знамя христіанства, за крестъ Христовъ? Это открыто всенародное исповѣданіе вѣры отцовъ только-ль орудіе для возбужденія народной массы, только-ль лицемѣріе со стороны интеллигенціи? Смѣло отвѣчаемъ,—нѣтъ. Вѣра Христова—величайшая сила христіанскаго народа, христіанскаго царства. И когда понадобилась сила, когда сила пробилась наружу,—тогда понадобилась и пробилась наружу и вѣра. Усиленно поворачиваетъ въ извѣстную сторону масса,—невольно поворачиваются въ ту же сторону и верхи ея.

Богъ есть великій постулять угнетеннаго сердца,—философское изрѣченіе. Повѣрьте человѣку, который усиленно рылся у самыхъ корней человѣческихъ убѣжденій: духъ человѣческій построенъ такъ антиномически, что если бы вы доказали ему, какъ дважды два непреложность атеизма,—чего доказать однакоже нельзя, можно доказать только, что $2 + 2 = 3$,—то и тогда ни потребности религіи, ни ощущение

ніе и убѣжденіе религиозное не вырвете изъ основъ человеческого духа никогда.

Господа предводители народнаго образованія! Будьте осторожны, не будьте категоричны въ отрицаніи, изучайте серьезно вѣру вашихъ отцовъ, чтобъ и чтить ее глубоко и искренно, и поддерживать ее въ общенародномъ сознаніи сознательно и благоговѣйно. Этимъ и кончимъ наше слово.

Помолимся Богу отцовъ нашихъ, да прійдетъ на васъ Духъ Утѣшитель и освятитъ труды ваши въ выборѣ вашихъ представителей и въ дальнѣйшемъ дѣланіи вашемъ на пользу общую.

А теперь ради Христа, именно во имя Христово, подайте, кто что можетъ, на больныхъ и раненыхъ Христовыхъ воиновъ, проливающихъ свою кровь, полагающихъ свой животъ во имя Христово, за насъ, за васъ. Аминь.

1877 г.

ПОУЧЕНІЕ

при заупокойномъ поминовеніи въ Бозѣ почившихъ Макарія митрополита московскаго (въ сороковой день по кончинѣ) и славнаго витязя полководца Михаила Дмитріевича Скобелева.

Не можетъ око реши руцѣ: не теби ми еси, или паки глава ногамъ: не теби ми есте. Но много паче уди тѣла, мнящіися немощныи быти, нужнѣеши суть (1 Кор. 12, 21—22)

Когда по окончаніи только что совершеннаго нами пути для обозрѣнія церквей нашего края, по поводу новой тяжкой потери, потрясшей всю Россію, думали мы за первую литургію, которую слушали въ сей же церкви, о нуждѣ и долгѣ совершить торжественное заупокойное поминовеніе въ Бозѣ почившихъ, ново-и рано преставленныхъ въ иной міръ рабовъ Божіихъ, митрополита московскаго Макарія (въ сороковой день по кончинѣ его) и славнаго витязя полководца Михаила Дмитріевича Скобелева, и представивъ себѣ предстоящую потребу предварительной о семъ повѣстки по всему городу, всколебались мыслью, будетъ ли это умѣстно? кому какое дѣло до нашей запоздалой молитвы? даже больше, кому какое дѣло до самихъ покойниковъ,

инимъ до митрополита Макарія, другимъ до генерала Скобелева? сколько вотъ и нареканій и гласныхъ и безгласныхъ? сколько вотъ не только безразличія и равнодушія, но даже вражды?!—вдругъ ухо наше оглашается, а смыслъ и сердце поражаются чтеніемъ изъ апостола, которое какъ разъ отвѣчало на всколебавшій насъ вопросъ, устанавливая нашу мысль и успокоивая наше чувство, низводя миръ Божій въ скорбно мятущуюся душу, озаря свѣтомъ божественной истины, правды и благодати изумляющее, поражающее, потрясающее и повергающее въ прахъ предъ блескомъ внезапно прорѣзавшей небо молніи неисповѣдимыхъ судебъ Божіихъ, грозное для насъ оставшихся живыхъ явленіе этихъ двухъ необычныхъ безвременныхъ смертей.

Я говорилъ уже и повторяю, что къ воскреснымъ и праздничнымъ чтеніямъ изъ апостола и евангелія наши уши уже прислушались, и притупленный привычкою поверхностнаго вниманія въ эти чтенія смыслъ, несмотря на глубочайшее всегда значеніе ихъ, большею частію не поражается ими. Наоборотъ, священныя чтенія, которыя падаютъ на будніе дни, вслѣдствіе самой рѣдкости своей, иногда поражаютъ благонастроенное вниманіе такъ, что проникаютъ до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ. Судите вотъ, какъ указанное нами священное чтеніе отвѣтило на нашъ внутренній вопросъ: что инымъ до Макарія, другимъ до Скобелева? Мало-ли равнодушія, даже осужденія?

Вотъ церковный чтець возглашаетъ: *къ Коринѳяномъ посланія святаго апостола Павла чтеніе. Братіе! Какъ тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло: такъ и Христосъ, такъ и церковь Христова, такъ и общество христіанское. Ибо всѣ мы однимъ Духомъ крестились во*

едино тѣло, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и всѣ напоены единымъ Духомъ. Тѣло же состоитъ не изъ одного члена, но изъ многихъ. Если бы нога,—нога—низшій членъ общества,—если бы нога сказала: я не принадлежу къ тѣлу (и что мнѣ за дѣло до общества, до правительства и т. д.), потому что я не рука, то ужели она потому и не принадлежитъ къ тѣлу? Ужели низшій членъ общества, наприм. мѣщанинъ, селянинъ, не принадлежитъ къ государственному тѣлу только потому, что слабо сознаетъ свою съ нимъ связь? И еслибы ухо сказало: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не глазъ, то неужели оно потому и не принадлежитъ къ тѣлу? Если глазъ составляетъ все тѣло, то гдѣ слухъ? Если же слухъ составляетъ все тѣло, то гдѣ обоняніе? Нѣтъ. Богъ расположилъ члены, каждый въ составъ тѣла, по своей воли, по премудрому плану. Если бы всѣ члены были только одинъ членъ, то гдѣ былъ бы тѣлесный составъ? Но теперь, по божественному плану, членовъ много въ составъ тѣла, а тѣло одно. Не можетъ глазъ сказать рукамъ: ты мнѣ не надобна; или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны. Напротивъ члены тѣла, которые кажутся слабыми, гораздо нужнѣе. Что можетъ быть слабѣе мозговыхъ или кровяныхъ шариковъ? А безъ нихъ не можетъ быть никакой жизни. И можно ли сказать о самыхъ, повидимому, мелкихъ членахъ тѣла, что они не нужны для общаго тѣлеснаго строя, наприм. хотя бы ноги? И которыя изъ членовъ тѣла кажутся намъ менѣе благородными въ тѣлѣ, о тѣхъ мы больше прилагаемъ попеченія. И неблагообразныя члены болѣе благовидно прикрываются; а благообразныя, каковы чело, глаза, вообще лицо, не имѣютъ въ томъ нужды. Вообще Богъ соразмѣрилъ тѣло такъ, что спушилъ о менѣ совершенномъ болѣе попеченіе, да-

бы не было раздѣленія въ тѣлѣ, а всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ. Посему, страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены. И вы всѣ вмѣстѣ составляете тѣло Христово, а порознь составляете члены. И иныхъ Богъ поставилъ въ церкви во-первыхъ апостолами, во вторыхъ пророками, въ третьихъ учителями; далъе инымъ далъ силы чудодѣйственныя, также дары исцѣленій, вспоможенія, управленія, разные языки. Но всѣ ли апостолы? Всѣ ли пророки? Всѣ ли учителя? Всѣ ли чудотворцы? Конечно нѣтъ. А всѣ вмѣстѣ составляемъ единое тѣло Христово, — въ самомъ тѣснѣмъ, въ самомъ глубокомъ, въ самомъ истинномъ смыслѣ слова — составляемъ тѣло самаго Христа.

Видите ли вы, чувствуете ли, что св. апостолъ Павелъ разъясняетъ намъ какъ разъ то самое, что намъ необходимо въ настоящій часъ, отвѣчая на нашъ вопросъ: что для насъ Макарій? что Скобелевъ?

О томъ и другомъ говорено много. Но и мы предъ молитвою объ ихъ упокоеніи скажемъ свое слово.

Макарія лично зналъ я со втораго года его собственнаго служенія. Видѣлъ лично 14 лучшихъ лѣтъ его жизни и дѣятельности, какъ ученикъ его по академическому воспитанію и по первымъ годамъ моего ученаго въ академіи служенія, какъ евангельскій сынъ его по монашеству и ставленникъ во іерейскій чинъ. Говорю это съ благоговѣнною памятью и духовно-родственною любовью. Но слово наше о немъ будетъ не лживо и не льстиво, такъ какъ коснется мертвого и коснется обще-извѣстныхъ чертъ его высокочтимого лица. Что такое Макарій для насъ, для Россіи, для церкви православной?

Послѣ временъ апостольскихъ, описанныхъ святымъ евангелистомъ и дѣеписателемъ Лукою въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, по истоку своему изъ Іерусалима, отъ вилеямскихъ яслей, отъ Іордана, отъ Голгофы и креста и свѣтоноснаго гроба воскресенія, историческая рѣка христіанства потекла въ глубь вѣковъ множествомъ разныхъ историческихъ потоковъ чрезъ Антиохію, Кесарію и Александрію, чрезъ Коринѣ, Солунь и Аѳины до Рима и Карфагена и Испаніи и дальше до конца земли. Разливаясь по лицу земли больше и больше, увлекаая въ своемъ стремленіи множество лицъ и событій, эти разнообразныя историческія теченія спервоначала отмѣчались только краткими разрозненными чертами въ церковныхъ диптихахъ-помяникахъ, въ мученическихъ актахъ, въ дѣяніяхъ помѣстныхъ соборовъ, въ дѣловыхъ бумагахъ языческихъ правительственныхъ трибуналовъ, да въ случайныхъ замѣткахъ нѣкоторыхъ церковныхъ дѣятелей. Послѣ священной книги Дѣяній апостольскихъ и священнаго ея дѣеписателя, въ возникающей исторіи христіанства мы не видимъ ни одной цѣльной исторической записи, ни одного историческаго писателя цѣлыхъ три вѣка, до начала четвертаго. Первый взялся за этотъ безцѣнный трудъ собиранія разрозненныхъ чертъ христіанской исторіи первыхъ трехъ протекшихъ и текущаго тогда IV вѣка Евсевій Памфилъ, епископъ кесарійскій. И Евсевій оказался не только первымъ церковнымъ историкомъ, но можно сказать и единственнымъ. Возбужденные примѣромъ его, почти современныя ему историкъ Руфинъ, Сократъ, Созоменъ были только подражателями его, почти компиляторами, повторивъ то, что сказано шире и обстоятельнѣе у Евсевія, а прибавивъ развѣ только то, что сами видѣли, а Евсевій видѣть уже не могъ, такъ какъ жилъ нѣсколькими годами раньше ихъ. Съ тѣхъ поръ, съ

конца IV и начала V вѣка исторія христіанства, какъ записъ и оцѣнка историческихъ событій, въ грековосточной православной церкви замолчала до самаго паденія Константинаполя и молчитъ даже до сегодня, на пространствѣ цѣлыхъ XIII вѣковъ.

Со введенія христіанства въ Россію, со времени преподобнаго Нестора лѣтописца, мы имѣемъ рядъ лѣтописныхъ сказаній, житій русскихъ святыхъ, повременныхъ случайныхъ повѣствованій и записей историческихъ, былинь и псалмъ, а также государственныхъ и церковныхъ актовъ, въ которыхъ отразилась жизнь русской церкви, какъ и русскаго царства. Но за начертаніе собственно исторіи русской православной церкви первый взялся Макарій, сперва еще монахъ студентъ, продолжая затѣмъ это великое дѣло на всѣхъ степеняхъ своего служенія, въ санѣ архимандрита и архіерея. Уже въ званіи московскаго митрополита, въ продолженіи трехъ лѣтъ, онъ написалъ цѣлыхъ два тома своей исторіи, а всѣхъ 13 томовъ. Надъ этимъ монументальнымъ трудомъ онъ и умеръ. Говорено много, и потому не говорю объ ученыхъ качествахъ этого труда. Отмѣчу только одно качество, которое будетъ яснѣе по сравненію. За Макаріемъ за то же дѣло поспѣшили взяться многіе. Но одни только поспѣшили, хотя и вели дѣло изслѣдованія въ томъ же строго церковномъ духѣ, какъ и Макарій; и спѣшное дѣло вышло или одностороннимъ и краткимъ, хотя и мѣткимъ, или недозрѣлымъ, хотя и благонамѣреннымъ и полезнымъ и почтеннымъ. А иные сверхъ того, поспѣшивъ изумить міръ своеобразнымъ начертаніемъ исторіи церкви Божіей, поспѣшивъ предвосхитить или даже отнять славу истиннаго церковнаго историка у Макарія, еще при жизни его, возревновали не объ утвердившейся въ христіанскомъ мірѣ славѣ Евсевія Памфила, а о сомнитель-

ной, или даже зловредной извѣстности Гиббона, по меньшей мѣрѣ Неандера и извѣстной критической школы. Вотъ не только безсмертная, но и безупречная, безспорная, святая слава Макарія, какъ церковнаго историка. Онъ самъ былъ слуга и подвижникъ церкви, самъ іерархъ труженикъ; самъ жилъ жизнью церкви, дорожилъ ея славою, страдалъ ея страданіями, окрылялся ея идеалами, дышалъ ея духомъ. Къ историческимъ дѣятелямъ церкви онъ относился, какъ къ отцамъ и братіямъ, ко всѣмъ съ сочувствіемъ, къ инымъ съ состраданіемъ, къ другимъ съ благоговѣйнымъ почтеніемъ, по заповѣди Божіей, не обязательной и для историковъ: *чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ и домолютенъ будешь на земли*. Оттого духъ отцовъ и церкви отразился и въ церковной исторіи Макарія. Оттого и вчитываясь въ эту исторію, напитываешься зиждительнымъ церковнымъ духомъ, вынося назидательно умилительное впечатлѣніе, въ духѣ православнаго христіанства, въ духѣ лучшихъ его носителей, прошедшихъ по тысячелѣтнему поприщу церкви Божіей въ нашемъ православномъ отечествѣ. Такъ и въ древнихъ благочестивыхъ повѣствованіяхъ Евсевія Памфила и другихъ, мы дышемъ тѣмъ духомъ, которымъ дышало и жило, свѣтло и радостно, молодо и увлекательно, торжествуя побѣду надъ міромъ и неудержимо возрастая въ новый міръ, христіанство первыхъ вѣковъ; подобно тому, какъ мы дышемъ свѣтлымъ поэтическимъ, до сего дня не только чарующимъ, но и поучающимъ міръ духомъ древнихъ еллиновъ, или грѣпкимъ, поборошимъ древній и скрѣпляющимъ новый міръ живымъ духомъ древнихъ римлянъ, въ твореніяхъ Геродота и Фукидита, Ксенофонта и Плутарха, или же Тита Ливія и Корнелія Непота. Они еще принадлежали тѣломъ и духомъ древнему міру, сами благоговѣли

предъ идеалами, къ которымъ стремился, которые осуществлялъ въ своей жизни древній классическій міръ. Оттого этотъ жизненный идеалъ живо, увлекательно и съ извѣстныхъ сторонъ поучительно, отразился и въ твореніяхъ ихъ. Но позднѣйшія изслѣдованія отнесли къ этимъ идеаламъ уже скептически потому, что ихъ авторы были чужды этой жизни и ея духа. И что же у нихъ вышло? Исторія ли, вѣрное отраженіе жизни? Вышло нѣчто иное. Критика, напри., Нибура въ отношеніи къ исторической жизни древняго римскаго человѣчества, — критика Гиббона и его продолжателей до тюбингенской школы въ отношеніи къ жизни древняго христіанства, — критика въ отношеніи и къ русской народно-христіанской жизни нѣкоторыхъ русскихъ, какъ свѣтскихъ, такъ и мнящихся церковными историковъ, — историковъ, дерзнувшихъ напри., доказывать, что Дмитрій Донскій, разгромившій злую татарщину, былъ не болѣе какъ жалкій трусъ, а Сусаннинъ нарочно въ извѣстныхъ видахъ сочиненная сказка, или что въ нашей церковной исторіи все было не полюдски, точнѣе же этой исторіи до послѣдняго періода собственно и не существовало, такъ какъ ее составляли сказки для былины, подгоняемыя подъ извѣстный святошескій идеалъ тогда живаго, теперь отживающаго византизма, — вся эта критика — не болѣе, какъ червоточина исторіи и жизни, червоточина, которая уже неспособна и безсильна постигать эту жизнь, — которая отрицаетъ духъ и не понимаетъ его, которая гноитъ даже внѣшне художественную тѣлесно-пластическую форму древней жизни, а дотачивается только до остова, усиливаясь только въ немъ, въ безжизненномъ остовѣ, только въ голыхъ костяхъ уловить и показать голую истину жизни, безъ всякихъ чудесъ и тайнъ, безъ всякихъ творческихъ жизненныхъ воодушевлявшихъ началъ. Да. Это не понимае-

мая, или же превратно понимаемая истица. Думаютъ обыкновенно, что поэзія исторіи — не исторія. А наоборотъ, пока исторія народа бываетъ не исторіею, въ смыслѣ новѣйшей исторической школы, а поэзіею дѣйствительности, до тѣхъ поръ она воодушевляетъ и живетъ народъ. А какъ станетъ она критикою, разрушающею идеалы народной жизни, съ того момента она становится въ самой народной духовной жизни разъѣдающимъ началомъ. Такая критика въ отношеніи къ христіанской исторіи — это нечестіе, порожденное тѣмъ саморазложеніемъ жизненнаго начала, саморазложеніемъ христіанства, которое гложетъ и гноитъ старую Европу, которое заражаетъ по сопрякосновенію и нашъ народный организмъ. Макарій не таковъ. Какъ историкъ, онъ хотя и обремененъ во всеоружіе всесторонняго историческаго изслѣдованія, но совершенно чуждъ духа и стремленій этой мертвящей школы. Макарій всегда будетъ столпомъ живаго, вѣрнаго, правдиваго историческаго пониманія церковной жизни, въ ея живой полнотѣ, будетъ немеркнущимъ свѣточемъ на недостигаемой высотѣ, будетъ руководящимъ спасительнымъ маякомъ во мракѣ надвигающейся ночи и бури среди подводныхъ камней. Мало сказать, что онъ нашъ русскій Евсевій Памфилъ. Всякій знающій понимаетъ огромную разницу между ихъ историческими писаніями, если не по цѣнности матеріаловъ, по которой отдадимъ предпочтеніе Евсевию, то по ихъ обилію, по широкой разработкѣ, по вѣрности освѣщенія, по безупречности истинно трезвеннаго, истинно церковнаго, истинно православнаго воззрѣнія. Вотъ кто для насъ Макарій, какъ церковный историкъ. И пусть онъ отошелъ на тотъ свѣтъ, хотя и безболѣзненно, но внезапно. Но его на томъ свѣтѣ, мы надѣемся, встрѣтятъ отеческими и братскими объятіями всѣ святые Божіи, благовѣрные князья, святители подвижники,

и праведники и вся церковь въ небѣ торжествующая, которыхъ память своими многотрудными писаніями онъ прославлялъ въ церкви земной, въ назиданіе потомству, а не для гумленія. Всѣ они, всѣмъ своимъ святымъ соборомъ, сильны будутъ замолить и замолятъ грѣхи, какіе у него были.

Но Макарій былъ еще не только великій, а пока и безпримѣрный, по нѣкоторымъ чертамъ богословъ. Послѣ того, какъ живая апостольская проповѣдь, запечатлѣвшись на всѣ вѣка въ богооткровенныхъ апостольскихъ писаніяхъ, умолкла, христіанская вѣра, передаваемая отъ сердца сердцу, изъ устъ въ уста живымъ словомъ и примѣромъ, уставами и обычаями, закрѣплялась и въ письмени, спервоначала въ краткихъ сокращеніяхъ или символахъ вѣры, затѣмъ въ церковныхъ поученіяхъ, въ посланіяхъ и отдѣльных трактатахъ, затѣмъ въ пѣсняхъ церковныхъ и вѣроопредѣленіяхъ соборовъ и святыхъ отцовъ. Въ этихъ первоосновныхъ письменныхъ памятникахъ христіанская вѣра раскрыта въ полномъ своемъ объемѣ до крайнихъ доступныхъ человѣческому постиженію глубинъ. Но систематическаго изложенія вѣры церковь не знала до VIII вѣка, до системы *Точнаго изложенія вѣры* св. Іоанна Дамаскина. Да и со времени Іоанна Дамаскина, никто ни въ православной восточно-греческой, ни въ російской церкви, не дерзалъ дать другую, — другую, конечно, не по смыслу, но по самому объему, по порядку изъясненія, систему нашей вѣры, до послѣднихъ вѣковъ. Вотъ уже въ русской церкви, въ послѣдніе вѣка приснопамятный Петръ Могилъ, митрополитъ кіевскій, вынужденъ былъ напоромъ иновѣрія и колебаніемъ мыслей у самихъ православныхъ дать не пространное, а сокращенное систематическое изложеніе вѣры въ чисто катихизической, позаимствованной отъ христіанскаго запада формѣ, подъ именемъ *Исповѣданія право-*

славныя вѣры. Затѣмъ уже на нашей живой памяти получили мы отъ приснопамятнаго митрополита Филарета, съ благословенія Святѣйшаго Синода, еще болѣе сокращенное изложеніе православныя вѣры, подъ именемъ пространнаго катихизиса. Упомянуть ли о попыткахъ болѣе широкой систематизаціи вѣры то въ печатныхъ, то въ письменныхъ изложеніяхъ недавнихъ русскихъ богослововъ, предшественниковъ Макарія, начиная съ трудовъ архіепископа Теофана Прокоповича и до множества другихъ позднѣйшихъ, хранящихся въ нашихъ библіотекахъ въ видѣ рукописей? Не всѣ эти изложенія зрѣлы, всесторонни, даже не всѣ во всемъ точны, почему въ большинствѣ и устранены изъ употребленія духомъ православія. Только Макарій (мы не говоримъ объ опытахъ богословствованія, предпринятыхъ по выходѣ въ свѣтъ богословскихъ трудовъ Макарія) — только Макарій, уже на нашихъ глазахъ, имѣлъ рѣдкое призваніе Божіе, имѣлъ высокое благословеніе Господа разумовъ, имѣлъ рѣдкій даръ, рѣдкое счастье, при рѣдкой поддержкѣ сильныхъ, при сочувствіи всѣхъ, дать всей православнои церкви обширное, обстоятельное, научно-богословское, строго православное и благочестивое руководство православной вѣры въ шести большихъ книгахъ богословія. Онъ же, своимъ рѣдкимъ счастьемъ, проложилъ дорогу и другимъ къ дерзновенію предавать гласности свои богословскія изслѣдованія, которыя, по прежнимъ печальнымъ примѣрамъ, пугали и отгоняли отъ себя даже способныхъ. Изъ качествъ его капитальнаго богословскаго труда отмѣтимъ одно только, слишкомъ рѣдкое, никому изъ богослововъ въ данной мѣрѣ не принадлежавшее, качество, — это необыкновенную мѣрность и вѣрность богословскаго взгляда, необыкновенный даръ найти и указать границу между положеніемъ богословскимъ и небогословскимъ, между догматическою

богооткровенною истиною вѣры и положеніемъ человѣческаго, хотя и богословскаго мнѣнія,—качество, которое называли необыкновеннымъ чутьемъ православія. Даже у св. Іоанна Дамаскина и Петра Могилы имѣлись положенія, которыя, какъ частныя соображенія по духу времени и мѣста, по тогдашней настроенности умовъ, нынѣ оставлены только какъ памятники нѣкогда царившаго міровоззрѣнія. Величайшіе наши мыслители, ораторы богословы Филаретъ, Иннокентій, включимъ сюда и Іоанна смоленскаго, тѣ какъ орлы цари пернатыхъ, то свободно и легко устремляются къ солнцу для созерцанія истины, то порывисто низвергаются до послѣднихъ самыхъ темныхъ глубинъ человѣческаго мышленія, почему не всѣ могутъ, а нѣкоторые даже и опасались слѣдовать за геніальнымъ полетомъ, въ высь и въ глубь, ихъ геніальной мысли. Пареніе же мысли Макарія—это осмотрительно трудовой, ясный, необычайно-прямой, просто прямолинейный, прямо устремленный къ цѣли, мѣрный, ровный, постоянный, неутомимый въ небесной высь полетъ той птицы вожака, за которою не только могутъ, но посильно и должны летѣть всѣ птицы стада, чтобы долетѣть до страны вѣчнаго согрѣвающего животворящаго свѣта.

Итакъ кто такой Макарій для насъ, для Руси, для церкви, для церкви не только русской, но и вселенской? Въ древней вселенской восточной церкви мы имѣемъ только одного систематизатора вѣры богослова, святаго Іоанна Дамаскина; а въ новое время имѣемъ митрополита Макарія и въ промежуткѣ между ними равнаго имъ пока ни одного. Іоаннъ Дамаскинъ, какъ и другіе созерцатели богооткровенной истины, св. Афанасій великій, св. Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, Василиій великій, Іоаннъ Златоустъ, Августинъ блаженный, изъ нашихъ святители Филаретъ,

Иннокентій и Іоаннъ смоленскій—тѣ поэтичнѣе, выше и глубже Макарія. Но Макарій безпримѣренъ по полнотѣ своей, выработанной въ опредѣленныхъ научныхъ рамкахъ, законченной богословской системы. Какъ церковный историкъ, онъ имѣетъ себѣ предшественника, съ которымъ можно сравнивать его, только въ лицѣ Евсевія кесарійскаго; но Макарій выше и его, насколько наше время, по мастерству научнаго изложенія, опередило періодъ первыхъ вѣковъ христіанства. Россія имѣла двухъ Макаріевъ, митрополитовъ московскихъ. Преданіе и въ первомъ Макарії не превозноситъ превосходящую святость, свидѣтельствуя только о подобающемъ святителю благочестіи жизни. Но и этотъ, первый Макарій, всю жизнь свою посвятилъ собиранію житій святыхъ, которыя очистилъ и елеемъ духовнаго помазанія помазалъ святой Димитрій Ростовскій. А сколько миллионъ душъ училось и учатся благочестію и святости по четъ-минеемъ святителей Макарія и Димитрія?! Такъ и по трудамъ втораго Макарія, по его исторіи и богословію, миллионы учатся и будутъ учиться и православной вѣрѣ и правиламъ благочестивой жизни, въ продолженіи вѣковъ. Богъ, церковь и исторія не забудутъ обоихъ Макаріевъ, какъ не забываютъ и всѣхъ приснопамятныхъ отцовъ и признанныхъ учителей церкви.

Что для насъ, для русскаго царства и народа Скобелевъ? Говорено другими много; мы съ своей стороны не станемъ говорить объ участіи Скобелева въ хивинскомъ походѣ, ни о бояхъ племенискихъ, ни даже о взятіи Геокъ-Тепе. Наведемъ на всѣ эти частные подвиги легендарнаго героя одну общую черту. Предметы познаются по сравненію. Не преувеличимъ, а скорѣе въ сравненіи съ нѣкоторыми лицами убавимъ величіе сравниваемого, когда скажемъ, что Скобелевъ для насъ—тоже, что Юдръ для древ-

нихъ еллиновъ, что Мильтиадъ для Аѳинянъ, что Леонидъ для Спарты, что Муций Сцевола, что Курцій, что Сципионы, что Германикъ для Рима. Онъ столько разъ шелъ для отечества на очевидную смерть, столько разъ жегъ руку на огнѣ, столько разъ кидался въ пропасть, сколько летѣло на него пуль и ядеръ и всякихъ адскихъ современныхъ снарядовъ, сколько устремлялось на него штыковъ и мечей, сколько разъ онъ спалъ на сырой землѣ и въ грязи, умываясь поутру среди разрывающихся бомбъ, сколько разъ воевалъ подъ дождемъ и снѣгомъ, на зимнемъ холодѣ и подъ палящимъ зноемъ тропическихъ лучей, сколько разъ выдвигался лицомъ къ лицу противу самыхъ грозныхъ опасностей впереди предводимыхъ и воспламеняемыхъ имъ героевъ. Онъ для насъ славный преемникъ, прямой по духу потомокъ, сынъ, внукъ и правнукъ доблестнѣйшихъ самоотверженнѣйшихъ героевъ Россіи, Дмитрія Донскаго, Скопина-Шуйскаго, царя Петра, Румянцева-Задунайскаго, Суворова и Кутузова, Нахимова и Остенъ-Сакена, прямой внукъ своего доблестнаго героя дѣда Скобелева, которые сотни-тысячи разъ, не мигая глазомъ, лицомъ къ лицу, носъ къ носу, глядѣли въ лицо смерти. Онъ воплотилъ въ себѣ все и сказочныя и былыя доблести русскаго богатыря, витязя, удалца. Съ своимъ богатырскимъ, хоть и очень малымъ мечемъ въ рукѣ, онъ шелъ не задумываясь, не сворачивая въ сторону, не озираясь вспять и по сторонамъ, на всякое и стоглавое и тысячеглавое чудовище войны. Онъ зналъ одно, не сегодня—завтра, но непременно побѣдить или умереть, но не тылъ дать. И ему удавалось только побѣждать. Смерть щадила витязя, который презиралъ ее. Грубые враги турки и тѣ жалѣли сразить красу войны, восхитительную красу всякаго войска, своего ли, вражескаго ли, легендарную поэтическую героическую красу

человѣчества, и не стрѣляли въ «бѣлаго генерала». Но онъ былъ удалецъ той рѣдкой геніальной породы богатырей, о которой богатырь изъ богатырей Суворовъ сказалъ: «сегодня счастье, завтра счастье, помилуй Богъ, надо же сколько либо и ума». Болѣя гнетущимъ чувствомъ чужой вражды, въ видѣ кольца замыкающей Россію, и предощущеніемъ надвигающейся грозы неминучаго столкновенія съ этой враждою, онъ неусыпно изучалъ все, что по части военного искусства сдѣлано и сказано лучшаго знаменитѣйшаго мастерами боеваго дѣла. Онъ зналъ, что побѣда ходитъ за удалю вождя, въ родѣ Наполеона, водимаго широкимъ знаніемъ, предусмотрительностію и зоркостью. Онъ не совершилъ высокой жизненной задачи, которую самъ себѣ намѣтилъ. Скажемъ вмѣстѣ съ напутствовавшимъ его во гробъ и могилу церковнымъ ораторомъ: «горько, жалко»! Но утѣшимся мыслью, что онъ исполнилъ главное: онъ былъ и останется въ исторіи знаменемъ пока еще неувядающей жизненности русскаго народа. Такіе историческіе витязи-герои, какъ Скобелевъ, выдвигаются на историческомъ горизонтѣ впереди другихъ героевъ безстрашія и самоотверженія только до тѣхъ поръ, пока народъ еще силенъ жить для исторіи. Въ эпоху же одряхлѣнія народовъ такіе герои сразу исчезаютъ. Они не рождаются. Доказательство этому древняя Греція и Римъ. Вмѣстѣ со многими и многими тысячами самоотверженныхъ сыновъ—героевъ святая Русь сильна была породить еще и такого сына, какъ Скобелевъ. О! значитъ, Русь святая еще жива, еще полна силами; съ Божіею помощію, еще не такъ скоро умретъ, и неукротимому запосчивому задирательству гордо поднятые носы еще когда либо къ землѣ пригнетъ. Вотъ главное историческое значеніе Скобелева для Руси!

Выходитъ, что одновременно поразили Россію своею

нежданною внезапною кончиною, соединенные въ одновременной скорби отечества о безвременной утратѣ ихъ, Макарій и Скобелевъ, какъ носители высшей внутреннѣйшей духовной жизнѣтельности народнаго тѣла, были мозговыми шариками, были нервами этого тѣла, были тѣми членами его, которые по апостолу хоть и кажутся слабѣйшими, но гораздо нужнѣе для жизни организма и потому нуждаются въ большемъ попеченіи, чѣмъ прочіе простѣйшіе члены. А берегли ль мы ихъ? Не берегли ли только въ мѣру присловія, что береженаго Богъ беретъ? Памятовали ль мы, что напряженная нервная, умственная, душевная дѣятельность сама собою страшно издерживаетъ человека, издерживая выдѣленный на его долю запасъ жизненной силы? Не толкали ль мы ихъ въ могилу нашими клеветами, нашимъ злословіемъ, гнетомъ такъ называемаго общественного мнѣнія? Думали ль, что грязью изъ за угла убить человека также не трудно, какъ и камнемъ изъ за угла? Чисты ль мы отъ общенароднаго укора совѣсти, что не ускорили смерть того и другаго? Что не спѣшили столкнуть съ жизненнаго поприща красу и славу отечества? Не обманчиво ль это чаяніе пользы отечества и общества, когда общество, сажая въ казematъ всякаго, кто кидаетъ камни въ другаго, смотритъ безучастно, или даже рукоплещетъ, когда въ общественнаго дѣятеля кидаютъ тяжелыми комками грязи, способными убить вдвойнѣ, убить обаивая грязью даже гробъ и свѣжую могилу, которую отцами завѣщанная поэзія велитъ украшать цвѣтами признательной памяти, поливая ихъ слезами скорби и потрясенной горемъ любви?!

Тотъ и другой имѣли свои грѣхи? Допустимъ. Но оба они лежатъ уже въ раннихъ могилахъ. Покроемъ же эти славныя историческія могилы покрываломъ Сима и Іафета,

отвративъ очи и сердца отъ Хамова злораднаго скалозубія. Повьемъ ихъ плащаницею чистою безпримѣсно почтительной признательности, окуримъ еиміамомъ надгробной молитвы, да воздастъ имъ Богъ милосердый не по немощамъ ихъ,—*яко нѣсть человекъ, иже поживетъ и не сокрушится*,—а по добру, которое они сдѣлали и хотѣли сдѣлать для Россіи. Обольемся слезами скорби, что они не успѣли сдѣлать всего добра, какое намѣтили сдѣлать,—слезами горя, что Богъ поспѣшаетъ отнимать у нашего отечества лучшихъ его сыновъ, нашихъ отцовъ и братій, конечно, за наши частныя и общенародныя грѣхи. Вспомнимъ, что мы сами, пигмеи на добро, часто бываемъ титанами на зло, на пошлость, на развратъ всякаго вида и рода, и наложимъ перстъ почтительнаго молчанія на хульныя уста, въ виду этихъ двухъ дорогихъ безвременныхъ могилъ. Хулы грязнятъ только хульниковъ, а историческую славу не помрачаютъ. Кто наприм. знаетъ, какія непріятности переносилъ отъ мелкихъ враговъ и отчего такъ померъ Ганнибалъ? Кто помнитъ, что не своею смертію померъ Цицеронъ? Что было сужденъ предъ ссылкой и смертію и осужденъ св. Златоустъ? Что почти вынужденъ былъ оставить каедру и померъ въ вольномъ—невольномъ удаленіи св. Григорій Богословъ? Но всѣ они остаются для потомства Ганнибаломъ и Цицерономъ, Григоріемъ Богословомъ и Златоустомъ, вселенскими учителями. Такъ и наши Макарій съ Скобелевымъ останутся Макаріемъ и Скобелевымъ,—одинъ по своимъ ученымъ твореніямъ, другой по своимъ воинскимъ доблестямъ.

Выходите, если смѣете, рыцари хулы, снимите ваши забрала, храбрые метатели грязи изъ за угла, назовите ваши славныя имена. Вѣдь только назвавъ ихъ, на этотъ разъ вы рискуете увѣнчаться безсмертіемъ, залучивъ без-

смертную историческую извѣстность, въ родѣ той, какую заклеимилъ св. апостолъ Іоаннъ какого-то Діотрефа, только назвавъ его по имени и сказавъ три четыре слова, что «первенстволюбца Діотрефа не приѣмлетъ насъ»; какую заклеимилъ св. апостолъ Павелъ какого-то Александра ко-вача, сказавъ о немъ: *многа ми зла сотвори, да воздастъ ему Господь по дѣломъ его, злыло противится словесемъ нашимъ* (2 Тим. 4, 14); или безсмертную извѣстность тѣхъ воспѣтыхъ древнимъ и новѣйшимъ поэтами, баснописцами жалкихъ животныхъ, изъ которыхъ одно задорно лаеетъ на величіе, а другое съ грубою жестокостію его лягаетъ. Поберегите себя, какъ бы и вамъ Господь не воздалъ по дѣламъ вашимъ, по праведному слову апостола, несмотря на прощающую и разрѣшающую всѣхъ молитву почившаго святителя, котораго вы лягаете и во гробѣ,—молитву са-го Христа Спасителя: *Отче! Отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ*. Аминь.

1882 г.

ПОУЧЕНІЕ

студентамъ казанской духовной академіи на благо-дарственномъ молебствіи по окончаніи двухгодичнаго курса ученія, въ 1870 году.

Они же убо сошедшеся вопрошаху Его глаголюще: Господи, аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Израилево? Рече же къ нимъ: нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти; но приимете силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете ми свидѣтели во Іерусалимѣ же и во всей Іудеи и Самаріи и даже до послѣднихъ земли (Дѣян. 1, 6—8).

Когда православные русскіе люди прощаются надолго или навсегда, какъ мы прощаемся со многими изъ васъ, особенно съ вами, господа кончившіе курсъ,—то по православному русскому обычаю прощаются: *простите, прощайте...* Обычай глубокого-знаменательный; жаль, что христіанскій смыслъ его теряется въ обыденной пустотѣ. Простите и прощайте, чѣмъ мы васъ обидѣли, равно какъ и мы, по заповѣди Господней, прощаемъ васъ все, чѣмъ огорчили насъ вы. И при этомъ души прощающихся наполняются чувствомъ

взаимнаго мира и благожелательства, какое можно только чувствовать въ данную, наприм. настоящую минуту, но не выражать словомъ тогда и настолько, когда и сколько хочешь.

Съ большею частію изъ васъ мы видимся въ послѣдній разъ: средостѣніемъ, скрывающимъ васъ отъ очей нашихъ и обратно, станетъ между нами сначала разстояніе, а потомъ и могила. Съ остальными въ послѣдній разъ видимся въ настоящемъ вашемъ положеніи, въ настоящихъ нашихъ отношеніяхъ. Простите и всегда на будущее время прощайте, елико можете... Для насъ съ вами конечно еще не настали тѣ времена люта, когда *будутъ Человѣки непримирительны* (2 Тимое. 3, 2), — когда *непримиримость* станетъ гражданскимъ знаменемъ, долгомъ и доблестью. Я съ своей стороны прошу о прощеніи совершенно чистосердечно, слишкомъ далекій отъ самообольщенія, что *ничимъ никого* изъ васъ *обидѣлъ*, что въ отношеніи ко всѣмъ вамъ въ совокупности и ко всякому въ частности исполнилъ свой долгъ. Прикройте немощь нашу вашимъ христіанскимъ благоснисхожденіемъ. И въ этотъ послѣдній разъ выслушайте наше слово мирное мирно и терпѣливо.

Утрудить ваше терпѣніе въ этотъ послѣдній разъ мы считаемъ своимъ долгомъ и по заповѣди апостола: *настояй благовремени и безеременнъ* (2 Тим. 4, 2), и по лично къ намъ вчера обращенной заповѣди святаго владыки нашего — сказать вамъ живое слово назиданія. Въ этотъ разъ мы являемся предъ вами не со школьной, а съ церковной кафедрой, въ сугубомъ или даже тройномъ значеніи и наставника вашего и духовнаго пастыря и Богомъ даннаго вамъ, — да, такъ, отъ слова не отказываюсь, — Богомъ даннаго вамъ, на это время вашей жизни, отца руководителя, который, поставленный во главѣ почтеннаго сонма вашихъ

наставниковъ, въ эту торжественную въ вашей жизни минуту обращается къ вамъ, во имя Отца небеснаго, съ словомъ назиданія и предостереженія, благожеланія и благословенія.

Не отвратите вашего слуха и вашихъ сердецъ. Молодость, которую и мы переживали, а вы переживаете, можно назвать вообще самоувѣренною. Безспорно вы полны развитія, полнѣе насъ силами. Но посмотрите кругомъ на этотъ нормально по естественному закону живущій Божій міръ, на деревья и кусты, и на нихъ на сотни и тысячи птицъ и птичекъ, старыхъ и молодыхъ: старыя не только кормятъ, но и учатъ молодыхъ. Законъ природы и Божій законъ. Молодости думается, что она въ свое время, — дайте только срокъ, — будетъ далеко не похожа на стариковъ и превзойдетъ ихъ. Естественнo и пріятно пожелать вамъ этого. Но первое — *еще не Господь созиждетъ домъ, всуе труждаются зиждущи*. А второе, извѣстный всѣмъ намъ знаменитый естествовѣдъ, философъ, педагогъ Пироговъ выразился: «бѣлка въ колесѣ человѣкъ думаетъ, что мчится впередъ, а между тѣмъ только повторяетъ тѣ же круги». — Мы этихъ круговъ пробѣжали уже довольно, большую долю ихъ, *какая намъ на нашъ вѣкъ отдѣлена*, а вы только начинаете. Мы имѣемъ предъ вами преимущество опыта пережитаго, который вы переживать только собираетесь; а вы имѣете предъ нами преимущество стоянія впереди насъ въ развитіи времени, и желательно, чтобы шли гораздо дальше насъ дорогою прямою, по возможности не повторяя нашихъ ошибокъ. Быть можетъ, не все теперь въ нашемъ словѣ и покажется вамъ. Но бываетъ, что иное слово прожившаго человѣка, даже не слово, а взглядъ или вздохъ, на которые въ свою пору обращено было малое или даже нелюбовное вниманіе, тѣмъ не менѣе такъ вѣзывается въ

памяти, что послѣ не разъ въ жизни вспомнишь съ благодарностію и удивленіемъ, какъ прозрѣніе въ твою душу, какъ предсказаніе твоей судьбы.

Подвести итогъ всему, чѣмъ въ два года въ практически-педагогическихъ нашихъ бесѣдахъ мы васъ утруждали, сказать все, что въ эту минуту сказать слѣдовало бы, трудно и даже невозможно; вчера общимъ нашимъ архипастыремъ сказано вамъ многое. Подумавши, во главу угла нашей къ вамъ рѣчи мы поставили вышеприведенныя священные слова.

Поставили потому, что на вашъ счетъ, любезные братья, и именно къ вамъ сказаны эти священные слова, и въ нихъ два или три божественно-глубокія наставленія, которыя самъ Господь въ послѣднюю минуту разлуки счелъ и особенно полезными и достаточными для ближайшихъ своихъ учениковъ.

Господи, не въ это ли лѣто Ты устроиши царствіе Израилево,—какое это *Израилево царствіе* занимаетъ избранныхъ учениковъ Господнихъ уже у подножія Елеонской горы, когда Господь готовъ былъ *взятися отъ очію ихъ на небеса*; когда имъ повидимому естественнѣе и приличнѣе было бы печалиться о настоящей и предстоящей минутѣ разлуки, чѣмъ совопросничать о какомъ-то повидимому стороннемъ и для нихъ чуждомъ предметѣ?—Это то царство, о которомъ они вопрошали Его незадолго до Его страстей: *кто убо болій есть въ царствіи небеснѣмъ* (Матѣ. 18, 1); о которомъ утруждала Его просьбою, на пути Его на вольную страсть въ Іерусалимъ, мати сыновъ Зеведеевыхъ: *да сядета сія оба сына моя единъ одесную Тебе и единъ ошую Тебе во царствіи твоємъ* (Матѣ. 20, 21); о которомъ и на тайной вечери *бысть прѣ въ нихъ, кій мнится ихъ быти болій*, на что Господь, направляя мысли ихъ

отъ земнаго къ небесному, отъ воображаемаго къ дѣйствительному, отвѣтствовалъ: *вы же есте пребывающе со Мною въ напастехъ моихъ: и Азъ заѣмъ вамъ, якоже заѣмъша Мнѣ Отецъ мой, царство, да ясте и пиете на трапезѣ моей во царствіи моємъ; и сядете на престолѣхъ, судяще обоимъдесять колѣномъ Израилевымъ* (Лук. 22, 24—30). Объ этомъ-то царствіи вопрошаютъ они Господа и предъ послѣднею разлукою: *Господи, не въ это ли наконечъ лѣто Ты устроиши царствіе Израилево*, въ которомъ мы будемъ *ясти и пити на трапезѣ твоей и сидѣти на престолѣхъ судяще обоимъдесять колѣномъ Израилевымъ*? Мечта пока еще неочищеннаго сошествіемъ Св. Духа самолюбія,—общечеловѣческая мечта о возможности царствія небеснаго, райскаго блаженства, полного счастья на землѣ, съ своеобразнымъ народно-еврейскимъ оттѣнкомъ и съ примѣсью личныхъ стремленій, обусловленныхъ временемъ и обстоятельствами, въ какихъ жили св. апостолы.

Исключите отсюда личную приличную только св. апостоламъ особенность, откиньте народную еврейскую своеобразность, возьмите общечеловѣческое значеніе этого священнаго изреченія, примѣните къ условіямъ нашего времени, нашей народности и личного вашего среди вашихъ обстоятельствъ положенія, и посмотрите, правду ли мы говоримъ, утверждая, что въ эти дни ни къ чему столько не устремлены ваши помыслы и чаянія, какъ къ вопросу: *Господи, не въ это ли лѣто устроиши Ты царствіе Израилево*,—когда мы возляжемъ ѣсть и пить и насыщаться всѣми благами жизни за трапезу твою,—засядемъ на престолы судить колѣномъ Израилевымъ,—положимъ вѣсь нашего вліянія на вѣсы міровыхъ судовъ, и опочѣмъ, какъ Израиль во дни Соломона, *кійждо подъ виноградою своимъ*

и подъ смоковницею своею, и отнюдь не иначе, какъ съ любезною подругою—женою плодovитою, яко лоза при исходившихъ водахъ, окруженные чадами, которыя въ нашихъ грезахъ уже ходятъ около трапезы нашей, яко новосажденія масличная?... И за основною мечтою развивается въ молодой фантазіи нескончаемая плетеница радужныхъ грезъ о вашей дѣятельности и плодахъ ея для васъ и человѣчества, о чести и, быть можетъ, даже о славѣ, о довольствѣ и покоѣ, и непремѣнно,—едва ли ошибемся на чей-либо счетъ (за исключеніемъ весьма немногихъ изъ васъ), если скажемъ,—непремѣнно о любви и благословенномъ семейномъ счастіи.

Но нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ небесный положи во своей власти, отвѣтствуетъ Господь своимъ апостоламъ и вамъ. Но изъясняя Господню мысль, присовокупляемъ и мы,—вы слышали, что жизнь обманывается; слышали, что юношеская жизнь въ заведеніяхъ бываетъ въ послѣдствіи долго предметомъ самаго сочувственнаго воспоминанія,—прибавимъ,—особенно въ первые молодые годы жизни, пока человѣкъ не охладѣетъ ко всему, въ томъ числѣ и къ воспоминаніямъ о прошломъ; слышали, что разочарованіе гналось по пятамъ другихъ старѣйшихъ васъ: знайте, что оно погонится и за вашими юношескими грезами. Вотъ какъ довольно полное неуспешное горемъ счастіе на дняхъ разсуждало: «въ жизни семейной эти заботы, бессонницы, болѣзни, опасенія, тревоги за будущее и часто настоящее до того по крайней мѣрѣ уравниваются, если только не перевѣшиваютъ радости, о которыхъ грезилося, что онѣ не выдаются рѣзкою половою счастія». Такъ разсуждаетъ человѣкъ, котораго можно назвать счастливымъ. Но вотъ одинъ изъ сотни памятный намъ фактъ другаго рода и исхода. Вамъ по положенію

подобный, богатырь ростомъ, силами и здоровьемъ мечталъ о счастіи, какъ и прочіе юные мечтатели, искалъ и нашелъ, ловилъ и повидимому поймалъ его; занимая самъ почтенное мѣсто присовокупилъ къ нему и другое вмѣстѣ съ подругою жизни, которая была и добра взоромъ зѣло, и первая ученица въ курсовомъ выпускѣ, и отличенная вниманіемъ высшихъ и даже Высочайшихъ особъ, и—помнится—въ первую послѣ своего, въ извѣстномъ смыслѣ, блистательнаго бравосочетанія лекцію, читая изъ Шестоднева св. Василия великаго, что по мнѣнію древнихъ розы въ раю росли будтобы безъ шиповъ, съ глубокимъ вздохомъ на всю аудиторію, который слышится мнѣ до сихъ поръ, вставилъ слово отъ себя: «а въ наше время—увы!—всѣ розы съ шипами». И дѣйствительно съ первыхъ же дней его семейной жизни шипы въ пышной повидимому розѣ его счастія сказались кровохарканьемъ его цвѣтущей подруги, такъ что онъ тутъ же обязанности супруга вынужденъ былъ ограничить обязанностями и трудами подлекаря и безотхожей больничной сидѣлки у постели чахнувшей жены; къ этому вынужденъ былъ присоединить, въ уреченное время рожденія его перво-и едино-роднаго сына, обязанности и труды няни и мамы, взаимны родной матери; и тутъ же зарылъ свою жену въ могилу, а съ нею не только семейное, но и служебное счастіе. Какъ-то не стоялось ему послѣ этого погрома ни на томъ ни на другомъ изъ занимаемыхъ имъ почетныхъ мѣстъ. Уѣхалъ за границу, вынужденъ былъ лечить сына, сталъ лечиться самъ и богатырь крѣпости дуба свалился въ раковую могилу. *Времена и лѣта* и долю вашей жизни Отецъ небесный положилъ во своей власти. И не трудитесь предначертывать вашъ жребій,—напрасно; можно навѣрное сказать, что ошибетесь.

А вотъ что вѣрно, и о чемъ должны вы подумать, что

имѣть въ виду постоянно: *и будете ми свидѣтели во Иерусалимѣ же и во своей Иудеи и Самаріи и даже до конецъ земли*,—слово Господне, которое изрекъ Господь не только своимъ апостоламъ, но и вамъ.

Вчера о вашемъ призваніи нашимъ архипастыремъ (*) сказано было довольно. Мы поставимъ вамъ на видъ только одну сторону, которую его благость, не любя во свѣтѣ христіанства видѣть тѣни, оставила въ тѣни. Чрезвычайныя чудесныя божественныя званія и призванія, рѣдкія кромѣ апостольскаго вѣка всегда, рѣдки и въ наше время. Тѣмъ не менѣе званія и призванія и теперь, какъ и всегда, не отрицаются. Какъ же онѣ устрояются? Онѣ строятся, какъ и всегда строились, естественнымъ порядкомъ, который промысломъ Божиимъ направляется къ божественнымъ цѣлямъ. Относительно того, какъ устроилось и рѣзко обозначилось ваше призваніе, скажемъ рѣшительно: *ни одного атома въ вашемъ организмѣ нѣтъ, который не былъ бы церковнымъ и не принадлежалъ бы церкви, какъ собственность купленная цною*. Сообразите. Цѣлыя поколѣнія вашихъ отцовъ ѣли хлѣбъ церковный. Въ домахъ родителей вы выросли на хлѣбѣ церковномъ. Затѣмъ воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ. Сообразите, на чей это счетъ цѣлую четверть человѣческаго вѣка вы жили и получали ваше высшее блистательное образованіе. Въ счетъ пота и крови, черноты и бѣдности, нравственной скудости и невѣжества чернаго русскаго человѣка, стародавняго *крестьянина*, всегдашняго неизмѣннаго *христіанина*. Отъ скуднаго прибытка чернаго труда своего онъ сегодня и завтра и послѣ-завтра несетъ на свѣчку въ жертву Богу свой грошъ. Изъ этихъ жертвенныхъ грошей ежегодно составляются сотни

(*) Антоніемъ архіепископомъ Казанскимъ.

тысячъ жертвъ, посвященныхъ Богу и принадлежащихъ церкви. И вотъ въ счетъ этихъ жертвъ съ минуты зарожденія вашего вы росли и выросли и стали носителями умственного свѣта, маяками зажженными во мракѣ ночи, *да не бываютъ* темные невѣжественные люди *младенцами влающеся и скитающеся всякимъ вътромъ ученія, во лжи челоувчестій, въ коварствѣ козней льщенія*. Можно-ль послѣ этого кому-либо изъ васъ отрицать то, что вы—народная жертва Богу, что вы—собственность церкви до мозга вашихъ костей, что вы куплены потомъ и кровью темнаго русскаго православнаго люда для извѣстной церковной жертвенной цѣли, что вы—свѣчка, которую русскій человѣкъ зажегъ святымъ свѣтомъ, и молится на нее, и кланяется, и во время священнослуженія глядитъ на нее, и глядя радуется, или плачетъ и умиляется?! А часто тутъ бываетъ и вся его религія. Видали-ль вы людей, у которыхъ почти вся религія въ томъ, что въ праздникъ онъ предъ образомъ затеплитъ лампадку, или въ храмѣ Божи-емъ поставитъ свѣчку? А есть такіе люди, и не мало ихъ: ихъ сознательная религія въ васъ и на васъ. Вы—носители народной религіи, свѣточь божественнаго свѣта, который и передъ Богомъ поставленъ горѣть жертвеннымъ пламенемъ чистоты и вѣры, и на людей жертвоприносящихъ отражаться отблескомъ божественной истины и теплотою христіанской любви и назиданія.

Скажетъ кто либо: я не чувствую призванія. Къ чему—призванія?—Къ своему званію. Чувствую больше склонности изучать свѣтскія науки, приносить пользу обществу не на церковномъ и даже не на педагогическомъ поприщѣ. Никто не мѣшаетъ вамъ устроить судьбу по вашему желанію такъ или иначе, право выхода предоставлено. Но разсудите по этой изложенной нами обще-народной логикѣ,

не поздно ли теперь почувствовать отсутствіе призванія? Лучше—больше пользы принесете на иномъ поприщѣ,—а почему знать? Ибо только то, что измѣнять своему призванію теперь значитъ вступать на путь, избираемый самодумно, а не промысломъ—не прошлою логикою всей вашей жизни указываемый. А кто и что поручится, что и произвольно избираемый путь не станетъ противенъ? Мы видѣли на своемъ вѣку людей, которые страшными клятвами клялись, что не пустятъ своихъ дѣтей по своей—не по нашей духовной дорогѣ. А рѣчь шла о служеніи тоже довольно образованномъ, почтенномъ и выгодномъ.

Но далеко большее зло, когда наша братія измѣняетъ въ жизни не только призванію и званію своему, но и убѣжденіямъ. Повѣрьте слову опыта, слову человѣка, видѣвшаго очами и пережившаго сердцемъ. Да и сами, зная многое, на основаніи извѣстныхъ фактовъ, можете размыслить и увѣриться въ слѣдующей истинѣ: *можете* (дай Богъ, чтобъ ни съ кѣмъ изъ васъ этого не было, и надѣмся, что не будетъ; но видя эти волны, которыя вотъ уже на нашемъ вѣку держали на высотѣ одинъ строй общественнаго духа, а потомъ низвергли его и подняли другой, да еще съ отвращеніемъ оттолкнули этотъ и поднимаютъ что-то новое, какое-то непорядочное волненіе; чая, что на нашемъ вѣку вы еще увидите бурю, столкновеніе противныхъ вѣтровъ и теченій,—видя и предвидя это, только предостерегаемъ),—*можете измѣнить убѣжденію и званію, но не призванію...* Куда бы ни забросила васъ рука Божія, во всѣхъ мѣстахъ, на всякомъ поприщѣ жизни вы будете носить на себѣ печать вашего первоначальнаго призванія. Оно и понятно, если вдуматься. Въ словѣ Божіемъ сказано: *ядый хлѣба моя возвеличи на мя пяту свою*. Тутъ выраженъ тотъ глубоко-психологическій законъ, что человѣку,

ѣвшему мой хлѣбъ, труднѣе и неестественнѣе поднять на меня пяту свою и лягнуть, или подставить мнѣ ногу и запинаніе, чтобъ я ринулся, чѣмъ человѣку не ѣвшему моего хлѣба. Замѣьте же, что хлѣбъ церковный вы ѣли съ перваго момента вашего бытія, что, какъ сказано, каждый атомъ вашего тѣла выработанъ изъ хлѣба церковнаго: этотъ чужой съѣденный вами хлѣбъ погонится за вами повсюду. *Слово Божіе, острѣйшее паче всякаго меча обоюду остра, проникло въ васъ до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ*, проточилось во всякую мысль вашего ума, во всякій помыслъ сердца. Какъ вы сотрете съ себя эту печать?! Она на вашемъ челѣ, какъ клеймо у древнихъ рабовъ, особенно же у бѣглыхъ. Бѣглець можетъ только усиливаться, чтобъ люди это забыли или не видѣли. Но народное сознаніе, народное чутье постоянно будемъ видѣть и чуять въ немъ перебѣжчика. И что же выходитъ? Если нашъ братъ отклоняется отъ своего призванія не тѣмъ только, что носить нецерковную одежду, если онъ стыдится своего происхожденія и воспитанія, отвращается изъ груди матерней высосаннаго убѣжденія, то перебѣжчикъ—ренегатъ онъ дѣлается и замѣтнѣе и губительнѣе настолько, насколько усиливается не имѣть ничего общаго съ первоначальнымъ своимъ призваніемъ. Назовемъ человѣка мертваго: развѣ русскій народъ забылъ и когда либо забудетъ, что Д... (да помянетъ его Господь по милости своей) былъ поповичъ и семинаристъ?! Развѣ потому онъ принялъ на рамена свои менѣе отвращенія церкви и неблаговоленія отъ Бога, которыхъ онъ былъ злѣйшій врагъ?! И развѣ будущіе антихристы будутъ ему отъ того менѣе рукоплескать?! Развѣ отъ этого менѣе соблазнилъ онъ и соблазнить малыхъ сихъ умомъ, хотя и воображающихъ себя уминиками? «Д... се-

минаристь, зная всю подпольную клерикальную мудрости, и прахъ ея отрясъ отъ ногъ своихъ, и умеръ въ нераскаяніи, взывая не къ убѣжденію, а къ... насилію»!... Но Д... къ несчастію не былъ одинокая исключительность. Кромѣ его подражателей ему изъ нашей братіи недавніе годы видѣли въ разныхъ углахъ Россіи немало. Знайте и знаете, что имена ихъ звучать соблазномъ отъ угла до угла обширныхъ мѣстностей въ продолженіи десятковъ лѣтъ, смущая миллионы. Они также свидѣтели Іисусу Христу, только отрицательные... *Молимся Тебѣ, Господи, о своихъ грѣсахъ и о людскихъ невѣжествахъ, прости...*

Моля Бога, надѣмся, печать вашего рожденія, воспитанія и призванія вы будете носить не со стыдомъ, какъ позорное клеймо, но подражая величію апостольскаго духа — какъ свѣтлое украшеніе, за молитвы и усердную службу Богу вашихъ отцовъ, возложенное на васъ, *не стыдятся и не стыдя свидѣтельства Господа нашего Іисуса Христа* (1 Тим. 1, 8). Посмотрите сколько сзади у васъ осталось вашихъ сверстниковъ на общественной лѣстницѣ развитія и положенія. А вы поставлены по истинѣ на свѣщникѣ церковномъ, чтобы свѣтить во всѣ углы міра отъ града Казани и до Японіи, отъ Архангельска и до Одессы и даже до послѣднихъ земли. Передъ вами не закрыта теперь никакая высота и широта.

Патріархъ Іаковъ умирая благословлялъ сыновъ своихъ, 12 патріарховъ. Вотъ мы, сонмъ вашихъ воспитателей, отпускаемъ васъ во всѣ края земли, напутствуя васъ благимъ словомъ, благословляемъ васъ. Дай Богъ, чтобы изъ васъ вышли истинныя величія всякаго рода: подвижники вѣры, столпы церкви, свѣтила науки, опора добраго государственнаго строя, и на всѣхъ поприщахъ жизни *да свѣтится свѣтъ вашъ предъ людьми такъ, яко да видятъ люди и*

поминаютъ въ роды родовъ *ваша добрая дѣла и прославляютъ Отца вашего иже на небесахъ.*

Еще разъ простите. Простите на жесткихъ словахъ... Вчера единъ отъ васъ сказалъ благостнѣйшему нашему архипастырю и отцу: «отъ васъ изъ устъ вашихъ и отъ сердца лилось только добро, доброе слово и чувство. Отъ васъ мы въ четыре года не слышали ни единого укора. Повѣрьте, вашъ образъ навсегда останется въ душахъ нашихъ на первомъ мѣстѣ». Сказано въ высшей степени правдиво и благовременно и соотвѣтственно естественному порядку вещей. Что высоко и далеко — солнце — оно только свѣтитъ и грѣетъ; но оно же, только свѣтя и грѣя сверху, зажигаетъ внизу вулканъ, или даже будитъ электричество, которые въ свою очередь необходимы въ порядкѣ природы. Помните и вы сами будущіе воспитатели, а мы уже опытомъ провѣрили истину: *ласкай чадо* — да, и это заповѣдь Господня, но если будешь только *ласкать*, то оно *опечалитъ* тѣя. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ

въ церкви Казанской духовной академіи на молебствіи 15 Августа 1870 года, предъ началомъ преобразования этой академіи по новому уставу.

Раби рѣша ему: хочещи ли убо, да шедше исплевемъ я?—Онъ же рече имъ: ни: да не когда восторгающе плевелы восторгнете купно съ ними и пшеницу. Оставьте расти обое купно до жатвы (Матѣ. 13, 24—30. 36—43).

Завершивъ по милости Божіей двадцати-восьми лѣтнее теченіе жизни нашей академіи по прежнему академическому уставу, и въ настоящія минуты совершая молебствіе Христу Спасителю, единому нашему учителю и наставнику (Матѣ. 23, 8—10), начальнику и совершителю нашея вѣры (Евр. 12, 2),—необоримой стѣнѣ и предстательству всѣхъ обремененныхъ печальми и заботами пречистой Дѣвѣ Богоматери, коей мы нынѣ празднуемъ пречестное успеніе, небесному архистратигу Михаилу и прочимъ безплотнымъ силамъ, имени которыхъ посвященъ святой храмъ сей, и святителю Димитрію ростовскому, коего водительство и заступленію сія академія ввѣрена въ день открытія ея правленія, совпавшій со днемъ святой памяти святителя,—съ

призываніемъ подвигнутаго молитвами святыхъ благословенія Божія на преобразование нашей академіи по новому академическому уставу, мы сію минуту назидались чтеніемъ и слышаніемъ храмоваго нашей церкви евангелія, Христовой притчи о чловѣкѣ сѣявшемъ доброе сѣмя на селѣ своемъ, на которомъ, *спящымъ чловѣкомъ*, врагъ всѣялъ плевелы посредѣ пшеницы.

Не знаемъ, какъ кого, но—осмѣлимся сказать—насъ самихъ эта божественная притча съ божественнымъ ея толкованіемъ, при каждомъ ея чтеніи, поражала и поражаетъ какъ-то особенно, особеннымъ грандіознымъ величіемъ, особенною отчасти доступною и нашей узкости зрѣнія божественною всеобъятностію міросозерцанія, особенно выдающимся сочетаніемъ потрясающей грозной неотвратимости божественной правды съ неизъяснимо-тихимъ вѣяніемъ божественной любви. Нѣчто наиболѣе подходящее и къ смыслу и къ необъятно-величавому характеру этой притчи мы усматриваемъ въ ветхомъ завѣтѣ въ явленіи Бога на Хоривѣ пророку Иліѣ, гдѣ сокрушительный вихрь, и трусъ потрясающій основанія горъ, и поядающій камни огонь явились только внѣшнею грозною оболочкою божественной сущности, пронесшейся надъ поверженнымъ въ прахъ Иліею, надъ испавшимъ горестію до отчаянія его духомъ, въ вѣяніи тонкой прохлады...

Бездна мудрости божественной въ этой притчѣ; неисчерпаемая бездна мыслей даже для нашей ограниченности; но въ чемъ сущность притчи, нравственный выводъ изъ нея и урокъ для насъ? *Раби же рѣша ему: хочещи ли убо, да шедше исплевемъ я?—Онъ же рече имъ: ни: да, не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно съ ними и пшеницу. Оставьте расти обое купно до жатвы.* Широкой гуманности возрѣнія учитъ эта притча, сказали бы

мы, если бы только это новаго изобрѣнія и тонкаго смысла слово—*гуманность* могло обнять необъятность мудрости, любви божественной. Нѣтъ, не гуманности, не *человѣчности* учить, а *божественную* кротость и проницательность въ сужденіи о дѣлахъ *человѣческихъ* выставляетъ эта притча на видъ намъ въ назиданіе, чтобы и въ этомъ, какъ и во всѣхъ отношеніяхъ, мы успливались *быть совершенными, якоже Отецъ нашъ небесный совершенъ есть.*

На селѣ—на нивѣ, въ цѣломъ нашемъ мірѣ, въ царствѣ небесномъ—въ царствѣ Божіемъ на землѣ Сынъ *человѣческій*—Сынъ Божій сѣетъ сѣмя добра; но врагъ *человѣковъ*—дѣволъ искони вѣковъ всѣялъ и неустанно продолжаетъ сѣять сѣмя зла; прозябаютъ пшеница и творить плодъ, но рядомъ являются и плевелы; пылкая ретивость, но недалъповидная ограниченность ревностныхъ Божіихъ слугъ порывается тотчасъ же полоть, немедленно же истребить плевелы и оставить одну чистую пшеницу: *хощеши ли убо, да сейчасъ же шедше исплевемъ я?* Но безпрѣлжно-мудрая благость Божія отвѣтствуетъ: *ни, не хочу, не нужно, не должно и вредно полоть, да не когда восторжаше плевелы восторжене купно съ ними и пшеницу. Оставьте обое расти купно до жатвы...* Несовершенство есть безусловная принадлежность всего ограниченного не только въ земномъ мірѣ, но и въ ангельскомъ; сверхъ того въ мірѣ земномъ со времени перваго грѣха зло есть ядъ, отравившій всякое въ людяхъ добро; то и другое, добро и зло, такъ переплелись въ каждомъ *человѣческомъ* обществѣ, лицѣ и дѣйствіи, что исторгая съ корнемъ одно нельзя не коснуться самыхъ корней, самыхъ основъ бытія и другаго, точно также какъ исторгая бытіе плоти нельзя было бы не коснуться основъ *земнаго бытія* и духа, вообще нельзя было бы не подорвать *земнаго бытія* *человѣка*; нужно

оставлять обое, и то и другое, расти, развиваться, совершать свой циклъ жизни купно—совмѣстно до жатвы, пока серпъ смерти, подрѣзавъ жизнь тѣла, отдѣлитъ его отъ *неумирающаго духа.* Искоренить въ мірѣ зло значило бы уничтожить предуставленный способъ восхожденія отъ зла и чрезъ зло къ добру, отъ несовершенства чрезъ несовершенство къ совершенству. Связь ихъ въ семъ мірѣ, совмѣстное существованіе были, есть и будутъ неразрывны до уреченнаго предѣла. Какъ въ мірѣ горнемъ должно царствовать чистое добро, въ мірѣ преисподнемъ безпримѣсное зло, такъ въ связи міровъ повсюду сущихъ, въ микрокосмѣ *человѣческомъ*, добро и зло неизбѣжно должны соприкасаться и переплетаться—до жатвы до послѣдняго торжества добра надъ зломъ, *дондеже Сынъ человѣческій положитъ всѣхъ враговъ своихъ подъ ноги своя,*—и для этого окончательнаго торжества, такъ какъ по мысли св. апостола, *идеже умножается грѣхъ, тамъ преизбыточествуетъ благодать,* не для того, чтобы мы оставались во злѣ (Римл. 5, 20—21; 6, 1), но чтобы смиренно вникали въ планы божественнаго домостроительства (Рим. 11, 32—36) и *ничтоже прежде времени осуждали, дондеже придетъ Господь, иже во свѣтъ приведетъ тайная тмы, и объявитъ совѣты сердечныя, и тогда похвала будетъ коемуждо отъ Бога* (1 Корин. 4, 5).

По этой заповѣди Господней принесемъ благодареніе Господу Богу за прошлое нашихъ академій. Помянемъ добрымъ почтительнымъ словомъ дававшій имъ основу, жизнь и направленіе прежній академическій уставъ; съ благодарнымъ благоговѣніемъ преклонимся предъ величавыми тѣнами его творцевъ. Ихъ дѣло было плодомъ творческой мысли гениевъ. Главною идеею ихъ созданія было единство, единство въ основаніи, единство въ построеніи, единство въ

цѣли и направленіи. Цѣлью духовнаго ученія поставлялось образовать благочестивыхъ и просвѣщенныхъ служителей слова Божія; къ сему главному намѣренію направлялись всѣ учрежденія и стороны дѣятельности академіи. Служитель слова Божія,—гласиль уставъ,—долженъ быть проникнутъ мудростію божественною, основанною на словѣ Божіемъ. По слову Божію, начало премудрости есть страхъ Божій, благочестіе—краеугольный камень христіанскаго воспитанія. Сіе спасительное начало дѣятельной премудрости должно быть вѣдряемо въ духовныхъ питомцевъ не словами только, но наипаче утвержденіемъ здравыхъ понятій о непрерывномъ дѣйствіи Промысла, примѣромъ и богобоязненностію самихъ наставниковъ, упражненіями въ благочестіи, привычкою къ повиновенію; откуда происходили всѣ установленія, утверждающія повиновеніе и уваженіе въ отношеніи къ начальству,—строгое по нравственнымъ и каноническимъ предписаніямъ подчиненіе питомцевъ наставникамъ и руководителямъ, наставниковъ начальству, во главѣ коего поставленъ облеченный священнымъ саномъ служитель слова Божія—ректоръ, состоящій въ строго-каноническомъ подчиненіи своему главѣ-архипастырю. Самая постановка предметовъ ученія столь-же строго подчинена была единой основной идеѣ—образовать благочестивыхъ и просвѣщенныхъ служителей слова Божія. Служитель слова Божія,—гласиль уставъ,—долженъ быть основательный и благоговѣйный ученикъ и провозвѣстникъ слова Божія; долженъ изучить систему христіанской вѣры болѣе глубоко въ ея основаніяхъ, чѣмъ широко въ развитіи и искаженіяхъ, помня, что слово Божіе не состоитъ въ преніяхъ и умствованіяхъ человѣческихъ; долженъ быть философомъ и словесникомъ, знатокомъ исторіи и естествовѣдомъ настолько, чтобы быть основательнымъ богословомъ; изуче-

ніемъ философскихъ мнѣній долженъ быть увѣренъ, что нигдѣ нельзя узрѣть свѣтъ истинной философіи внѣ истины христіанской,—въ изученіи исторіи въ связи происшествій долженъ усмотрѣть шествіе человѣческаго разума и нравственности и преуспѣяніе единой истинной религіи,—приспособляя себя къ разнымъ родамъ словесности, долженъ получить надлежащую свободу, гибкость и пространство въ словѣ, чтобы содѣлаться достойнымъ проповѣдникомъ слова Божія,—наконецъ математикою долженъ изощрить и укрѣпить свой умъ въ строгомъ мышленіи и въ пониманіи явленій и законовъ природы—великаго зеркала величія творческаго. Единствомъ той-же основной идеи связаны были съ академіями среднія и низшія духовныя училища, находя въ академіяхъ свой центръ и завершеніе. Къ единству той-же идеи нашихъ учебныхъ учреждений приведено было самое внѣшнее положеніе служащихъ, которые призывались видѣть свое украшеніе сколько въ высотѣ, въ богопросвѣщенности ума, столько же съ другой стороны въ скромности и смиреніи благопокорливаго духа, хотя бы сіи скромность, смиреніе и благопокорливость простирались до нищеты и самоотверженія нашихъ первообразовъ, св. апостоловъ.

Вотъ святое, по истинѣ святое сѣмя, посѣянное прежнимъ уставомъ на нивѣ нашихъ академій. И это сѣмя принесло свои добрые плоды, которые сколько очевидны для всякаго теперь, столько же и еще болѣе будутъ оцѣнены исторіею церкви и отечества впослѣдствіи. Но долженъ ли былъ этотъ уставъ, какъ дѣло человѣческихъ рукъ, представить собою исключеніе изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ и явить въ себѣ вѣчное, неистарѣющее пригодное къ условіямъ всѣхъ временъ совершенство? Идея прежняго устава—сѣмя безспорно доброе. Но въ словѣ Божіемъ ска-

зано: *спящимъ челоюкомъ прииде врагъ и вся плевелы посреди пшеницы*. — это значить, что врагъ добра съѣтъ плевелы зла, когда люди спятъ и не видятъ: не довидятъ или по намѣренному смѣженію очей, или по безпечности и невнимательности, или даже по естественной человѣческой немощи и ограниченности, недовѣдности и непроницательности. Отклоненіе радіусовъ, идущее отъ центра, тѣмъ рѣзче сказывается у периферіи, чѣмъ дальше сія послѣдняя отошла отъ центра: односторонность основной идеи устава тѣмъ чувствительнѣе сказывалась въ приложеніи, чѣмъ дальше уходило время исполненія отъ введенія устава, особенно когда человѣческая немощь исполнителей накопляла съ годами запасъ преданій отступленія, злоупотребленія, искаженія, которыя отъ ново-надвигавшихся запросовъ времени дѣлались только ощутительнѣе. Извѣстны укоры, которые громко раздавались противъ прежняго нашего устава. Строгое подчиненіе всѣхъ отправленій единой главной идеѣ вело и къ неудобствамъ: именно строгое подчиненіе предметовъ преподаванія единой богословской идеѣ и богословскому методу вело къ односторонности нашего образованія, которую признано нужнымъ исправить и расширить введеніемъ новыхъ предметовъ въ систему нашего обученія, которые въ свою очередь входили въ систему построенія наукъ, нерѣдко нарушая стройность и сверхъ того ложась по множеству своему тяжкимъ бременемъ на учащихся. Строгое подчиненіе всѣхъ лицъ и учрежденій учрежденіямъ центральнымъ, которыя подчинены были якобы преобладающему вліянію ректора, а сего послѣдняго полновластному вліянію главы мѣстной церкви, вело къ увеличенію безправія и безличія большей части членовъ академическихъ корпорацій, къ при-
тупленію въ нихъ чувства общей и личной каждаго отвѣтственности предъ Богомъ и людьми за соотвѣтствіе направ-

ленія и успѣшности академій съ ихъ существеннымъ назначеніемъ, къ упадку порядка дисциплинарнаго, при равнодушіи всѣхъ къ настояніямъ одного—начальника, за тѣмъ нерѣдко къ открытымъ нарушеніямъ порядка и нравственнаго, а наконецъ было время, что проявились нѣкоторыя частныя отступленія отъ порядка и общественнаго... Къ тому-же колебанію общаго строя нашихъ академій вела увеличивавшаяся въ недавнее время бѣдность, граничившая чуть не съ апостольскою нищетою, требовавшая апостольской и твердости духа, но обыкновенныхъ смертныхъ подавлявшая невозможностію удовлетворенія не только широкимъ умственнымъ потребностямъ, которыя вызывались высокимъ развитіемъ нашей среды, общественнымъ служеніемъ и сравнительнымъ съ подобными положеніемъ, но и простымъ потребностямъ семейственности и гражданственности, когда семейные изъ нашихъ, еще не такъ давно, боролись съ нуждою тяжкою, подъ часъ даже горькою, а несемейные, смотря на это, волею и неволею иногда распространяли около себя вредную атмосферу развитаго умственно, но надломленнаго и раздраженнаго нравственно пролетаріата и бобыльства. Излишнимъ считаемъ говорить, что глубоко-обдуманная, но тѣмъ не менѣе искусственно сотканная связь академій съ прочими низшими духовно-учебными учрежденіями, на дѣлѣ оказалась только бременемъ и помѣхою для тѣхъ и другихъ,— для академій оказалась между прочимъ помѣхою служить единому ихъ назначенію быть учрежденіями учеными и учебными, навязывая имъ наоборотъ для нихъ безплодное значеніе административное.

Искренно, отъ сердца, отъ всей души поблагодаримъ Господа Бога за новый академическій уставъ. Искренно, отъ сердца, отъ всей души благодарно помолимся за творцевъ его. Они близки къ намъ по времени, историческое

значение ихъ теперь еще не можетъ быть опредѣлено. Но хотя бы они въ исторіи оказались и не гениями,—тѣмъ не менѣе руководимые гениемъ высокопросвѣщеннаго вѣка, ангеломъ хранителемъ нашей церкви и отечества, они сдѣлали дѣло хорошее, дѣло соотвѣтствующее настоящему положенію не только современнаго общества, но и христіанской церкви и православной вѣры. Уже то одно должно вызвать изъ груди нашей теплое благодареніе передъ Богомъ, что новый утѣхъ улучшаетъ, утверждаетъ наше вѣдѣніе. Я съ своей стороны проникнутъ благодарнымъ умиленіемъ не столько за себя, но моему иноческому званію, по сравненію моего состоянія настоящаго съ прежнимъ,—сколько за васъ, мои любезные братья—сослуживцы, за вашихъ дѣтей, за свободу вашу отъ изнурительныхъ мелочныхъ заботъ скудной жизни, за свободу вашего труда и служенія прямому вашему назначенію,—свободу, которая чрезъ возвышеніе средствъ жизни должна сказаться въ общемъ итогѣ добрыми плодами вашего менѣе угнетаемаго и болѣе поощряемаго труда. Но это только низшая, хотя и существенная сторона дѣла. Въ основу новаго нашего устава, какъ и другихъ подобныхъ законоположеній, положена идея возможно-большей самостоятельности каждой отдѣльной нравственной особи, отдѣльной нравственной личности, отдѣльной нравственной общины,—чтобы каждый изъ насъ, свободно подчиняясь своимъ обязанностямъ, безъ помѣхи пользуясь своими правами, по возможности безъ стѣсненія дѣйствуя въ предначертанномъ ему кругѣ того и другаго, правъ и обязанностей, своимъ чисто моральнымъ, а не рабскимъ, безъ сторонняго гнета, трудомъ, усовершенствуя свое собственное дѣло, содѣйствовалъ приумноженію суммы другихъ однородныхъ трудовъ и усовершенствованныхъ дѣлъ, а чрезъ то преуспѣванію общаго

нашего семейнаго улья, по возможности наравнѣ со всѣми сотрудниками подлежа ответственности за упадокъ общаго строя, а съ другой стороны находя высшую личную себѣ награду въ общемъ соотвѣтствіи нашему общему высокому назначенію. Такого рода постановка нашихъ отношеній соотвѣтствуетъ сколько духу вѣка, столько же и идеѣ нравственно-развитаго христіанскаго общества. Время доказало, что свободный трудъ успѣшнѣе принудительно-подгоняемаго рабскаго; а христіанская вѣра всегда учила, что первый и выше въ нравственномъ смыслѣ послѣдняго, усиливаясь самый рабскій трудъ сдѣлать сознательно-свободнымъ, стремясь по возможности уравнивать между нами взаимныя отношенія, чтобъ мы всѣ, не по имени только, а на самомъ дѣлѣ были братьями между собою, чадами и учениками единого нашего Отца и Учителя небеснаго (Мат. 23, 8—12; Лук. 22, 23—30). Та же идея возможной самостоятельности каждой особи положена въ основу и распредѣленія наукъ. Подчиняясь единому высочайшему божественному авторитету слова Божія, понимаемаго по вѣрѣ церкви, одна прямо направляясь къ его раскрытію, а другія духомъ его ограничиваясь въ своихъ изслѣдованіяхъ и идя своимъ путемъ, но въ концѣ концовъ доходя до единой обще-человѣческой истины, совпадающей съ истинною божественною, наши науки поставлены теперь внѣ зависимости отъ какой либо единой системы и ея метода; напротивъ каждой изъ нихъ отдѣлена своя самостоятельная область, чтобы направляясь по своей идеѣ каждая изъ нихъ сама очерчивала кругъ подлежащихъ ей разсмотрѣнію предметовъ, сама давала имъ надлежащую своеобразную постановку и опредѣляла свой приличный себѣ способъ изслѣдованія. Самое разчлененіе наукъ, потребовавшее значительнаго увеличенія числа научныхъ дѣятелей, отвѣчаетъ настоя-

тельнымъ запросамъ времени. Посмотрите кругомъ. Съ одной стороны, врагъ человѣковъ діаволъ и теперь не дремлетъ, какъ и никогда не дремалъ, усиливая къ концу временъ свои плевельныя засѣвы на нивѣ царства Божія, надвигая на церковь Божію полки за полками ея враговъ, которые ратуютъ противъ нея опаснѣйшимъ изъ оружій, оружіемъ развитой мысли и соответственнаго ей слова, которые по всѣмъ направленіямъ изрыли область христіанской вѣры и ни одной ея истины не оставили нетронутую,—теперь болѣе, чѣмъ когда либо на пространствѣ христіанской исторіи. Теперь разомъ мы имѣемъ предъ собою всѣ заблужденія, какія когда-либо существовали, и нѣсколько такихъ, которыя, по крайней мѣрѣ, въ своемъ настоящемъ развитіи, никогда не существовали. Съ другой стороны, промыслъ Божій если не сильнѣе, то явно-шире, чѣмъ когда-либо, продолжаетъ раздвигать свое царство на землѣ. Быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ когда-либо, звучитъ запросъ обращенія ко Христу еще не познавшихъ Его, къ стыду нашему, инородцевъ. Быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ когда-либо, звучитъ запросъ обращенія къ православію нашихъ славянскихъ братій, оторванныхъ отъ насъ инородными и разнородными вліяніями. Навѣрное сильнѣе, чѣмъ когда-либо, звучитъ запросъ привлеченія къ православной церкви христіанъ и инородныхъ и инославныхъ... То и другое и третье и четвертое ждетъ, ищетъ, требуетъ, домогается настоятельнаго отвѣта отъ нашего православнаго христіанства, отъ нашей православной науки, отъ нашихъ православныхъ мысли и слова и направляемой развитою мыслью энергіи. Тысячелѣтняя исторія наша показала, опытъ послѣднихъ столѣтій подтвердилъ особенно, опытъ послѣднихъ десятилѣтій обнаруживаетъ до очевидности, что намъ русскимъ мало одного спокойнаго храненія ввѣрен-

наго намъ отъ нашихъ отцевъ драгоцѣннаго сокровища, нашего православія. Нѣтъ, нужда вызываетъ пустить это сокровище въ оборотъ,—потому что теперь кто не дѣйствуетъ своимъ капиталомъ, тотъ его теряетъ. Этотъ законъ по неволѣ втягиваетъ и насъ въ общій круговоротъ. Мы не можемъ теперь, какъ дѣлали наши предки, вопрошающихъ насъ о нашемъ исповѣданіи отсылать съ вопросами въ Византію къ грекамъ. Нѣтъ, именно насъ, а не грековъ вопрошаютъ о нашемъ православіи западные славяне, европейскіе неокатолики (*), протестанты ортодоксы, англиканцы Англіи и Америки, не говоря о народахъ средне-азійскихъ, Китаѣ и Японіи. И большая часть вопрошателей умнѣе, по крайней мѣрѣ, въ массѣ развитѣе, ученѣе насъ. Они ждуть отъ насъ не нѣмотствованія, а слова, живаго и умнаго слова, соответствующаго ихъ запросамъ. Тѣмъ болѣе ждуть отъ насъ умнаго соответствующаго запросамъ слова наши враги, враги нашей вѣры. Кто въ настоящее время соответственнo развитію времени не развиваетъ средствъ собственной защиты, того бьютъ на смерть. Нѣмотствованія время для насъ ушло невозвратно. Насъ вызываютъ на арену, на умственную работу для христіанства исторія и промыслъ Божій. Въ воздухѣ носится запросъ истинно-каѳолическаго вселенскаго собора,—запросъ, съ которымъ со всѣхъ частей свѣта обращаются опять же къ намъ, а не къ другимъ. Но намъ для такого величайшаго изъ дѣлъ,—какъ выразился одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ святителей (**), нужно пока еще понакопить ума и знаній. *О послѣднемъ дни и часъ никтоже вѣсть, ни ангели небесніи, но толико Отецъ не-*

(*) О старо-католикахъ въ Августѣ 1870 г. не было еще помина.

(**) Арсеній митрополитъ Кіевскій 1870 г.

бесный единъ. Сколько по этому внушенію отъ нашего Господа, столько же и по соображенію положенія міровыхъ дѣлъ, не чувствуется гнетущей нужды раздѣлять трепетное ожиданіе, къ которому во всѣ вѣка христіанства были особенно воспріимчивы тонкія чистыя души, безъ сомнѣнія вслѣдствіе питаемаго ими горячаго чаянія, — нужды раздѣлять ожиданіе близкаго, уже якобы настоящаго пришествія послѣдняго дня суднаго, — особенно же по разсудочному соображенію признаковъ кончины міра, тогда какъ теперь и дѣлъ христіанской любви въ грѣшномъ мірѣ семь пока еще довольно и вѣрующихъ немало, а что всего поразительнѣе — даже между нечисто-вѣрующими сильнѣе, чѣмъ когда-либо, работаетъ чувство жажды, духъ исканія, предпріимчивость домогательства чистой Христовой вѣры, и множество лучшихъ проникательнѣйшихъ въ мірѣ очей устремлены на насъ. Не сѣтованій объ упадкѣ вѣры Промыслъ ждетъ отъ насъ, а работы въ духѣ вѣры во имя вѣры и для вѣры.

Завершимъ же Господу Богу и святымъ заступникамъ нашимъ, покровителямъ святаго храма и честнаго дома сего, наши теплыя молитвы, — эта торжественная минута помолиться въ одинъ изъ рѣдчайшихъ моментовъ бытія нашей академіи уйдетъ и не воротится, — помолимся, братіе, съ возможною для насъ силою нравственнаго напряженія, да утвердятся за нами высокія блага, даруемыя въ настоящемъ и открываемыя въ будущемъ дарованнымъ намъ новымъ уставомъ; да отвратятся вмѣстѣ съ тѣмъ отъ насъ недостатки, развитіе которыхъ изъ новаго устава академій предвидится и предсказывается, это — духъ эгоизма, самочинія, нестроенія, вражды лицъ и партій, — духъ отклоненія отъ высшаго нашего призванія быть освященными слугами слова Божія, — духъ мудрованія о священнѣйшихъ истинахъ холоднаго, вмѣсто распространенія ду-

ха мудрости истинно и дѣйственно христіанской, духа просвѣщеннаго блегочестія, — духъ практическаго забвенія каноническихъ уставовъ и преданій, вытекающихъ изъ основнаго строя христіанской церкви, слѣдствіемъ чего можетъ быть упадокъ не только истинно богословской науки, но и самой церкви въ ея высшихъ членахъ и самой вѣры. Въ дѣлѣ начертанія правилъ, которое существенно касается столь великихъ и священныхъ интересовъ, надъ которыми работали многіе столь просвѣщенные и освященные умы, которое освящено утвержденіемъ святѣйшаго Синода и Высочайшей власти Помазанника Божія, невозможно не видѣть руку Божию, которая примѣнительно къ потребностямъ новаго времени новымъ способомъ сѣетъ, но тоже доброе сѣмя, какое разсѣвала въ царствѣ своемъ всегда. Но потребна осторожность съ нашей стороны, дабы *намъ спящимъ не пришелъ врагъ чловѣкъ* и не *вспялъ* новые среди новой *пшеницы плевелы*, новые *соблазны*, новыя *беззаконія*, которыя уже по одному своему безнравственному значенію, какъ соблазны и беззаконія, будутъ для насъ зломъ, а не добромъ, не успѣхомъ, не счастьемъ, не говоря уже о слѣдующемъ за ними неизбѣжномъ праведномъ мздо-возданіи и въ сей жизни и особенно за гробомъ, гдѣ все плевельное сожжется, прежде всего прочаго, огне-подающимъ отчаяніемъ собственнаго самоосужденія и самоотреченія.

Кійждо да блюдетъ, како назидаетъ на основаніи святомъ (1 Кор. 3, 9—23). Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

студентамъ Казанской духовной академіи въ академической церкви предъ совершеніемъ молебствія при началѣ ученія въ 1870 году.

Извѣствуяй насъ съ вами во Христа и помазавый насъ—Богъ, уже и запечатлѣ насъ и даде обрученіе Духа въ сердца наша (2 Кор. 1, 21—22).

Предложенныя церковію нынѣ на литургіи чтенія изъ апостола (зачало 170) и евангелія (Матѣ. зач. 89) предложены именно намъ съ вами, любезныя братья, на настоящій день и случай на тотъ конецъ, по устроенію Промысла, предопредѣляющаго и паденіе волоса съ нашей головы, чтобъ именно мы съ вами извлекли изъ этихъ божественныхъ чтеній спасительный урокъ именно для себя, примѣнительно къ нашему положенію вообще и къ настоящему случаю особенно.

Предложенную въ нынѣшнемъ евангельскомъ чтеніи притчу Спасителя о званнѣхъ на вечерю велию на бракъ Сына царева, Сына Божія, мы съ вами слышали и читали сотни разъ, и знаемъ со всѣми подробностями и оттѣнками.

Въ этой притчѣ, какъ почти и во всѣхъ прочихъ своихъ притчахъ, божественный Учитель нашъ предлагаетъ

благоговѣйному созерцанію нашему свое божественное міросозерцаніе, созерцаніе настоящихъ и будущихъ судебъ церкви божіей на землѣ и всего земнаго міра.

Бракъ Сына Царева—это сочетаніе Сына Божія съ церковію. Рабы царя небеснаго, вѣстники сочетанія Божества въ лицѣ Сына Божія съ человѣчествомъ, глашатаи призывающіе къ участию въ этомъ премірномъ, начинающемся однакоже съ этого міра торжествѣ, суть пророки и апостолы и ихъ богопоставленные преемники. Званныхъ, почетныхъ гостей, чадъ друга Божія Авраама, звали ветхозавѣтные пророки на этотъ бракъ заблаговременно до его совершенія, и тѣ не хотѣли прійти. Когда пришло время божественнаго пиршества, Царь посла иныхъ рабовъ своихъ, св. апостоловъ, глаголя: *рцыте званнѣмъ: се обѣдъ мой уготовахъ, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова,—прійдите на бракъ. Они же небреже отъидоша овъ убо на село свое, овъ же на купли своя, прочіе же емише рабовъ его досадиша имъ и убиша ихъ. И слышавъ Царь разнѣвася, и посла въ вся своя, свершителей Его приговора, римлянъ, погуби убійцы оны, и градъ ихъ зажегъ. Свершилась грозная судьба Іерусалима, и оправдалась въ событіяхъ исторіи первая часть Господней притчи. Тогда глагола Царь рабомъ своимъ: бракъ убо готовъ есть, званнѣи же не быша достойни, идите убо на исходища путей, во всѣ концы міра, куда глаза глядятъ и Духъ поведетъ, и елицѣхъ еще обрящете, призовите на браки. И изшедше рабы оны на распутія міра, собраша всѣхъ, елицѣхъ обрѣтоша, злыхъ же и добрыхъ, іудеевъ же и еллиновъ, варваровъ и скифовъ, и исполнися бракъ возлежащихъ, наполнилась церковь вѣрующими—всякими, и крѣпко и некрѣпко, твердо и шатко вѣрующими, добрыми*

и злыми. Оправдалась въ событіяхъ исторіи и средняя часть притчи.

Но смыслъ притчи глубокъ и всеобъемлющъ; а человечество въ своей жизни повторяетъ одни и тѣже круги. Ничто не ново подъ луною. Обще-человѣческое значеніе притчи то, что гостей на бракъ Христовъ звали и зовутъ; но званные многіе не хотѣли и не хотятъ идти. Туго шло и идетъ дѣло благовѣстія, распространеніе евангельской проповѣди; или точнѣе—благовѣстіе евангелія предлагалось и предлагается Царемъ небеснымъ *многогласно и многообразно*; Его рабами проносилось равнодушно, настойчиво и самоотверженно; принималось же многими—правда—и охотно и горячо, но большею частію человечества туго, равнодушно, холодно, а нерѣдко и такъ, что этотъ холодъ загорался кровавымъ заревомъ ненависти къ евангелію, безпощадной ярости противъ его послѣдователей, ненасытною жаждою христіанской крови. Римъ древнихъ цезарей въ стократъ большихъ размѣрахъ повторилъ тоже, что началъ еврейскій Іерусалимъ, и погибъ въ развалинахъ. Званные опять *не были достойны*,—эти высшіе образованнѣйшіе круги древняго греко-римскаго человечества, къ которымъ первоначально и обращена и по ихъ развитію доступна была евангельская проповѣдь болѣе, чѣмъ темнымъ массамъ греко-римскаго, особенно же другихъ варварскихъ народовъ, и которые сначала упорно боролись противъ евангелія, а потомъ приняли его болѣе внѣшнимъ, чѣмъ внутреннимъ образомъ, болѣе мятущеюся холодною мыслью, которая кичить, чѣмъ теплымъ чувствомъ преданности и любви, которая назидаетъ. Почему на смѣну ихъ, на обновленіе изветшавшаго человечества, для созданія церкви божіей изъ матеріала новаго, свѣжаго и крѣпкаго, и выдвинуты промысломъ Божиимъ на арену исторіи новые народы, которые

въ свою очередь повторяютъ тѣже историческіе круги. И теперь, какъ было всегда и прежде, многіе званные отвѣчаютъ пренебреженіемъ на зовъ Господень: *овъ идетъ на село свое, овъ на купли своя*; иные гонятся только за удовольствіями и развлеченіями плотскими, иные же поглощены заботами объ устроеніи своего семейнаго и гражданскаго быта. Какъ и прежде было, рабамъ Божиимъ досаждаютъ и теперь, что бываетъ повсюду и непрерывно. Самыя даже убійства надъ ними совершались не въ одномъ только древнемъ Римѣ или Іерусалимѣ въ первые вѣки, но и во всѣ послѣдующія времена въ разныхъ странахъ невѣрныхъ. Этого мало, совершались въ недавнее время на стогнахъ одного величайшаго изъ градовъ христіанскихъ, въ стѣнахъ котораго уже дважды провозглашалось, что его граждане—конечно не христіане, а частными лицами, вождями народнаго мнѣнія провозглашено неоднократно, что міру не суждено и счастья увидѣть, пока не будетъ покончено съ этими ненавистными міру глашатаями, продолжающими приглашать глухое человечество на пиръ церковный, духовный, божественный. Безъ сомнѣнія, и въ настоящее время, какъ было въ былыя времена, Царь небесный, видя и слыша то съ высотъ небесныхъ, гнѣвается—нужно полагать, *и пославъ воя своя губитъ убійцы оны и градъ ихъ*. Вообще невозможно человѣческимъ словомъ изобразить и даже человѣческою мыслию объять сочетанія міровыхъ событій, какія, при углубленіи въ смыслъ ихъ, объемлются и освѣщаются смысломъ божественныхъ глаголовъ Господней притчи. Ясно только, что евангельскій зовъ теперь шире, чѣмъ когда-либо, раздается на всѣхъ распутьяхъ міра. Большая часть міра на этотъ зовъ не пошла и не идетъ. Но и церковь полна,—*исполнися бракъ возлюбившихъ, злыхъ же и добрыхъ*.

Какъ же къ этому общему плану божественнаго домостроительства и міроуправленія, къ этому общему теченію міровыхъ событій относимся мы съ вами, съ настоящимъ нашимъ положеніемъ и настоящимъ нашимъ днемъ?

Въ дому Отца небеснаго, въ домостроеніи церкви божіей на землѣ, обители многи суть. Взглянемъ при свѣтѣ этого божественнаго изреченія на сравнительное положеніе народностей, вѣроисповѣданій и церквей, чтобы опредѣлить наше собственное личное положеніе. Вотъ открываются умственному взору нашему обширныя страны, съ неслыханными народонаселеніями, покрытыя густымъ мракомъ невѣрія, — страны, въ которыхъ свѣтъ христіанства, переносимый отъ нуды, возжигается то усиліями болѣе или менѣе совершенныхъ продолжателей дѣла апостольскаго, современныхъ миссіонеровъ, то превозмогающимъ вліяніемъ христіанской гражданственности, — возжигается тускло, туго, медленно, при чемъ нерѣдко то тухнетъ отъ огнеупорнаго холода чуждой и враждебной христіанству среды, то даже насильственно тушится потоками крови какъ самыхъ проповѣдниковъ христіанства, такъ и первыхъ учениковъ ихъ. Вслѣдствіе чего промыслу Божию приходится опять и опять воздвигать новыхъ апостоловъ миссіонеровъ, снова переводить свѣтъ Христовъ изъ странъ христіанскихъ и снова возгрѣвать и возжигать имъ неподдающуюся нехристіанскую среду. Вотъ далѣе открывается взору нашему такъ называемый новый свѣтъ съ зрѣлищемъ по истинѣ новымъ: съ пестротою такъ называемыхъ церквей, религіозныхъ общинъ, сектъ, ересей, вѣроисповѣданій, которыя волнуются, какъ море, сливаются, разбѣгаются, разбиваются..., которыя въ самихъ себѣ носятъ и развиваютъ сѣмя только измѣнчивости и разложенія, жизненную же точку стоянія и долговѣчности если и имѣютъ, то въ утвердившихся

ся церковныхъ учрежденіяхъ свѣта стараго, къ которому, къ извѣстнымъ центрамъ въ немъ, и церковныя учрежденія прикрѣплены, и обращены очи и помыслы и сердца всѣхъ гражданъ новаго свѣта, пока еще дорожащихъ Христовою вѣрою. Ближе къ намъ въ свѣтѣ старомъ видимъ нескончаемую и неразрѣшимую борьбу между католичествомъ и его отрицаніемъ — протестантствомъ и порожденіемъ сего послѣдняго — либерализмомъ; видимъ, что одновременно, когда глава католичества, *превозносясь паче всякаго чтлища, покусается съйти въ церкви Бога жива, аки богъ, показуя себе, яко богъ есть непогрѣшимый*, земное воплощеніе безусловной обще-обязательной небесной истины, — одновременно съ этимъ его сѣдалище, вещественная опора его трона уже не только шатается подъ нимъ, а чуть ли не отъемлется изъ-подъ него навсегда и невозвратно. А христіаннѣйшій сынъ его, первенецъ оглаваемой имъ церкви, ея первая и до сихъ поръ бывшая послѣднею опора и защита, самъ безпомощный плѣнникъ. А предводимый имъ народъ, краса католичества, его поэзія, его вѣковой оплотъ противъ наводняющихъ разрушительныхъ потоковъ протестантства, плаваетъ въ крови своихъ сыновъ, зловѣще освѣщенной заревомъ его городовъ и весей, и потокомъ этой крови, пролитой главою протестантства, уже переносится въ пробитое первою революціею русло, зрящее въ одно адово, чрезъ которое, по крайней мѣрѣ, какъ показалъ опытъ, уже протекло столько крови, убійствъ, неправедныхъ и губительныхъ войнъ, и всякихъ человѣческихъ неистовствъ (*). Внѣшнихъ судебъ торжествующаго въ настоящую минуту протестантства не предвидимъ. Но что совершилось и совершается внутри его, то видимъ. Значи-

(*) Говорено 6 Сент. 1870 г., тогда какъ революція въ Парижѣ открылась 18 Марта 1871 г.

тельная часть его дошла до сокращенія христіанства въ незначительную сумму нѣсколькихъ истинъ будтобы христіанской нравственности. А другая часть пришла къ сознанію православія, какъ единаго незыблемаго основанія церкви, и необходимости отстаивать его всѣми силами обще-церковнаго авторитета,—т. е. пришла къ сознанію истинъ, враждебныхъ самымъ основамъ протестантства. Лучшая же, хотя и весьма ограниченная по численности часть ищетъ православія не внутри своей протестантской церкви, но внѣ ея—тамъ, гдѣ оно дѣйствительно есть, гдѣ оно есть живая, жизненная, основная сила, въ церкви православной. Теперь переносимъ очи на себя самихъ, на свою родную церковь и страну. Мы съ вами имѣли счастье родиться въ церкви православной; имѣемъ честь принадлежать къ народу, который вотъ уже тысячу лѣтъ, во всякихъ тяжкихъ испытаніяхъ, отстаивалъ свою наслѣдованную отъ св. апостоловъ и св. отцевъ нерушимую православную вѣру,—который раздвигая свои народныя силы, раздвигъ вмѣстѣ съ предѣлами своей народности предѣлы и церкви православной отъ Мореи и до Новой Земли, отъ Кавказа и до Торнео, оттуда до Венеціи и Арарата и Самарканда и Пекина и Камчатки и Іеддо и до Калифорніи,—который своимъ ангеломъ хранителемъ пока еще охраненъ былъ отъ погибельнаго покушенія, каковое мы уже видѣли въ жизни другихъ народовъ, сокрушить одушевившую его вѣру и воспитавшую его церковь,—котораго даже самый опасный церковный кризисъ—расколъ запечатлѣнъ отраднымъ отпечаткомъ основной религіозно-народной черты, беззавѣтной преданности свято-отеческой вѣрѣ. Обитель, въ которую мы съ вами, любезныя братья, призваны, есть лучшая обитель въ земномъ дому Отца небеснаго, въ пространной оградѣ двора Христовой церкви. Такъ она пони-

мается не нами только, ея обителниками, но и чуждыми ей душами, которыя, принадлежа къ народамъ иновѣрнымъ, горятъ еще священнымъ томленіемъ по истинной вѣрѣ и истинной Христовой церкви на землѣ.

Изошренной быстротечной мысли вашей ясно дальнѣйшее наше положеніе уже въ нашей собственно-православной церкви. И въ этомъ внутреннѣйшемъ домѣ Божіемъ опять обители многи суть,—есть много-образные низшіе и высшіе круги пребыванія, какъ въ древней скиніи были дворъ, святилище и святое святыхъ. Осмотримся тутъ, гдѣ мы съ вами поставлены, куда насъ зовутъ. Осмотримся и посмотримъ, какъ распредѣлены жребіи сыновъ церкви православной. Вотъ изъ званыхъ на божественный пиръ въ домъ Царя небеснаго, десятки милліоновъ нашихъ братій, толкаемые самымъ жребіемъ жизни, безсильные посвятить себя всецѣло на дѣло Божіе, пошли на села поливать своимъ потомъ землю, растить хлѣбъ для себя и для насъ: взявшись за рало, они только изрѣдка могутъ озираться на церковь Божію. Вотъ другіе милліоны, опредѣляемые опять жребіемъ жизни, пошли на купли своя, чтобы кормить, одѣвать, снабжать всѣмъ необходимымъ себя же и насъ опять. Несчетному множеству другихъ выпалъ печальный жребій не пристроиться ни къ чему болѣе плодотворному, какъ только служить идолу удовольствія, утѣхи, забавы, развлеченія,—изъ-за чего? Изъ-за того-же куска хлѣба, который необходимо есть и въ потѣ лица снискивать всякому... Какіе есть печальные жребіи! А нашъ жребій каковъ?! Оглянитесь назадъ. Въ десяткахъ и сотняхъ градовъ россійскихъ есть низшіе разсадники духовнаго просвѣщенія, духовныя училища: тамъ позади себя каждый изъ васъ оставилъ приблизительно тысячу вашихъ сверстниковъ, которые не имѣли равнаго съ вашимъ счастьемъ вой-

ти избранною сотнею въ ограду разсадниковъ духовнаго просвѣщенія средняго значенія,—въ ограду семинарій. Далѣе промыслъ Божій влинулъ кличъ во многихъ, чуть не во всѣхъ углахъ православной Россіи,—и вотъ Его благоволеніемъ вы избраннѣйшіе изъ избранныхъ, три десятка изъ трехъ отборныхъ тысячъ на крыльяхъ послушнаго во-лѣ Божіей и вашему жребію вѣтра принесены сюда... Куда? Во внутреннѣйшее святилище дома Божія, посажены за ближайшій къ Царю—Царю небесному!—царскій столъ. Вблизи Онъ глядитъ на васъ, всѣ ли вы одѣты въ одѣяніе брачное.

Въ самомъ дѣлѣ, углубитесь мыслью, отрѣшивъ ее отъ метафоръ, въ сущность вещей, въ сокровенную дѣйствительность вашего положенія и призванія и долга: вѣдь это такъ, тутъ есть непреложная логика не понятій только, а вещей,—логика истины, которая на нашемъ учебномъ языкѣ называется объективною. На основаніи этой истины, я считаю своимъ священнымъ долгомъ преподавать, а вы обязуетесь принять и по мѣрѣ немощи нашей осуществить одинъ коренной урокъ.

По прежнему академическому уставу, академія имѣла назначеніемъ готовить просвѣщеннѣйшихъ служителей слова Божія. При такомъ опредѣленіи главнаго назначенія академіи, естественно вытекала для просвѣщеннѣйшаго служителя слова Божія обязательность высшаго нравственнаго совершенства. Новый академическій уставъ, стремясь лучше отвѣтить практическому положенію вещей, какъ будто ослабляетъ такое исключительно-высокое назначеніе академій, какъ бы раздробляя его и выражая менѣе напряженнымъ языкомъ. Православной духовной академіи въ новомъ уставѣ поставляется цѣлю: доставлять высшее богословское образованіе, въ духѣ православія, для просвѣщеннаго слу-

женія церкви, и готовить преподавателей для духовно-учебныхъ заведеній. Итакъ зачѣмъ вы признаны въ академію? Зачѣмъ, чтобы получить здѣсь высшее богословское образованіе, въ духѣ—замѣтьте—въ духѣ православія. А это зачѣмъ? Зачѣмъ, чтобы изъ васъ, получившихъ высшее богословское образованіе, въ духѣ православія, вышли просвѣщенные слуги церкви и преподаватели для духовно-учебныхъ заведеній, которые имѣютъ главнымъ назначеніемъ опять же готовить просвѣщенныхъ, въ духѣ православія, служителей православной церкви. Полагаемъ, что и новымъ уставомъ высокое назначеніе нашихъ академій не умалено, не раздроблено, не отклонено отъ священной цѣли, приготовленія просвѣщеннѣйшихъ служителей слова Божія, высшихъ глашатаевъ божественной истины. А по смыслу притчи Господней это значить, что вы не только званые гости за трапезою Царя небеснаго, но призванные быть и рабами, которые зовутъ другихъ,—призванные быть провозвѣстниками божественной истины на землѣ, преемниками апостоловъ и пророковъ, во всякомъ случаѣ, примете ли вы на себя священный санъ, или не примете. И пророки ветхозавѣтные не носили священнаго сана. А это обязываетъ насъ болѣе, чѣмъ кого-либо, гостить на брачномъ пиру, на который зовемъ другихъ, у Царя небеснаго въ одѣяніи брачномъ.

Таковъ для насъ обязательный идеалъ насъ самихъ, съ какой стороны ни посмотримъ на предметъ. А отвѣчаемъ ли мы идеалу?... Не бѣжимъ ли отъ него?... А отъ чего? Только ли отъ немощи человѣческой? Увы, нѣтъ. Оттого, что гонимся за другими, ловимъ идеалы чужіе, забывая свои; памятуя еще свой идеалъ ученый и учебный, отстраняемъ очи отъ нравственнаго и церковнаго, и впадаемъ въ глубокую ошибку, не думая о томъ, что она чрезъ

десятилѣтія, если только не прежде, скажется послѣдствіями вообще плачевными.

Нѣтъ въ нашемъ еще христіанскомъ отечествѣ учебнаго учрежденія, которое не имѣло бы задачей образовывать людей, гражданъ, вѣрныхъ нравственному долгу, религіи, Богу. Тѣмъ не менѣе другія учебныя учрежденія болѣе или менѣе специализованы, имѣя назначеніемъ воспитать специалистовъ,—медиковъ, юристовъ, техникумовъ и т. д. Не нахожу приличнымъ развивать мысль, какъ эта односторонность дѣлается нерѣдко исключительностію, ослабляя на дѣлѣ обязательность нравственно-религіознаго долга. Техникъ хорошъ,—это отъ него и требуется: школа воспитала члена обществу потребнаго и полезнаго. То ли мы съ вами? Нѣтъ. Девизъ нашей высшей ученой степени—слово Спасителя: *иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречется въ царствіи небесныхъ*. Истина непререкаемая. Роясь у самыхъ корней религіозно-философской истины, истины всякихъ другихъ истинъ, мы не можемъ не только не видѣть умомъ, но и не чувствовать, что истина и добро суть абсолютное единство,—что высокое духовное просвѣщеніе безъ соотвѣтствующаго совершенства нравственнаго, безъ стремленія къ нему, даже безъ вниманія къ нему, хуже—пустѣе мѣди звѣнящей и кимвала звяцающаго. Тоже еще строже сказать должно о служеніи наукѣ христіанской. Кто скажетъ, что мы вѣримъ сами тому, что дѣлами отрицаемъ на каждомъ шагу? А къ тяжкой для насъ отвѣтственности нашей, это—наша задача заставить другихъ вѣрить не только въ то, что мы вѣруемъ, но и въ то, во что мы вѣруемъ. Признаться печально, а при размышленіи едвали не окажется справедливымъ, что даже наши духовныя училища, училища христіанскія, нерѣдко забываютъ ту коренную идею, которая крупными чертами

начертывалась на знамени большей части даже языческихъ школъ. Древній философъ признавался философомъ не только мысли, но и жизни, языческое знаніе отождествлялось съ добродѣтелью. А наши философы, а наши богословы!..

Васъ ради имя мое хулится во языцехъ,—горько жаловался Господь Богъ на ветхозавѣтнаго Израиля. Прислушайтесь, не стономъ ли стонетъ на ту же тему вся русская земля, что именно насъ ради хулится имя Божіе. Намъ въ недавнемъ путешествіи случилось горячо разсуждать съ однимъ путешественникомъ: иностранецъ иностранецъ (Галиційскій униатъ), хотя и единокровный намъ и весьма родственный по вѣрѣ, проникнувшій въ разные углы Россіи до сибирскихъ глубинъ; показалось намъ, съ большимъ знаніемъ дѣла и сердечною скорбію онъ жаловался на наши нравы, нравы русскаго духовенства. Онъ выражался рѣзко: «русское духовенство безнравственно». Мы отрицали суровый повальный приговоръ, мы защищали себя и свою братію. Но что всего поразительнѣе въ этомъ случаѣ,—этотъ единичный голосъ не есть ли отголосокъ тысячъ и миллионовъ другихъ голосовъ, повторяющихъ тотъ же жестокий приговоръ? Съ чѣмъ, по строгому разсужденію, въ этомъ горькомъ для насъ приговорѣ нельзя не согласиться,—это съ тѣмъ, что мы, въ совокупности, въ массѣ, будучи нравственно цѣльнѣе окружающей насъ среды, не умѣемъ вести себя предъ и между людьми, безопасно обнажаемъ свои недостатки, не оцѣниваемъ достаточно той тяжкой для нашей распушенности, для нашей раскрытости, для нашего простодушія, всесвѣтной обще-человѣческой склонности—себѣ позволять жить на вольной волѣ, а къ своему духовенству обязательно прилагать идеаль высшаго нравственнаго совершенства, видѣть въ насъ козловъ отпущенія, ко-

которые и сами должны быть чисты и носить грѣхи людскіе, въ чемъ человѣчество, надо соснаться, и не заблуждается.

Мы—соль земли. Наши учебныя заведенія должны носить свой особый строгій характеръ. Студентъ нашихъ академій обязанъ имѣть свой особый сдержанный типъ, всегда и вездѣ носить одѣяніе брачное, достойное нашего призванія. А то по истинѣ какъ посмотришь да подумаешь о томъ, какъ нѣкоторые начинаютъ стыдиться кореннаго, начальнаго своего призванія служить Богу въ церкви и для церкви, какъ торопятся стереть съ себя всякій слѣдъ не только одѣянія, но и духа церковнаго,—то пробѣгаетъ тревога по сердцу, какъ бы въ эти чреватые событіями годы не исполнился надъ нами, надъ всѣми вообще, а не единицами только, конецъ Господней притчи: *вшедъ же царь видѣти возлежащихъ, видѣ ту челоуѣка не оболчену во одѣяніе брачное и глагола ему: друже, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна? онъ же умолча,*—сказать было нечего: одежда всѣмъ предлагалась въ самомъ домѣ царскомъ. Безпечность, небреженіе и презорство. *Тогда рече царь слугамъ: связавше ему руцѣ и нозѣ, возмите его и вверзите во тму кромъшнюю.*

Благо мужу,—учить мудрецъ святой,—аще возметъ яремъ Господень отъ юности своея. Учитесь, любезные братья, не только наукамъ, но и добрымъ правиламъ и доброму навыку держать себя строго-прилично своему званію. Не говорите: я никогда не возму на себя страшной нравственной тяжести священнаго сана. Возмете. Многіе изъ васъ возмутъ непреложно. Во всякомъ же случаѣ вы—просвѣщеннѣйшіе провозвѣстники имени Христова. Промысль Божій не даромъ ведетъ насъ избранною дорогою. Изъ многихъ званныхъ мы немногіе избранные. А *обѣтованія и званія Божія ей и аминь, Богу къ славу нами*

и чрезъ насъ. *Богъ закрѣпилъ и закрѣпляетъ насъ съ вами во Христа—за Христомъ, и помазалъ насъ и запечатлѣлъ насъ и далъ залогъ Духа въ сердца наши,—залогъ, который возгрѣвающихъ его приведетъ нѣкогда во святое святыхъ къ подножію престола Божія, а угашающихъ его ввержетъ когда нибудь во тму кромъшнюю, идѣже плачъ и скрежетъ зубовъ,—даже быть можетъ въ сей жизни. Аминь.*

ПОУЧЕНІЕ

по совершеніи освященія престола въ церкви Благо-
вѣщенскаго завода, гдѣ находится учительская се-
минарія.

По случаю вашего говѣнія, воспитанники учительской семинаріи, въ прошедшій великій постъ, и временнаго отсутствія у васъ законоучителя, меня просили преподать вамъ пастырское наставленіе заочно посредствомъ письмени. Въ очень старые годы, въ первые вѣка христіанства это дѣлалось,—письменные наставленія, въ видѣ пастырскихъ посланій, епископами преподавались. Но къ послѣднему времени это вывелось изъ обычая. А церковные обычаи непремѣнно имѣютъ свою разумную причину, и отступать отъ нихъ всегда небезопасно и неспокойно; отступление отъ обычая всегда скажется какимъ либо неудобнымъ послѣдствіемъ. Поэтому я сказалъ себѣ: *имутъ Моисея и пророки,—ихъ да послушаютъ. Аще же Моисея и пророковъ не послушаютъ, то и аще кто изъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры* (Лук. 16, 29—31), и предоставилъ дѣло его естественному теченію. Теперь же въ этотъ рѣдкій случай освященія святаго храма сего, имѣя васъ предъ лицомъ своимъ, считаю своимъ долгомъ сказать вамъ, на всю вашу жизнь, какъ и вашему училищу, слово назиданія, хотя всѣ мы теперь уже и утруждены. Минута эта

уже не воротится. Богъ вѣсть, придется ли мнѣ еще разъ помолиться вмѣстѣ со всѣми вами.

Вотъ великому славянскому роду, превратившемуся въ русскій народъ, составившему великое русское царство, тысячу лѣтъ тому назадъ даны были Моисей и пророки, слово Христово, писанія апостоловъ и евангелистовъ, да послушаютъ ихъ. И русскій народъ сердцемъ послушалъ и слушаетъ ихъ. Святый равноапостольный благовѣрный великій князь Владиміръ, со старѣйшими дружинниками своими, рассмотрѣли и сравнили разныя вѣры; разсудили, что христіанская православная восточно-греческая вѣра лучше прочихъ вѣръ, и приняли ее не только для себя, но и для всего русскаго народа. Крестившись съ ближайшими подручниками самъ, равноапостольный князь Владиміръ объявилъ по всему пространству Руси, что кто хочетъ быть мнѣ любъ, пусть крестится, и по этому великокняжескому слову какъ Кіевляне, такъ и всѣ славянскія племена Руси крестились поголовно со всѣми чадами и домочадцами. А крестившись Русскіе приняли отъ Грековъ и южныхъ Славянъ іерархію, книги священныя и богослужебныя, уставы и чины церковныя, устройство и благоуукрашеніе храмовъ Господнихъ. Все церковное благоустройство, утвердившись при Владимірѣ въ Кіевѣ, быстро проникло до послѣднихъ краевъ, заселенныхъ русскими Славянами, до стараго Новгорода и Владиміра на Клязьмѣ, оттуда до Перми и Урала, а отсюда и до Восточнаго океана. Утвердившись въ русскомъ народѣ, христіанская православная вѣра положила неизгладимую печать на русскаго православнаго человѣка. Посмотрите на Славянина латинянина: поляка простой глазъ отличить отъ кореннаго русскаго. Посмотрите на молоканина или хлыста: эти люди на нашихъ глазахъ перерождаются во что-то нерусское; какъ на нашихъ же гла-

захъ крещеніе мордва и татары перерождаются въ русскихъ. Весь укладъ жизни русскаго православнаго человѣка расположенъ по духу церкви, по церковному уставу, по ручному и письменному церковному календарю, по церковнымъ праздникамъ, по постами, по дневнымъ церковнымъ службамъ, утрениямъ, обѣдамъ, вечернямъ и т. д. Духъ Христовой вѣры влился въ духъ русскаго человѣка, вни́дривъ въ него покорность Промыслу и Власти предержащей, терпѣніе въ горѣ, самоотверженіе на войнѣ, сердоболіе къ несчастію, строгость въ семейныхъ отношеніяхъ, незыблемую вѣру въ свою вѣру даже до смерти. Сказали и повторяемъ, что русскіе люди послушались и слушаются Моисея и пророковъ, Христа и апостоловъ своимъ сердцемъ.

Но не послушались умомъ. Жестоко и неточно слово сіе. Не скажу—не послушались, а скажу—не прислушались къ Моисею и пророкамъ, ко Христу и апостоламъ Его своимъ умомъ. Не только сердцемъ, но и умомъ, сознательно, по тщательномъ разсмотрѣніи, приняли православную Христову вѣру св. равноапостольный князь Владиміръ и старѣйшіе вожди народа. А народу тогда сказано: кто хочетъ быть любъ князю, да крестится. И народъ принялъ съ крещеніемъ и вѣру Христову: принялъ не зная ее, не усвоивъ ее умомъ, не усвоивъ ее сознаниемъ. Этотъ капитальный историческій фактъ положилъ неизгладимую печать на всѣ дальнѣйшую исторію русскаго народа, русскаго государства и церкви. Повторяемъ, народъ не только принялъ, но и содержалъ и до сего дне содержитъ Христову вѣру, слабо усвоивъ ее своимъ сознаниемъ, своимъ умомъ. Самое тщательное, самое безпристрастное, или наоборотъ самое болѣзненно-пристрастное къ достоинству нашего народа, къ достоинству церкви и нашего папства

изслѣдованіе показываетъ, что нашъ приземистый народъ почти не знаетъ вѣры! Говорю о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ я самъ тщательно, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, изслѣдовалъ и изслѣдую этотъ предметъ. Чего именно простой людъ не знаетъ? Не знаетъ почти никакихъ словъ молитвенныхъ и вѣроисповѣдныхъ. Повально не знаетъ Десятословія. Повально не знаетъ Символа вѣры. Повально не знаетъ употребительнѣйшихъ молитвъ: *Ослаби остави, Достойно есть, Подъ твою милость, Помилуй мя Боже, Приидите поклонимся, Пресвятая Троице, Святыи Боже, Царю Небесный, Слава Отцу, молитвы Иисусовой, молитвы Господней*; весьма часто не знаетъ даже *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь*. Чаше, но и то далеко не всѣ знаютъ: *Богородице Дѣво радуйся...* Повально не соединяютъ почти никакихъ понятій съ постоянно читаемыми въ церкви, даже читаемыми наизусть молитвенными словами: *Во имя Отца и Сына, Богородице Дѣво, Отче нашъ, Благословенъ Богъ нашъ, Отъ Матвея святаго евангелія чтеніе*, и т. п. Повально не имѣютъ почти никакого разумѣнія ни о какомъ праздникѣ, ни даже о храмовыхъ, въ томъ или другомъ селеніи престольныхъ праздникахъ; не умѣютъ даже назвать ихъ; не умѣютъ перечистъ даже дни недѣли. Повально не различаютъ святыхъ иконъ; не говоря о прочихъ, не отличаютъ образа Христа Спасителя отъ лика Богородицы или Святителя Николая; не имѣютъ никакого разумѣнія о крестѣ; говорятъ, что не видали образа ни Христа, ни Богородицы; и дѣйствительно оказывается, что не видали. Повально не имѣютъ никакихъ самыхъ основныхъ понятій о вѣрѣ; не знаютъ, что Богъ одинъ; о Троицѣ не разумѣютъ ничего; Христа не знаютъ, ничего объ Его лицѣ не знаютъ, даже лика Его не знаютъ, не узнаютъ и назвать не могутъ; о Богѣ От-

цѣ, о Святомъ Духѣ не знаютъ ничего и образовъ ихъ, гдѣ въ церквахъ имѣются, не узнаютъ; говорятъ, что образа Троицы не виданы, даже тамъ, гдѣ праздниѣ Троицы храмовой, гдѣ икона Троицы имѣется на обычномъ мѣстѣ храмовой иконы, или же въ куполѣ, или же на фронтонѣ храма. Повально не знаютъ и сказать не могутъ, какой мы вѣры. Не могутъ не только сказать, но даже повторить, когда имъ скажешь, что мы христіане, вѣры христіанской, вѣруемъ въ Іисуса Христа. Не могутъ не только малые сіи, отъ 10 лѣтъ и до 20, но и старыя, всѣ младенцы умомъ. Печально, невѣроятно, но достоверно. Какую ни придумывай низкую степень дѣтства умомъ, действительная оказывается всегда ниже воображаемой. Съ каждымъ годомъ испытанія, съ каждымъ шагомъ углубленія во мракъ народнаго невѣжества, приходилось спускаться глубже и глубже...

Приходилось задаваться необычайно скорбнымъ вопросомъ, какой вѣры эти люди. И отвѣчать: *сердцемъ вѣруется въ правду, усты же исповѣдуются во спасеніе*, т. е. не только сердцемъ нужно вѣровать, чтобы оправдаться предъ Богомъ, но нужно и устами исповѣдывать вѣру, чтобы спастись; а кто не только сердцемъ не вѣруетъ, но и устами не исповѣдуетъ вѣру, тотъ не оправдывается, тотъ не спасется. *Всякъ, иже призоветъ имя Господне, спасется. Како убо призовутъ, въ Него же не вѣроваша? Како же увѣруютъ, Его же не услышаша? Како же услышатъ безъ проповѣдующаго? Вѣра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божіимъ* (Рим. 10, 13—17). Т. е. спасается тотъ, кто призываетъ имя Господне. Но какъ люди призываютъ Того, въ Кого не вѣруютъ, Кого не знаютъ? А какъ они и увѣруютъ въ Того, о Комъ не слышатъ? А какъ и услышатъ они о Богѣ, когда о Немъ никто имъ не про-

повѣдуетъ? Вѣра происходитъ отъ слышанія,—услышать люди и увѣруютъ; а слышать можно только тогда, когда кто либо возвѣщаетъ имъ глаголь Божій. А когда никто не возвѣщаетъ имъ глагола Божія, то какъ они услышатъ его? Это съ одной стороны. А съ другой внимаешь другому слову апостола: *преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, во еже искушати вамъ, что есть воля Божія, благая и угодная и совершенная. Глаголю всякому существу въ васъ не мудрствовать паче, еже подобаетъ мудрствовать, но мудрствовать въ цѣломудріи, якоже коемуждо Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры. Якоже бо во единомъ тѣлеси мнози члены и мамы, члены же вси не одно и тоже имутъ дѣланіе: такожде мнози едино тѣло есмы о Христѣ, а порознь другъ другу сочлены,—да единодушно едиными усты славите Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа* (Рим. 12, 2—5; 13, 6). Какъ въ тѣлѣ человѣческомъ, изъ однородныхъ по существу клѣточекъ, однѣ идутъ въ составъ костей, другія въ мышцы, третьи въ нервы, въ нервы движенія и ощущенія, четвертыя же въ мыслящую и сознающую массу мозга, а между тѣмъ всѣ онѣ, взаимно содѣйствуя другъ другу, составляютъ единое тѣло, проникнутое единствомъ духа, ума и сознания: такъ то же самое видится и въ тѣлѣ церкви Христовой. Кто желаетъ глубже уразумѣть эту таинственную истину, тотъ внимай въ 12-ю главу 1-го посланія Апостола Павла къ Коринѣянамъ.

Такимъ образомъ весь русскій народъ, составляя тѣло Христовой церкви, живетъ духомъ церкви, освѣщается смысломъ, истекающимъ изъ Главы въ умы главенствующихъ въ церкви, и въ свою очередь поддерживаетъ все тѣло церкви своею крѣпостію, питаетъ своею жизненною силою и согрѣваетъ теплотою своего благочестія. Тѣмъ не менѣе

умственная слѣпота нашего темнаго люда, какъ она ни естественна въ обще-церковной и въ обще-государственной организаціи, не есть ни достоинство, ни благо, о сохраненіи и поддержаніи которыхъ слѣдовало бы заботиться. Необходимость просвѣщенія народа нельзя дѣлать вопросомъ, который позволительно было бы рѣшать за и противъ съ какою бы то ни было точки зрѣнія, съ государственной ли, съ церковной ли. Никакъ не позволительно христіанамъ не знать, что они содержатъ христіанскую вѣру и вѣрують во Христа. Не простиительно о ликѣ Христовомъ не имѣть никакого представленія. Оттого-то, отъ темноты нашего народа, искони въ немъ гнѣздились ереси и расколы, которые поражаютъ мыслителя своею чудовищностію, — такою чудовищностію, которая превзошла чудовищность всякихъ измышлений, когда либо безобразившихъ собою міръ христіанскій. О вредѣ народнаго невѣжества для народно-государственной жизни здѣсь не мѣсто, да и некогда толковать. Это истина сознанная. Ее въ основу дальнѣйшаго историческаго развитія русскаго царства положилъ, еще двѣсти лѣтъ назадъ, великій преобразователь Россіи императоръ Петръ Великій.

Главною задачею преобразовательной дѣятельности Петра Великаго было дать образованіе своему народу. И рѣшительныя мѣропріятія Его достигали намѣченной цѣли. Образованіе прививалось, но прививалось только къ дворянству и духовенству, вообще къ такъ называемому образованному классу. А прививаясь только къ верхнимъ слоямъ русскаго общества и увлекая его впередъ, тогда какъ всенародная масса оставалась неподвижною въ своей исконной умственной низменности и темнотѣ, образованіе оторвало верхи общества отъ русскаго народа, оторвало такъ называемый образованный классъ; можно сказать, оторвало

отъ народа отчасти даже ряды духовенства. Не имѣя своихъ корней въ народной жизни, напитываясь соками исключительно западно-европейской цивилизаціи, образованіе высшихъ классовъ приняло либеральный, удаляющійся отъ историческаго народнаго міровоззрѣнія оттѣнокъ; а въ духовенствѣ его довольно широкое образованіе, почерпая все свои соки главнымъ образомъ изъ школы, и весьма мало изъ народной жизни, — это образованіе приобрѣло извѣстный школьный характеръ. То и другое образованіе, и свѣтское и духовное, умственному развитію народа принесло мало плода. О свѣтскомъ образованіи не говоримъ; о духовномъ же говорили. Оглушительны крики о малоплодности его, для умственно-религіознаго развитія народа... Народъ не только не знаетъ своей вѣры, но не умѣетъ даже назвать ее, сказать, что мы христіане, что мы содержимъ вѣру христіанскую православную и вѣруемъ во Іисуса Христа. Впрочемъ и во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ только взглянуть на жизнь нашего приземистаго народа, чтобъ увидѣть, что весь укладъ его понятій, весь кодексъ правилъ его жизненнаго обихода стоитъ почти неподвижно на той самой ступени, на какой остановился при св. равноапостольномъ великомъ князѣ Владимірѣ, тысячу лѣтъ тому назадъ.

Въ великое, высоко-благотворное и широко-преобразовательное царствованіе великаго императора Александра II Освободителя вѣковыя разсужденія о необходимости дать образованіе русскому народу перешли въ самое простое, но дѣйствительное мѣропріятіе, заведеніе народныхъ училищъ по всей широтѣ русской земли, не только въ городахъ, но и по селамъ и по деревнямъ. Теперь поймите свое историческое призваніе, учителя народныхъ училищъ.

По моему воззрѣнію, между великими мѣропріятіями ве-

личайшаго настоящаго царствованія, послѣ мѣры освобожденія крестьянъ, нѣтъ мѣры капиталнѣе учрежденія всюду на Руси народныхъ училищъ. Изъ разнородныхъ дѣятелей, какихъ въ прежніе годы на Руси не было, и какихъ вызвало къ бытію видительное слово Александра II, нѣтъ дѣятелей по призванію важнѣе народныхъ учителей. Поймите это, народные учителя! Поймите, что въ вашихъ рукахъ историческая будущность русскаго царства, въ вашихъ рукахъ, въ сердцахъ, въ угахъ, въ убѣжденіяхъ, въ рѣчахъ будущее счастье русскаго народа, въ васъ и гибель его... И это очень скоро скажется, станетъ нагляднымъ чрезъ какую либо четверть вѣка.

Куда же вамъ склониться? Куда направиться? Не думайте, что вамъ предлежатъ въ вашей будущей дѣятельности тысячи путей. Ихъ всегда для всякаго человѣка было и есть два пути, одинъ направо, другой налево, одинъ прямо, другой въ сторону. Прямой путь вашей учительской дѣятельности будетъ тотъ, когда вы поведете народъ къ болѣе широкому развитію въ направленіи его народнаго, историческаго, православно-христіанскаго міровоззрѣнія. Не обольщайтесь легкимъ соображеніемъ, что въ нашемъ народѣ такъ мало сознанія, такъ мало пониманія христіанской вѣры въ ея содержаніи. Помимо теоретическаго пониманія системы вѣроученія, въ сознаніи, въ духѣ народа имѣется нѣчто въ тысячу разъ болѣе важное и существенное,—это проникновеніе духомъ вѣры, это постиженіе поэзіи вѣры, это принятіе царствія Божія внутри дѣтскимъ сердцемъ, по слову Христову: *кто не приметъ царствія Божія, яко отроча, не увидетъ въ него*. Вотъ эту-то поэзію вѣры, это-то чувство вѣрности свято-отеческой старинѣ въ нашемъ народѣ нужно сберегать какъ завѣт-

нѣйшую святыню, какъ залогъ народнаго благодушія, какъ основу государственнаго устоя.

Что же нужно дѣлать народному учителю? Я скажу, чего нужно избѣгать; скажу по опыту, такъ какъ уже лично непосредственно вижу, куда склоняются оттѣнки поведенія и дѣятельности народныхъ учителей. Сохрани Богъ, если народный учитель станетъ показывать небрежность къ вѣрѣ и церкви, какую часто показываютъ городскіе чиновники. Чрезъ двадцать лѣтъ это отчужденіе учителей отъ церкви отразится на народѣ. Сохрани Богъ, если народный учитель позволитъ себѣ проводить легкомысленныя понятія въ духѣ Дарвина, въ духѣ матерьялизма. Сохрани Богъ, если народный учитель станетъ вести себя относительно мѣстнаго священника въ духѣ пренебреженія, въ духѣ антагонизма. Сохрани Богъ, если народный учитель внесетъ въ сельскую среду систематическій развратъ въ принципѣ; вращающійся въ народѣ священникъ долженъ быть семейный человѣкъ, такъ и народный учитель долженъ быть семейный же человѣкъ. Скажу даже, сохрани Богъ, если народный учитель станетъ разрушать народныя понятія о постохъ. Русскій народъ не общается съ крещеными ино-родцами, считаетъ себя даже принадлежащимъ къ другой вѣрѣ только за то, что инородцы не привыкли соблюдать посты. Начните разрушать что-либо въ народной вѣрѣ,—тогда вы не остановитесь и не остановите разрушенія. Помните, что эти самыя обиденныя случайности вяжутся съ основными звеньями двухъ противныхъ міросозерцаній, христіанскаго и анти-христіанскаго, со всѣми вопросами, начинающими колебать наше общество, съ вопросами о необходимости и естественности религіи, о нравственномъ значеніи человѣка, о святости семьи, о божественномъ происхожденіи предержащей Власти, о промышленіи Божіемъ надъ

жизнью каждого человека, о высшей правдѣ въ распредѣ-
ніи человеческихъ жребіевъ, о правѣ собственности, о пра-
вахъ общественныхъ, о правѣ происхожденія, наслѣдствен-
ности и т. д. А сохрани Богъ всколебать народную массу.
Всколебавшись она сокрушитъ сама себя своею тяжестью.
И признаюсь, при легкости русскаго ума, при недостаткѣ
глубины и всесторонности образованія даже въ такъ назы-
ваемыхъ просвѣщенныхъ сферахъ, при склонности всякаго
учащагося русскаго юноши къ свѣтскости въ правилахъ
жизни и въ міровоззрѣніи, при непривычкѣ, при неумѣнью,
при отсутствіи сознанія вопіющей нужды отстаивать свое
болѣе и болѣе отчуждаемое у насъ положеніе въ русскомъ
духовенствѣ, я не безъ тревожныхъ предощущеній смотрю
на этотъ необходимый, на этотъ благотворнѣйшій, но на
этотъ и роковой институтъ народныхъ учителей. Опасны
для народа и царства русскаго не социалисты наши, не
ходаки въ народъ, а народные учителя... Въ четверть вѣ-
ка они могутъ измѣнить святую Русь по духу и міровоз-
зрѣнію, по правиламъ жизни и государственному наклону.

Молимъ промыслителя Бога, чтобы русскій народъ былъ
храмомъ Божиимъ, почивающимъ на незыблемомъ основаніи
апостоловъ и пророковъ, на краеугольномъ камнѣ Христѣ,
освященнымъ и согрѣтымъ благодатію святаго Духа, вѣко-
вѣчно освѣщаемымъ двумя свѣтами, благодатнымъ свѣтомъ
вѣры и естественнымъ свѣтомъ здоровой благотворной науки,
къ счастью временному и спасенію вѣчному. Аминь.

1880 г.

ПОУЧЕНІЕ

по освященіи ново-созданнаго въ г. Уфѣ храма во
имя Святителя Николая Чудотворца.

*Святъ убо и мы видяще и свѣтлѣйшее сіе
солнце, обновляющее на всякъ день тварь, Тя
истиннаго дне славимъ Солнце и Святъ твой
невечерній.*

Молитва на освященіе храма.

Молитвы, положенныя по чину освященія храма, при-
надлежатъ къ числу самыхъ древнихъ, въ чинѣ христіан-
скаго богослуженія, самыхъ многосодержательныхъ, самыхъ
глубокомысленныхъ и умилительныхъ. Представимъ знаме-
нательное содержаніе и глубоко-умилительный смыслъ одной
изъ нихъ, самой послѣдней по чину, колѣно-преклоненной.

Превѣчный Богъ прежде всѣхъ вѣковъ въ предѣлахъ
вѣчности основополагаетъ, и отъ вѣка во времени созида-
етъ себѣ жилище или храмъ, для своего обитанія и отра-
женія своей славы, для проявленія своей благодати и любви.

По выраженію Соломона, Господь обитаетъ во мглѣ
(3 Цар. 8, 12). А по слову св. апостола Павла, Богъ живетъ
во свѣтѣ неприступномъ, егоже никто отъ человекъ не ви-
дѣлъ, ниже видѣти можетъ (1 Тим. 6, 16). Это значитъ,

что Богъ отъ вѣка обитаетъ во свѣтѣ несозданномъ, пренебесномъ, безначальномъ, присносущномъ, истекающемъ изъ самаго существа Божія, — во свѣтѣ трисіяннаго Божества. Такъ въ началѣ всѣхъ началъ, въ предѣлахъ вѣчности, единый Сущій Господь Богъ расчленяетъ единство своего существа на троичность ипостасей, родивъ прежде всѣхъ вѣкъ изъ себя единосущнаго и едиnorodнаго своего Сына, Бога Слово, какъ свѣтъ отъ свѣта, какъ сіяніе славы и все-совершенный образъ первокожня въ божествѣ Бога Отца, и въ вѣчное днесь производя изъ себя единороднаго Отцу и Сыну божественнаго Духа, какъ зиждительную животворящую теплоту сего превѣчнаго Свѣта. Прежде всѣхъ вѣкъ раждаетъ Сына и производитъ ипостаснаго Духа, чтобы едино-сущее Божество отъ вѣка обитало не въ такой мглѣ, которая была бы отрицаніемъ всякаго бытія, не въ исконной пустотѣ мрачнаго хаоса, но въ первоисточномъ лонѣ жизни, въ нѣдрахъ вѣчно живаго существа Божія; чтобы Сынъ и Духъ обитали въ лонѣ Отца, а Отецъ почивалъ въ нѣдрахъ единосущнаго Сына и Духа; чтобы Отецъ могъ отпечатлѣть свою безпредѣльную славу въ безконечныхъ совершенствахъ Сына и Духа и прославиться въ Нихъ; чтобы Сынъ и Духъ имѣли славу прежде бытія міра у Отца, а Отецъ получалъ воздаяніе славы отъ Сына и Духа; чтобы первоисточному свѣту святая слава Бога Отца всесовершенно отразиться въ отблескѣ славы Бога Сына и Духа, какъ красота солнечнаго свѣта особо восхитительно и выразительно отражается въ дождевой радугѣ или въ переливахъ утренней и вечерней зари; чтобы Отцу погрузить въ Сына и Духа всю безпредѣльную глубину своего сердца, всю необъятную бездну, безконечной любви и бла-гости; чтобы въ Сына, какъ творческое Слово и зижди-тельную Премудрость, влиять всю неисчерпаемую сокро-

вищницу зиждительныхъ идей, а въ Духа все обиліе даровъ животворящей благодати, съ начертаніемъ въ Ихъ божественной волѣ своей первоверховой въ Божествѣ воли и хотѣнія осуществить творческія идеи въ созданіи безпредѣльной цѣ-пи живыхъ тварей и излить на нихъ безконечное обиліе даровъ зиждительной благодати Божіей, для проявленія Бо-жіей благодати и любви въ чувствѣ блаженства живыхъ со-зданій и въ прославленіи ими безконечныхъ совершенствъ Божіихъ; чтобы безконечной любви Бога Отца увеселяться въ безконечной любви къ Нему, въ славѣ и вседовольствѣ Бога Сына и Духа Святаго, а чрезъ Нихъ въ любви, въ благодарности, въ совершенствахъ, въ усовершенствованіи, въ восхожденіи отъ славы въ славу и всего ограниченаго творенія, по божественному слову самой ипостасной Прему-дрости: *Господь стяжалъ Меня въ начало путей своихъ. Прежде вѣкъ основалъ Меня; въ началѣ, прежде неже землю сотворити, прежде неже горамъ водрузитися, прежде же всплхъ холмовъ раждаетъ Мя. Егда готовя-ше небо, съ Нимъ бѣхъ. Азъ бѣхъ, о Ней же радовашеся, на всякъ же день веселяхся предъ лицемъ Ею на всяко-время, егда веселяхся вселенную совершивъ, и веселяше-ся о сынахъ человеческихъ* (Притч. Сол. VIII, 22—31). Это первое основоположеніе превѣчнымъ единымъ Сущимъ Богомъ превѣчной обители для Себя въ нѣдрахъ безначаль-наго, неприступнаго и присносущнаго свѣта, самаго трипо-стаснаго трисіяннаго Божества.

Вся вселенная—это вторая обитель, первый богоздан-ный храмъ Божества, совершеннѣйшее въ ограниченности твари отраженіе первой превѣчной безконечно-совершенной обители въ лонѣ присносущнаго несозданнаго свѣта. Богъ Отецъ посылаетъ въ безпредѣльность небытія свое зижди-тельное ипостасное Слово и единымъ словомъ сего перво-

источного Слова созидаетъ, вызываетъ изъ небытія къ бытію всю тварь и, отпечатлѣвая въ твари лежащія въ творческомъ Словѣ, неизреченныя для человѣческаго слова образы, непостижимыя для нашего ума творческія идеи, водворяетъ въ твари различный распорядокъ и красоту, отраженіе присущей силы и славы Божества. Далѣе собираетъ зиждительную согревающую оживляющую силу своего животворящаго Духа, который носился надъ безпредѣльною первобытнаго хаоса, верху осѣдающихъ первобытныхъ водъ, сосредоточиваетъ Его животворность въ прекраснѣйшемъ и благотворнѣйшемъ изъ созданій, и рекши: *да будетъ свѣтъ*, проливаетъ на тварь солнечный сей свѣтъ, въ вѣчное обновленіе ея, сотворивъ такимъ образомъ созданіе столь восхитительное, что вдохновилъ Моисея особенною какою-то Себѣ, Богу Создателю свѣта, и прекраснѣйшему своему созданію хвалою,—такою хвалою, что самъ Богъ, увидѣвъ свѣтъ, возчувствовалъ, какъ онъ хорошъ, и назвалъ его: день (день, по корнеслову разныхъ языковъ,—тихій, свѣтлый, богоподобный). А псалмопѣвецъ Давидъ вдохновилъ другою превыспреннею и Себѣ самому Творцу, и тому же прекраснѣйшему своему созданію хвалою, что самъ Богъ одѣвается свѣтомъ, яко ризою, чтобъ чрезъ эту сотканную изъ свѣта ризу свѣтились безпредѣльныя совершенства, свѣтъ и слава, благость и любовь Божія, и не только совершенства, но чтобъ свѣтилось и внутреннѣйшее существо Божіе, такъ какъ солнце съ своимъ свѣтомъ и тепломъ служитъ въ видимомъ мірѣ совершеннѣйшимъ, наиболѣе точнымъ и вѣрнымъ отраженіемъ Божія тріединства. Такъ, по подобію тріединому Божеству, въ нашей видимой вселенной солнце есть средоточіе и корень свѣта; съ нимъ нераздѣленъ, хотя и истекаетъ изъ него разливающийся во всѣ концы вселенной сей видимый свѣтъ,

обновляющій на всякій день всю тварь; а съ свѣтомъ нераздѣльна, хотя отъ него и отлична, постоянно исходящая изъ солнца въ его свѣтѣ теплота, животворящая все созданіе. Оттого то въ солнцѣ, его свѣтѣ и теплѣ отцы церкви видѣли всегда совершеннѣйшій священнотайственный образъ Троическаго единства. Въ солнцѣ Богъ не только положилъ образъ своего Божества, но основалъ и свое селеніе. Свѣтъ не только риза Божества, но и непостижимое, хотя и видимое для насъ орудіе и вмѣстилище божественныхъ даровъ для сей привременной жизни. Солнечный свѣтъ—въ видимой вселенной нѣчто наиболѣе близкое къ Божеству, наиболѣе подобное Ему, по своей необъятности, по своей благотворности, по своей невещественности. Свѣтъ видимъ чувственному оку, однакоже онъ неосязаемъ, онъ несомнѣнно невещественъ, онъ близокъ къ духовности; быть можетъ, онъ жилище духовъ; будучи невещественъ, онъ однакоже движетъ все вещественное, даже (по новѣйшимъ научнымъ положеніямъ) созидаетъ, образуетъ изъ себя вещественное, оживляетъ все живое, источаетъ всякую жизнь и силу; источаетъ, какъ полагаютъ, даже умственную силу, а несомнѣнно, источаетъ способы для ея проявленія. Оттого, по весьма глубоко-осмысленному вѣрованію многихъ древнихъ и мудрецовъ и цѣлыхъ народовъ, солнце не только жилище Божіе, но въ солнцѣ обитаетъ, въ солнцѣ заключено само Божество. У многихъ древнѣйшихъ народовъ отъ свѣта взято самое коренное и общепринятое наименованіе самаго Божества. По христіанскому же углубленному смыслу, аще небо и небо небесе не довлѣютъ Божеству, для вмѣщенія Его безусловно необъятнаго пренебеснаго свѣта, коимъ паче сей ограниченный, хотя и богосозданный храмъ этой видимой вселенной; тѣмъ паче сей явно для очей нашихъ ограниченный и ма-

лый солнечный шаръ. Тѣмъ не менѣе и для христіанскихъ душъ и очищенныхъ смысловъ, сіе видимое солнце есть и жилище Божіе, и свѣтлый престолъ Божій въ богосозданномъ храмѣ сей видимой вселенной, и свѣтовая колесница Божія, на которой зримо и незримо шествуетъ изъ конца въ конецъ вселенной самъ Богъ, разливая повсюду дары своей благодати; свѣтъ и прозрачная риза совершенствъ существа Божія, и совершеннѣйшій указанный церковію образъ Божія тріединства. И мы, видя свѣтлѣйшее сіе солнце, обновляющее на всякъ день тварь, славимъ Бога Отца, какъ Солнце истиннаго, вѣчнаго, нескончаемаго дня, славимъ и Свѣтъ Его не вечерѣющій, незаходящій, вѣчно немеркнушій, Бога Сына, съ исходящею отъ Него же, Бога Отца, вѣчно не хладѣющею и неистощимою теплою животворящаго Духа Божія. Посему и на всякъ день видя закатъ солнца, мы поемъ Сыну во Отцѣ со Святымъ Духомъ, современную основанію христіанства, древнюю пѣснь: *Свѣте тихій святыхъ славы безсмертнаго Отца небеснаго, святаго, блаженнаго, Іисусе Христе! Пришедше на западъ солнца, видѣвши свѣтъ вечерній, вотъ мы поемъ Отца, Сына и Святаго Духа Бога. Достойно Ты не только вечеромъ, но и во вся времена воспѣваемъ быти глаголющими преподобными, Сыне Божій, тихій свѣтъ Божій, дающій жизнь всему. Тѣмъ же, потому то міръ Тебя славитъ.* Вотъ это другой храмъ Божества, отраженіе перваго, сія видимая вселенная.

А третій храмъ, отраженіе первой и второй, обителей Божества, это церковъ Божія на землѣ; первой обители отраженіе совершеннѣйшее, какъ духовнѣйшее, а второй — не только отраженіе, но и обновленіе. Ибо мглою грѣха слава первозданнаго храма Божія, сего видимаго міра, померкла. И вотъ по обѣтованію первоевангелія, что въ

последокъ дній снидетъ на землю Свѣтъ истинный, просвѣщаяй всякаго человѣка, взойдетъ Солнце правды и освѣтитъ сперва богосозданный храмъ свой, святую свою церковъ, а чрезъ нее и въ ней въ концѣ вѣковъ обновить и просвѣтитъ и первосозданный храмъ свой, омраченный грѣхомъ человѣка, всю вселенную, Промыслъ предначертываетъ пришествіе сего спасительнаго Свѣта въ образныхъ проявленіяхъ божественнаго Свѣта въ ветхомъ завѣтѣ: какъ то въ купинѣ оной дивной, которая горѣла огнемъ Божества и не сгорала, въ которой явился Моисею Богъ Сый, Богъ Іегова, Богъ Авраамовъ и Исааковъ и Іаковль, Ангелъ Завѣта, снишедшій на землю, чтобы вести богоизбранный народъ въ свою богоучрежденную церковъ; такъ и въ боговидѣніи у Синайскія горы, гдѣ тотъ же Іегова — Сый, Ангелъ Завѣта явился Моисею и всему Израилю во огни и дымѣ, въ громахъ и молніяхъ; такъ и въ скиніи свидѣнія, которую по освященіи покрылъ свѣтлый облакъ, и славы Господней исполнилась скинія; и въ предобрѣйшемъ храмѣ Соломона онаго, который, когда іереи поставили кивотъ завѣта во святая святыхъ, наполнился облакомъ свѣтлымъ, и слава Господня наполнила храмъ; наконецъ и во второмъ храмѣ Іерусалимскомъ, слава котораго послѣдняя явилась больше первыя славы перваго храма Соломонова, потому что внезапно пришелъ во храмъ свой самъ Господь, котораго люди искали, и Ангелъ Завѣта, котораго люди давно ждали и желали; пришелъ, чтобы на мѣстѣ семъ въ Іерусалимѣ дать міру миръ и возставить церковъ свою. Возсіяла давно предреченная звѣзда отъ Іакова, чтобы стать путеводною звѣздою всѣхъ избранныхъ Божіихъ ко храму небесному въ Іерусалимѣ горнемъ. Снишелъ съ неба свѣтъ истинны, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, чтобы наитіемъ пре-

творяющей благодати Святаго Духа обновить наше естество, одухотворить, очистить и просвѣтить его такъ, чтобы праведники, восходя отъ сего міра въ царство Отца небеснаго, просвѣтленные лучами тихаго Свѣта святыхъ славы Его, сами свѣтились какъ солнце; чтобы просвѣтленный свѣтомъ Христовымъ святыи храмъ Христовой церкви, упираясь основаніями своими въ землю, а главою въ небо, въ уреченное время, претворился въ храмъ горній вѣчный, въ Іерусалимъ, нисходящій съ небесе отъ Бога, имущій славу Божию, подъ новымъ небомъ и на новой землѣ, въ храмъ и градъ, не требующій солнца и луны, ни свѣта отъ свѣтильника, ни свѣта солнечнаго, такъ какъ слава Божія будетъ свѣтить въ немъ, и свѣтильникъ Его Агнецъ Божій; яко самъ Господь Богъ просвѣщаетъ ихъ.

Четвертый храмъ святыхъ славы безсмертнаго Отца небеснаго—это сей самый рукотворенный небоподобный храмъ. Онъ небу подобенъ потому, что построенъ по точному подобію втораго и перваго храмовъ ветхозавѣтныхъ іерусалимскихъ (такъ какъ троечастный составъ древнихъ христіанскихъ храмовъ былъ точнымъ подобіемъ троечастнаго же состава храмовъ ветхозавѣтныхъ); а эти храмы построены по точному подобію ветхо-завѣтной скинии, а скинія построена по образу, показанному самимъ Богомъ Боговидцу Моисею на Синайской горѣ, какъ сказано было Моисею, когда онъ приступалъ къ совершенію скинии: *смотри, сказано, сдѣлай все по образу, показанному тебѣ на горѣ* (Исх. 25, 40; Евр. 8, 5). А такъ заповѣдано Богомъ Моисею потому, что скинія была образомъ и тѣнью небеснаго, въ прошедшемъ въ предѣлахъ вѣчности и въ будущемъ отъ вѣка и до вѣка; потому, что скинія была образомъ и тѣнью тріединства Божія въ небѣ и вѣчности, и всего частію мимолетнаго, частію грядущаго домостроительства

нашего спасенія: такъ какъ во святомъ святыхъ на очищѣ, какъ на пренебесномъ престолѣ, возсѣдалъ Господь Вседержитель, приѣмлющій молитвы и жертвы; во святомъ воскуривался въ воню благоуханія нашей молитвы и Божіей благодати еиміамъ кадильный и горѣлъ седмисвѣщный свѣтильникъ, символъ седми даровъ благодати Святаго Духа; а во дворѣ на жертвенникѣ возносилась жертва, очищающая грѣхи, прообразъ великой жертвы Іисусъ Христовой. Христіанскій же храмъ небоподобенъ не по одному тому, что повторяетъ въ своемъ устройствѣ знаменательный троечастный составъ древней скинии, но и потому, что нашъ храмъ—уже не только образъ и тѣнь, но и дѣйствительный начатокъ небеснаго, такъ какъ въ немъ водруженъ и благодатию Святаго Духа, чрезъ миропомазаніе руками архіерейскими, освященъ жертвенникъ истинный, на которомъ возносится въ воню благоуханія Богу Отцу истинная необразная мироочистительная жертва, самое пречистое тѣло и животворящая кровь Сына Божія, Божечеловѣка, Спасителя міра; такъ какъ и святыхъ стѣны сіи освящены миропомазаніемъ же даровъ Святаго Духа; и съ святыхъ иконъ сихъ глядятъ на насъ лики всей церкви въ небѣ торжествующей; и сей дымъ кадильный и горящій свѣтъ и сей простирающійся надъ глазами нашими небоподобный сводъ зовутъ и возносятъ насъ къ небу—туда, откуда съ высотъ небесныхъ отверзты очи Господа на храмъ сей день и ночь, и уши Его внемлютъ молитвъ нашей непрестанно, и сердце Его почиваетъ здѣсь неотступно, изливая не съ сего видимаго, осіяннаго солнцемъ, но съ высшаго духовнаго небесе небесъ лучи свѣта присносущнаго на насъ, свое наслѣдіе.

Наконецъ пятый храмъ, святое жилище Божіе, есть чистая душа христіанская, храмъ съ виду самый малый,

а въ существѣ весьма великій;—храмъ, который составля-
етъ вторую и послѣднюю цѣль всего божественнаго храмо-
зданія, тогда какъ первую цѣль составляетъ самъ Богъ,
который творить все себе ради;—храмъ, къ благоустроению
котораго направлено все, что совершено на небѣ въ вѣч-
ности и на землѣ во времени. Для чего прежде всѣхъ вѣкъ,
въ сокровеннѣйшихъ нѣдрахъ самаго Божества, Слово Бо-
жіе, вѣчностная Мудрость, Сынъ Божій взялъ на себя пре-
небесное посланничество быть зиждителемъ и свѣтомъ міра,
быть вѣчнымъ архіереемъ и агнцемъ, закланнымъ отъ сло-
женія міра, на спасеніе міра. Для чего повелѣно и види-
мому сему солнцу возсіяти свѣтомъ жизни; повелѣно и вет-
хозавѣтной скинѣ послужить образомъ небеснаго и тѣло
божественнаго Свѣта въ міръ грядущаго; повелѣно и церк-
ви Божіей на землѣ быть обителью неба, вмѣстилищемъ
свѣта присносущнаго, истиннымъ жертвенникомъ неизрече-
нныхъ славы Божіей, свѣточемъ даровъ благодати Святаго
Духа. И дѣйствительно чистая, благочестивая, богопредан-
ная, христолюбивая живая душа христіанская есть наияв-
ственнѣйшая на землѣ обитель Божія, наипрекраснѣйшій и
безцѣннѣйшій храмъ Божій, по слову Христову: *аще кто
любитъ Мя, слово мое соблюдетъ, и Азъ возлюблю его, и
явлюся ему самъ, и Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему
придемъ и обитель у него сотворимъ* со Духомъ Свя-
тымъ.

Среди современнаго базара житейской суеты почти не-
примѣтна, но для внимательнаго богобоязненнаго ока сіяетъ
блескомъ чистаго золота, отблескомъ тихаго свѣта небес-
наго, чуть не изъ сѣраго армяка, да и всего чаще изъ ар-
мяка, христолюбивая русская душа, которая беззавѣтно,
цѣльно, не размышляя, безъ современнаго развѣдающаго
анализа, по дѣтски, не смотря на девятый десятокъ годовъ,

какъ дитя евангельское, вѣруетъ въ Бога и въ Христа
Его и въ Богородицу и въ Николая угодника и во всѣхъ
святыхъ, предстателей нашихъ небесныхъ; и по вѣрѣ этой
строить храмъ и своей собственной благочестивой жизни
и этотъ благолѣпный каменный храмъ, себѣ могилу по
смерти и обитель на небѣ; и не раздумывая нестѣ сюда
все свое достояніе почти до послѣдней лепты, въ чаяніи на-
грады только отъ Бога на небѣ и предстательства Николая
угодника тамже на небѣ; и своимъ самоотверженіемъ еван-
гельской вдовицы, жертвующей не малыя и всѣ свои леп-
ты на храмъ, будить старинныя русскія благочестивыя
чувства и порывы щедродательности и жертвоприношеній на
храмъ, и явныхъ и всего болѣе тайныхъ, такъ чтобъ и
шуйца не вѣдала, что творить десница; и совершаетъ теп-
лотою и энергіей благочестиваго сердца, сообщающеюся
другимъ христолюбивымъ же сердцамъ, дѣло великое, од-
ному человѣку не всегда посильное, каково созданіе сего
благолѣпнаго храма Господня; душа изъ тѣхъ избранныхъ
душъ, которыя искони составляли, какъ и составляютъ,
истинную привлекательнѣйшую красоту русскаго народа,
твердѣйшую незыблемую опору русскаго царства, и луч-
шій плодъ для храма небеснаго, для трапезы Господней,
плодоприносимый отъ Божіей обители на землѣ, Христовой
церкви. Признаюсь, что списываю сіи черты христолюбивой
русской души съ рѣдѣющаго въ наши дни честнаго лица
храмоздателя святаго сего храма, раба Божія Никифора Ва-
сильева сына Гурьева, усматривая и въ глубокой старости
его, и во внѣшнемъ видѣ, и въ подвигахъ, и въ самоот-
верженномъ самопоглощеніи единымъ дѣломъ храмозданія,
чистѣйшій, самый законченный типъ раба Божія, православ-
наго русскаго христіанина храмоздателя.

Уже молились, и теперь сознательнѣе повторимъ молит-

ву: милостивнымъ окомъ, Боже Отче, призри на насъ грѣшныхъ, молящихся въ семъ храмѣ небоподобномъ. И обнови въ сердцахъ нашихъ духъ правый, старый русскій христілюбивый духъ. И благочестивѣйшему Царю нашему побѣду на видимыхъ и невидимыхъ, на явныхъ и тайныхъ враговъ и крамольниковъ даруй; намъ же единомысліе и миръ. Сотворимъ же зданіе сіе и храма освященіе, по любви къ Тебѣ Богу тщательно, оставленіе согрѣшеній подаждь, воздвигни ихъ къ дѣланію заповѣдей твоихъ, исполни вся яже ко спасенію прошенія ихъ, и даруй имъ обновленіе дара Святаго твоего Духа, молитвами Богородицы и Николая угодника твоего и всѣхъ святыхъ. Аминь.

1882 г.

ПОУЧЕНІЕ

17-го сентября 1880 года въ день памяти святыя мученицы Софіи и трехъ ея дочерей, Вѣры, Надежды и Любве, въ церкви уфимской мужской гимназіи.

Святой храмъ сей посвященъ памяти святыя мученицы Софіи и трехъ ея дочерей, Вѣры, Надежды и Любве. Житіе ихъ, по своему написанію, относится къ глубокой христіанской древности. По сохранившимся письменнымъ памятникамъ, оно извѣстно было уже въ 8-мъ вѣкѣ. По сказанію житія, «сія Софія бысть вдова рода италійска и живяше въ Римѣ. Егда живяше въ честнѣмъ супружествѣ, роди три дщери, имже нарече имена, согласующая тріемъ богословскимъ добродѣтелямъ: первую бо именова Вѣра, вторую Надежда, третію Любу». Когда сіи три дщери достигли возраста, и дознано было, что онѣ содержатъ христіанскую вѣру, то всѣ три преданы были мученической смерти, а мать ихъ скончалась отъ горя. Кончину ихъ относятъ къ 120-му году по Р. Х. Моги ихъ папою Адріаномъ въ 777 году отпущены были епископу Страсбургскому Ремигію въ Ельзасъ, гдѣ въ одной церкви и показывается каменный гробъ ихъ даже до сего дне.

Счастливою мыслью осѣнены были блаженные приснопамятные создатели св. храма сего, когда придумали посвятить его имени и памяти святыя мученицы Софіи и

трехъ ея дочерей. Безъ сомнѣнія не ошибемся, предположивъ, что храмоздатели хотѣли, чтобъ въ основѣ образованія, какое дается и получается въ стѣнахъ сего учебнаго заведенія, лежала софія—мудрость, та истинная мудрость, которая раждаетъ изъ себя три основныя христіанскія, такъ называемыя, богословскія добродѣтели, вѣру, надежду и любовь. Что этого отъ здѣшняго образованія хотѣли не только создатели храма сего, но того же желаютъ и общество и государство, то не можетъ подлежать сомнѣнію. Ставимъ вашему вниманію вопросъ: достигается ли этой цѣли здѣшнее образованіе? Можетъ ли оно и какимъ путемъ можетъ достигнуть истинной мудрости, которая раждаетъ христіанскую вѣру, надежду и любовь?

Просимъ извиненія. Для цѣльности обзрѣнія, на сколько позволить краткость подлежащаго намъ времени, мы вынуждены по связи коснуться и такихъ предметовъ, которые нѣсколько сторонни для церковной каеедры.

Въ основу обученія въ подобныхъ учебныхъ заведеніяхъ кладется такъ называемое классическое образованіе. Я самъ получилъ такое образованіе и вмѣстѣ со всею образованною Европою принадлежу къ числу его сторонниковъ. Но что такое классическое образованіе здѣсь у васъ? Это—изученіе, допустимъ, лучшихъ отрывковъ, лучшихъ сочиненій лучшихъ писателей, за исключеніемъ однакоже философъ, древнихъ языческихъ Греціи и Рима до эпохи пришествія на землю Господа нашего Іисуса Христа. Изученіе не во воѣхъ отношеніяхъ, а только въ грамматическомъ, филологическомъ, эстетико-риторическомъ и историческомъ, но не въ философскомъ. Чего же этимъ изученіемъ предположено достигнуть? Вопервыхъ, прошедшему курсъ такого образованія дается ученою корпораціею аттестатъ зрѣлости, который служитъ свидѣтельствомъ, что

такой-то молодой человѣкъ зрѣло изучилъ все то, что нужно знать созрѣвшему образованному гражданину. А во вторыхъ, въ классическомъ образованіи указывали панацею отъ всѣхъ нравственныхъ недуговъ, удручающихъ Россію въ наше время, въ частности удручающихъ наше юное поколѣніе, какъ-то отъ легкомыслія, отъ умственной поверхностности, мелкоты, апатіи, спячки, отъ неспособности къ умственному труду и углубленію, отъ суетности и вольнодумства, отъ увлеченія теоріями, посягающими на историческую власть, на религію, на семью и собственность, на всѣ основы историческаго общественнаго устоя, отъ порывовъ къ грубой чувственности, отъ матеріализма, отъ неуправимой тяги современнаго человѣка къ скотоподобію. Этого мало. Въ классическомъ образованіи указывали кладязь не только мертвой, но и живой воды. Говорилось, что нашему разлагающемуся обществу стоитъ только окунуться въ этотъ колодезь живой и мертвой воды, и тотчасъ не только всѣ язвы общественной организаціи заживутъ, но и зародится въ немъ новая жизнь, загорятся новымъ блескомъ потухающіе жизненные идеалы, общество воспламенѣетъ любовью къ интересамъ нравственнымъ и презрѣніемъ къ матеріальнымъ, вообще закипятъ жизнью духа, полною умственныхъ и эстетическихъ наслажденій, полною гражданскаго мужества, уваженія къ законамъ и высшей свободы. Все это обѣщалось. Всего этого чаялось. А жизнь идетъ своимъ путемъ помимо школьныхъ программъ, даже если онѣ широко, всесторонне и основательно обдуманы.

Не мѣсто здѣсь для критики школьныхъ программъ; но укажемъ главное. Признаемъ ту великую заслугу выработанной программы классическаго образованія, что она заставила русское юношество, особенно же юношество такъ называемое благородное, работать головою, и положила

конецъ тому недавно прошедшему и не коротко продолжавшемуся времени, когда лучшія наши училища давали своимъ питомцамъ столь же легкое и пріятное образованіе, какъ и полновѣсныя и потому въ свою очередь также пріятныя права, чѣмъ новая программа увѣнчала заботы высшихъ отечественныхъ умовъ, радѣтелей серьезнаго отечественнаго образованія (графовъ Сперанскаго и Уварова). Признаемъ за нею и то достоинство, что она лучшимъ, всею Европою извѣданнымъ, способомъ упражняетъ юные развивающіеся умы изученіемъ наиболее точныхъ, выработанныхъ, установившихся и окаменѣвшихъ въ своемъ устоѣ, въ своемъ мертвенномъ покоѣ, грамматическихъ формъ (въ родѣ памятниковъ замершей и встающей предъ нами жизни, открываемыхъ въ Помпеѣ),—изученіемъ грамматическихъ формъ, не скажу, двухъ богатѣйшихъ, не скажу, двухъ наиболее развитыхъ, но наиболее установившихся въ своемъ развитіи языковъ древности. Признаемъ, что она лучшимъ, всею Европою извѣданнымъ, способомъ возбуждаетъ, изощряетъ и укрѣпляетъ юные развивающіеся умы, упражняя ихъ изученіемъ лучшихъ умственныхъ произведеній древнихъ Греціи и Рима, представляя юношеству лучшіе, всѣмъ образованнымъ свѣтомъ апробованные, образцы историческихъ писаній, ораторскаго искусства и поэзіи. Только, не больше.

Но я никогда не понималъ, хотя и привыкъ размышлять, какимъ это образомъ юноша, прошедшій такую узкую программу, можетъ быть сочтенъ созрѣвшимъ для жизни, для выполненія жизненныхъ задачъ, для борьбы съ современною умственною заразою, которая грозитъ растлить все исторически-сложившееся міросозерцаніе христіанскаго человѣчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ сгноить и все устои христіанскаго общественнаго строя. На сколько мнѣ понятно дѣ-

ло, корень современной умственной заразы прячется въ философскомъ сводѣ выводовъ современной естественно-исторической науки. Непонятно же, почему изъ программы исключено преподаваніе именно философіи? И не только философіи, но и психологіи? Какъ образованный человѣкъ можетъ о чемъ либо писать, за исключеніемъ частныхъ спеціальностей, какъ можно изучать словесность, логику и разныя отрасли закона Божія, не имѣя никакихъ психологическихъ понятій? Какъ можно понимать современныя философскія направленія, большею частію совершенно разрушительныя, какъ бороться съ ними, какъ установиться между ними, не имѣя ни малѣйшаго разумѣнія въ исторіи философіи? Какъ юношѣ отстоять свое наслѣдованное отъ отцовъ міросозерцаніе, на которомъ зиждется наслѣдованный же отъ отцовъ общественный строй,—міросозерцаніе, которое разшатываютъ со всѣхъ сторонъ вѣтры, дующіе теперь по всѣмъ улицамъ и стогнамъ не только градовъ, но уже и весей, когда онъ и не слыхалъ, что такое философія исторіи и христіанская апологетика, когда онъ изучалъ законъ Божій по программѣ, начертанной для дѣтей? Зачѣмъ изъ русской классической программы строго исключено изученіе всего неязыческаго, исключено,—странно, не говорю—страшно сказать,—чтеніе въ подлинникѣ мірообразовательной книги новаго завѣта, которое лежитъ однакоже въ основѣ классическаго образованія въ Европѣ? Почему благотворитѣли изучать узко-національныя филиппики Демосфена или катилинады Цицерона, чѣмъ прочитать на еллинскомъ языкѣ, имѣющія всемірное и высокохудожественное значеніе пророчества Исаіи противъ нравственнаго растлѣнія всего міра, или же прочитать въ подлинникахъ О градѣ Божіемъ Августина, нѣкоторыя рѣчи Златоуста и другихъ отцовъ церкви, обладающихъ первоклассными лите-

ратурными достоинствами и міровою всеобъемлемостію? Или мы боимся, какъ бы наши латинисты и еллинисты не стали писать по гречески и по латини, съ недостатками еллинской рѣчи Златоуста и латинской Августина, безъ чистоты рѣчи Демосѣна и Цицерона? Непонятно, почему такимъ скуднымъ вниманіемъ награждены памятники даже языческой философской литературы? Ужели переводъ съ греческаго на русскій языкъ одного Критона или Федона можетъ дать понятіе не только о греческой философіи, но даже о Платонѣ?

Конечно, въ среднемъ учебномъ заведеніи невозможно изучить всю мудрость древности. Здѣсь всѣвается въ юныя души только зерно будущаго образованія. Но это-то и опасно, это-то и прискорбно, къ этому-то мы и ведеть рѣчь. Опасна односторонность; прискорбно то, что въ основу классическаго образованія кладется изученіе не многихъ и только языческихъ до-христіанскихъ классическихъ образцовъ. Отцы церкви, выросшіе сами на языческой классической литературѣ, не особенно совѣтовали изучать ее современному имъ христіанскому юношеству. А мы въ наше время хотимъ быть мудрѣе, хотимъ быть предусмотрительнѣе величайшихъ изъ отцовъ христіанства, величайшихъ изъ отцовъ христіанской цивилизаціи, изъ нашихъ отцовъ. Это зерно не можетъ не производить плодовъ по роду своему.

А каково это зерно по роду своему, извѣстно. Несомнѣнно, что даже лучшее въ языческой литературѣ проникнуто языческимъ ядомъ,—ядомъ лжи, низости взгляда, обоготворенной чувственности, узаконенной неправды, воспѣтаго разбоя; самые порывы къ пустотѣ небесной даже у лучшихъ язычниковъ безкрылы или слабокрылы, самая надежда на правду и милосердіе неба отравлена отчаяні-

емъ, самая вѣра въ горній міръ поражена гнилью всеразлагающаго скептицизма.

Вотъ этотъ языческій кодексъ догмы и морали, которымъ вдохновлялись Леониды Спартавскіе и Александры Македонскіе, Гомерова Иліада,—онъ полонъ возмутительныхъ безобразій съ первой страницы и до послѣдней, съ момента, что небо и земля, лучшіе люди и боги пришли всѣ въ движеніе изъ пустѣйшаго повода, изъ за разгорѣвшагося гнѣва Ахилла Пелеева сына, у котораго идеаль древняго человѣка Агамемнонъ разбойнически отнялъ жертву разбоя несчастную плѣнницу, и до возмутительнѣйшей картины, когда Ахиллъ цѣлые дни таскаетъ за ноги трупъ убитаго и истерзаннаго имъ Гектора, оба идеала древняго человѣка. Эти боги, начиная съ Юпитера, да имъ въ аду мѣста мало, съ ихъ отвратительными качествами коварства, низости, противоестественныхъ кровосмѣшеній въ нѣдрахъ не только человѣчества, но и скотства. Достаточно сказать, что Неронъ, Калигула и Геліогабалъ были только сколками съ боговъ Олимпа по своимъ гнусностямъ, да и походили на боговъ именно по гнусностямъ, а по нѣкоторымъ проблескамъ добрыхъ качествъ походили на обыкновенныхъ смертныхъ. Называть здѣсь по имени безобразія Иліады невозможно. Но позволю себѣ прочесть нѣсколько наиболѣе серьезныхъ строкъ Иліады. Вотъ «Зевсъ громоворжецъ составляетъ совѣтъ боговъ на высшей вершинѣ многохолмнаго Олимпа. Онъ вѣщаетъ, всѣ боги безмолствуютъ. Послушайше всѣ вы боги и богини, говоритъ онъ,—кто изъ васъ уйдетъ помогать Троянамъ или Данаямъ, того схвативъ я брошу въ тартаръ мрачный на столько глубже ада, на сколько небо отстоитъ отъ земли. Онъ узнаетъ тогда, какъ я сильнѣе всѣхъ боговъ. Не хотите ли вотъ попытать, свѣсьте съ неба цѣпь золотую; вотъ вы

бы все боги и богини ухватились за нее, — но не стянете съ неба владыку жизни, сколько бы ни хлопотали. А если бы я хотѣлъ вырвать ее у васъ, то потянулъ бы всехъ васъ съ землею и моремъ, закрутилъ бы цѣпь за вершину Олимпа, и все было бы поднято вверхъ. Такъ-то я выше боговъ, выше людей». И вотъ вамъ всемогущество Божіе, вотъ высшее представленіе о всесовершенствѣ Божіемъ, о безпредѣльности міра. И вообразите всехъ этихъ боговъ и богинь, висящихъ на одной цѣпи и перетягивающихся съ Юпитеромъ! И поклонникамъ этихъ смѣшныхъ боговъ оставалось бы только смѣяться, какъ смѣялись они сами на своемъ Олимпѣ.

Впрочемъ сами мудрецы древности, каковы Платонъ и Сократъ, не считали сказочника Гомера достойнымъ принадлежать къ обществу хорошихъ людей. Но вотъ моментъ высшаго развитія древне-греческой жизни и на этой нравственной возвышенности высшая трагедія смерти величайшаго мудреца древности Сократа, снятая съ натуры рукою другого величайшаго мудреца и художника Платона. Передъ закатомъ солнца, какъ вотъ уже выпить подносимую Аѳинянами чашу съ ядомъ, Сократъ въ темницѣ разсуждаетъ съ друзьями о безсмертіи и загробной жизни и говоритъ: «да, если полезно разсказывать и *басни* хорошія, то вѣрно стоитъ труда послушать, что находится въ жилищѣ горнемъ». Затѣмъ разсказавъ по преданіямъ отцовъ о блаженствѣ праведныхъ за гробомъ и казняхъ грѣшниковъ въ тартарѣ, онъ заключаетъ: «такое ужъ наказаніе опредѣлено имъ судьями. Напротивъ люди, по святости жизни оказавшіеся отличными, освобождаются отъ этихъ подземныхъ мѣстъ, какъ изъ темницы, переходятъ въ жилище чистое и обитаютъ надъ землею. Впрочемъ и между ними лишь души, достаточно очистившіяся философіею, живутъ вовсе

безъ тѣлъ во всю вѣчность и вселяются въ жилища прекраснѣе земныхъ, — въ такія жилища, какія теперь изобразить нелегко и некогда. Такъ вотъ по этой-то причинѣ надобно употребить способы, чтобы сдѣлаться въ жизни добродѣтельнымъ и разумнымъ; хороша вѣдь награда и велика надежда. Конечно, утверждать рѣшительно, что все это произойдетъ не иначе, какъ я разсказалъ, человеку умному не годится. Но что касательно нашихъ душъ и ихъ жилища будетъ нѣчто такое или тому подобное, въ то вѣрить, при явномъ безсмертіи души, кажется, и слѣдуетъ и можно рѣшиться; ибо эта рѣшимость прекрасна и ею надобно какъ бы очаровать себя». Спрашивается, вѣрилъ ли Сократъ въ безсмертіе? Зная его, я говорю, что вѣрилъ. Но новѣйшіе философы почти единодушно утверждаютъ, что ни Сократъ, ни Платонъ, не вѣрили ни въ личное безсмертіе, ни въ личнаго Бога. И послѣднія слова Сократа: «не забудьте отдать пѣтуха аскулалу», были какимъ то страннымъ усиліемъ уже помертвѣлыми устами пошутить надъ богами и религіею, надъ смертію и безсмертіемъ. Вспомнимъ, сколько слезъ, цѣлые потоки пролиты міриадами глазъ надъ безыскусственнымъ разсказомъ евангельскимъ о смерти Христа Спасителя, надъ простыми и искусственными разсказами о смерти христіанскихъ праведниковъ, мучениковъ, героевъ, даже простыхъ добрыхъ христіанъ. А читай эти изстари признанныя божественными рассказы Платона о смерти Сократа, читай хоть двадцать разъ, все же не прольешь ни одной слезы, слезы ни умиленія, ни даже горечи. Нѣтъ, тутъ не то чувствуется. Надъ всею этою глубиною мыслей носится какой-то знобящій туманъ не то грустной не то насмѣшливой меланхоліи.

Вотъ другой великій моментъ, когда языческо-римскій міръ тяжело покачнулся къ упадку. Цицеронъ съ двумя

друзьями, ведутъ споръ «о природѣ боговъ» въ домѣ Аврелія Котты, тогдашняго верховнаго первосвященника. Всѣ четыре собесѣдника, въ томъ числѣ и самъ pontifex maximus согласны въ томъ, что всѣ умозрѣнія прежнихъ философовъ—очевидныя заблужденія, а народная религія не что иное, какъ собраніе басенъ. Самъ первосвященникъ въ существованіе боговъ вѣритъ; но находитъ всѣ доказательства въ пользу ихъ бытія неудовлетворительными. А Цицеронъ заключаетъ: «мы не принадлежимъ къ тѣмъ, для которыхъ истина не существуетъ, мы думаемъ только, что *всякой истинѣ присуща нѣкоторая доля заблужденій*, до того похожихъ на нее, что во многихъ случаяхъ трудно найти границу для руководства нашихъ сужденій. *Многія вещи оказываются вслѣдствіе этого вѣроятными*, и хотя онѣ непрямо доступны нашимъ чувствамъ, тѣмъ не менѣе такъ величественны и поразительны, что мудрый беретъ ихъ за руководство своей жизни... Стремись постоянно къ истинѣ и поступай такъ, *какъ будто смертенъ не ты самъ, а только твое тѣло*». Т. е. не имѣя вѣры въ безсмертіе, живи такъ, какъ будто ты безсмертенъ. Цицеронъ былъ членъ коллегіи авгуровъ; а авгуры его и ближайшаго времени не могли уже встрѣчаться, не смѣясь другъ другу въ глаза.

Вообще ни даже самыя великіе умы, ни даже самыя глубокія сердца язычества, ни Сократъ, ни Платонъ, ни тѣмъ менѣе Цицеронъ или Сенека не сильны были доносить идею ни Бога, ни безсмертія, до живаго и животворящаго принципа. Оттого даже порываясь вѣрить, они затрудняются, почти стыдятся прямо и ясно выражать свою вѣру, какъ убѣжденіе, высказывая ее только какъ пріятное гаданіе, какъ благое чаяніе (pium desiderium). Высшая мудрость язычества вышла только пустоцвѣтомъ, который

не принесъ плода жизни, а только былъ вѣвѣскою мертвенности всего языческаго цивилизованнаго міра, который поэтому такъ быстро и сгнилъ и разложился, величественно рухнулъ и развѣялся въ прахъ. И эта языческая мудрость, съ олицетворяющею ее классическою литературою, разъ уже положена была въ основу возрожденія западной Европы и быстро родила тамъ реформацію съ дальнѣйшими плодами разложенія. Теперь ждуть и общаются отъ нея духовно-нравственное возрожденіе Россіи... Такъ ли? Правда ли?

Какъ же быть? Устранить ли классическое образованіе совсѣмъ? Никакъ. Но классическое образованіе должно состоять въ изученіи всего міра мысли, выраженнаго во всѣхъ греческихъ и латинскихъ писаніяхъ отъ Геродота и Платона и до Декарта. Главное же, необходимо выяснить юнымъ умамъ основную идею жизни этого міра.

Софією—мудростію у всего древняго человѣчества, не только въ Греціи и Римѣ, но и въ Египтѣ и Индіи, особенно же у высшаго философа древности Платона, признавалось нѣчто божественное, божественная идея, божественная сила, божественная сущность. А еврейское ветхо-завѣтное откровеніе выяснило, что Софія—мудрость есть даже божественная личность. Эта божественная Софія искони сказывала о себѣ всему человѣчеству своимъ промышленіемъ надъ всѣмъ, не только израильскимъ, но и языческимъ міромъ. Языческіе мудрецы философы стремились къ ней, любили ее, искали ее, напали на слѣдъ ея, но ища ее на землѣ не нашли, а пришли только съ сознанію, что остается и необходимо ждать ее не иначе, какъ съ неба. И она, эта божественная Софія сошла съ неба въ израильской землѣ и просвѣтила весь міръ. Разогнавъ порождаемый естественнымъ, падшимъ, грѣшнымъ человѣкомъ мракъ

невѣрія, безнадежности и беззаконія, божественная Софія породила на землѣ въ сердцахъ возрожденнаго обновленнаго человѣчества три коренныя добродѣтели: вѣру, надежду и любовь. И затѣмъ отъ рождества Христова и до такъ называемаго возрожденія наукъ, до возрожденія въ христіанскомъ мірѣ классическаго образованія, все христіанское человечество всецѣло и вѣрило, что есть Богъ на небѣ, все питало надежду на будущую вѣчную жизнь, все чаяло въ вѣчности награды за добродѣтель и казни за порокъ. Всѣ вѣрили, какъ въ непререкаемую истину, вмѣстѣ съ богопросвѣщеннымъ псаломѣвцемъ, что только безумный можетъ рещи въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ. Но послѣ возрожденія классическаго образованія, препрославленный мудрецъ, наоборотъ, поставилъ это самое положеніе исходнымъ пунктомъ будущей европейской науки: я не вѣрю ни въ Бога, ни во что; отказываюсь отъ всѣхъ предзанныхъ понятій. Мыслию, значитъ существую (*Cogito ergo sum*)... Онъ попытался дойти до Бога собственною мудростію, помимо мудрости божественной. И съ тѣхъ поръ ученая Европа потеряла Бога, потеряла вѣру, потеряла надежду, потеряла христіанскую любовь, какъ принципъ нравственной жизни.

А чтобъ найти обратно, что нужно? Ясно, что нужно поворотить умами назадъ, насколько возможно. Юнымъ умамъ нужно изучать, какъ древнее человечество нашло божественную Софію; какъ она породила на землѣ вѣру, надежду и любовь христіанскую; гдѣ скрывается поворотный пунктъ, съ котораго образованная Европа пошла въ дебри заблужденія. Посему классическое образованіе должно быть изученіемъ памятниковъ греко-римской литературы, пронибнутыхъ этой идеею; ни подъ какимъ видомъ не должно чуждаться изученія подлинныхъ книгъ новаго за-

вѣта, какъ и твореній святоотеческихъ, особенно же имѣющихъ міровое значеніе, въ родѣ Августина О градѣ Божіемъ. Такое изученіе памятниковъ должно облегчаться и направляться изученіемъ исторіи философіи, изученіемъ психологіи, философіи и христіанской апологетики.

Безъ этого же не чувствуемъ ли мы, что христіанская вѣра, надежда и любовь улетаютъ на небо? Не чувствуемъ ли, что люди толкуются во мракѣ, нельзя ли какъ либо осязать, ухватить и удержать Бога руками, но Богъ духъ и осязанію не дается, отчего и зараждается въ душахъ отчаяніе, что Бога и нѣтъ. Не чувствуемъ ли, что вмѣстѣ съ тѣмъ превращается смыслъ и Моисеева десятословія, обѣихъ скрижалей, не только первыхъ четырехъ, но и послѣднихъ шести заповѣдей? Не чувствуемъ ли, что самые центры нашей интеллигенціи больше и больше погрязаютъ во мракѣ язычества, который проникнетъ и сюда, и въ другіе нервныя узлы народнаго тѣла? Не чувствуемъ ли, уже по обнаружившимся ужаснымъ симптомамъ, что надвигающееся язычество уже никакъ не останется мирнымъ скептицизмомъ Платона или Цицерона, но выродится въ огнедышущую ярь апокалипсическаго звѣря антихриста? Аминь.

1880 г.

ПОУЧЕНІЕ

на молебствіи при открытіи училища землемѣрія въ
г. Уфѣ 27-го сентября 1879 г.

*Егда раздѣляше Вышній языки, яко разспя
сыны Адамовы, постави предѣлы языковъ по чи-
слу ангеловъ Божіихъ. И бысть часть Господня—
людіе Его Іаковъ, уже наслѣдія Его Израиль...
Господь единъ воздаше ихъ, и не бѣ съ ними
Богъ чуждый. Втор. 32, 8—9.*

Спеціальность этого училища землемѣрія обыденному
поверхностному взгляду представляется уже очень сужен-
ною, въ буквальный смыслъ слова поверхностною,—
мѣрять поверхность земли, ставить межевые знаки и толь-
ко. Но нельзя ли расширить ее обобщеніемъ и углубить
поставленіемъ въ связь съ обще-человѣческой жизнью и дѣ-
ятельностію, обще-человѣческими судьбами и задачами?

Для кого вышеприведенныя нами божественныя слова
пронеслись по воздуху не безсловеснымъ звукомъ мѣди звѣ-
нящей, кто сколько либо уловилъ заключающуюся въ нихъ
мысль, тотъ конечно понялъ нѣсколько, а мы по собствен-
номъ размышленіи поможемъ внимательнымъ уразумѣть и
полнѣе, что въ этихъ словахъ великій мудрецъ древности,
богосвѣщенный пророкъ Моисей устанавливаетъ богоот-

кровенную точку зрѣнія на многое и между прочимъ на
землемѣріе. Слова эти въ предсмертной рѣчи Моисея были
обращены къ народу израильскому; но онѣ обнимали судь-
бу всего человѣчества, въ томъ числѣ и нашего русскаго
народа и насъ съ вами.

Вотъ смыслъ этихъ словъ. Когда Всевышній раздѣлялъ
Народные языки и вслѣдствіе раздѣленія языковъ раздѣ-
лялъ самые народы; когда разсѣвалъ по лицу земли сы-
новъ единого рода Адамова,—то Всевышній самъ поставилъ
предѣлы для народовъ, для ихъ жительства, и поставилъ
по числу ангеловъ Божіихъ, назначивъ каждому народу
особаго ангела хранителя. Но въ этомъ всемірномъ передѣ-
лѣ народовъ между народными ангелами хранителями, Го-
сподь выдѣлилъ и самому себѣ подъ особое храненіе осо-
бую часть. И этою частию самаго Господа стали люди Его,
богоизбранный родъ патріарха Іакова, ужемъ, вервиемъ на-
слѣдія Его сдѣлался Израиль.

Уразумѣваете ли смыслъ богоначертаннаго образа? Ви-
дите ли, гдѣ его конецъ, его высшая послѣдняя премірная
задача?

Видите ли, прежде чѣмъ существовали какіе либо зем-
лемѣры, прежде чѣмъ существовали самые народы и цар-
ства, какъ обособленныя извѣстными предѣлами политиче-
скія единицы, пронеслись надъ землею единожды, какъ
проносятся и всегда вѣковѣчно самъ Богъ и ангелы Его.
Видите ли, Богъ и ангелы Его проносятся съ вервиемъ зем-
лемѣрнымъ. Этимъ вервиемъ отбиваютъ и отмежевываютъ
предѣлы для каждаго изъ народовъ. Каждая изъ отбитыхъ
божественнымъ вервиемъ частей назначается на предпо-
дѣленный періодъ времени въ достояніе тому или дру-
гому народу, а повыше народа назначается въ достояніе
особому ангелу хранителю народному. Такіе ангелы храни-

тели народные были и имѣются у каждаго изъ существовавшихъ и существующихъ народовъ. Конечно Всевышній міроправитель правитъ всѣми народами, какъ и ангелами хранителями ихъ. Но своимъ божественнымъ вервiемъ Онъ отмежевалъ для самаго себя и особую часть, въ особое достояніе, въ особое наслѣдіе себѣ. И этимъ особымъ божественнымъ наслѣдіемъ въ ветхо-завѣтномъ человѣчествѣ былъ богоизбранный родъ Израиля.

Для чего учинено такое мірораспределеніе между Богомъ и ангелами Его? Объ Израилѣ сказано, что самъ Господь водилъ его и не было съ нимъ чужаго бога, самъ вознесъ его на высоту земли, и кормилъ произведеніями полей, и питалъ его медомъ и елеемъ, масломъ и молокомъ, и тукъ, и пшеницею, и виномъ,—вообще надѣлялъ Израиля всѣми благами удѣленной ему земли, чтобъ Израиль не оставилъ своего Бога и былъ свѣточемъ истиннаго богочтенія на весь міръ. Къ той же единой задачѣ міроуправленія стремятся и другіе небесные міроправители, небесные вожди народовъ, народные ангелы хранители. О всѣхъ ангелахъ сказано, что они суть служебные духи, посылаемые Богомъ въ служеніе хотящимъ наслѣдовать спасеніе. Человѣкъ не вѣчный житель на землѣ; даже цѣлые народы—только странники и пришельцы на землѣ, и все человѣчество странствуетъ на землѣ по пути къ отечеству небесному. И вотъ самъ Богъ поставляетъ себя вождемъ хранителемъ единого богоизбраннаго народа израильскаго и господиномъ отмежеваннаго ему удѣла земли, а надъ другими народами и отмежеванными имъ удѣлами земли поставляетъ князьями особыхъ народныхъ ангеловъ хранителей, и небесныхъ вождей народной жизни, чтобы предначертанными путями вести по землѣ, какъ все человѣчество, такъ и всѣ отдѣльные народы и каждаго человѣка къ горнему

отечеству, и вести поддерживая благами земли человѣческую жизнь и охраняя земныхъ странниковъ на ихъ трудномъ, скользкомъ и опасномъ пути. Путь этотъ опасенъ и скользокъ и труденъ потому, что обусловленъ не легкими условіями сохраненія извѣстнаго нравственнаго уровня, такъ что за извѣстною чертою нравственнаго ниспаденія народы, какъ и отдѣльные люди, погибаютъ. Погибаютъ отъ того, что въ извѣстныхъ условіяхъ человѣческой безправственности негодуютъ на людское нечестіе ангелы хранители народовъ, отдѣльныхъ родовъ и племенъ, отдѣльныхъ городовъ и урочищъ, наконецъ ангелы хранители и частныхъ лицъ. Негодуетъ на нечестіе самая земля и когда оно переходитъ за извѣстную грань, земля свергаетъ его съ себя. Такъ народу израильскому было изречено: *не оскверняйтесь въ языческихъ инуостяхъ. Ибо во всѣхъ сихъ осквернились народы, которыхъ Я Іегова изгоняю предъ лицемъ вашимъ. И осквернилась земля и возненавидѣла земля спящихъ на ней. Вы же сохраните всѣ законы мои и всѣ повелѣнія мои, и не сотворите всѣхъ инуостей сихъ, да не вознегодуетъ и на васъ земля, когда вы оскверните ее, какъ она вознегодовала на народы, бывшіе прежде васъ, и свернула ихъ съ себя* (Лев. 18, 24—28). И поразительно очевиденъ перстъ Божій въ судьбѣ этого прототипа народныхъ судебъ, народа еврейскаго,—какъ эта судьба свершилась по точно-буквальной силѣ этого древняго пророчества. Разъ свергнутый съ отмежеваннаго ему божественнымъ міроправительнымъ вервiемъ удѣла земли, еврейскій народъ, и до нашихъ дней, никакъ не можетъ пристать къ землѣ; никакъ не можетъ стать народомъ земледѣльческимъ, несмотря на многократныя усилія правительствъ. А такъ какъ онъ въ своей массѣ способенъ только пользоваться плодами земли, а не воздѣлывать зем-

лю,—то судьбы исторіи препятствуютъ ему стать и землевладельческимъ, препятствуютъ даже до днесь, несмотря на полагаемое въ основу всѣхъ новѣйшихъ законодательствъ равенство предъ закономъ, не смотря на великія усилія всѣхъ цивилизованныхъ странъ осуществить по возможности повсюду это равенство.

Такимъ образомъ примѣнительно къ вашему исключительному призванію мы объясняемъ вамъ одинъ изъ самыхъ основныхъ догматовъ вѣры,—именно догматъ горняго міроуправленія и распредѣленія людей, народовъ и царствъ по лицу земли то непосредственнымъ дѣйствіемъ самаго Бога, то посредственнымъ чрезъ горнихъ духовъ. Этотъ догматъ, имѣя свою основу въ откровеніи, близокъ чувству и сознанію всего человѣчества. Существованіе особыхъ ангеловъ храниителей не только у каждаго человѣка, но и у цѣлыхъ царствъ, народовъ, городовъ, урочищъ поддерживается не только богооткровенною, но и обще-человѣческою вѣрою. По голосу той же вѣры, какъ и по требованіямъ углубляющейся мысли, общеніе земнаго міра съ горнимъ и одухотвореніе вещественной природы идутъ гораздо глубже и шире, чѣмъ принято думать. Покоренная суетѣ грѣхонъ челоуѣка природа дѣйствительно воздыхаетъ, чая избавленія; но когда грѣхъ переходитъ извѣстную грань нравственнаго паденія людей, тогда природа начинаетъ негодовать, вооружаясь всегубительствомъ, и оскверняемая людскимъ беззаконіемъ земля свергаетъ его съ себя.

Подумайте объ этомъ господа землемѣры. Помните, что когда вы проникаете въ поля и дебри съ вашею землемѣрною цѣпью, надъ головами вашими туда же несутся духи небесные, по указанію перста Божія, съ невидимымъ міроуправительнымъ вервиемъ. Именно перстъ Божій предназначаетъ вамъ, какъ и духамъ небеснымъ, путь вашъ туда

и дѣло ваше тамъ. Тамъ, гдѣ вы проведете вашу землемѣрную цѣпь и поставите ваши межевые знаки, по указанію вашей науки и закона челоуѣческаго,—тамъ уже отбиты удѣлы земли семьямъ и племенамъ, всямъ и городамъ вервиемъ невидимымъ, которое провели прежде васъ ангелы Божіи, по предназначенію перста Божія. Вы наносите на ваши планы предназначенія небесныя. Вы подневольные исполнители предопредѣленій горнихъ. Вы видимо осуществляете незримо совершаемое дѣло Божіе. Помните же это, и поступайте какъ слѣдуетъ исполнителямъ велѣній Божіихъ, какъ достойные подражатели ангеловъ небесныхъ. Да будетъ въ васъ воля Божія на земли, якоже и на небеси.

Осмотритея кругомъ въ пространствѣ и во времени. По древнимъ богооткровеннымъ пророчествамъ, обладаніе землею предопредѣлено по преимуществу Іауетитамъ, это—Европейцамъ, которые вселились въ селенія Симовы духовно, приняли отъ Симитовъ наслѣдіе истинной вѣры въ Бога, а затѣмъ вселяются въ селенія Симовы и вещественно, покоряя своему владычеству не только симитскую Азію, но и весь міръ. То же обѣтованіе широкаго обладанія землею принадлежитъ, конечно, еще въ особой силѣ славяно-русскому племени, которое хранитъ въ себѣ наслѣдіе неприкосновеннѣйшей отце-преданной, апостольской Христовой вѣры. Подумайте, вѣрно ль это? Посмотрите, мы беремъ всѣ царства и земли, какія захочемъ, точнѣе, какія вынуждаемся взять, вынуждаемся ходомъ исторіи, а вѣрнѣе—указаніемъ перста Божія. Если же нашему ширящемуся народному ходу мѣшаютъ, то только своя же браггя, христіане другихъ племенъ и исповѣданій; а нехристіане противятся безсильны. Вотъ съ этой точки, гдѣ стоитъ нашъ городъ, гдѣ раскинулся нашъ край, посмотрите

именно о земельной собственности, откуда происходит множество народных пороковъ, страсть къ захватамъ, сутяжничество и праздношатательство, народная бесчестность и безпечность. Не растлѣвайте народъ расшатываніемъ его религіозныхъ понятій (чему бывали же примѣры), глумленіемъ надъ служителями Божиими, стремленіемъ по мѣрѣ возможности попортить земельныя права церковныхъ учреждений. Вѣдь выходитъ, что отцы расшатываютъ основы нравственно-религіозной, а дѣти подрываются подъ основы гражданской жизни народовъ, къ каковымъ относятся и понятія о собственности. Вѣдь легко относясь къ наиболее освященному въ глазахъ народа праву собственности церковной, приучаютъ легко смотрѣть и на всякое другое право собственности. Чѣмъ и вызываютъ историческую пемезиду. Будьте въ невоздѣланныхъ пустыняхъ свѣточами христіанскаго свѣтлаго разума, христіанской созидающей правды. Будьте свѣтлымъ во тьмѣ ночной отраженіемъ вашихъ прототиповъ небесныхъ, свѣтлыхъ ангеловъ Божіихъ, которые вервѣемъ невидимымъ праведно и человеколюбиво отмежевываютъ предѣлы для жительства всѣхъ народовъ и племенъ, семей и частныхъ лицъ. *Будите убо вы совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.*

О семъ-то теперь и просимъ Бога и призываемъ благословеніе Господне на это новое училище землемѣрія, на васъ, учащіе и учащіеся, на всѣхъ присутствующихъ, на край и на весь міръ Божій. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю 22-ю, по случаю побѣды при Горномъ-Дубнякѣ и кончины благовѣрнаго князя Сергія Максиміановича, на брани животъ свой положившаго.

Сыне, не пренемай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣй, отъ Него обличаемъ. Еюже бо любитъ Господь, наказуетъ, бьетъ же всякаго сына, еюже пріемлетъ... Всякое бо наказаніе въ настоящее время не мнитъ радость быти, но печаль; послѣди же плодъ миренъ наученымъ тѣмъ воздастъ правды (Евр. 12, 5—11).

Это — слово древняго святаго мудреца, подтвержденное и изъясненное словомъ великаго апостола Павла.

Смыслъ сихъ священныхъ словъ, по св. апостолу, таковъ: «сынъ мой! не пренебрегай наказанія Господня, и не унывай, когда Онъ обличаетъ тебя. Ибо Господь, кого любить, того наказываетъ; бьетъ же всякаго сына, котораго принимаетъ за сына. Если вы терпите наказаніе, — то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами. Ибо есть ли какой сынъ, котораго бы не наказывалъ отецъ? Если же остаетесь безъ наказанія, которое всѣмъ общо, которому подвергаются отъ отцовъ всѣ дѣти, то вы не сыны, а дѣти не-

законныя. Всякое наказаніе въ настоящее время кажется не радостію, а печалію; но въ послѣдствіи оно доставляетъ мирный плодъ праведности тѣмъ, которые чрезъ него научены».

Общій смыслъ этихъ словъ вкраткѣ таковъ, что бѣдствія, которыми Богъ наказываетъ людей, для нихъ благотворны.

У древняго святаго мудреца, Іисуса сына Сирахова, мы читаемъ: «чадо, если ты приступаешь работать Господу Богу, уготовь душу твою къ искушенію. Управь твое сердце, и потерпи, и не будь скоръ во время напасти. Все, что будетъ Богомъ послано тебѣ, прими и въ смиреніи своемъ подолготерпи. Ибо какъ въ огнѣ искушается и очищается золото, такъ и люди становятся пріятны Богу въ огненной печи смиренія, искушенія и терпѣнія. Воззрите на древніе роды и посмотрите: кто вѣровалъ Господу и посрамился? Или кто пребылъ въ страхѣ Божіемъ, и былъ оставленъ Богомъ? Или кто призывалъ Бога, и Богъ презрѣлъ его? Нѣтъ, щедръ и милостивъ Господь, и прощаетъ грѣхи, и спасаетъ во время скорби» (Іис. Сир. 2, 1—11).

Смыслъ и этихъ словъ тотже, что бѣдствія для людей благотворны.

Но опытъ человѣчества, но наука, но ученныя книги и ученые люди говорятъ нѣчто противное, именно что бѣдствія придавливаютъ моральную силу человѣка, ожесточаютъ, ступляютъ человѣка, а иногда даже превращаютъ его изъ существа нравственно-разумнаго въ дикое и свирѣпое животное.

Гдѣ же правда? Правда и тамъ и здѣсь.

Слово Божіе разумѣетъ такія условія, при которыхъ человѣкъ переноситъ бѣдствія съ вѣрою въ Бога, съ нравственнымъ мужествомъ и терпѣніемъ. О! Тогда падай на

человѣка самое небо,—онъ пребудетъ неподвижною скалою терпѣнія. Но когда человѣкъ, въ бѣдствіяхъ и напастяхъ, опирается только на собственную силу; когда предается животной страшливости за драгоцѣннѣйшее для животности собственное существованіе; когда колеблется въ вѣрѣ въ Бога, въ вѣчную жизнь и воздаяніе на небесахъ,—тогда въ духѣ человѣка, обуреваемого напастями, не оказывается внутренняго поддерживающаго прямогу его и стойкость стержня; тогда робость животнаго человѣка представляетъ его тростью, вѣтромъ колеблемою, легко пригибаемою до праха земнаго, легко даже втоптываемою и въ грязь.

Вотъ въ недавно прошедшіе дни нависла было надъ нами общая невзгода. На небѣ по всей Россіи висѣли тучи, которыя обдавали насъ, безвременно и упорно, осеннимъ дождемъ и слякотью. По землѣ царилъ всюду сырость и грязь. Отлично уродившійся хлѣбъ стоялъ неубранный, угрожая большимъ количествомъ народныхъ бѣдъ. Что же всего печальнѣе, съ театра войны шли извѣстія за извѣстіемъ, которыя не радовали нашу порывистость. Нѣкоторые изъ порывистыхъ думали пройти въ этой войнѣ иначе, какъ триумфальнымъ шествіемъ до вратъ Константинополя, при всеобщихъ радостныхъ восклицаніяхъ не только избавленныхъ нами нашихъ единовѣрцевъ, но и самихъ враговъ. А эти враги, увь, рѣшились дорого продать свое государственное существованіе, прѣшившись, надѣлали намъ много горя. Тамъ мы потеряли тысячи воиновъ и извѣстныхъ героевъ бойцовъ. Тамъ потеряли другія тысячи воиновъ и извѣстныхъ бойцовъ. Видны на исходѣ войны задержались туманомъ. И напередъ торжествовавшія побѣду сердца потонули трауромъ. Сталъ падать общій духъ... Послышались рѣзкія сужденія. Повѣяло чѣмъ-то въ родѣ ропота. Стали искать виноватыхъ въ нашихъ неудачахъ. Среди

навѣяннаго на всѣхъ унынія, силы предусмотрительнаго сужденія какъ будто не оказывалось. Не оказывалось силы связать въ мысли, сравнить прошедшее съ настоящимъ, оцѣнить настоящее и освѣтить для себя будущее.

Какъ будто никто не хотѣлъ или не могъ разсудить, было-ли намъ легче во всѣхъ прежнія, тяжкія для Россіи эпохи, когда, повинувшись закону народно-государственнаго роста, Россія давала отпоръ враждебнымъ силамъ, чаще же всего тойже самой, давившей насъ враждебной силѣ, которую мы раздавливаемъ теперь въ настоящую войну? Было ли Россіи легче, когда русскіе владетельцы, стародавніе наши князья, великіе и удѣльные, раздавленные этою фанатическою мусульманскою силою, ходили на поклонъ къ татарскимъ ханамъ въ Хиву и Самаркандъ? Было-ли Россіи легче, когда св. князь Александръ Невскій, герой, краса Россіи и человѣчества, побѣдитель Швеціи и Литвы, не только употреблялъ всю силу своего вліянія, чтобъ удерживать въ покорности Монголамъ всю тогдашнюю Русь, но уговаривалъ даже искони вольный Новгородъ покориться хану и платить ему дань? Было-ли Россіи легче, когда Димитрій Донской, съ своими разрозненными силами, выступилъ на брань, на Куликово поле, противу полу-милліонной рати Мамай, предводимой единою опытною въ побоищахъ, деспотическою рукою? Было ли Россіи легче, когда полчища Темерлана, выжегши полъ-Россіи, подошли было къ самой Москвѣ, чтобы сжечь и ее, и только небесная сила защитила Москву, а съ нею и Россію отъ конечной гибели? Было ли Россіи легче, когда царь Иванъ III отважился отказать въ вѣковой дани ханскимъ посламъ, которые требовали ее повелительно въ самой Москвѣ у Краснаго дворцоваго крыльца, и затѣмъ долженъ былъ выступить на рѣку Угру, текущую не далѣе, какъ въ нынѣшней Калужской

губерніи, для отраженія ханскихъ полчищъ, трепеща за жизнь не столько свою собственную, сколько за жизнь государства? Было ли легче Руси, когда царь Иванъ IV покорялъ царства Казанское, Астраханское, Сибирское, громилъ Литву, Польшу, Тевтонскій орденъ, а сзади Крымскій ханъ выжигалъ всю южную Русь до самой Москвы? И смотрите, какъ эта мусульманская сила отступаетъ подъ напоромъ растущей Русской силы. Было ли Россіи легче настоящаго, когда царь Феодоръ Алексѣевичъ вынужденъ былъ давать битву турецкой рати подъ Чигириномъ недалеко отъ Кіева? А все же видите, что въ эту пору мусульманская рать уже не смѣла и думать показаться за Курскомъ подъ Москвою. Было ли легче Россіи, когда царица Софья и Петръ 1-й отбивали Азовъ, когда Петръ 1-й едва не погибъ самъ со всею ратью своею отъ турокъ на берегахъ Прута? А все же съ того времени низовье Дуная навсегда очистилось отъ турецко-мусульманскаго господства. Внутри Россіи, съ тѣхъ поръ мусульманская сила дала себя нѣсколько тяжело почувствовать только разъ, и то лишь опираясь на русскую же бунтующую силу, при Пугачевѣ. Было ли легче Россіи и при великой Екатеринѣ, когда она, воюя съ Швеціею, укрощая Польшу, вѣдря русское вліяніе внутри западной Европы, подавляя Пугачевское шатаніе, уничтожала крымское царство, и нѣсколько разъ вносила оружіе въ самыя нѣдра Оттоманской имперіи, когда главный вождь Екатерины указывалъ ей, что грозный врагъ въ десять разъ сильнѣе соединенныхъ русскихъ силъ, а великая жена—великій мужъ императрица отвѣчала ему безсмертными словами, что римляне не считали враговъ, а только спрашивали, гдѣ они? Тѣмъ не менѣе тогда весь новороссійскій край, съ Крымомъ включительно, окончательно вышелъ не только изъ подъ господства, но и

изъ подъ вліянія турецкой силы. Было ли легче Россіи при Александрѣ Благословенномъ въ 1811 году, когда Благословенный, удеживая Финляндію, налагая руку на Польшу, нѣсколько разъ выдержавъ напоръ силъ Наполеоновскихъ, заключалъ чрезъ Кутузова почетный миръ съ Оттоманскою имперіею, а тутъ уже надвигался на Россію грозный 12-й годъ, съ двадцатью языками Наполеона? Тѣмъ не менѣе этими боями подготовлены независимость Эллинскаго королевства, и полунезависимость Молдавіи, Валахіи и Сербіи. Было ли Россіи легче, даже въ началѣ царствованія въ Бозѣ почившаго императора Николая 1-го, даже послѣ побѣдъ приснопомятныхъ вождей Паскевича — Эриванскаго и Дивича-Забалканскаго, когда нашихъ войскъ вошло въ предѣлы турецкіе въ десять разъ болѣе, чѣмъ возвратилось въ предѣлы Россіи? Тѣмъ не менѣе этою войною укрѣплена владычество Россіи надъ Кавказомъ и Закавказьемъ. Было ли легче Россіи, наконецъ, въ 1853—1856 годахъ, когда въ защиту Турціи выступило полъ-Европы вооруженною силою, а полъ-Европы правственнымъ на насъ давленіемъ и угрозами? Тѣмъ не менѣе за это время Россія приобрѣла безсмертную славу защиты Севастополя, дала отпоръ наиболѣе грознымъ силамъ соединенной Европы, обновилась и окрѣпла гражданскимъ устроениемъ, очистила враждебныя гнѣздилища на Кавказѣ, разгромила Ташкентъ, Бухару, Самаркандъ и Хиву; наконецъ взяла большую полосу земли, бывшую подъ клѣдычествомъ Китайскихъ монголовъ. Видите ли вы логику событій, поворотный кругъ историческаго хода? Сначала мусульманская, монгольская, татарская, турецкая сила напирала изъ Бухары, Хивы, Самарканда, Закавказья, изъ за Балканъ, изъ Крыма, изъ Астрахани, изъ Казани, на Русь до Москвы, до Кіева, до Новгорода и Волыни. Затѣмъ пошелъ обрат-

ный отпоръ Русской силы силѣ враждебной отъ Новагорода, отъ Москвы, отъ Казани, отъ Астрахани, отъ Кіева, отъ Волыни, отъ ново-россійскаго края, отъ Крыма, отъ Кавказа, до глубины Закавказья, до Карса и Эрзерума, до Адрианополя, Наварина и Афона, до Ташкента, Бухары, Самарканда и Хивы, и даже до глубинъ Монголіи. Ясно ли, что должно послѣдовать дальше по естественному развитію историческаго хода?

Ясно, если русскій духъ въ насъ не умеръ, тотъ духъ, которымъ до сего дня росло и крѣпло русское царство. А не умираетъ ли этотъ духъ? Не умеръ ли?

Тутъ-то и припомнимъ вышеприведенныя священныя слова сына Сирахова: Чадо! если ты приступаешь работать Господу, готовишься примѣрно ратовать за крестъ Христовъ, за спасеніе Христовой братіи,—уготовь душу твою къ искушенію. Управь твое сердце и потерпи, и не будь скоръ, не будь нетерпѣливъ во время напасти. Все, что будетъ Богомъ послано тебѣ, прими и въ смиреніи своемъ, когда счастье тебѣ повидимому измѣняется, подолготерпи. Ибо какъ въ огнѣ искушается и очищается золото, такъ и люди становятся пріятны Богу въ огненной печи смиренія. Золото никогда такъ не блеститъ, какъ тогда, какъ раскаляется въ печи. На переливчатые цвѣта его тогда особенно пріятно смотрѣть, — такъ что не отвелъ бы глазъ. Такъ теперь, во дни напасти, восхитительно всматриваться и въ русскій духъ. Въ печи смиренія, искушенія, терпѣнія онъ испускаетъ изъ себя такіе свѣтозарные лучи, которые безъ сомнѣнія приликаютъ въ небо и сливаются тамъ съ духовно-небеснымъ свѣтомъ, возбуждая родственное сочувствіе небожителей,—которые по свѣтозарности своей могутъ итти въ еравненіе съ блескомъ всякой земной, всякой наипрекраснѣйшей исторической славы, возбуждая уми-

леніе внимательныхъ современниковъ, имѣя привлечь, безъ всякаго сомнѣнія, безпристрастное удивленіе и потомства.

Изъ тысячи доблестей укажу ва два подвига.

Во время многодневнаго Шипкинскаго боя, 12-го Августа, въ теченіи сутокъ, турки буквально обсыпали нашихъ воиновъ всякаго рода смертоносными снарядами. Въ этотъ день во многихъ частяхъ было перебито значительное число офицеровъ, такъ что нѣкоторые отряды потеряли ихъ почти всѣхъ. Многіе отдѣлы остались совсѣмъ безъ начальниковъ, однакоже дрались геройски, и сами, по собственному почину, кидались на врага и опрокидывали его въ овраги. Многіе изъ раненыхъ возвращались въ строй немедленно послѣ первой перевязки, и когда кто-либо изъ начальниковъ начиналъ уговаривать ихъ, чтобъ отправлялись въ больницу, то почти общимъ отвѣтомъ въ такихъ случаяхъ бывали слова: «успѣемъ еще. Больницы для другихъ, для тяжелыхъ раненыхъ, а мы легкіе, можемъ еще кое-какъ ружьемъ владѣть. Надо постараться. Время не такое. Все одно умирать». И умирали, геройски умирали. Вообще и начальствующие и подчиненные соревновали другъ другу въ геройствѣ, въ умѣнн умирать стонически и просто. Голодные, измученные, полубольные люди рвались въ бой, начальники впереди. Были случаи, что люди оставались въ строю съ испортившимися ружьями. «Зачѣмъ вы здѣсь остаетесь», — спрашивали ихъ, — «вѣдь вы стрѣлять не можете? — Такъ точно», — отвѣчали они, — «для того и собираемся въ особую команду, чтобы значить работать штыками». Нѣкто изъ начальствующихъ лицъ, въ сумерки обходя расположеніе войскъ, увидѣлъ 17 человекъ простыхъ воиновъ, лежавшихъ за одною изъ нашихъ передовыхъ линій. Они всѣ были убиты. Надъ этою группою убитыхъ одиноко стоялъ офицеръ съ окровавленными лицомъ и ногой, дѣлая честь

проходившему начальнику. «Что это они у васъ? Спать? — спросилъ начальникъ, указавъ на лежащихъ. «Да, спать», — отвѣчалъ офицеръ, — «спать и не проснутся: они всѣ убиты. — А вы что же здѣсь дѣлаете? — «Дожидаюсь своей очереди, это была моя команда», — отвѣчалъ офицеръ тихо и спокойно.

Встань Леонидъ Спартанскій и посмотри, не похожи ли эти люди на тебя? Разница между тобою и ими только та, что на тебя смотрѣли сзади отечество и весь тогдашній свѣтъ, а впереди ожидало тебя историческое безсмертіе, и ты зналъ это. А эти герои знали, что, да, отечество смотреть на нихъ конечно участливо, но смотреть, не различая ихъ одного отъ другаго; что, да, они умрутъ за отечество... и умрутъ, какъ личности, какъ личныя единицы, совершенно для памяти не только потомства, но и современниковъ. Такъ даже имени этого доблестнаго офицера не потрудились записать газета, гдѣ мы прочитали рассказъ объ этомъ, выше чѣмъ спартанскомъ геройствѣ, объ этомъ истинно-русскомъ христіанскомъ самоотверженіи: «дожидаюсь во мракѣ ночи своей очереди быть убитымъ за отечество»... И отечество помянетъ этихъ героевъ только вообще, общою зауспокойною молитвою — «о православныхъ воинахъ, на бранни животъ свой положившихъ» (Моск. Вѣд. № 218). Утѣшимся впрочемъ, — *позна Богъ сущія своя*, — Богъ знаетъ своихъ, и воздастъ каждому по дѣломъ его.

Тутъ въ одномъ объединенномъ случаѣ тысячи подвиговъ, одинъ другаго доблестіе и краше. Но вотъ другой случай.

31-го Августа, подъ Плевною, герой Скобелевъ выдержалъ уже пять жестокихъ нападѣній врага, и все еще держался. Но вотъ въ исходѣ пятаго часа дня, противъ него показались новыя массы турокъ. Впереди ихъ развернулось

большое зеленое знамя, такъ называемое «священное знамя ихъ пророка», и громко раздалось религиозное пѣніе стиховъ: «Алла Аллага или Алла!»! А когда раздается такое пѣніе и развертывается зеленое знамя,—это, по историческому опыту всѣхъ войскъ, воевавшихъ съ мусульманами, значить, что они дѣлаютъ послѣднюю, но самую отчаянную попытку побѣдить или умереть. Вмѣстѣ съ большимъ зеленымъ знаменемъ, надъ ихъ рядами развернулись и всѣ остальные, меньшія знамена. Грянула военная музыка. Религиозный гимнъ подхваченъ всѣмъ строемъ враговъ,—эту величественно-трагическую минуту нужно было видѣть и пережить, чтобы понять,—и подъ его звуки они въ шестой разъ обрушились стромительно на отрядъ Скобелева, ежеминутно слабѣвшій въ числѣ отъ множества убитыхъ и раненыхъ. Есть невозможное и для героевъ. Цѣлыя сутки со вчерашняго дня держался генералъ Скобелевъ на взятой имъ съ бою мѣстности, цѣлыя сутки геройски отстаивалъ ее, въ надеждѣ проникнуть отсюда въ Плевну. Не говоря уже о предшествовавшихъ дняхъ, отрядъ его, ослабленный значительными потерями, измученный перенесенными трудами и лишеніями, голодный и измокшій подъ холоднымъ дождемъ, всю ночь на пролетъ поддерживалъ перестрѣлку съ непріателемъ, въ ежеминутномъ напряженномъ ожиданіи ночнаго нападенія, и наконецъ въ этотъ день эти пять ужасныхъ отчаянныхъ нападеній, одно вслѣдъ за другимъ, почти безъ промежутка, безъ малѣйшей передышки, подъ массою самаго адскаго огня, подъ непрерывнымъ градомъ пуль, отъ которыхъ цѣлыми десятками ежеминутно валились повсюду наши люди,—было наконецъ отчего и сломиться предъ столь неистовымъ и настойчивымъ напоромъ. Для отраженія шестаго нападенія уже не хватало силъ. Суздальскаго полка подполковникъ Мосцевой, котораго Ско-

белевъ назначилъ начальникомъ праваго укрѣпленія, отбилъ всѣ шесть нападеній, направленныхъ на его укрѣпленіе, и окруженный турками, продолжалъ еще держаться въ немъ и тогда, когда мы уже вынуждены были отступить по всей линіи. Самъ генералъ Скобелевъ долженъ былъ лично подѣлать къ этому укрѣпленію и показать знаками, а также крикнуть во весь голосъ приказаніе очистить мѣсто. И только послѣ этого подполковникъ Мосцевой вышелъ отсюда съ горстью своихъ сподвижниковъ, проложивъ себѣ обратный путь штыками. Но еще замѣчательнѣе подвигъ майора владимірскаго полка Горталова, который назначенъ былъ начальникомъ лѣваго укрѣпленія. При назначеніи на это мѣсто, Горталовъ далъ Скобелеву слово, что пока живъ, онъ не сдастъ противнику ввѣренное ему укрѣпленіе. Дѣйствительно, при шестомъ нападеніи, по полученіи приказанія отступить, Горталовъ пропустилъ мимо себя всю часть, защищавшую укрѣпленіе, поручилъ ее другому начальнику, послалъ вслѣдъ уходящимъ людямъ свое благословеніе, перекрестился самъ и спокойно взомелъ на край укрѣпленія лицомъ къ нападающему непріателю. Этотъ человѣкъ остался теперь, среди мертвыхъ и умирающихъ, единственнымъ защитникомъ ввѣренной ему мѣстности. Онъ твердо держалъ данное слово... Безъ шапки, скрестивъ руки на груди, изъ которыхъ въ правой была опущенная сабля, сталъ онъ твердою ногою на наружномъ краѣ укрѣпленія и ожидалъ турокъ или смерти, что въ данномъ случаѣ было одно и то же. Не прошло и минуты, какъ онъ былъ поднятъ на штыки врагами и разорванъ ими на части. Слово было сдержано (Моск. Вѣд. № 225).

Скажетъ кто-либо: странное самозакланіе, бесплодная жертва, бесполезное кровопролитіе? Но въ послѣднюю французскую войну геройская во всю свою исторію нація—

французы—убоялись бесполезнаго кровопролитія при Седанѣ, и предали своего императора, которому присягали, который, уходя на войну, говорилъ, что можетъ воротиться въ Парижъ только побѣдителемъ или мертвымъ. Убоялись бесполезнаго кровопролитія и подъ Мецемъ и предали имперію, которую незадолго предъ тѣмъ голосовали многими милліонами голосовъ. Не сдержали слова,—не такъ, какъ нашъ герой Горталовъ. Здравствующій и понынѣ военачальникъ Парижа, выходя изъ его стѣнъ на окружавшаго непріятеля, далъ обѣтъ побѣдить или умереть, но и не побѣдилъ и не умеръ, убоявшись бесполезнаго же кровопролитія, и предалъ Парижъ. Наконецъ цѣлая армія французовъ, у границъ Швейцаріи, убоявшись того же бесполезнаго кровопролитія, предпочли принятію битвы переходъ, въ видѣ безславныхъ скитальцевъ, въ предѣлы сосѣдней Швейцаріи и предали отечество. Всѣ французы тогда только и знали, что избѣгали бесполезнаго кровопролитія, и опозорили старую воинскую честь Франціи.

У насъ же, слава русскому Богу, единому Всевышнему Богу, русскій духъ, духъ нашихъ доблестныхъ отцовъ, не умеръ. Онъ блеститъ теперь такими яркими радужными цвѣтами, какими блестѣлъ всегда въ лучшія минуты своей исторіи,—даже можно сказать, какими не блестѣлъ никогда, если взять во вниманіе количество отдѣльныхъ поразительныхъ подвиговъ геройства, и большую ихъ сознательность, при большемъ настоящемъ развитіи нашего народа, чѣмъ прежде.

И вотъ еще трогательнѣйшая картина, зрѣлище изъ крайне рѣдкихъ,—этотъ падшій на брани юный герой, рвавшійся впереди всѣхъ и всегда туда, гдѣ оказывалось наиболѣе опасности и требовалось наиболѣе отваги,—этотъ родной племянникъ императора, этотъ императорскій князь,

этотъ юноша—красота... Россія не видала такого зрѣлища, зрѣлища падшаго на брани царственнаго князя со временъ Куликовой битвы... Не видала не потому, чтобъ наши цари и князья жалѣли положить свою жизнь за отечество,—припомнимъ Петра I при Прутѣ,—но потому, что они, какъ вожди народа и воинства, обязаны ее беречь. Эта юная царственная кровь, беззавѣтно пролитая за русское отечество, еще болѣе свяжетъ царя и царствующій домъ съ народомъ и воинствомъ. Этотъ убитый князь всегда будетъ красою нашей исторіи, говоря о великой эпохѣ, въ которую самоотверженіе пылало на Руси такимъ яркимъ пламенемъ отъ хижинъ до императорскихъ дворцовъ. А на небѣ встрѣтятъ его вѣнценосный доблестный дѣдъ и мягкосердая мать распростертыми объятіями, какъ украшеніе своего рода, какъ умиловительную жертву отъ царствующаго дома въ воню благоуханія Господу, Царю царей...

И послѣ этого, когда русскій духъ стоитъ на высотѣ, на какой, быть можетъ, никогда не стоялъ такъ сознательно, можемъ ли мы не побѣдить?... Понадобится, и всѣмъ по единому пойдемъ умирать за царя, за отечество, за вѣру. Умереть одною изъ лучшихъ христіанскихъ смертей—счастіе завидное, старымъ завидное еще болѣе, чѣмъ молодымъ, потому что мы лучше знаемъ цѣну жизни, чѣмъ знаютъ ее юноши.

А пока насъ не зовутъ на брань умирать и побѣждать, протянемъ руки и положимъ на это блюдо, кто что можетъ. Это—также оружіе для брани, и весьма нужное и существенно благотворное.

И за общія наши отъ насъ жертвы Господь порадуетъ насъ окончательнымъ успѣхомъ нашего оружія, поднятаго за святѣйшее дѣло, какъ и порадовалъ уже тремя или

четырьмя великими побѣдами. Вотъ и на небѣ въ эти дни просвѣтлѣло, и въ сердцахъ нашихъ просвѣтлѣло. Воспо-
емъ же не только устами, но и сердцами: *Тебе Бога хва-*
лимъ. Аминь.

Р Ѣ Ч Ъ

23-го Ноября 1879 года, на благодарственномъ молеб-
ствіи о сохраненіи драгоцѣнной жизни благочестивѣй-
шаго государя императора Александра II отъ зло-
дѣйскаго покушенія 19-го Ноября.

Счастье великое, несчастье ужасное и позорное!

При полученіи среди глубокой ночи этой потрясающей
своимъ быстрымъ нежданнымъ повтореніемъ, путающей всѣ
мысли, удручающей чувство вѣсти, подумалось, что тутъ
и къ чему тутъ говорить?! Здѣсь не слова терять, а дѣло
дѣлать нужно. Конечно и словомъ убѣжденія нужно вліять
на убѣжденія. Но слово—мѣра медленная въ своихъ по-
слѣдствіяхъ, хотя и вѣрная. А противъ быстро дѣйствую-
щей руки злодѣевъ нужно пустить въ дѣло быстрыя мѣры
пресѣченія и предупрежденія. Но когда возгласили мы на-
ше благодарственное молебеніе о новой великой милости
Божіей, когда діаконъ началъ читать назначинательный
псаломъ молебствія, подумалось: Боже! Какъ это похоже,
похоже новое настоящее на глубоко-древнее!

Вотъ почти за три тысячи лѣтъ отъ насъ въ избран-
номъ израильскомъ народѣ жилъ царь Давидъ, царь бого-

любезнѣйшій, мудрѣйшій, кротчайшій, самоотверженнѣйшій. Ни одинъ изъ израильскихъ царей не сдѣлалъ своему народу столько добра, сколько Давидъ. Онъ вознесъ Израиля на высшую точку могущества и зрѣлости, такъ что съ того времени Израиль хотя и существовалъ, существовалъ долго, но только падалъ ниже и ниже. И за то ни одинъ изъ царей не встрѣчалъ столько посягательствъ на свою жизнь, сколько Давидъ. Онъ былъ царь-поэтъ и въ поразительныхъ, то радостныхъ, то трагическихъ обстоятельствахъ своей жизни пѣлъ своему Богу вдохновенныя пѣсни, которыми услаждается и поучается лучшая часть человечества вотъ уже три тысячелѣтія, въ которыхъ Давидъ начерталъ въ своемъ лицѣ прототипъ обще-человѣческихъ радостей и скорбей, прототипъ незыблемой вѣры и надежды на Бога среди всѣхъ неожиданностей и превратностей, какимъ такъ много и часто подвергалась эта боголюбезная, поэтическая, царственная личность. Посмотрите же, не похожъ ли царь Давидъ на нашего царя, возлюбленнаго Богомъ, благотворнѣйшаго для народовъ не только своего, но и другихъ, благочестивѣйшаго, кротчайшаго, воистину благословеннаго Александра II? Не похоже ли положеніе одного на положеніе другаго? Мы только повторимъ вамъ только что прочитанный предначинательный псаломъ (*); а вы сами приложите его къ настоящему времени и къ поразительному событію, которое собралось сюда.

Исповѣдайтесь Господеви, славьте Бога, ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его. Да речетъ нынѣ домъ Израилевъ, да рекутъ нынѣ и россійскіе люди, что Богъ благъ, что во вѣкъ милость Его. Да речетъ нынѣ домъ Аароновъ, да рекутъ себѣ и другимъ пастыри и учителя церкви, что Богъ благъ, что во вѣкъ милость Его. Да рекутъ нынѣ всѣ

(*) Псаломъ 117.

боящіеся Бога, что Онъ благъ, что во вѣкъ милость Его. Вотъ я, царь Давидъ, изъ тѣсноты воззвалъ ко Господу, и услышалъ меня Господь и извелъ на широту. Господь мнѣ помощникъ, и не убоюсь, — что сотворить мнѣ челоуѣкъ? Господь мнѣ помощникъ, и безтрепетно воззрю я на враговъ моихъ. Лучше уповать на Господа, нежели надѣяться на челоуѣка. Лучше уповать на Господа, нежели надѣяться на князей, какъ и на всѣхъ окружающихъ, — даже при готовности ихъ пожертвовать самою жизнію они безсильны предусмотрѣть всякую опасность. Цѣлыя народы злобно окружили меня, и именемъ Господнимъ я сопротивлялся имъ и низложилъ ихъ. Обступили меня, окружили меня, но именемъ Господнимъ я сопротивлялся имъ. Окружили меня, какъ пчелы сотъ; яростно разгорѣлись вокругъ меня, какъ огонь на терновомъ кустѣ, но именемъ Господнимъ я сопротивлялся имъ. Толкнули меня сильно, и неразъ, такъ что я превратился, уже терялъ равновѣсіе и готовъ былъ упасть, но Господь самъ принялъ меня въ свои объятія и поддержалъ. Крѣпость моя и пѣніе мое Господь, и былъ мнѣ Господь во спасеніе. И вотъ въ жилищахъ праведныхъ богобоязненныхъ людей гласъ радости о спасеніи, потому что десница Господня явила силу. Десница Господня вознесла меня, десница Господня и силу сотворила. Вопреки злему умыслу враговъ моихъ не умру, но буду жить и возвѣщать дѣла Господни. Многими опасностями искусилъ меня Господь, но смерти не предалъ меня. Отворите же мнѣ врата правды; — я войду въ нихъ и прославлю Господа, воздавъ врагамъ моимъ должное по суду и правдѣ, хотя и съ милостію... Исповѣдаюсь Тебѣ, славлю Тебя, Господи, за то что Ты услышалъ меня и былъ мнѣ во спасеніе. Камень, который отвергли строители, который хотятъ извергнуть самовнителные строители будущаго воображае-

маго общества, сей камень и будетъ, какъ и былъ и есть во главу угла. Въ основу онъ положенъ самимъ Господомъ и дивенъ, облеченъ величіемъ и славою, въ очахъ нашихъ. Сей день, егоже сотвори Господь,—возрадуемся и возвеселимся въ онъ. О Господи, спаси же! О Господи поспѣши же съ помощію, нынѣ и всегда! Раздаются клики: благословенъ грядый во имя Господне, царь народа богоизбраннаго! Благословляемъ Тебя грядущаго цари нашего всѣ мы, собравшись въ дому Господнемъ. Богъ Господь явился намъ и осіялъ насъ. Составимъ же праздникъ, поспѣшая съ жертвами хвалы и благодаренія къ жертвеннику Божію. Всѣ съ царемъ нашимъ во главѣ воскликнемъ: Богъ мой еси Ты, и вознесу Тя. Исповѣдуемся Тебѣ и славимъ Тебя Господи за то, что Ты услышалъ насъ и былъ намъ во спасеніе. Всѣ исповѣдайтесь Господеви, яко благъ, яко въ вѣкъ милость Его. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

на молебствіи при открытіи мѣщанской богадѣльни
въ г. Уфѣ. Ноября 23-го 1879 года.

Утомлять васъ многоглаголаніемъ не станемъ. Но неудобно и промолчать при такомъ поразительномъ совпаденіи, когда вы именно сегодня подносите благочестивѣйшему Государю эту богадѣльню, учрежденную въ память избавленія драгоцѣнной жизни его отъ злодѣйскаго покушенія 4-го Апрѣля (*). Да и скажемъ нѣчто способное принести отраду, потому что скажемъ не свое, а Христово слово, да и Христово слово особо утѣшительное и ободряющее.

Раскроешь вотъ евангеліе на любой страницѣ, и чувствуешь, что всякая строчка тамъ, всякое слово есть перлъ, безспорный, обще-признанный, безцѣнный перлъ. И глядя на все привычнымъ окомъ, не различаешь, который изъ этихъ перловъ блеститъ ярче. Но бываетъ, что иной вдругъ поразить тебя особымъ блескомъ, какъ бы какимъ озареніемъ. Я говорю о собственныхъ впечатлѣніяхъ, и однимъ

(*) Извѣстіе о новомъ злодѣйскомъ покушеніи 19 Ноября 1879 года (взрывъ на желѣзной дорогѣ подъ Москвою) въ Уфѣ получено было въ полночь съ 22 на 23-е Ноября. И молебствіе при открытіи означенной богадѣльни отправлялось сразу по совершеніи въ каедральномъ соборѣ благодарственнаго молебствія о новой милости Божіей, явленной въ сохраненіи драгоцѣнной жизни богохранимаго возлюбленнаго монарха нашего Александра II.

изъ таковыхъ позволяю себѣ подѣлиться съ вами теперь и здѣсь. Надѣюсь, что изъ моего указанія вы вынесете для себя утѣшеніе и урокъ, подобные тѣмъ, какіе вынесъ я.

Къ сожалѣнію, даже самые усердные и постоянные по-сѣтители Божіихъ службъ бываютъ въ храмѣ Божіемъ больше по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а рѣдко по буднямъ. Оттого всѣ мы больше прислушались и привыкли къ праздничнымъ евангельскимъ чтеніямъ, а о другихъ забываемъ. Между тѣмъ на будніе дни падаетъ большая часть евангельскихъ чтеній. И нѣкоторые изъ нихъ тѣмъ поразительнѣе, чѣмъ рѣже ихъ слышишь. Вотъ именно на дняхъ моего самага, почивающаго на законѣ, поразило одно такое чтеніе. Оно состоитъ изъ немногихъ словъ, какъ и большая часть евангельскихъ чтеній. Но прислушайтесь, и оцѣните.

Оно касается благотворности милостыни для самихъ благотворящихъ. Безъ сомнѣнія, многіе изъ васъ помнятъ не мало уроковъ Христа Спасителя о милостынѣ. Но помните ли именно этотъ?

Когда Христосъ Спаситель кончилъ одну изъ своихъ бесѣдъ къ народу, одинъ фарисей просилъ Его къ себѣ обѣдать. Христосъ пришелъ и возлегъ. Прибавимъ отъ себя, что на востокѣ тогда не садились за обѣденный столъ, а возлежали около стола, обыкновенно низкаго, на полъ грудью и лицомъ къ столу, опираясь локтемъ на подушки, а ноги отбрасывая въ противоположную сторону. Въ тоже время былъ тамъ же, какъ и до сихъ поръ сохраняется, равнявшійся закону, обычай передъ обѣдомъ совершать омовеніе рукъ. Безъ сомнѣнія, провидя урокъ, который преподастъ, Христосъ пришелъ и прямо возлегъ, не умывъ рукъ. Хозяинъ фарисей удивился, увидѣвъ, что Христосъ не умылъ рукъ предъ обѣдомъ. Быть можетъ, хозяиномъ сдѣлано бы-

ло и замѣчаніе. Но Господь читалъ и въ сердцахъ человѣческихъ. И сказалъ фарисею: нынѣ вы, фарисеи, внѣшность чаши и блюда очищаете; а внутренность ваша исполнена хищенія и лукавства. Неразумные! Не тотъ ли, кто сотворилъ внѣшнее, сотворилъ и внутреннее? Какъ вы, фарисеи, хотите угодить Богу, очищая внѣшнее, умывая руки, и оставляя внутреннее полнымъ нечистоты, оставляя душу полною скверны?.. Однакоже, подавайте милостыню изъ того, что есть у васъ,—и тогда все будетъ у васъ чисто.

Этимъ и окончивается евангельское чтеніе. Это мы и хотѣли вамъ напомнить. Чтобы крѣпче почувствовать силу слова Христова, прочитаемъ еще дальше по евангелію нѣсколько строкъ. Горе вамъ, фарисеямъ,—продолжаетъ Господь,—что вы даете десятину съ мятъ, руты и всякихъ овощей, а не радите о судѣ и любви Божіей; сіе подобало творить, и того не оставлять. Горе вамъ, фарисеямъ, что любите предсѣданія въ синагогахъ и привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что вы, какъ гробы скрытые, надъ которыми люди ходятъ, и того не знаютъ (*).

Теперь объяснимъ. Кто такіе были фарисеи, мы знаемъ. Еврейское общество того времени умирало и разлагалось, сперва нравственно, а затѣмъ и политически. Во главѣ же этого разлагающагося общества стояли фарисеи, которые носили личину святости, а въ сущности были великіе грѣшники, корыстолюбцы, честолюбцы, неправедные, немилосердые. Горе же тебѣ, фарисей,—учитъ Спаситель,—что ты моешь руки, очищаешь внѣшнюю сторону блюда, думая угодить этимъ Богу, но не заботясь, чисто-ль оно внутри;

(*) Лук. II, 37—44.

а внутренность твоя полна грабленія и лукавства. Но твори милостыню,—и тогда все въ тебѣ будетъ чисто. Горе тебѣ, фарисей, что ты подаешь на храмъ установленную десятину съ дешевыхъ вещей, съ мяты, съ руты и всякихъ овощей, а забылъ ты правду и любовь Божию, грабишь многихъ, обижаешь всѣхъ, кого осилишь. Но твори милостыню,—и тогда все въ тебѣ будетъ чисто. Горе тебѣ, фарисей, что ты любишь предсѣданія въ синагогахъ и привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ; ты тщеславенъ, ты самолюбивъ, ты гордъ. Но твори милостыню,—и тогда все въ тебѣ будетъ чисто. Горе тебѣ, книжникъ, фарисей, лицемеръ, что ты, какъ гробъ скрытый, полный костей мертвыхъ и всякія нечистоты, надъ которымъ люди ходятъ, не зная того, какъ ты омерзителенъ и ужасенъ. Но твори милостыню,—и тогда все въ тебѣ будетъ чисто. Конечъ слова Христова: всѣ вы грѣшны, но творите милостыню,—и тогда все въ васъ будетъ чисто.

И вотъ вы сотворили милостыню, сдѣлавъ Бога дѣла сіе хорошее дѣло,—устроивъ сію богадѣльню для бѣдныхъ, для старыхъ, для немощныхъ. И за это въ васъ многое чисто будетъ, по слову нашему. *И се вся чиста вамъ будутъ*, по слову Христову. Потому что, по другому слову Христову, *кто напоитъ единого отъ малыхъ сихъ чашею холодной воды, во имя Христово, аминь глаголю вамъ,—увѣряетъ самъ Христосъ,—и тотъ не погубитъ мзды своей*. У Бога и малое наше пойдетъ за большое. Двѣ лепты вдовицы снискали ей похвалу отъ Бога и безсмертную славу у людей. Конечно, не самообольщайтесь легкостію спасенія. Но милостыня съ вѣрою во Христа привлечетъ съ собою родную сестру свою, покаянную молитву. А молитвы наши и милостыни взыдутъ предъ Бога и преклонять

Его на милость устроить наше спасеніе, имже самъ Онъ вѣсть судьбами.

Вотъ еще евангельское слово о томъ же. Случилось Иисусу притти въ домъ одного изъ начальниковъ фарисейскихъ вкусить хлѣба. Иисусъ сказалъ позвавшему Его: когда дѣлаешь обѣдъ или ужинъ, не зови друзей своихъ, ни братьевъ твоихъ, ни родственниковъ твоихъ, ни сосѣдей богатыхъ, чтобъ и они тебя позвали и ты получишь воздаяніе. Но когда дѣлаешь пиръ, зови нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ. И блаженъ будешь, что они не могутъ воздать тебѣ. Ибо воздастся тебѣ въ воскресеніе праведныхъ.

Старые русскіе, наши предки буквально такъ и поступали, по слову Христову. Въ урочные дни, въ урочные праздники, во дни семейнаго счастія и особенно горя, особенно же во дни поминовенія близкихъ родныхъ, устраивали столы, за которые сажали всякихъ нищихъ и угощали ихъ по мѣрѣ силы. А кто не могъ творить такую широкую милостыню, обходился милостынею поручною, подавая грошамъ, кусками хлѣба и т. д. Ушло (впрочемъ еще не совсемъ) это доброе, старое время и унесло старые русскіе христіанскіе обычаи. Пришло новое время и принесло свои, но добрые же христіанскіе обычаи. Преклоняемся предъ почтенною отеческою стариною; но благословляемъ и новое доброе. Наши предки поддерживали своихъ нищихъ Христа ради по своему времени, какъ умѣли. Мы оберегаемъ Христа же ради бѣдноту нашего времени, какъ умудряетъ насъ вѣковой опытъ, на которомъ утверждаются настоящія правительственные и законодательныя относительно нищенства мѣропріятія. Конечно, система нашего времени не вполне удовлетворитъ запросу, какъ показываетъ опытъ другихъ старѣйшихъ народовъ, какъ впрочемъ и старо-русская си-

стема не удовлетворяла. Но разумности и цѣлесообразности въ ограниченіи нищенства нельзя не признать. Бѣднаго калѣку, разореннаго бѣдняка, неспособнаго къ работѣ, ослабѣвающаго старца обязана призрѣть во первыхъ собственная семья, обязана призрѣть далѣе собственная община; а не слѣдуетъ пускать нищаго по міру, гдѣ прежде цѣлыя толпы нищихъ слонялись чуждыя всѣмъ, часто умирали, заброшенные безпріютно, а нерѣдко погибали и въ нравственномъ безобразіи. А теперь подумайте, сколько цѣлесообразнаго, сколько прекраснаго, сколько христіанскаго въ одномъ этомъ учрежденіи богадѣльни. Вамъ учредителямъ Бога-дѣля, Христа ради, какъ и всѣмъ будущимъ благотворителямъ этой богадѣльни, самъ Христосъ на страшномъ судѣ скажетъ: алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть, въ лицѣ сихъ братій моихъ меньшихъ; жаждалъ Я, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли и пріютили Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; былъ боленъ, и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ, въ темныхъ лачугахъ, въ грязныхъ углахъ, недалеко и отъ темницы бывалъ, и вы пришли ко Мнѣ и принесли Мнѣ помощь, отраду и упокоеніе. Аминь глаголю вамъ: поелику вы сдѣлали сіе симъ братіямъ моимъ меньшимъ, то сдѣлали Мнѣ.

Меньшая братія Христова! Бѣдный Лазарь ангелами отнесенъ былъ на лоно Авраама, какъ праведный, мимо богатыхъ неправедныхъ. Вамъ остается теперь одно дѣло въ жизни,—святое и праведное дѣло,—молиться. Благословите же Бога. И помолитесь за государя царя,—во имя его вы здѣсь упокоены. А ему нужны молитвы за него всѣхъ богобоязненныхъ душъ. Помолитесь и молитесь также и за всѣхъ благотворящихъ вамъ дѣломъ, словомъ и хотѣніемъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

въ день столѣтняго поминовенія въ Бозѣ почившаго благочестивѣйшаго великаго государя императора Александра I, 12-го Декабря 1877 года, въ уфимской градской Александро-Невской церкви, заложенной самимъ Благословеннымъ.

Празднуя столѣтній юбилей со дня рожденія въ Бозѣ почившаго благочестивѣйшаго государя императора Александра I, Благословеннаго, мы поставляемся въ почтительномъ,—болѣе того, въ благоговѣйномъ, болѣе того—въ благоговѣйно-удивленномъ созерцаніи предъ личностію, которая была не только однимъ изъ величайшихъ историческихъ дѣятелей, самодержцевъ, воителей, политиковъ, законодателей, носителей и представителей образованія, эстетики и гуманности, вѣрнѣйшихъ слугъ высшаго обширнѣйшаго долга,—личностію, которая была однимъ изъ сердобольнѣйшихъ милосердыхъ людей, привлекательно-очаровательныхъ людей,—къ которой наиболѣе приложимо слово міроваго поэта: «человѣкъ онъ былъ»,—но предъ личностію, которая была въ своемъ родѣ почти единственною въ мірской исторіи, да, единственною для своего исключительно-высокаго мірскаго положенія, одиночною въ смыслѣ именно христіански-психологическомъ, въ смыслѣ исканія высшаго нравственнаго совершенства, въ смыслѣ глубочайшаго преклоненія предъ идеаломъ христіанской любви,

въ смыслѣ незаглушимой тоскливости по отечеству горнему, въ смыслѣ тяготѣнія не къ землѣ, а отъ земли къ небу... Въ русской исторіи мы знаемъ властителей того же духа и направленія въ лицѣ только благочестиваго царя Θεодора Іоанновича, въ лицѣ святыхъ великихъ князей Александра Невскаго и равноапостольнаго Владиміра; а въ европейской французской исторіи видимъ только Людовика IX. Но сіи благочестивыя, стремившіяся къ святости личности шли къ небу, по духу своего вѣка, проще, откровеннѣе, прямѣе и, быть можетъ, быстрѣе. За то онѣ не являютъ въ себѣ ни того широкаго развитія духа, ни того совмѣщенія въ духѣ несовокупимыхъ контрастовъ, ни того психическаго трагизма, какіе поражаютъ насъ въ Александрѣ Благословенномъ.

Не находя для него равенствъ въ исторіи мірской, мы усматриваемъ для него три, четыре аналогіи въ исторіи священной; усматриваемъ тамъ не равенства,—такъ какъ сравниться съ величайшими по святости лицами трудно,—а именно аналогіи, которыя проливаютъ свѣтъ на загадочную и пока неразгаданную личность Благословеннаго. И такъ какъ сегодня на всемъ пространствѣ широкой Россіи, предъ очами десятковъ и сотенъ тысячъ слушателей, наши лучшіе умы наведутъ на героя дня тысячи свѣточей, конечно своихъ, мірскихъ, съ разныхъ обыкновенно-историческихъ точекъ зрѣнія; мы же, по свойству нашего служенія и сего священнаго мѣста, обязаны навести для васъ, на тотъ же возвышенный предметъ, свѣточъ именно священный, съ точки зрѣнія не исторіи администраціи или каноники церковной, что уместно и предположено сегодня же въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, а именно съ точки зрѣнія божественнаго откровенія и освѣщаемой имъ человѣческой психологіи,—то и поставимъ личность Александра Благословеннаго, для освѣщенія ея свѣтомъ богооткровен-

нымъ, между сосредоточенными на нее зеркалами нѣкоторыхъ священно-историческихъ аналогій.

(Затѣмъ съплана краткая характеристика нѣкоторыхъ чертъ изъ жизни и дѣятельности Моисея, Или, Давида, Соломона и апостола Павла).

Всѣ сіи черты всѣхъ сихъ возвышеннѣйшихъ и святѣйшихъ личностей, въ большей или меньшей мѣрѣ, могутъ быть приложены и къ Александру Благословенному.

Мы сказали, что душа его исполнена была контрастовъ, отчего и судьба его полна поражающаго трагизма,—полна того страданія, о которомъ близкій къ престоламъ мыслитель сказалъ, что если много страдаютъ люди обыкновенные въ скромной долѣ, то тѣмъ болѣе страдаютъ вѣнценосцы, сѣдящіе на престолѣ.

Сынъ наслѣдника, самъ наслѣдникъ престола, внукъ вѣнценосной бабки, повелительницы обширѣйшаго въ мірѣ царства, самой великой, образованной и мудрой изъ женщинъ, какая когда-либо возсѣдала на престолѣ, богато одаренный отъ природы тонкимъ разумѣніемъ, Александръ Благословенный наученъ былъ, крайне заботливо, всей мудрости своего вѣка, подъ высоко мудрымъ, просвѣщеннымъ и предусмотрительно-благонамѣреннымъ вліяніемъ своей бабки, подъ строго-религіознымъ воздѣйствіемъ своего горячаго сердцемъ отца, подъ наставническимъ руководствомъ возвышеннѣйшихъ и благороднѣйшихъ европейскихъ и русскихъ умовъ. Но какъ Моисей въ мудрости египетской, такъ и Александръ въ своемъ высокомъ образованіи не узрѣлъ Бога отцовъ своихъ. Покрайней мѣрѣ, это самъ онъ признавалъ. По указанію бабки, воспитатели указывали ему Бога. Но малозначительный, неблестящій отечественный законоучитель его тонулъ тѣнью въ прославленномъ блескѣ главнаго наставника его, велико-ученаго мужа, ли-

берала, даже республиканца по родинѣ и по убѣжденію, философа XVIII вѣка, который ставилъ себѣ задачею руководить своего царственнаго питомца, будущаго самодержца святой православной Руси, если не по буквѣ, то по духу естественной религіи и божественнаго міровоззрѣнія Руссо и другихъ, только-что не безбожныхъ философовъ того же XVIII вѣка. Но образъ Божій, который силились начертать на скрижаляхъ, не столько ума, сколько сердца царственнаго отрока, въ духѣ этой естественно-философской религіи, расплывался въ неуловимомъ туманѣ болѣе утѣшительныхъ, чѣмъ устрашающихъ и строго обязывающихъ правоученій привлекательно-гуманной, но нестѣснительной морали, которая, исключая всякую, особенно же пугающую догму, допускала широкія сдѣлки не только съ чувственностію, не только съ эгоизмомъ, но и съ жесткимъ произволомъ, во имя общественной всегда, а нерѣдко и личной пользы и необходимости. Между тѣмъ обаяніе такого, во многомъ прекраснаго и даже возвышеннаго воспитанія одѣло нѣжную отъ природы душу питомца такимъ чарующимъ, вызывающимъ призраки и иллюзіи туманомъ, что только грозы послѣдующей обильной бурями жизни мало по малу развѣяли это очарованіе.

Какъ Ілія на горѣ Хоривѣ, Александръ Благословенный съ той высоты, на которой судьба поставила его самымъ рожденіемъ, въ дѣтствѣ и ранней юности видѣлъ, какъ на вершинахъ человѣческихъ обществъ легкій сначала вѣтеръ моднаго французскаго острословія и смѣхотворства, осмѣившаго дворскіе обычаи, семейныя обязательства, уставы и учрежденія церкви,—вѣтеръ мало по малу крѣпчавшій уже въ философско-критическомъ мышленіи, отрицавшемъ личное божество и промыслъ, исторію и догматы христіанства, обязательства и уроки христіанской нравственности, предпи-

санія о покорности и преданности родителямъ, о вѣрности супружеской,—вѣтеръ болѣе и болѣе ожесточавшійся, мало по малу охватывавшій и низменности человѣческаго общества, превратившійся наконецъ въ яростный вихрь,—видѣлъ, какъ этотъ вихрь началъ сокрушать горы, какъ съ самой высшей вершины тогдашняго человѣческаго общества полетѣло внизъ разбиваясь все легкое,—какъ потряслись всѣ учрежденія гордой французской монархіи,—какъ падали головы не только высшей знати, но и королевскія,—какъ рухнулъ тропъ Людовиковъ XIV, XV, XVI,—какъ разнесены были опозоренные латинскимъ фарисействомъ алтари,—какъ, ужаснувшись этого вихря, сама мудрая Екатерина ухватилась за жесткія мѣры стѣсненія мысли,—какъ ограждался отъ него рѣшительный Павелъ I,—какъ колебались и въ Россіи стародавній духъ отцевъ, стародавніе отеческіе уставы, обычаи и нравы, самый говоръ отечественный, самый языкъ прирожденный, замѣненный говоромъ иностраннымъ, который сталъ роднымъ нашему перерождавшемуся вельможеству и дворянству. Видѣлъ все это Благословенный, и сильнѣйшія изъ этихъ впечатлѣній юности остались тяжелымъ призракомъ его воображенія до минуты смерти. Видѣлъ, но Бога не усмотрѣлъ въ этомъ вихрѣ, потому что въ немъ для не углубленнаго взора явно было пока только торжество нечестія, а рука Божія, попускавшая это торжество, пока еще была сокрыта.

Видѣлъ далѣе, какъ за грознымъ вихремъ послѣдовало землетрясеніе, которое колебало уже не только вершины, но и основы человѣческихъ обществъ,—какъ народы возстали на самыя досточтимыя, священные и неприкосновеннѣйшія историческія учрежденія,—какъ на престолѣ Бога Вседержителя посажена была богиня разума въ лицѣ нескромной женщины,—какъ стала работать гильотина надъ

десятками тысячъ человеческихъ головъ,—какъ избивались поголовно населенія цѣлыхъ городовъ,—какъ ниспровергались древнія царства въ Италіи, въ старо-германской имперіи, въ Пруссіи, Даніи, Нидерландахъ, Испаніи,—какъ папа изъ ватиканскаго духовно-мірскаго владыки, духовно-мірскаго самозваннаго намѣстника Божія на землѣ, превращень былъ, руками духовныхъ сыновъ своихъ, во французскаго узника,—какъ соборъ св. Петра въ Римѣ едва не превратился въ языческій пантеонъ,—какъ во Франціи коренканскій римско-католическій отступникъ отъ Христа вознесенъ былъ на императорскій тронъ, и изъ рукъ самаго папы коронованъ былъ вѣнцомъ Карла Великаго,—какъ этотъ консулъ-императоръ, громко отрицавшій ниспровергнутае христіанство въ принципѣ, вводилъ его, какъ государственную религію, своими покровительственными декретами,—какъ посылалъ упорствовавшихъ въ безбожіи своихъ генераловъ въ церкви приказами главнокомандующаго, и величался прозвищемъ возстановителя алтарей. Видѣлъ это Благословенный; но и тутъ еще трудно было усмотрѣть Бога; и тутъ была еще оргія нечестія, странно рядившагося въ священную мантию историческаго христіанства.

Съ содроганіемъ видѣлъ затѣмъ, какъ загорѣлись нескончаемыя войны, какъ запылали города и веси, какъ зардѣлась по землѣ кровь миллионовъ юнаго, крѣпкаго человечества, истерзаннаго страшнымъ богомъ войны, истерзаннаго для міража славы, а въ сущности для насыщенія тщеславія честолюбца, который не скрывался, что смотритъ на своихъ воиновъ, какъ на пушечное мясо. Александръ, властитель громадной имперіи, рыдалъ чуть не кровавыми слезами, видя на поляхъ Аустерлица массы своихъ войскъ избитыми, чувствуя со стыдомъ и горестію неодолимость воинскаго генія Наполеона. А послѣ побоищъ Прейсишъ-

Эйлау и Фридланда, гдѣ навалены были цѣлыя груды побитыхъ воиновъ, нашихъ и чужихъ, Благословенный вынужденъ былъ не только уступить силѣ этого роковаго генія, но и не безъ сочувственной почтительности преклониться предъ его небывалою въ мірѣ высотой, даже увлечься его обаяніемъ и подъ его чарами вершить міровыя дѣла, вопреки своимъ склонностямъ и, какъ оказалось, даже пользамъ государства.

Но и въ этомъ пламени войны Благословенный пока еще не прозрѣлъ Бога. Напротивъ, это была та наиболѣе опасная година предъ грознымъ 12-мъ годомъ, когда «мы, ни во чтоже вѣнчивше отеческая преданія, противъляли Бога отцевъ преклоненіемъ предъ преданіями чужеродными, когда мы ревновали о наставленіяхъ иноземцевъ, въ которыхъ увидѣли затѣмъ враговъ бѣлыхъ и звѣроправныхъ». И только когда запылалъ староотеческій престольный градъ, полная старо-русской святости и всякихъ священо-историческихъ преданій Москва,—только въ заревѣ Москвы, по приснопамятному слову самаго Благословеннаго, онъ узрѣлъ Бога,—Бога не только общечеловѣческаго, въ неувимыхъ оцѣтканіяхъ, но и Бога отцевъ своихъ, въ ясныхъ и опредѣленныхъ свято-отеческихъ завѣтахъ.

Конечно и здѣсь, какъ Моисей на Синаѣ, Благословенный узрѣлъ Бога не лицомъ къ лицу,—«не бо узрѣть человѣкъ лице Божіе и живъ будетъ»,—но узрѣлъ только задняя грозной сокрушающей славы Божіей, когда супостатъ нашъ показалъ намъ свой хребетъ, когда ледяныя пустыни широкой Руси, отъ Москвы до Вильны, врагъ усталъ сотнями тысячъ своихъ изуродованныхъ труповъ, когда Благословенный самолично нашелъ, въ виленьскомъ госпиталѣ и около него на площадяхъ и улицахъ, цѣлыя свирды уже гнилыхъ вражескихъ труповъ, а между ними множе-

ство и полусогнившихъ, искаженныхъ, зловонныхъ и зара-
зительныхъ, хотя еще и живыхъ. Яснѣе же, оцутительнѣе
узрѣлъ онъ Бога, когда по многимъ, хотя и естествен-
нымъ, но промыслительно направленнымъ, а сверхъ того и
по нѣкоторымъ таинственнымъ указаніямъ свыше, преодо-
лѣвъ тысячи преткновеній, поставленныхъ ему на пути не
только врагами, но и друзьями, достигъ онъ Парижа и бла-
гоговѣнно поклонился Богу отцовъ своихъ на молебствіи въ
первый день свѣтлой пасхи, на площади Согласія, гдѣ не
такъ давно пала голова мученика-короля Людовика XVI,
и посажена была на престолъ Божій позорная богиня ра-
зума. Тутъ, да, и мы русскіе увидѣли, и «всѣ народы ви-
дѣша въ насъ, что Богъ небесный есть единъ Богъ, и
нѣсть развѣ Его, что Онъ убіетъ и жити сотворить, и
нѣсть, иже изметъ изъ руку Его»...

Но самое исканіе Бога истиннаго,—исканіе, которому
Благословенный такъ усиленно, такъ порывисто, такъ не-
отступно предавался во всю остальную свою жизнь, сви-
дѣтельствуешь, что душа его еще не была насыщена вѣрою,
достойною боговидѣнія. Для этого онъ долженъ былъ пере-
жить еще много тяжкихъ уроковъ, чтобы разочароваться во
всемъ земномъ и воспарить душою къ небу.

Трудами, страданіями и самопожертвованіемъ освободивъ
Европу отъ ненавистнаго французскаго ага, возстановивъ
древніе престолы, усиливаясь связать народы, царей и цар-
ства священнымъ союзомъ христіанской любви, стремясь
направить народы къ развитію, въ духѣ исторіи, въ духѣ
свободы христіанской, примиренной съ покорностію истори-
ческой, богопоставленной власти, въ духѣ сыновней любви
къ боговѣнчаннымъ монархамъ,—Благословенный, за свои
благія дѣла и желанія, встрѣчалъ нерѣдко кругомъ, осо-
бенно же въ русскаго отечества, мягкія слова на языкѣ,

и опасную неблагодарность на дѣлѣ. Когда врагъ поносилъ,
онъ, какъ Давидъ, переносилъ это; когда ненавистникъ ве-
личался передъ нимъ, онъ употреблялъ свои мѣры укрыть-
ся отъ его превозношенія. Но стало невыносимо и для его
благодушія, когда стали коварствовать противъ него друзья
и союзники. И ему невыносимо тяжело было увѣриться опы-
томъ, что уста ихъ были мягче масла, а въ сердцахъ ихъ
злые умыслы,—что слова ихъ были нѣжнѣе елей, но при-
ходилось беречься ихъ, какъ острыхъ стрѣлъ, какъ обна-
женныхъ сокрытыхъ мечей. Обязанный ему тронъ Людо-
викъ XVIII оскорблялъ его совсѣмъ не по царски. Союзни-
ки, которыхъ царства были возстановлены имъ отъ раз-
грома, тотчасъ по минованіи бѣды, разставили было ему
коварную сѣть, въ которую онъ не запутался, благодаря
только указаніямъ убѣждавшаго съ Эльбы своего недавняго
врага. Главный руководитель будто бы дружественной по-
литики, Меттернихъ, и на гробъ Его кинулъ мягкое, какъ
елей, но острое и ѣдкое, какъ отравленная стрѣла, слово:
«кончился романъ *»), теперь начинается исторія». Отрадно
ли было сознаться, что жертвуя собою и своими благотво-
реніями чужимъ противъ ихъ воли?!

Сколько положилъ онъ сердечныхъ усилій, особенно въ
первую половину царствованія, дать не только благоустрой-
ство, но и свободныя учрежденія своимъ народамъ? Поль-
скому народу онъ и далъ было такую широкую свободу, какой
тотъ не имѣлъ при своихъ природныхъ короляхъ. У серд-
ца своего, у кормила правленія, многіе годы онъ отогрѣ-
валъ... не скажемъ—польскую змѣю, но польскаго закла-
таго патріота, который мечталъ его руками оторвать поль-

*) Произвольное, согласно идеалу, сочиненіе жизни народовъ.

Россіи до Днѣпра, для своей ойчизны, и не оторвалъ, благодаря во-первыхъ, если только не исключительно, отважному гражданскому мужеству русскаго патріота мыслителя. А легко ли было склониться предъ этимъ мужествомъ подданнаго предусмотрительности и великодушію самодержца, который мнилъ привязать искони враждебный народъ любовію къ своему престолу? Въ нѣдрахъ самой Руси, въ одной части любителей старины, онъ слышалъ громкій ропотъ на отважность нововведеній, видя въ тоже время, какъ Давидъ видѣлъ въ свою пору, беззаконіе и распри, обманъ и лихоимство, не мало бѣдъ и золь, въ городахъ и весяхъ по всему широкому пространству царства, отъ самаго нестроенія въ законахъ и въ соотношеніи властей; а въ другой части мечтательныхъ новолюбцевъ, къ крайнему изумленію и отвращенію, открылъ тайныхъ черно-неблагодарныхъ ему, за его благость, враговъ, первоначальниковъ той крамолы, которая силится ниспровергнуть весь государственный, завѣщанный исторіей порядокъ. Душа Благословеннаго была потрясена, и глубокое уныніе проводило его даже во гробъ, ускоривъ самую кончину этого благостнѣйшаго вѣнценосца.

Превосходно воспитанный въ юности высоко-мудрою своею бабкою, Александръ Благословенный и въ мужескомъ возрастѣ, какъ Соломонъ мудрый, вдалъ свое сердце, чтобы испытать мудростію все, что дѣлается подъ небомъ, особенно же то, что нужно сдѣлать для своего мало-образованнаго, въ огромномъ большинствѣ, темнаго народа. Въ этомъ стремленіи онъ, кромѣ того, что лучшія сокровища наукъ и искусствъ имѣлъ подъ руками въ своихъ престольныхъ городахъ, и осматрѣлъ собственными очами въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ; кромѣ того, что входилъ въ личныя и иногда даже близкія сношенія съ самыми славными служи-

телями наукъ и искусствъ за границею,—онъ и въ своемъ государствѣ окружилъ-было себя высшими, какіе только оказались, умами, изъ которыхъ немногіе и дѣйствительно были высокими. Но многіе и изъ этихъ приближенныхъ оказались по испытанію далеко ниже его идеала. Другіе же при этомъ еще искали въ немъ только ласковыхъ улыбокъ и корыстнаго поощренія. Высшій изъ дружественныхъ умовъ измѣнилъ не государству и государю, но крайними порывами преобразовательной фантазіи измѣнилъ государственному благоразумію, а свободою языка—тонкому дружеству, которымъ вѣнценосный самодержецъ почтилъ своего подданнаго. Другой чуть самъ не остылъ къ высокой чести царственной дружбы, по несходству идей и убѣжденій относительно строенія царствъ какъ русскаго, такъ и особенно польскаго, и чуть не остудилъ къ себѣ царственного друга отважнымъ словомъ гражданского мужества. А кругомъ и около не только въ Европѣ, но и на Руси, поднимали голову разглагольствія умниковъ, которыя были и порожденіемъ и источникомъ революціи. И пришлось Благословенному, подъ конецъ жизни, удаливъ отъ себя почти все, что было умственно-свѣтлаго, сдѣлать своею правою рукою человека, котораго всѣ признавали за умственно-ограниченнаго и узко-сердечнаго, чтобы онъ осуществлялъ принципы управленія умами, противные заявленнымъ склонностямъ Благословеннаго, его кротости, его гуманности, но признанные имъ необходимыми и спасительными по духу вѣка, по измѣнившимся къ концу его жизни, вслѣдствіе опыта, его убѣжденіямъ,—человѣка, который, по мрачной жесткости своихъ дѣйствій, будетъ всегда темной тѣнью свѣтлой личности Благословеннаго. Конечно такому психическому измѣненію Благословеннаго были глубокія причины, и глубочайшею изъ нихъ было то, что онъ, какъ Соломонъ, вынесъ изъ

жизни горестный опытъ, что во множествѣ мудрости много печали и приложивъ разумъ приложить себѣ болѣзнь,—что камень и дерево не страдаютъ, животное страдаетъ только физически—по тѣлу, дикарь только по тѣлу и весьма мало по духу, а человѣкъ душевно развитый страдаетъ и по тѣлу, но безконечно больше по духу,—что особенно развитые умы, страдая самымъ излишествомъ своего развитія, по невозможности приложить его практически къ дѣлу, смущаютъ спокойствіе народовъ мечтательными планами общаго переустройства и будущаго всеобщаго благоденствія на землѣ, обѣщая впереди счастье, которое невозможно вѣрно предусмотрѣть, а въ настоящую минуту производя только потрясенія и разрушеніе,—что конечный выводъ всякой истинной много испытанной смиренной мудрости: «Бога бойся и заповѣди Его храни»,—въ этомъ истинная задача и истинное счастье всякаго человѣка.

Отъ всѣхъ подобныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ причинъ,—«никто-же бо вѣсть, яже въ человѣцѣхъ, точію духъ человека, живущій въ немъ»,—отъ разнообразныхъ разочарованій на всѣхъ путяхъ жизни, отъ несоотвѣтствія возвышеннѣйшихъ идеаловъ съ низменною всегда дѣйствительностію кругомъ и около, и впервыхъ въ себѣ самомъ, Благословенный подпадалъ двойственному духу унынія, какъ естественно-человѣческому духу тоскливости и недовольства жизнію, которымъ страдаютъ именно возвышеннѣйшія наиболѣе развитыя души, болѣе или менѣе далекія отъ духа Христова,—такъ и тому особенно христіанскому духу смиреннѣйшаго самоуничтоженія, который лучшимъ искателямъ высшаго христіанскаго совершенства указываетъ мѣсто въ первыхъ рядахъ грѣшниковъ, подсказывая кающемуся сердцу ихъ: «отъ нихъ же первый есмь азъ». Онъ былъ первый по времени, не дѣланный, не искусственный, а настоящій по-

ситель болѣзни,—конечно, всегдашней, общечеловѣческой, но эпидемически-повальной именно въ его и послѣдующее за нимъ время,—болѣзни байронизма, который пожиралъ лучшія сердца особенно его и послѣдующаго за нимъ поколѣнія, хотя имѣлъ свои гекатомбы жертвъ и во всѣ вѣка. Онъ былъ Прометей нашего, въ нѣкоторыхъ кругахъ до болѣзненности развитаго вѣка,—Прометей, который силился низвести огонь и свѣтъ съ неба на темную землю, но прикованный по ногамъ и рукамъ къ холодной, мракомъ одѣтой скалѣ, вынужденъ былъ чувствовать, какъ воронъ міровой тоски клюетъ его сердце. И чтобъ этотъ воронъ тоски не истерзалъ его до душевнаго изнеможенія, ему свыше предназначена была, какъ истинный даръ небесъ, какъ благословеніе и завѣтъ отца, какъ психическая для него необходимость, близость не безъ лести преданнаго друга, который между многими своими безспорными дарованіями и дѣйствительными заслугами предъ царемъ и отечествомъ имѣлъ дѣйствительную заслугу и рѣдкое дарованіе, терпѣливо, постоянно и искусно-метко, напоминать Благословенному о его міровыхъ подвигахъ, о его безсмертной славѣ, о всеобщемъ его боготвореніи, чѣмъ поддерживалъ въ немъ бодрость нести свое царственное бремя до предопредѣленнаго конца. Отсюда объясняются въ Благословенномъ его давидовскіе порывы, выразившіеся въ этомъ вѣковѣчномъ стихѣ: «о! кто далъ бы мнѣ крылья, какъ у голубя! И улѣтѣлъ бы я и упокоился! Далеко, далеко унесся бы и водворился, бѣгая отъ многоятежнаго міра, въ пустыню, тамъ, вдали отъ міра, чая Бога спасающаго отъ малодушія и отъ бури страстей». Отсюда его мечты оставить царство и водвориться въ тихомъ уединеніи, въ тѣсномъ кругу лучшихъ избранныхъ друзей—отшельниковъ же отъ міра, съ подругою отъ лучшихъ весеннихъ дней жизни, им-

ператрицею, и лицомъ къ лицу съ безмятежною природою, на тихомъ берегу моря, гдѣ либо примѣрно въ Крыму, гдѣ въ послѣдніе свои дни онъ и искалъ мирнаго уголка, по своей мечтѣ, а нашелъ противъ чаянія безвременную могилу,—по крайней мѣрѣ, приобрѣлъ недугъ, безвременно сложившій его на смертный одръ, въ осуществленіе, и въ этомъ по внѣшности блестящемъ, а въ сущности печальномъ жребіи, апостольскаго слова: «не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ». Отсюда его порывы искать и обрѣсти Бога, найти опору своему мятущемуся духу, порывы постоянные, хотя и не всегда счастливые. Какъ древніе израильскіе вожди, судіи и цари, онъ обращался туда и сюда, и въ скинію свидѣнія и въ иныя святилища, вопрошая Бога о судьбахъ Его, въ испытаніяхъ своего громоноснаго царствованія, въ колебаніяхъ тогдашняго обще-человѣческаго духа между вѣрою и невѣріемъ. И было, что въ своихъ исканіяхъ нападалъ онъ и на Богомъ посланнаго Михея, но нерѣдко встрѣчалъ пророковъ и инаго духа, самозванно попадавшихъ на его царственномъ пути. Такъ искалъ онъ божественнаго свѣта для себя и своего народа даже въ іезуитской общинѣ, которая, вмѣсто ожидаемаго внѣдренія обще-христіанскихъ началъ, внѣдряла въ русское юношество ненависть къ родной русской церкви,—искалъ и въ библейскихъ обществахъ, которыя, распространяя біблію, не забывали сѣять сѣмена и свободного произвола въ толкованіи слова Божія,—и въ масонскихъ ложахъ, которыя, обѣщая открыть во очію таинственный загробный міръ, вмѣсто того открывали искренней прямотѣ нерѣдко даже не самообольщеніе, а просто обманъ,—и въ частыхъ собесѣдованіяхъ съ экзальтированной иностранкою Брюденеръ, которой пророчесвенное ясновидѣніе оказало разъ рѣшительное вліяніе на его колебанія и чрезъ сго

окрѣпшую рѣшимость на судьбу міра. Онъ молитвенно преклонялся и съ благочестивыми сѣверо-американцами, которые искали и проповѣдывали внутренняго Христа. Съ смиреніемъ благоговѣйнѣйшаго изъ простолюдиновъ, онъ лобызалъ руки даже у простыхъ сельскихъ священниковъ, и самъ, стоя если не на клиросѣ, то у клироса, пѣвалъ хвалу Богу прекрасно обработаннымъ пѣвучимъ голосомъ. Онъ странствовалъ по монастырямъ, посѣщалъ кельи схимниковъ, отдыхалъ на жесткихъ ложахъ монаховъ-простецовъ, простецовъ до того, что они не догадались даже сохранить свои бѣдныя подушки, на которыхъ почивала его царственная голова. Онъ повергался долу предъ суровымъ подвижникомъ Фотіемъ, исповѣдуя ему свои прегрѣшенія и терпя отъ его тонко намѣченной будто-бы простоты, болѣзненные если не укоры, то намеки. Всюду у всѣхъ, призванныхъ къ молитвѣ, онъ просилъ помощи и заступленія себѣ передъ Богомъ. Духовнику предъ смертію сказалъ: «исповѣдуйте меня, какъ простаго смертнаго», и напутствовался на тотъ свѣтъ часъ съ четвертью, не смотря на предсмертное изнеможеніе. Не дорожа жизнію, окончательно примирившись съ Богомъ и совѣстію предъ лицомъ смерти, тутъ уже, хотя и слишкомъ поздно, онъ отдалъ себя въ полное распоряженіе врачей, но отдалъ для того только, чтобъ и они исполнили свой долгъ предъ царемъ и отечествомъ, чтобъ и самому исполнить свой долгъ предъ народомъ и царствомъ, потому что для общаго всенароднаго чувства, которое боготворило этого лучшаго изъ вѣнценосцевъ, эта смерть была и раннею и неожиданною и слишкомъ горестною. Между тѣмъ на небѣ изречено: уже пора! И когда кроткій небесный ангелъ смерти пахнулъ свѣтлымъ духовнымъ крыломъ своимъ надъ ликомъ отходящаго императора,—только тутъ, въ вѣяніи уже изъ того мі-

ра тихой небесной прохлады, онъ ощутилъ Бога всею полнотою своего существа и воспарилъ въ небеса чистымъ ангеломъ... «Послѣдніе взоры его были столь умирительны», — пишетъ очевидецъ, — «и выражали столь спокойное и небесное упованіе, что всѣ мы, присутствовавшіе, при безутѣшномъ рыданіи, проникнуты были невыразимымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его незамѣтно было ничего земнаго, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Нашъ ангелъ въ небесахъ».

Жители богоспасаемаго града сего, и вы, христолюбивое русское воинство, въ сей день столѣтняго юбилея со дня рожденія Александра Благословеннаго, въ семь храмѣ, заложенномъ его царскими благословенными руками, въ память посѣщенія имъ сего края и града, вспомняемъ его теплою молитвою о упокоеніи души его и приснопамятныхъ, славныхъ на небѣ и на землѣ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ на землѣ, всѣхъ вписанныхъ въ небесной книгѣ жизни, сподвижниковъ его. Вспомняемъ императора, который далъ первый и необычайно счастливый отпоръ всей соединенной враждою къ намъ Европѣ и облагодѣтельствовалъ въ Европѣ не только друзей, но и враговъ, что тамъ не всѣ еще забыли. Вспомняемъ самодержца, который предначерталъ сущность настоящаго государственнаго строя, — вспомняемъ самаго кроткаго и гуманнаго изъ вѣнценосцевъ и величайшаго изъ побѣдоносныхъ воителей, — вспомняемъ лучшаго, привлекательнѣйшаго, самаго развитаго изъ царственныхъ представителей нашего вѣка, который своею жизнію, полною христіанской вѣры, любви, милосердія, смиренія, томленія по Богѣ и небѣ, и самъ съумѣлъ, явно для благоговѣйной вѣры, воспарить къ небу небеснымъ ангеломъ, и намъ съ высоты какъ неба, такъ и Александровской колонны, указываетъ своимъ ангельскимъ перстомъ туда же, на небо. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

при погребеніи инспектора уфимской духовной семинаріи Льва Степановича Суходольскаго 23-го Декабря 1882 г.

Ктому не много глаголю съ вами: грядетъ бо сего міра князь, и во Мнѣ не имать ничего. Но да разумѣетъ міръ, яко люблю Отца, и якоже заповѣда Мнѣ Отецъ, тако творю. Восстаните идемъ отсюда (Іоан. 14, 30—31).

Хоронимъ во всякомъ случаѣ замѣчательнаго человѣка, для этого края безъ всякаго сомнѣнія, но и для нашего времени вообще не-замѣчательнаго.

Воспитанникъ XVI курса санктпетербургской духовной академіи, академическимъ образованіемъ своимъ и первымъ опытомъ воспитательной службы этому краю онъ упирается въ очень старое время, когда большая часть изъ васъ еще и свѣта не видѣли; въ то старое время 1843—47 годовъ, когда еще въ полной крѣпости цвѣло мощное царствованіе императора и самодержца всероссійскаго Николая I; когда богатырская рука этого идеальнаго самодержца держала въ всякой шатости умы всей Россіи, а отчасти даже Европы; когда еще не прогремѣли вѣщіе громаы венгерской войны, возвѣщавшіе въ западной Европѣ крушеніе

многого многовѣковаго, громы—молніи, потушенные тогда русскою кровію и породившіе у насъ на Руси пока только жалкое цвѣтеніе жалкой плесени ничтожнаго заговора Петрашевскаго, да развѣ еще—то едва едва замѣтные побѣги вольномыслія въ нѣкоторыхъ русскихъ журналахъ, то вопли отчаянія, вырвавшіеся изъ болѣзненной груди Бѣлинскаго, который, съ первыхъ шаговъ самостоятельнаго развитія умерши для русскаго Бога и вѣры, для всѣхъ старорусскихъ идеаловъ, легъ въ раннюю могилу отъ превратнаго сознанія, что немилостивая къ нему, злорадно-насмѣшливая судьба обрекла его на злосчастный жребій родиться, жить и умереть въ этой темной безъ просвѣта русской землѣ, а не гдѣ либо въ залитомъ всякими свѣтами Парижѣ. Много воды съ тѣхъ поръ утекло въ море. Много вихрей пронеслось надъ святою Русью. Много кровавыхъ заревъ разнообразныхъ пожаровъ зажглось и потухло и разгорается больше и больше на нашемъ отечественномъ горизонтѣ. Много умовъ крѣпкихъ вырвано этими бурями съ корнями, а слабыхъ и легкихъ снесено по теченію вѣтра въ пучину гибели, гнили и забвенія. Однакоже неисчислимое множество злыхъ сѣмянъ, павъ и сгнивъ въ залежахъ русской земли, дали за эти послѣдніе сорокъ лѣтъ тьму тьмущую дикихъ порослей, такъ что въ началѣ этихъ годовъ еще съ нѣкоторымъ напряженіемъ вѣрилось словамъ Спасителя: *возстанутъ ложныя ученія, якоже прельстятъ, аще возможно, и избранныя* (Мат. 24, 24). Такъ,—думалось тогда,—самъ Спаситель говоритъ: *аще возможно*,—какъ это возможно, чтобъ и избранные прельстились и отпали отъ такого яснаго, исторически твердаго, завѣреннаго въ своей божественности столькими знаменіями и чудесами ученія, каково Христово? А теперь, увы! горе и позоръ! самихъ этихъ избранныхъ приходится искать чуть не со

свѣчей въ рукахъ. Вы, большая часть изъ васъ, уже не чувствуете этого переворота, потому что не переживали его; потомство же ваше будетъ представлять его и совсѣмъ уже смутно. А я переживалъ и переживаю его, и чувствую, и свидѣтельствую на память вамъ и грядущимъ по васъ. Совершился за эти четыре десятка лѣтъ переворотъ громадный, переворотъ роковой. Сдѣланъ русскою жизнью шагъ быстрый и отважный, но безъ самомалѣйшаго сомнѣнія шагъ попятный, то что называется ретроградный, потому что жизнь народовъ, какъ и каждаго человѣка, дѣлаетъ шаги впередъ, когда возрастаетъ, мужаетъ и крѣпнеть; а мы теперь вдругъ всенародно склонились къ распаденію всѣхъ стихій нашей исторической народной жизни, къ разложенію, къ гніенію, къ самоубійству, и къ частнымъ самоубійствамъ и къ обще-народному. Можетъ быть, и оздоровѣемъ и поправимся. Но то будущее, то Богъ видитъ и знаетъ. А видимое нами настоящее печально, да и предвидимое, ближайшее будущее не особенно свѣтло.

И вотъ мы теперь хоронимъ одинъ изъ памятниковъ быстро исчезающей, хотя еще такъ недавно и цвѣтущей русской старины. Эпидемія такая между нами пронеслась, черная смерть насъ подкосила и скашиваетъ. Хоронимъ одного изъ избранныхъ Божіихъ, тѣхъ самыхъ немногихъ избранныхъ, которыхъ провидѣлъ Христосъ Господь, въ наши черныя дни, и о которыхъ предсказалъ, что повально поражающій всѣхъ, разслабляющій даже избранныхъ, маразмъ лжи и нечестія не можетъ однакоже коснуться и сгноить избранныйшихъ изъ нихъ.

Принято называть нашу долю скромною, скромною въ смыслѣ униженія и самоуничиженія. Отчего же она именно скромная? Правда, мы не наживаемъ имѣній, домовъ, капиталовъ. Не блистаемъ свѣтскимъ доскомъ на аренѣ міра.

Насъ мало замѣчаютъ, правда. Но есть одна роскошь, которою мы обдѣлены меньше всѣхъ прочихъ. Это доступная намъ роскошь ума, это обиліе предложенныхъ и даруемыхъ намъ умственныхъ богатствъ, это невозбранная доступность намъ всякихъ умственныхъ наслажденій. Работа вѣковъ, работа избраннѣйшихъ умовъ всего человѣчества лежитъ громаднымъ капиталомъ умственного богатства въ нашихъ библіотекахъ. Пользуйтесь, обогащайтесь, наслаждайтесь. И способности и развитіе для того у насъ достаточны. И вотъ истинно тотъ вѣрный рабъ Божій, который не зарылъ своихъ талантовъ, который не потопилъ ихъ въ винѣ, не развѣялъ въ пустыхъ развлеченіяхъ, не сгноилъ въ лѣни, въ апатіи, въ старческомъ расслабленіи. Вотъ наставникъ средняго учебнаго заведенія, питомецъ высшаго, который до самыхъ послѣднихъ дней не переставая, не облѣниваясь, не опускаясь учился уча и училъ учась. Вотъ неустанно рабочий и развивающійся умъ, которому ничто обще-человѣческое не было чуждо, ничто отъ древнихъ еврейскихъ писаній и классической мудрости и до умственныхъ открытій, раскрытій и обнаженій нашего послѣдняго, дѣйствительно, въ небывалыхъ размѣрахъ развитого, обнаженного и развращеннаго вѣка. Вотъ одинъ изъ рѣдкихъ умовъ, который исполнялъ очень тяжелую въ нашъ вѣкъ заповѣдь Христову: *испытайте писаній, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный*, и въ тоже время имѣлъ рѣдкій даръ не уклониться отъ заповѣди и св. ап. Павла: *вся испытующе, добрая держите*. Вотъ удивительное, и для насъ стариковъ, многое перевидѣвшихъ, встрѣчавшихся съ самыми высокими наличными умами, удивительное дарованіе, которое одну изъ послѣднихъ своихъ многосодержательныхъ, всегда свѣжо приготовленныхъ, лекцій излагало съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и одну изъ первыхъ еще въ

сороковыхъ годахъ нашего уходящаго въ вѣчность столѣтія. Оттого-то онъ и имѣлъ такое широкое, неотразимое, общепризнанное вліяніе на всѣ курсы своихъ питомцевъ. Онъ не бросалъ ввѣреннаго ему дѣла, тяжкаго для его лѣтъ умственного труда, и въ эти послѣдніе мѣсяцы, когда уже и ноги не носили его въ аудиторію, и злой недугъ не позволялъ оставаться въ ней, и смерть уже явно для всѣхъ, да и для него самого прежде всѣхъ, стояла за его спиною съ своею косою, или лучше—стоялъ свѣтлый чистый добрый ангелъ смерти, помавая своимъ перстомъ то на могилу, то на небо.

Отчего этотъ человѣкъ, такъ близко знакомый со всѣми разлагающими современными ученіями экзегетики и философіи, естественныхъ наукъ и исторіи, сохранилъ полнѣйшую цѣльность убѣжденія и совершеннѣйшую неприкосновенность христіанскаго міровоззрѣнія? Вотъ это назидательнѣйшій урокъ для насъ изъ этой угасшей жизни; это послѣдняя лекція намъ изъ этого гроба, изъ этихъ скорбно и мирно и строго поблекшихъ устъ. Оттого... оттого, что онъ былъ прекраснѣйшая душа. Оттого, что онъ былъ добрый христіанинъ, добрый христіанинъ по жизни, оттого онъ пребылъ добрымъ непоступнымъ христіаниномъ и по убѣжденіямъ. *Аще кто любитъ Мя, слово мое соблюдетъ*,—отъ этого. Оттого, что онъ былъ кроткій и смиренный сердцемъ человѣкъ: *блажени кротцыи, яко тѣи наследятъ землю*. Оттого, что онъ былъ милостивый и жалостливый человѣкъ, и десятки курсовъ его питомцевъ это знаютъ: *блажени милостивіи, яко тѣи помиловани будутъ*. Оттого, что онъ былъ мирный человѣкъ, сынъ мира и уступчивости, миротворецъ между другими: *блажени миротворцы, яко тѣи сынове Божіи нарекутся*. Оттого, что онъ на дѣлѣ, по мѣрѣ своихъ силъ и условій положенія, осуществ-

влялъ заповѣдь Христову: *больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя*. Богъ не привелъ ему, что впрочемъ рѣдко и бываетъ, положить душу свою за други своя, разомъ пожертвовавши за нихъ жизнь. За то во всю свою жизнь онъ клалъ душу свою на друзей своихъ. Кто изъ знавшихъ его забудетъ, какъ онъ былъ повидимому неисчерпаемымъ источникомъ гостепріимства, при скудныхъ средствахъ? Какъ онъ служилъ средоточіемъ интересовъ своего круга, да и дальше и шире этого круга? Какъ онъ былъ душою всякаго собранія, всегда привѣтливый, всегда ласковый, всегда неистощимый въ возбуждающей бесѣдѣ, всегда готовый смягчить всякій раздоръ, не только дѣломъ и словомъ, но и молчаніемъ и уклончивостію, всегда скорый и обладавшій даромъ добраго сердца повѣять и на другихъ собственнымъ миромъ и доброжелательствомъ, благодушіемъ и весельемъ?

Оттого Господь послалъ ему и христіанскую кончину живота, конечно не скажу—безболѣзненную, кончину послѣ долгой и тяжелой болѣзни. Но это была какъ бы вода расплывшаяся по широкой полянѣ: болѣзнь растянулась на полтора года; оттого и раздирающе-мучительная острота ея расплылась на многіе мучительные, но не терзающіе моменты. Господь не коротко молотилъ эту пшеницу, чтобы мало по малу отбить отъ нея всѣ плевелы, приставшіе отъ некороткой жизни, жизни конечно и не безъ немощей. Но по истинѣ скажу, эта кончина была по истинѣ непостыдная, самособранная, самосознательная, добрымъ христіанскимъ порядкомъ подготовленная, даже предусмотрѣнная и задолго предсказанная имъ самимъ. «Вотъ исполнится 35 л. службы, дамъ въ храмовой праздникъ семинаріи прощальную хлѣбъ-соль и прощусь со всѣми и съ семинаріею». Такъ и сбылось. Уже немощной онъ далъ, въ предназна-

ченный день, въ праздникъ и семинаріи и свой собственный исполнившася 35-лѣтія службы, прощальную хлѣбъ-соль и да, простился съ семинаріею, простился съ собственною молодостію, съ возмужалостію, съ силами къ службѣ, да съ тѣхъ поръ и гасъ мѣрными порывами и вспышками то жизни, то предсмертной немочи, пока и не погасъ... Немощь свою онъ переносилъ съ достойно подражаемымъ, съ желаннымъ для всякаго благодушіемъ; на близкую кончину сознательно глядѣлъ съ достойно подражаемою предусмотрительностію и предусмотрительною готовностію. Два завѣщанія и словесныя распоряженія предварили до подробности, что касалось смерти и посмертной его воли. Мнѣ лично сказалъ: «когда приведетъ Богъ отходить, желаю, чтобы надо мною читали послѣднюю бесѣду Спасителя у евангелиста Іоанна. Это такъ утѣшительно». Такимъ праведникомъ съ иконы выглядѣлъ и ликъ его въ послѣдніе дни: въ этомъ обновлявшемся для новой жизни человѣкѣ ветхій человѣкъ явно умиралъ прежде смерти.

Вотъ и зовутъ меня ночью къ одру смерти. Встрѣчая шепчутъ мнѣ: «все тосковалъ, что не читаютъ». Сейчас. А я запасся и евангеліемъ и требникомъ. Приступаю къ изнемогающему; еще узналъ, что то сказалъ. Но пульсъ и все сказали, что нельзя уже терять время въ заботливыхъ соображеніяхъ, какъ бы не подать умирающему повода къ заключенію, что и мы признаемъ уже наступленіе смертнаго часа его. Раздѣльно по слову я началъ читать: *нынѣ прославися Сынъ Человеческій*. Умирающій явно прислушался. По слову дочитываю до словъ: *ктому не много глаголю съ вами*,—умирающій повидимому прислушивается, иначе сказать—предсмертное дыханіе притаивается. *Грядетъ бо сего міра князь и во Мнѣ не имать ничегоже*,—я самъ прислушиваюсь, предсмертное дыханіе прерывается.

Но да разумѣете мѣра, яко люблю Отца, и якоже заповѣда Мнѣ Отецъ, тако творю (какъ и творилъ). Явствен-но-усиленный вздохъ, оказавшійся и предсмертнымъ. *Востаните идемъ отсюда...* Прислушались, и бысть тишина велия: духъ возсталъ и отошелъ отсюда, изъ земной обители... И мы встали и отложивъ евангеліе прочитали отходную: *Владыко Господи Вседержителю, Отче Господи нашего Иисуса Христа, душу раба твоего Льва отъ всякія узы разрши и покой ю въ вѣчныхъ обителяхъ со святыми твоими.* Молитву мы читали уже надъ усопшимъ. Но полагая, что въ немъ еще можетъ горѣть искра сознанія, хотя и исчезло дыханіе, во исполненіе предсмертной воли его, мы прочитали надъ слухомъ его предсмертную бесѣду Христа Спасителя до конца. Уже затѣмъ мы оглядѣли лицо его и увидѣли ясный отпечатокъ смертной скорби, не муки, не агоніи, а какъ бы сокрушенной, покаянной молитвы и изнеможенной борьбы съ тугою смертною, сродною предсмертной тугѣ Христовой: *прискорбна есть душа моя до смерти. Бысть же потъ Его, яко капли крове, каплующія на землю* (Лук. 22, 44). Тутъ капель крови не было, она напередъ вся вытекла изъ него, а послѣдняя застыла. Но на блѣдномъ скорбномъ лицѣ блестѣли отъ свѣта свѣчки капли пота, послѣдніе проблески отлетѣвшей жизни, выжатые угрюмою, ни съ кѣмъ не любящею шутить смертію. Ясно, что не легко и христіанской душѣ разставаться съ тѣломъ. Чрезъ нѣсколько минутъ печать смертной скорби смѣнилась печатью мирной строгости. Для одного человѣка—*совершишася!*

А что-то будетъ для насъ и съ нами? Помолимся, братіе, и о немъ и о себѣ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

при погребеніи Іосифа Петровича Самохвалова.

Зачѣмъ это собрались мы теперь братія святаго храма сего, обитатели честнаго дома сего?! Хоронить малаго человѣка, Осипа Петровича, правленскаго служителя казанской духовной академіи.

Погребаемъ человѣка недюжиннаго. Неотвратимое міровое зло-смерть накидываетъ завѣсу забвенія на явленіе, повторяющееся нечасто. Человѣкъ скромный, скромной доли, но замѣчательнаго характера, сѣумѣвшаго и судьбу свою сдѣлать замѣтною и даже поучительною. Русскій уроженецъ гиперборейскихъ холодовъ, не широкій, не объемистый, но крѣпкій по натурѣ питомецъ финляндскихъ скалъ. По старому солдатскому уставу ровно 25 лѣтъ отслужилъ царю и отечеству въ рядахъ солдатскихъ. Солдатская доля загнала его, финляндскаго уроженца, искать хлѣба сюда въ старинную татарію. Приставъ къ нашей академіи въ сентябрѣ 1844 года, онъ прослужилъ здѣсь безотходно другія 25 лѣтъ, и, смиренно отпраздновавъ двадцатипятилѣтіе службы въ академіи, пятидесятилѣтній юбилей всей своей службы обществу, онъ протянулъ у насъ же на службѣ еще почти ровно годъ. Слегъ, и ясно стало, что не встанетъ. И вотъ, мы стоимъ вокругъ его гроба.

Что же дѣлало этого скромнаго человѣка столь стой-

кимъ въ положеніи, которое имѣетъ наименѣе условій стойкости? Не знаемъ, не спрашивали его о службѣ его военной. Но думаемъ, тамъ онъ былъ тоже, что былъ у насъ, а по сравнительной молодости лѣтъ и крѣпости силъ, конечно, былъ еще крѣпче и стойче по характеру и правиламъ жизни. Вотъ основная черта этого характера и всѣхъ его проявленій: вѣрность своему долгу и званію. Эта основная черта распадалась у него на двѣ частившія: безупречную честность и строжайшую исполнительность. Отношенія его были болѣе, чѣмъ у многихъ изъ насъ, многочисленны и разнообразны; обязанности его вынуждали его исполнять множество порученій наиболѣе довѣреннаго письменно-денежнаго свойства. При этомъ всякій могъ быть увѣренъ, что Осипу Петровичу онъ можетъ вѣрить, какъ самому себѣ,—что довѣренное Осипу Петровичу и имъ принятое на себя дѣло будетъ исполнено, быть можетъ, благонадежнѣе, чѣмъ въ нашихъ собственныхъ рукахъ. Таковъ онъ былъ въ продолженіе 26 лѣтъ академической службы. Мѣнялись начальства, проносились надъ академіею событія, приносившія новый духъ міровоззрѣнія и взаимныхъ отношеній,—Осипъ Петровичъ былъ тотъ же вчера и нынѣ и въ десятки лѣтъ, вѣрный самъ себѣ, какъ разумная машина, всегда готовый и вѣрный исполнитель, чуждый всякаго ласкательства и угодливости, напротивъ, въ горькія минуты жизни высказывавшійся предъ всѣми, что онъ нечуждъ сознанія ни своихъ достоинствъ ни заслугъ. И всѣ это признавали: отъ прежнихъ ректоровъ академіи онъ имѣлъ похвальные листы, которые въ скорбныхъ состояніяхъ своего духа показывалъ, какъ заслуженные дипломы; я теперь исполняю мой долгъ, додѣлываю дѣло моихъ предшественниковъ, напутствуя заслуженнымъ похвальнымъ словомъ полную чистѣйшую отставку этого достой-

наго служиваго. Когда исполнилось двадцатипятилѣтіе академической его службы, наставники академіи, безъ тѣни напоминанія съ его стороны, по собственному движенію, представили ему серебряный кубокъ, который пусть теперь и обратится въ церковь на церковное служеніе, на память объ Осипѣ Петровичѣ и о благородствѣ сойма академическихъ наставниковъ. Онъ всѣмъ намъ оказывалъ тысячи услугъ. Мы теперь оплачиваемъ ему услугою съ нашей стороны послѣднюю: отдаемъ ему послѣдній похоронный долгъ. Онъ былъ бездомный бобыль, мы его семья, и братья и дѣти, все его тутъ—всѣ его привязанности.

«По свойству сломившей его болѣзни (*), обстоятельства погребенія его нѣсколько поспѣшны, а потому не было времени обдумать и эту жизнь и эту смерть. А есть на чемъ остановиться, чему поучиться.

«Былъ и у него свой пакостникъ плоти, который подрѣзалъ и истощилъ его силы. На одрѣ болѣзни лежа, самъ онъ яснѣе другихъ видитъ, что не встанетъ. Проситъ—«священника, старенькаго священника»! Исполненъ христіанскій долгъ, совѣсть очищена, духъ спокоенъ до равнодушія. Ему предлагаютъ лекарства,—махаетъ рукою въ сторону: «поставьте,... жить надоѣло, прошу у Бога смерти». И Богъ ее послалъ. И посмотрите, не въ пору ли?! Нѣтъ ли тутъ перста Божія, который водитъ и солнце къ своему закату, и жизнь этой пылинки во вселенной—человѣка къ тому-же закату какъ разъ въ пору? Осипъ Петровичъ вывѣска и стражъ и приставникъ стараго академическаго устава. Именно ему—Осипу Петровичу, вслѣдствіе осложнившихся отношеній, новый уставъ былъ бы не подъ силу, ноги его отказались бы служить; онъ сталъ бы бре-

(*) Старческой дисинтеріи, когда по окрестнымъ городамъ всюду расхаживала холера.

менемъ для другихъ и во-первыхъ для самого себя. Вотъ въ эту пору Богъ его прибралъ, и приставить тамъ у себя къ какому-либо иному дѣлу, которое покойнику дѣлать будетъ и легче и пріятнѣе, чѣмъ тянуть свою немалотрудную для его старости службу здѣсь.

«И тутъ воспоминается притча Господня о рабахъ, которымъ ввѣрено разное количество талантовъ (Матѣ. 25, 14—30). Этому скромному человѣку Господь, сравнительно съ нами, далъ одинъ талантъ. И рабъ трудился, пускалъ свой талантъ, въ кругъ своихъ смиренныхъ обязанностей, въ оборотъ. И вѣрится, что теперь слышитъ отъ мѣдовоздателя Господа сіи самыя слова: *добръ, рабе благодѣ и вѣрный, о малъ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господа твоего*. И невольное опасеніе обемлетъ душу, какъ бы эта притча Господня не получила въ отношеніи къ намъ смыслъ обратный. Въ притчѣ эти слова сказаны рабамъ, изъ коихъ одинъ получилъ пять талантовъ, а другой два: *имущимъ вездѣ дано будетъ и преизбудетъ*; получившему же одинъ талантъ сказано: *лукавый рабе и лѣнивый...* Мы, обремененные многими талантами, стоимъ у этого гроба, въ которомъ лежитъ вѣрный рабъ Божій, трудившійся среди насъ надъ однимъ талантомъ. Его задача честно исполнена. У насъ сзади долги, а задача жизни еще впереди. А много ли жизни осталось для насъ впереди?...

«Вчера похоронили мы юношу въ цвѣтѣ лѣтъ, силъ, талантовъ, развитія. Сегодня хоронимъ отжившаго свое время старца. Двѣ грани, среди которыхъ вращаются всѣ наши жизни; смерть косить, не разбирая.

«Впрочемъ *пріидите*, братіе, съ мирными сердцами, *дадимъ умершему послѣднее цѣлованіе, благодаряще Бога*. Ангелъ хранитель честнаго дома сего къ намъ милостивъ

Въ два года мы видѣли въ нашей оградѣ четыре кончины, и всѣ достойныя христіанскія. Вздохнемъ къ Отцу духовъ и жизней, чтобъ не оставилъ Онъ насъ и впредь своею милостію, чтобъ и мы въ уреченный часъ предали духъ свой въ руцѣ Его, а не въ руки нашихъ темныхъ враговъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

на заупокойной литургіи, надъ гробами святителей Филарета, Арсенія и Филоея, митрополитовъ Кіевскихъ, въ церкви ближнихъ пещеръ Кіево-Печерской лавры, сказанное 5 октября 1884 года.

въ честь и память въ Бозѣ почившаго святителя Филоея, митрополита Кіевского.

Претерпѣвый до конца, той спасется.

Съ молитвеннаго благословенія святыхъ кіево-печерскихъ угодниковъ, здѣ почивающихъ, вкупѣ со святителями, память коихъ мы творимъ въ нынѣшній часъ, какъ и святителя священно-архимандрита честнѣйшія и святѣйшія между обителями сея обители, позволимъ себѣ огласить святыя сіи своды нашимъ смиреннымъ словомъ,—истинно говорю, себѣ самому въ утѣшеніе и въ облегченіе одной легкой печали и туги сердца, общей нашей печали и туги.

Поминая нашу грѣшною молитвою почившихъ въ Бозѣ святителей, митрополитовъ, бывшихъ священно-архимандритовъ честнѣйшія обители сея, Филарета, Арсенія и Филоея, которыхъ и мое смиреніе на своемъ вѣку вѣдало уже лично,—святителя Филарета, которому въ дѣтствѣ не одинъ разъ я имѣлъ дѣтскую радость пѣть исполла эти деспота,—святителя Арсенія, коего покровительствомъ и защитою въ

треволненной моей жизни я пользовался, которому имѣлъ отрадную честь неоднократно сослужить при совершеніи имъ божественной литургіи, какъ здѣсь, такъ и въ престольномъ царствующемъ градѣ, равно какъ и святителю Филоею,—позволю себѣ коснуться общей нашей печали и туги сердечной, причиненной всѣмъ намъ, всей церкви російской, болѣзненнымъ прикосновеніемъ гласной молвы людской къ честнѣйшему имени именно сего недавно почившаго святителя Филоея. Коснусь, чтобы сообщить одну извѣстную мнѣ и малоизвѣстную другимъ, относящуюся сюда подробность и чтобы представить все это событіе во свѣтѣ слова Божія, озаряющемъ примрачность человѣческой психологіи.

Упомянутая мною, извѣстная мнѣ и малоизвѣстная другимъ, относящаяся сюда подробность заключается въ томъ, что извѣстную пререкаемую часть презрѣннаго металла,— правда, нужнаго для всѣхъ людей, тѣмъ немѣе истинно презрѣннаго для нѣкоторыхъ возвышенныхъ душъ,—что эту часть вручилъ святителю на милостыню и всяческія благодѣянія именитый богачъ и еще болѣе именитый благодѣтель нашего глубокаго сѣверо-востока, да и всеросійскій и даже внѣ-російскій великій благодѣтель, что я услышалъ тотчасъ-же, по возникновеніи этого печальнаго препирательства, отъ одного весьма и разносторонне свѣдущаго челоѣка. И очень радъ, что это свѣдѣніе, какъ мнѣ сказывали, оглашено уже и въ печати съ невѣдомой намъ стороны.

Слѣдовательно вся, подлежащая препирательству, прикосновенность святителя къ извѣстной скорбной исторіи заключается только въ томъ, что онъ далъ, а вѣрнѣе, можетъ быть, далъ свое святительское благословеніе на высокій подвигъ порывавшейся на подвиги слабости, которой

подъятый подвигъ и оказался непосильнымъ. Но кто-же виновать, что неохотно, съ настойчивою медлительностью и вразумляющими предостереженіями данное, наконецъ, святителемъ благословеніе оказалось только внушительнымъ пророчествомъ прозорливца, что медли немощь человѣческая произнесеніемъ обѣта, а произнеши не уметь воздати Господу Богу обѣты твоя. Рѣшительное же отклоненіе словомъ святителя чужаго обѣта могло оказаться не незазорнымъ и не безпечальнымъ для человѣческой порывистости, щедрой на обѣты безъ личнаго опыта въ ихъ выполненіи, и для немощи, не испытавшей свои силы и готовой не только оправдывать себя въ бездѣйственности, но и поскорѣе, что эти силы не испытаны, вслѣдствіе чужаго вмѣшательства.

Отчего однакоже такіе значительные способы не употреблены на благотвореніе, согласно ихъ назначенію? Любопытно бы знать, но нельзя рѣшить вопроса, прикасался ли когда-либо Господь нашъ Іисусъ Христосъ своими пречистыми руками къ монетамъ, за исключеніемъ случая, когда фарисеи вручили Ему, да и то вручили-ль, не показали-ль Ему только,—когда фарисеи показали Ему златницу кинсонную, съ образомъ римскаго кесаря на ней. Какъ во всемъ, такъ и въ этомъ отношеніи божественное совершенство Богочеловѣка Іисуса Христа предназначало собою тотъ высшій родъ людей, которымъ златницы кинсонныя мараютъ руки. Да, именно мараютъ руки. Когда потребовали съ Іисуса Христа дань на храмъ, Онъ повелѣлъ Петру апостолу поймать рыбу и, вынувъ изъ нея статиръ, отдать его въ дань за Него Христа, и за себя Петра. Когда понадобилось къ празднику пасхи дать и милостыню нищимъ, Іисусъ Христосъ не протянулъ даже съ милостыней своей собственной руки. Извѣстно, обязанность

подавать и милостыню въ апостольской общинѣ лежала на Іудѣ, тогда еще апостолѣ, а въ послѣдствіи и предателѣ изъ корысти, изъ полученія милостыни и на подаваніе милостыни. Дѣло незазорное, но опасное для немощи. Апостолъ Павелъ собиралъ и раздавалъ великую милостыню отъ церквей цѣлымъ церквамъ; но дѣлалъ это чрезъ достойныхъ посредниковъ, а самъ не хотѣлъ и прикасаться къ ней своими апостольскими руками. Милостыня апостоловъ, имъ свойственная, принадлежала къ высшему роду. *Сребра и злата нѣсть у мене*, говорилъ ап. Петръ безнадежному хромоту, мнившему пріяти нѣчто отъ апостоловъ,—*но еже имамъ, сіе ти даю: о имени Господа Іисуса Христа возстани и ходи*. Такъ и отъ самаго Господа Іисуса Христа рассыпались тысячи подобныхъ высшаго рода милостынь. А милостыня денежная это низшій родъ милостыни. Оттого Господь Іисусъ Христосъ предназначалъ собою высшій родъ подвижниковъ, которые стыдились, да, именно стыдились, просто брать деньги въ свои руки, даже для благотворенія. Извѣстно, что было множество подвижниковъ, которые именно отвращались прикасаться своими руками къ злату и серебру; которые, больше того, прогоняли отъ себя благотворителей, повергавшихъ къ стопамъ ихъ свои сокровища для благотвореній. Къ этого-то рода людямъ, за свои высокіе труды подвижничества, сподобился отъ Бога причтеннымъ быть и почившій въ Бозѣ святитель Филофей. Знающимъ извѣстно, что почти весь свой вѣкъ онъ жилъ въ бѣдности, которая едва-едва давала ему способы удовлетворять неотложнѣйшимъ нуждамъ высокаго его положенія. А когда сталъ богатымъ, тогда у него не оказалось и навыка распредѣлять свои способы лучшимъ, привлекательнѣйшимъ для пріемистаго сужденія образомъ. Для низменнаго суда было-бы конечно пріятнѣе, если-бы онъ роздалъ свои имѣнія неиму-

щимъ. Для тонкости-же духа святителя свойственнѣе было даже не приложить къ достатку, поклоняемому у человечества, своихъ чистыхъ безорубренныхъ рукъ.

Но несомнѣнно-же, что извѣстная печальная исторія тяжко поразила душу святителя. Зачѣмъ-же такое отъ Бога поущеніе?

Несомнѣнно. Но во-первыхъ оно было естественно. Оно свидѣтельствуетъ несомнѣнно о величайшей чуткости души святителя, свидѣтельствуя въ то-же время и о полнѣйшемъ изможденіи плоти его. Отъ обще-извѣстнаго подвижничества, которымъ почившій святитель поразилъ воображеніе современниковъ, не привыкшихъ допускать даже возможность подобнаго подвижничества, отъ великаго труда подвижническаго, отъ чрезмѣрнаго во вѣсь вѣкъ постничества истощены были у святителя всѣ силы тѣлесныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ истощенъ былъ и тотъ органъ, который обязанъ напрягаться не только для тѣлесныхъ, но и главнымъ образомъ для душевныхъ отправления, для мысли, для чувства, для напряженія воли. А этотъ органъ у насъ, по неотступнымъ требованіямъ нашего призванія, долженъ быть постоянно въ неослабномъ напряженіи. Вообразите-же притомъ еще преразнообразныя потрясенія души, естественныя у всякаго человѣка, потрясенія, возмущающія душу иногда до нежеланія жить, до молитвы къ Богу: *возми душу мою отъ мене Господи*. Это извѣстно мнѣ о почившемъ здѣсь святителѣ Филаретѣ. Подъ конецъ жизни онъ не хотѣлъ уже болѣе жить и молилъ Бога о смерти. Присоедините къ этому величайшее, всероссійское потрясеніе, злодѣйскій ударъ, который сразилъ нашего мученика-царя Александра II-го, ударъ, который поразилъ не только священное лицо царя, но вмѣстѣ поразилъ и священнѣйшій, неприкосновеннѣйшій принципъ, до немыслимости для многихъ подобнаго посяга-

тельства,—ударъ, который поразилъ многихъ богобоязненныхъ вѣрнопреданныхъ Богу и царю старцевъ на смерть, а у другихъ порвалъ строй мозговыхъ нитей, необходимыхъ для стройности мышленія. Въ числѣ сихъ послѣднихъ оказались и святители Филофей кіевскій, какъ и Евсеій архіепископъ могилевскій... Къ этому-то общему мозговому пораженію неразгаданная психофизика весьма нерѣдко, если только не всегда, присоединяетъ какую либо часто ничтожнѣйшую, нерѣдко совершенно стороннюю частность, на которой неотразимо сосредоточивается пораженная мысль.

Теперь представьте, что эта случайность дѣйствительно имѣетъ прикосновеніе, и прикосновеніе такое, что ее хочется откинуть отъ себя, какъ склизкую холодную гадину... Боже! Прости Господи другимъ. Но этотъ противоестественный мнѣ ужасъ злоба челевѣческая привяжетъ къ моему имени, къ моей чести, пусть! Претерпимъ,—но привяжетъ къ моей совѣсти,—вотъ что немыслимо, вотъ что невыносимо. Подумаютъ, что я на это съ моею совѣстію способенъ; что моя совѣсть могла помириться съ этимъ ужасомъ у гробовой доски, не взирая на честь моего высшаго сана. Нѣтъ, это выше силъ челевѣческихъ... И онѣ надорвались окончательно.

А что это естественно, что подобные болѣзненные факты бывали, что они повторяются даже нерѣдко, доказательство этому обще-извѣстное—въ недавнемъ ужасномъ событіи, въ сатанинскомъ выстрѣлѣ Каракозова. Извѣстно, что тогда многіе почти помѣшались; многіе вообразили было себя виновными въ этомъ ужасѣ; чуть было не донесли по начальству сами на себя; многіе пожгли въ смятеніи чувствъ всѣ совершенно невинныя бумаги своего кабинета... Это у насъ въ низменной сферѣ. А что подобное возможно даже въ сферѣ поднебесной, доказательство этому тайная

вечеря. Когда уста Господа произнесли ужасное слово: *единъ отъ васъ предастъ Меня*, чуткія и чистыя души апостоловъ сію-же минуту сказали въ странномъ, повидимому, вопросѣ: *не я ли, Господи*. А только грубая и преступная душа Іуды сказалась послѣднею. Этого мало. Чистыя души, особенно въ минуту пораженія, способны не только признать, но и почувствовать себя повинными грѣху всего человѣчества. Первымъ повиннымъ грѣху всего человѣчества почувствовалъ себя безгрѣшный Искупитель нашъ. Первымъ изъ грѣшниковъ провозгласилъ себя вслухъ всего свѣта св. апостолъ Павелъ. Чуткая душа чистаго человѣка нерѣдко и глубоко болѣзненно чувствуетъ, что ничто человѣческое, самое болѣзненное, преступное и позорное ей не чуждо. Не одинъ Христосъ Искупитель, но и лучшіе послѣдователи Его, конечно, въ безмѣрно низшей степени, носить на себѣ грѣхи всего человѣчества и о насъ болѣзнують, *во искупленіе спсѣхъ*, привлекая болѣзнями своего состраждущаго намъ сердца и молитвенными воздыханіями милосердіе Божіе на всѣхъ.

Отсюда уже нѣсколько понятно, зачѣмъ Богъ попустилъ такое испытаніе. *Сіе да мудрствуется въ васъ*,—учить св. апостолъ Павелъ,—*еже и во Христѣ Іисусѣ, иже во образѣ Божіи сый не похищеніемъ съ своей стороны нещеча быти равенъ Богу; тѣмъ не менѣе самъ себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, во образъ человека бывъ, да и въ образѣ человека смирилъ себе, послушавъ бывъ Богу Отцу даже до смерти, смерти же крестныя, и вмѣнился яко злодѣй со злодѣями, былъ распятъ, какъ льстецъ и самозванецъ, какъ возмутитель противъ власти божеской и человѣческой, самъ Сынъ Божій и Царь царей; страдалъ въ крайнемъ поносѣйшемъ уничиженіи съ воплемъ крѣпкимъ и слезами многими, воплемъ крѣпкимъ повѣдавъ міру ап-*

геловъ и человѣковъ свою непостижимо-тягостную предсмертную тоску, мучительнѣйшее ощущеніе оставленія Богомъ и Его соприсутствующимъ милосердіемъ: *Боже мой! Боже мой! Вскую Мя оставилъ еси!*.. Тѣмъ же и достигнувъ совершенства путемъ страданій и позора, сталъ виновникомъ спасенія для всѣхъ своихъ послѣдователей. Сіе-то, по желанію апостола, да мудрствуется и въ насъ, еже и во Христѣ Іисусѣ.

Сіе-то и мудрствовалъ осуществленнымъ въ себѣ въ значительной долѣ почившій святитель, иже во образѣ Христа сый, носитель высшаго въ церкви Божіей сана, но себя умалилъ, зракъ повиннаго предъ закономъ пріимъ, и образомъ обрѣтеса, якоже потерпѣвшій отъ законной кары; смирилъ себя даже до смерти, болѣе—до душевнаго состоянія, которое чувствовалось ему хуже ста смертей, чувствовалось имъ, не вырывая у него ни стога, ни вопля, ни слезы. Но стоны и вопли заглушены были въ его груди; но слезы падали на сердце и жгли его наболѣвшій мозгъ. А хульные уста разверзались и легковѣсныя головы кивали: *Уа, разоряй церковь и тремя денми созидай!*... Но вѣруемъ, что Богъ и превознесетъ его превыше многихъ умершихъ въ превеликой славѣ и премногихъ восхваленіяхъ.

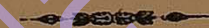
Еще одинъ вопросъ: чувствовалъ-ли онъ по смерти обращенныя къ нему хулы? Безъ сомнѣнія, хотя чувствовалъ и не по нашему. Представьте, что церковь небесная связана съ землею, связана жизненною связью. Намъ на землѣ не дано чувствовать ясно, что чувствуется въ церкви небесной. Но небожителямъ эта способность дарована. И вотъ для души, перешедшей въ обитель небожителей, совершаются событія въ живомъ тѣлѣ церкви земной, связанной съ церковію небесною, событія живо ея касающіяся. Ужели она, эта душа, способная чувствовать чужое горе на землѣ, чужую боль сердца и обращенную къ небу чу-

жую молитву, неспособна почувствовать поруганіе на землѣ себя самой, поруганіе своей чести, которою дорожатъ и святѣйшіе люди, какъ и преславленіе своего имени, въ которомъ славится имя Божіе? Трудно представить, какъ чувствуютъ небожители. Это должно быть чувство какого-то невыразимаго и неощутимаго для насъ небеснаго спокойствія, но никакъ не равнодушія и не безразличія. Евангельскій богачъ въ аду страдаетъ; но и Авраамъ въ раю чувствуетъ извѣстнаго рода жалость къ чужому страданію. Вѣроятно, и къ страданію своей чести на землѣ небожители чувствуютъ нѣчто подобное: не безразличіе, никакъ, а жалость во-первыхъ къ виновникамъ хуленій, а затѣмъ жалость и къ роковому сцѣпленію условій земной жизни, по которому приходится страдать и невиннымъ. Но страданіе на землѣ невинности, перенесшейся на небо, безъ сомнѣнія, только увеличиваетъ честь ея въ небѣ; только преукрашаетъ вѣнецъ правды, который уготовляется очищенной отъ всего нечистаго праведности на день онъ, на день страшнаго суда по слову самаго Христа: *претерпѣвый до конца той спасенъ будетъ*. Аминь.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
11	9	пріемной	премірной
34	8	благопроповѣдникахъ	богопроповѣдникахъ
77	13	не уважается	не уважается
79	32	чучшее	лучшее
94	1	въ Сынъ	въ Сына
102	1	Вааламъ	Вааломъ
116	23	легко	легло
121	13	входяхъ	входятъ
126	1	отдалить	отдались
135	21	призванныхъ	признанныхъ
166	18	по мелочи	до мелочи
232	19	разшенія	разрушенія
287	18	сѣтшалъ	сѣтшалъ
330	20	не мигая	не мигая
331	10	знаменитѣйшаго	знаменитѣйшими
334	9	дровнимъ	древнимъ
364	11	равностно	ревностно
374	2	сознахся	сознахся
424	8	безпріютно	безпріютно
•	11	ичрежденіи	учрежденіи
452	24	ага	ига
462	8	Богн	Бога
475	17	неменьѣ	не менѣе

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

1848

7410

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА